

V

Acta Slavica Estonica

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

ПАМЯТИ МИХАИЛА
АЛЕКСЕЕВИЧА ШЕЛЯКИНА

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

ACTA SLAVICA ESTONICA V

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI.

Антропоцентризм в языке и речи.

Тарту, 2014

Михаил Алексеевич Шелякин
29 мая 2009 г., Тарту
Фото
О. Н. Паликовой

Тартуский университет
Отделение славянской филологии
Кафедра русского языка

ACTA SLAVICA ESTONICA V

Труды по русской и славянской филологии

Лингвистика

XVI

Антропоцентризм в языке и речи
Памяти Михаила Алексеевича Шелякина

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2014. 368 стр.

Международная редколлегия серии „Acta Slavica Estonica”:

И. Абисогомян (Эстония), Д. Бетеа (США), А. Дуличенко (Эстония),
Л. Киселева (Эстония), Е.-К. Костанди (Эстония), И. Кюльмоя (Эстония),
А. Лавров (Россия), Микаэл Мозер (Австрия), В. Мокиенко (Россия),
А. Мустайоки (Финляндия), Т. Степанищева (Эстония), В. Храковский (Россия)

Международная редколлегия тома:

М. Дымарский (Россия), С. Евстратова (Эстония), Е.-К. Костанди (Эстония),
И. Кюльмоя (Эстония) — председатель редколлегии, Н. Онипенко (Россия)
О. Паликова (Эстония), А. Штейнгольд (Эстония), В. Щаднева (Эстония)

Все статьи настоящего тома прошли предварительное рецензирование

Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise

All manuscripts were peer reviewed

Ответственный редактор: И. Кюльмоя

Перевод резюме: И. Кюльмоя, В. Тубин

Технический редактор: В. Тубин

Редактирование эстонских резюме: У. Отсус

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Издательского совета
Тартуского университета, гранта ЭНФ 9300, гранта государственных
программ Эстонии 14299 и гранта базового финансирования
Тартуского университета 12912.*

© Статьи: авторы, 2014

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2014

ISSN 2228-2335 (print)

ISBN 978-9949-32-735-5 (print)

ISSN 2228-3404 (pdf)

ISBN 978-9949-32-736-2 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета

www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ирина Павловна Кюльмоя (<i>Тарту</i>) Человек и язык. Памяти Михаила Алексеевича Шелякина	9
Ольга Геннадьевна Ровнова (<i>Москва</i>) Вопросы аспектологии в Ученых записках Тартуского университета	22
I. Антропоцентризм в словообразовании и грамматике	
Наталья Георгиевна Брагина (<i>Москва</i>) Заемствования на <i>-ировать</i> в русском языке	33
Елена Викторовна Горбова (<i>Санкт-Петербург</i>) От антонимии до синонимии СВ и НСВ русского глагола (на материале лингвистического эксперимента)	45
Сергей Юрьевич Иванов (<i>Санкт-Петербург</i>) Употребление вида в русских перформативах	58
Елена Евгеньевна Королева (<i>Даугавпилс</i>) Нелексическое <i>быть</i> в говорах староверов Латгалии	71
Елизавета Илмаровна Костанди (<i>Тарту</i>) Прагматика подчинительных словосочетаний в современных дискурсивных практиках	84
Елена Эдуардовна Пчелинцева (<i>Черкассы</i>) Категория способа глагольного действия и русское отглагольное имя	98
Валентина Петровна Щаднева (<i>Тарту</i>) Синтаксические фразеологизмы с инициальным «ГДЕ» как проявление языкового антропоцентризма	111
II. Антропоцентризм лексической системы и фразеологии	
Андрей Андреевич Горбов (<i>Санкт-Петербург</i>) Заемствования в русском языке рубежа XX–XXI веков: дань моде или способ концептуализации актуальных понятий?	127

Сергей Юрьевич Дмитренко, Виктор Самуилович Храковский (Санкт-Петербург) Глаголы, обозначающие нестандартные положения тела человека и переходы в это положение (распределение финитных и нефинитных форм по данным Национального корпуса русского языка)	141
Людмила Владимировна Зубова (Санкт-Петербург) Как русский язык различает <i>людей</i> и <i>человеков</i>	155
Оксана Сергеевна Иссерс (Омск) «Ключевые слова текущего момента» в дискурсе о гражданском обществе	168
Елена Николаевна Ремчукова (Москва), Светлана Борисовна Евстратова (Тарту) Актуализация национально-культурных компонентов в русскоязычной прессе Эстонии	182
Татьяна Александровна Стойкова (Вентспилс) К вопросу об антропоцентризме художественной речи: эстетическая функция словесных образов <i>солнце, луна, звезда</i> в прозе М. Булгакова и С. Кржижановского	193
Игорь Алексеевич Шаронов (Москва) Неявные дискурсивные свойства русских коммуникативов	206
Анжелика Вадимовна Штейнгольд (Тарту) Народные представления о чужаках, невеждах и глупцах в зеркале паремий типа <i>В лесу родились, пням молились</i>	214
III. Учет антропоцентризма языка в контрастивных исследованиях, переводе и преподавании иностранных языков	
Елена Михайловна Вельман-Омелина (Тарту) Отражение особенностей современного официально-делового общения в эстонско-русских переводных текстах	231
Любовь Сергеевна Головина (Псков) Функциональные и лингвокультурологические аспекты вариантности онимов (на материале учебников русского языка как иностранного)	242

Светлана Маратовна Евграфова (Москва) Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему	248
Елена Михайловна Коницкая (Вильнюс) Словенский язык в русскоязычной аудитории: лексический параллелизм как источник интерференции	261
Анатолий Михайлович Кузнецов (Даугавпилс) Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Марииинского евангелия	273
Наталья Викторовна Мальцева - Замятова, Ирина Михайловна Моисеенко (Таллинн) Особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии	285
Райли Поол, Хелле Метсланг (Тарту) Языковые средства описания предстоящих событий в работах русских студентов на эстонском языке	297
Дарья Николаевна Сатюкова (Санкт-Петербург) Ошибки в выборе падежных форм имен существительных в речи носителей русского языка как проявление черт субъективности	312
Галина Стефановна Сырица (Даугавпилс) Эталонные сравнения, характеризующие человека, в аспекте сопоставления	324
Указатель имен	333
Kokkuvõtted	343
Summary and Contents	365

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК

И. П. КЮЛЬМОЯ

Памяти Михаила Алексеевича Шелякина
(19.12.1927–20.09.2011)

«Язык и человек» — так называлась вышедшая в 2002 г. в Тарту монография¹ эмеритус-профессора Тартуского университета Михаила Алексеевича Шелякина. Эта тема наряду с некоторыми другими особенно интересовала Михаила Алексеевича в последнее десятилетие его жизни, поэтому сборник статей памяти Учителя было решено посвятить проявлению антропоцентризма на разных уровнях языка и в речи.

Свой путь в науке М. А. Шелякин начал с работы над языком и стилем писателя, своего земляка — И. С. Тургенева. Кандидатская диссертация Михаила Алексеевича «Работа И. С. Тургенева над языком «Записок охотника» была защищена в 1954 г. Кроме глубокого анализа языка произведения, достижением аспиранта МГУ была еще и находка считавшегося утраченным цензурного экземпляра рукописи «Записок охотника». Это позволило по-новому интерпретировать изменения, сделанные писателем в рукописи.

В 1954–1959 гг. М. А. Шелякин работает в Таллинском педагогическом институте, публикует несколько работ по истории русского языка. Его труд «Полногласные и неполногласные формы в современном русском языке» (1958) не утратил значения и в наши дни. Затем семья переезжает в Новосибирск, где Михаил Алексеевич заведует кафедрой русского языка в педагогическом институте. Уже в 1960-е годы тематика его трудов меняется, он начинает уделять много внимания грамматике

¹ Шелякин М. А. *Язык и человек. (К проблеме мотивированности языковой системы)*. — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII*. Под ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2002. 280 с.

современного русского языка. С 1966 по 1971 г. он работает в качестве приглашенного доцента в Потсдамской высшей педагогической школе, здесь вместе с Х. Шлегелем в 1970 г. он пишет книгу «Der Gebrauch des russischen Verbalaspekts. Teil I. Theoretische Grundlagen» об употреблении вида глагола в русском языке. В Потсдаме же М. А. Шелякин работает и над своей докторской диссертацией «Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности)», которая базируется на трудах ученых, ставших создателями ленинградской аспектологической школы, прежде всего Ю. С. Маслова. Диссертация, успешно защищенная в 1973 г., в которой представлено детальное, логически обоснованное описание способов глагольного действия, вошла в число основополагающих трудов ленинградской аспектологической школы и петербургской школы функциональной грамматики. Она сохраняет свое значение и для современной аспектологии. Позднее на ее основе готовится ставший классическим труд «Категория вида и способы действия русского глагола» (Таллин, 1983), дополненное и переработанное издание которого под названием «Категория аспектуальности русского глагола» издается в 2007 г. в Москве к юбилею ученого.

С 1975 по 1993 год Михаил Алексеевич заведует кафедрой русского языка Тартуского университета. Он не раз говорил, что в Тарту ему хорошо работается. Это действительно подтверждается целым рядом созданных им здесь трудов, многие из которых стали широко известны в русистике: например, статья «О семантике и употреблении неопределенных местоимений» (1978), впоследствии ставшая частью книги «Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление)» (1986), в которой убедительно доказывается правомерность выделения местоимений как самостоятельной части речи, уточняется их традиционная классификация и описываются их основные функции; учебное пособие «Морфология современного русского языка. Введение в морфологию. Имя существительное. Числительное» (1989), во вводной части которого рассматриваются такие важные проблемы грамматической теории, как системная организация морфологических категорий, их классификация, структура и др. В 1993 г. в Москве выходит «Справочник по русской грамматике» (для изучающих русский язык как иностранный), который за 20 лет выдержал множество переизданий. В переработанном виде с учетом потребностей изучения русского языка как родного он был издан в 2002 г. в Таллине.

Уже в этих трудах М. А. Шелякин начинает разрабатывать функциональное направление в грамматике. Интерес не столько к форме языковых единиц, сколько к их функциям, объяснительный подход отличают все его исследования тартуского периода. Изучение проблем функциональной грамматики стало причиной тесных научных контактов с Институтом лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. М. А. Шелякин участвует в создании фундаментального шеститомного исследования «Теория функциональной грамматики». Став в 1993 г. эмеритус-профессором, Михаил Алексеевич не только не прекращает научной деятельности, наоборот, он активно и плодотворно работает, участвует в конференциях, читает спецкурсы в Тарту и за рубежом. Из печати выходит целый ряд его монографий и справочных изданий: «Функциональная грамматика русского языка» (2001), написанная в несколько ином ключе, чем разделы в «Теории функциональной грамматики» — с учетом подхода *от формы к функции*; «Русский инфинитив (морфология и функции)» (2006), «Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка» (2009), «Очерки по прагматике русского языка» (2010) и др.

За 18 лет заведования кафедрой русского языка профессор М. А. Шелякин сделал очень многое для ее развития: стали регулярно издаваться ученые записки, появилась новая серия трудов «Вопросы русской аспектологии» (1977–1982), быстро ставшая популярной не только среди русистов. Повысился и научный уровень выходившей с 1950-х годов серии «Трудов по русской и славянской филологии. Лингвистика». После длительного перерыва возобновился прием в очную аспирантуру при кафедре. Благодаря высокому научному авторитету Михаила Алексеевича появились новые контакты с исследователями из разных стран. Все это стало прочной основой для дальнейшего развития кафедры и исследований по русистике в Тарту.

Михаил Алексеевич, даже став известным ученым, видным лингвистом, удивительным образом сочетал в себе опыт зрелого ученого и открытость новому, присущую начинающим исследователям. Ему были интересны идеи учеников и коллег, которым он всегда помогал советом, читал их статьи до публикации, дарил идеи. Он любил «проверять» свои идеи и находки на нас, учениках и коллегах, и при этом прислушивался к высказываемым соображениям, часто учитывал их, мог изменить свою точку зрения, никогда не подавлял своим авторитетом. Живой интерес к науке он сохранил до самого последнего дня своей жизни. Михаил Алексеевич ушел от нас 20 сентября, наш последний совместный доклад прозвучал на аспектологической конференции в Падуе 4 октября 2011 г.

Статьи настоящего сборника так или иначе связаны с проблематикой антропоцентризма языкового знака или его реализации в речи, продолжают, развивают или затрагивают темы, разработывавшиеся в трудах М. А. Шелякина последнего десятилетия его творчества, лишь одна из статей посвящена более раннему периоду научной биографии Шелякина. Это статья **О. Г. Ровновой** о вопросах аспектологии в трудах Тартуского университета, в основе которой лежит доклад, прочитанный ею 12 октября 2002 г. на международной конференции «200 лет русско-славянской филологии в Тарту». Среди слушателей был и М. А. Шелякин. Автор обращается к истории аспектологической науки — к тому ее периоду с 1977 по 1982 г., когда в ученых записках Тартуского университета выходили тематические выпуски под названием «Вопросы русской аспектологии». Инициатором этого издания и ответственным редактором всех выпусков был профессор Шелякин. Характеризуя принципы отбора статей, круг поставленных, обсуждаемых и решаемых в них аспектологических проблем, автор подчеркивает стратегичность мышления Михаила Алексеевича как ученого и организатора науки.

Остальные статьи сборника с известной долей условности распределены по трем разделам: антропоцентризм в словообразовании и грамматике, антропоцентризм лексической системы и фразеологии и учет антропоцентризма языка в контрастивных исследованиях, переводе и преподавании иностранных языков.

Первый раздел — **антропоцентризм в словообразовании и грамматике** — открывается статьей **Н. Г. Брагиной**, посвященной заимствованиям на *-ировать* в русском языке, которые образуют гомогенную, регулярно пополняющуюся группу. Суффикс *-ировать* русифицирует заимствования из разных европейских языков, это длинные слова, «утяжеляющие» текст. На этапе адаптации новое заимствование благодаря интернету получает быструю письменную фиксацию. Новые глаголы на *-ировать*, особенно префиксальные, сохраняют единую форму для двух видов, но у ряда новых заимствований возникает тенденция к утрате двойного вида. Такие заимствования употребляются в текстах, относящихся к компьютерным и инновационным технологиям, а также в философских и общегуманитарных текстах. Появление некоторых из них (*тематизировать*, *позиционировать*) не связано с наличием семантических лакун в русском языке, точнее говорить о социокультурных лакунах, имеющих отношение к современности, моде, актуальности, престижности. При описании этих глаголов, по мнению автора, целесообразно указывать социо-

культурные характеристики, что помогает интерпретировать стратегии говорящего.

Статья **Е. В. Горбовой** «От антонимии до синонимии СВ и НСВ русского глагола» базируется на психолингвистическом эксперименте, в ходе которого информантам-носителям русского языка было предложено выбрать из данного ряда приемлемую в контексте видо-временную форму глагола. Анализ полученных результатов выявил два полюса: полной предсказуемости видо-временной характеристики глагольной формы и ее максимальной аспектуальной вариативности. Автор анализирует обусловленность выбора видо-временной формы эксплицитным контекстом и реализуемыми стратегиями взаимодействия граммы и контекста. Говорящий, использующий систему языка, обнаруживает способность реализовать все заложенные в ней возможности, применяя как работающую на избыточность и создание запаса прочности при передаче информации партнерскую стратегию, так и блокирующую стратегию, реализующую тенденцию к экономии кода. В этом проявляется творческое отношение человека к используемому языку.

Употребление вида в русских перформативах является предметом рассмотрения **С. Ю. Иванова**. Автор предлагает новое решение вопроса о видо-временном значении перформативного глагола, рассматривая все многообразие форм перформативного предиката в виде поля средств выражения перформативности. Центром поля является каноническая форма 1 л. ед.ч. настоящего времени, периферией — остальные формы. Модально-временная периферия перформативности (*Я попрошу, Я попросил бы, Я хочу попросить* и т. д.) как полноправный выразитель данного явления демонстрирует преобладание СВ в выражении перформативного значения. На фоне громадного большинства глаголов СВ в периферийных случаях каноническая форма наст.вр. НСВ выглядит в плане вида не правилом, а исключением, тогда как СВ выступает как основной для перформативной функции. НСВ употребляется при вынуждающем обстоятельстве — форме настоящего времени. За пределами настоящего времени нейтральный СВ восстанавливается.

Е. Е. Королева, автор статьи «Нелексическое *быть* в говорах староверов Латгалии», анализирует делексикализированный глагол *быть*, зафиксированный ею в речи староверов старшего поколения на всей территории Латгалии и в пыталовском говоре. Носители диалекта используют этот глагол в конце однородного ряда глаголов, который может оформляться интонационно или при помощи сочинительных союзов *и, да, или, и...и*. Глагол *быть* полностью повторяет форму однородных знаменательных глаголов

и встречается во всех временных формах, а также возвратных, императивных, причастных и деепричастных формах. В позиции после приставочных полнозначных глаголов *быть* также присоединяет приставку. Автор отмечает более 200 случаев такого употребления глагола *быть*, который в однородных рядах выполняет анафорическую, эмфатическую и экспрессивную функцию, выделяя главное слово во фразе, становясь единицей, организующей текст.

В статье **Е. И. Костанди** внимание сосредоточено на системно не изученном аспекте синтаксических связей в современных дискурсивных практиках — прагматическом. Рассматриваются наименее описанные в прагматическом аспекте подчинительные связи слов, в которых в меньшей мере представлен прагматический компонент. Один из способов его обнаружения — анализ вариативности подчинительных словосочетаний, то есть синонимичных словосочетаний, различающихся характером синтаксической связи. Анализируются подчинительные словосочетания в таких современных дискурсивных практиках, как информационно-рекламные издания торговых сетей и тексты меню. Сопоставление текстов на русском языке, функционирующих в разных странах постсоветского пространства, показало, что наиболее регулярно употребляемые типы словосочетаний соотносятся как с характером дискурса, частными коммуникативно-прагматическими факторами, так и со спецификой языковой ситуации в стране или регионе.

Исследование **Е. Э. Пчелинцевой** «Категория способа глагольного действия и русское отглагольное имя» предлагает ответ на вопрос, почему невозможно регулярное образование отглагольных имен действия и каковы границы их аспектуального потенциала. Показано, какие результаты дает применение классификации глагольных способов действия М. А. Шелякина к изучению особенностей русских отглагольных имен. Продемонстрирована особая роль типа предела глагольного действия в процессе субстантивации. Сплошной количественный анализ девербатов от глаголов определенных способов действия в сопоставлении с соответствующими глагольными группировками обнаружил словообразовательные лакуны и объединяющий их семантический признак. Выявлена связь ограничений в образовании девербатов с глаголами со значением количественно-временного предела.

Объектом исследования **В. П. Щадневой** являются фразеологические синтаксические конструкции с облигаторной инициальной частицей *ГДЕ*, которые имеют модальное значение невозможности действия и его отрицания. Модальная семантика может дополняться прагматическими смыс-

лами: сомнения, неодобрения, недовольства, несогласия, оттенком иронии, насмешки. Такие предложения являются прямым отражением антропоцентрического принципа организации языка и речи. В статье дается перечень схем регулярных речевых реализаций с указанием факультативных усилителей, приводятся языковые иллюстрации речевых вариантов. Будучи построены на базе инфинитива, субъективно-оценочные фразеологизмы оказываются носителями вневременного значения и обобщают ситуацию, но в дискурсе обладают временной направленностью.

Вторую часть сборника — **Антропоцентризм лексической системы и фразеологии** — начинает статья **А. А. Горбова** о заимствованиях в русском языке рубежа XX–XXI веков, обсуждается проблема целесообразности заимствования иноязычной лексики. Анализируются слова *презентация*, *эксклюзивный* и *топ-модель*, часто приводимые как примеры, подтверждающие гипотезу «престижности» заимствованного слова. Однако анализ не подтверждает это предположение и приводит к выводу о том, что между значениями иноязычных неологизмов и ближайших по значению исконных слов обнаруживаются расхождения денотативного характера. Причиной заимствования является отсутствие в русском языке однословных наименований для социально релевантных объектов и явлений при наличии их в языке-источнике. «Престижность» иноязычных неологизмов является вторичным эффектом и связана с новыми для носителей русского языка ценностными ориентирами. Новые заимствования необходимы для концептуализации понятий, важных для социума.

С. Ю. Дмитренко и В. С. Храковский анализируют семантику и функционирование тематического класса русских глаголов, обозначающих нестандартные положения тела человека в пространстве (лексемы типа *нагнуться*, *перегнуться*, *опереться*, *облокотиться* и др.). Анализ проводился на материале Национального корпуса русского языка. Сопоставляется распределение финитных и нефинитных видовых форм лексем *нагнуться* / *нагибаться* и *облокотиться* / *облокачиваться*, описывается семантика этих форм. Набор семантических ролей, которые задействованы в толкованиях лексем этих подклассов, частично не совпадает, следовательно, не совпадают и их актантные рамки. Общая черта в распределении в текстах форм обеих лексем заключается в значительном превышении употребления форм СВ над формами НСВ.

А. В. Зубова рассматривает динамический аспект различения форм множественного числа *люди* и *человеки* в современном русском языке на фоне историко-языковых фактов. Языковая рефлексия в сетевом общении, а также употребление этих форм в современной поэзии показывают,

что и супплетивизм, и стилистическая маркированность формы *человеки* неустойчивы. И бытовая, и художественная речь свидетельствуют о востребованности полной парадигмы слова *человек* без супплетивизма. Ненормативное образование *человеки* (независимо от того, форма ли это или самостоятельная лексема) следует признать узуальным или, по крайней мере, относящимся к стилистической норме. Поэтические тексты нередко показывают невозможность замены формы *человеки* формой *люди*. В некоторых контекстах форма отчетливо лексикализована, так как выполняет не стилистическую, а номинативную функцию: *Людей много, а человек мало*.

Статья **О. С. Иссерс** посвящена анализу современного дискурса о гражданском обществе в России. Автор преследует цель изучить дискурс о гражданском обществе через базовое понятие (*гражданское общество*), «ключевые слова текущего момента» и конкурирующие номинации. Материалом исследования стали публикации в СМИ и примеры из современной российской блогосферы. В результате анализа блогов, в которых обсуждается понятие «гражданское общество», делается вывод о том, что гражданское общество в России находится на начальном этапе формирования, зависит от вмешательства властных и бизнес-элит, нестабильно и слабо прогнозируемо. Автор считает, что выбор номинации и обсуждение этого выбора являются показателями конкурирующих интерпретаций, или «борьбы дискурсов». Это свидетельствует о том, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе.

Объектом анализа в статье **Е. Н. Ремчуковой и С. Б. Евстратовой** являются культуремы (фразеологизмы и прецедентные тексты) в русскоязычных СМИ Эстонии, оцениваемые также в аспекте перевода, степень адекватности которого является серьезной проблемой для изданий, выходящих на двух языках — эстонском и русском. Проведенный анализ показал, что в условиях характерного для профессии журналиста дефицита времени стремление к усилению информативной составляющей заставляет переводчика пренебрегать национально-культурными компонентами заголовка. В то же время в непереводаемой эстонской прессе, как и в русской, достаточно активно используются языковые средства, оттеняющие экспрессивную функцию заголовков.

Т. А. Стойкова проводит сопоставительное исследование эстетической функции словесных образов небесных светил — *солнце, луна, звезда* — в произведениях русских классиков-современников: М. Булгакова (роман «Мастер и Маргарита») и С. Кржижановского (циклы «Сказки для вундеркиндов» и «Чужая тема»). В том, какое место занимают эти словесные

образы в авторской картине мира, проявляется антропоцентризм художественной речи. Различия в «наборе» обобщённо-символических значений словесных образов *солнце, луна, звезда*, которые развиваются в контексте художественных произведений М. Булгакова и С. Кржижановского (то есть в их эстетической реализации), отражают своеобразие авторских картин мира.

И. А. Шаронов рассматривает некоторые особенности аграмматичных и десемантизированных стереотипных высказываний, ответных реплик диалога, т. н. коммуникативов. Эти единицы несут информацию о говорящем лице — его мнении о только что услышанном, эмоциональном состоянии, отношении к предмету речи и собеседнику. Анализируются коммуникативы, состоящие из служебных слов с одним центральным компонентом, который несет фразовое ударение: *Ну да; Да ну; Да уж; Да нет, Ну так, Так-то вот, Ишь ты* и т.д. Они образуют группы единиц, формируемые по центральному элементу, окруженному факультативными элементами, модифицирующими то или иное значение коммуникатива. Выбор коммуникатива зависит, в частности, от типа стимулирующей реплики собеседника и выраженных в ней представлений, предположений, оценок предмета обсуждения.

Статья **А. В. Штейнгольда** посвящена разностороннему этимологическому описанию комплекса паремий типа *В лесу родились, пням молились*. Эти близкие по форме и содержанию пословично-поговорочные единицы выражают ироническое и негативное отношение к глупым, невежественным людям, но, кроме того, и к представителям других этносов и культур. В статье показано, как язык передает представление человека о сакральном и профанном, ценном и лишенном ценности, заслуживающем уважения и осмеиваемом обществом. По мнению автора, при глубоком проникновении в устройство, семантику и денотативную сторону паремий можно понять характер взаимодействия языка и сознания, те механизмы, благодаря которым язык аккумулирует освоенные человеческим опытом и закрепленные коллективным сознанием представления о мире.

Третья часть книги посвящена тому, как учитывается **антропоцентризм языка в контрастивных исследованиях, переводе и преподавании иностранных языков**, то есть в прикладных исследованиях и практической деятельности, связанной с языком.

Е. М. Вельман-Омелина, рассматривая отражение особенностей современного официально-делового общения в эстонско-русских переводных текстах, отмечает, что переводческая деятельность представляет

особый интерес в аспекте проблемы «человек и его язык». В статье указываются способы выражения субъекта, заложенные в системе языка и реализуемые с учетом норм официально-делового стиля. Особое внимание уделено изменениям в данной сфере общения и роли переводчика в решении проблем, связанных с языковой динамикой. Хотя официально-деловой стиль достаточно консервативен, в эпоху электронизации делового общения он также подвержен изменениям. В современном деловом общении языковые нововведения в русском языке в России и русском языке в Эстонии лексически могут не совпадать. Наблюдающиеся отличия региональных вариантов в номинациях новых явлений в жизни социума означают отсутствие точных переводческих соответствий, что способствует субъективизму переводчика.

В статье **А. С. Головиной** рассматривается вариативный потенциал ономастического материала современных учебников русского языка как иностранного. Как правило, авторы учебников приводят официальные именованья, которые в условиях повседневной жизни используются людьми намного реже, чем соответствующий разговорный вариант. Преодолеть «коммуникативный дискомфорт» в ситуациях общения с носителями языка иностранным учащимся поможет освоение функциональных вариантов имени собственного. Как один из вариантов рассмотрен опыт разработки лексикографического комментария к ономастическому материалу учебников РКИ. Данный подход позволит познакомить иностранного реципиента с возможными вариантами онима, с функциональными и стилевыми особенностями его употребления, а также с их культурной составляющей: ассоциациями, национальным значением, употреблением в устойчивых выражениях, фольклоре и современном искусстве.

С. М. Евграфова посвятила свою статью феномену естественной письменной речи и его влиянию на языковую систему. Автор считает, что цивилизационные и образовательные изменения привели к тому, что сейчас люди не создают тексты на литературном языке, а записывают пришедшие в голову мысли хаотично, пользуясь естественной письменной речью и частично имитируя чужие тексты. Определив денотативную структуру ситуации, говорящий не всегда точно выбирает лексему из поля, связанного с нужным денотатом. Такое поле состоит из ситуативно смежных, семантически смежных и / или сходных, тематически близких и фонетически близких единиц. На выбор влияет также престижность, «модность» слова. Неточности в выборе слова во многом обусловлены способами освоения родного языка. Освоение слов «только через речь» должно корректироваться в процессе обучения. Для перехода от естественной

письменной речи к литературному языку нужны специальные техники развития речи, выработка умения дифференцировать сходные понятия. Именно эти техники, требующие не воспроизводства шаблонов, а рефлексии и творчества, должны прийти в современное обучение.

Е. М. Коницкая, говоря о преподавании словенского языка русским студентам, рассматривает лексический параллелизм в двух языках как источник интерференции, которая в случае родственных языков имеет свои особенности. В частности, это проявляется в большом количестве лексических параллелей — совпадающих или похожих по форме, но различающихся по значению слов. Исследование проводится исходя из теории речевой коммуникации, с учетом двусторонности коммуникативного процесса: интерференция при речевосприятии и при речепроизводстве рассматривается отдельно. Анализ показал, что при восприятии словенской речи ошибочный перенос вызван в первую очередь русско-словенскими лексическими параллелями, относящимися к одной лексико-семантической области. Знание лексических параллелей предупреждает студентов о возможности коммуникативных проблем в случае отождествления разных языковых кодов.

А. М. Кузнецов проводит сопоставление славянских форм перфекта в Мариинском евангелии с формами перфекта, настоящего времени и аориста в греческом тексте, привлекаются также английский и латышский переводы, так как в этих языках перфектные формы являются живой категорией. В славянском тексте часто формы перфекта и аориста взаимозаменяемы, то есть они обладали одним и тем же набором значений. Материал позволяет прийти к выводу, что старославянский перфект не имел специального результативного значения (по Ю. С. Маслову) и не передавал особых книжных значений трансцендентного содержания (по Б. Гаспарову). Права И. К. Бунина, которая определила перфект как относительное преднастоящее время. Нерегулярность форм перфекта в евангельских текстах говорит о том, что это новое образование в парадигме времен славянского глагола, которое только начинает вытеснять формы аориста в прямой речи.

Н. В. Мальцева-Замковая и И. М. Моисеенко анализируют особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии. Авторы видят причину ошибок в низком уровне индивидуальной языковой компетенции. Кроме того, эти ошибки свидетельствуют о недостаточном уровне развития вербально-семантической и когнитивной составляющей языковой личности. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в речи русскоязычных гимназистов Эстонии

в основном проявляются те же тенденции, что и в речи их сверстников в России. Не столь значительное влияние оказывает контактирование с государственным (эстонским) языком. И совсем единичные и спорные с точки зрения причины их возникновения языковые употребления можно объяснить влиянием английского языка.

В статье **Р. Поол и Х. Метсланг** анализируются языковые средства выражения будущего времени в текстах русских студентов на эстонском языке. В эстонском языке нет морфологической формы будущего времени, однако имеется целый ряд средств, позволяющих выразить это значение. Употребление этих средств рассматривается на материале письменных работ 47 студентов, владеющих эстонским языком на уровне В2. Из всех возможных средств выражения будущего студенты не выбирали очень многие грамматические средства. Реже, чем ожидалось, были употреблены конструкции с начинательным глаголом. Основным средством при описании предстоящих событий была форма настоящего времени индикатива. В сочинениях студентов на первый план выходят еще конструкции с различными модальными глаголами и употребление форм сослагательного наклонения. В статье дается также краткий обзор того, как дано описание средств выражения действия в будущем в различных учебных пособиях по эстонскому языку для взрослых.

Д. Н. Сатюкова анализирует ошибки в выборе падежных форм имен существительных в речи носителей русского языка как проявление черт субъективности. В качестве материала используются два опубликованных корпуса разговорной речи — «Русская разговорная речь» и «Рассказы о сновидениях», которые могут рассматриваться как отражение старшей и младшей норм в системе языка. Автор считает, что ошибки свидетельствуют о более сложных процессах в языке, чем просто незнание правил грамматики. Делается попытка выстроить классификацию наиболее частотных ошибок, а также определить причины сбоев, приводящих к неверному оформлению падежной формы имени. Отдельную группу представляют случаи замены косвенного падежа именительным, а также взаимная мена родительного и предложного падежей во мн. ч. Показательно повторение некоторых ошибок в речи одних и тех же рассказчиков. Это позволяет говорить о существовании определенной склонности у говорящих к совершению тех или иных ошибок и дает возможность интерпретировать последние как проявление индивидуальных черт субъективности в языке.

В работе **Г. С. Сырицы** рассмотрены адъективные эталонные сравнения, характеризующие человека, с компонентом *как* в русском, латышском,

польском и немецком языках. Выявлены и описаны две группы эталонных сравнений: а) прилагательные, характеризующие как предметный мир, так и человека, б) прилагательные, характеризующие только человека. Сопоставительное исследование позволило выявить универсальные и культурно-специфичные эталонные знаки. Большая степень универсальности эталонных знаков наблюдается в первой группе. Эталонные сравнения второй группы отличаются большей образностью, самобытностью, преобладающим в них является оценочный компонент, эталонное значение в них является вторичным. В широком круге эталонных знаков отразилась специфика природных и культурных реалий каждого языка, особенности мировидения, в том числе в известной степени определенные профессиональной средой. Эталонные сравнения, характеризующие человека, во всех рассматриваемых языках преимущественно используются для создания негативно-оценочных коннотаций.

Таким образом, в статьях рассматриваются разные аспекты соотносительности *языка и человека*, что в целом характерно для современного языкознания. Проявление антропоцентризма в языке и речи разнообразно, многие его стороны не только не описаны, но, очевидно, и не обозначены. Хочется надеяться, что наш сборник будет интересен исследователям субъективного аспекта языка и речи и внесет свой вклад в эту область лингвистики, став тем самым достойным памяти М. А. Шелякина.

ВОПРОСЫ АСПЕКТОЛОГИИ В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

О. Г. РОВНОВА

В 2002 году Тартуский университет отмечал двойной юбилей: 370-летие основания в 1632 г. и 200-летие вторичного открытия в 1802 г. В октябре того юбилейного года состоялась международная конференция «200 лет русско-славянской филологии в Тарту», тема которой стала для ее участников замечательным поводом оглянуться в прошлое лингвистической науки — отдаленное или недавнее — и лучше понять истоки и путь развития современной русско-славянской филологии, с благодарностью вспомнить имена ученых, без которых наше научное знание было бы неполным. На конференции я прочла доклад об истории тартуской аспектологии, его слушателем был и Михаил Алексеевич Шелякин. Думается, что статья на эту тему будет уместна в сборнике, посвященном его памяти.

Я обращаюсь к относительно недавнему прошлому — к периоду с 1975 по 1982 год, когда в «Ученых записках Тартуского университета» выходили тематические выпуски под названием «Вопросы русской аспектологии» [Вопросы 1975, 1977, 1978, 1979, 1980, 1982]. В формировании научных взглядов грамматистов моего поколения, обратившихся к изучению аспектологической проблематики в 1980-е годы, эти сборники сыграли важнейшую роль, также как и профессиональные и дружеские контакты с сотрудниками кафедры русского языка и профессором Шелякиным — главой тартуской аспектологии.

Сразу оговорюсь, что аспектологическая проблематика в тартуской русистике не исчерпывается названными хронологическими рамками, они гораздо, гораздо шире. Так, начало изучения глагольного вида связано с сороковыми — пятидесятыми годами XIX века и работами учителей немецкой Дерптской губернской гимназии И. М. Николыча и Ф. Невдачина, о чем говорили в своих выступлениях на конференции А. Д. Дуличенко

и И. П. Кюльмоя [Дуличенко 2003: 34–35; Кюльмоя 2003: 172–173]. Аспектологическая проблематика не исчерпывается также ни названным изданием, ни географическими границами, поскольку работы тартуских аспектологов публиковались и публикуются далеко за пределами Тарту и у тартуской аспектологии есть единомышленники и последователи в разных странах и городах. И все же...

Хорошо известно, что история советской и российской лингвистики во второй половине XX века характеризуется активным изучением глагольного вида и оформлением аспектологии в самостоятельное научное направление. Это уникальный в науке случай, когда изучение отдельной грамматической категории оформляется в отдельную лингвистическую дисциплину. В 1947 году академик В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык» писал следующее: «Теория видов русского глагола — один из наиболее трудных, спорных и не разработанных отделов русской грамматики» [Виноградов 1947: 477]. В 1948 году в «Известиях отделения литературы и языка АН СССР» публикуется знаменитая статья Юрия Сергеевича Маслова «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке». Эта статья дала мощный импульс к разработке видовой проблематики и становлению в отечественном языкознании аспектологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Оглядываясь назад, можно сказать, что аспектология в XX веке развивалась волнообразно, когда после бурных всплесков наступали периоды относительного затишья. Ее история еще не написана. Но если бы была создана история русской аспектологии, то, по моему глубокому убеждению, самым блестящим ее периодом был бы назван тартуский период — то семилетие, когда в университете издавались сборники «Вопросы русской аспектологии» и некоторые другие, тематически связанные с аспектологической проблематикой. Почему это так, я постараюсь показать.

Инициатором «Вопросов русской аспектологии» и ответственным редактором всех выпусков был профессор М. А. Шелякин. В 1975 году в Воронеже, где он тогда работал, в «Известиях Воронежского государственного педагогического института», выходит первый выпуск. Затем география этих сборников меняется (следующие пять выходят в Тарту: профессор Шелякин начинает работу в Тартуском университете, где возглавляет кафедру русского языка). Однако важно подчеркнуть, что на протяжении всего периода ответственный редактор не меняет п р и н ц и п о в о т б о р а статей для публикации, что обеспечивает содержательное единство всех шести выпусков. Внимательному читателю становится очевидно, что не «принцип авторства» является здесь ведущим. Наряду с такими

известными лингвистами, какими к тому времени являлись Юрий Сергеевич Маслов — признанный классик славянской и русской аспектологии (о нем Михаил Алексеевич однажды сказал: «Маслов — первый настоящий аспектолог, мы все вышли из него»), Александр Владимирович Бондарко, Павел Самойлович Сигалов, Александр Николаевич Тихонов, Виктор Самуилович Храковский, Анатолий Михайлович Ломов, — авторами помещенных в сборниках работ являются и молодые исследователи из разных учебных и научных учреждений, в том числе, конечно, и преподаватели Тартуского университета. В отборе статей для «Вопросов русской аспектологии» осуществляется другой принцип — принцип новизны высказываемых аспектологических идей и актуальности для развития аспектологии содержащейся в статьях проблематики. В подтверждение сказанного приведу несколько примеров.

В выпуске первом публикуется статья *Т. А. Калабуховой* «Употребление вида русского глагола при отрицании в функции актуализации внимания собеседника». Ссылаясь на работы *О. П. Рассудовой*, автор пишет, что в аспектологической литературе анализ употребления видовых форм, учитывающий динамический процесс речевой коммуникации, проводился, однако «использование ... форм вида при отрицании как средства речевого контакта, средства вовлечения собеседника в круг нужных говорящему модальных оценок» при этом не рассматривались [Калабухова 1975: 119]. Предметом рассмотрения в этой статье становятся конструкции типа *ты не поверишь, ты не думай*.

В выпуске втором публикуется статья *С. А. Емельяновой* «Стилистические особенности вариантных форм вида». «В языкознании до сих пор нет ни одной специальной работы, посвященной исследованию стилистических особенностей параллельных форм вида», — констатирует автор [Емельянова 1977: 89] и предпринимает такое исследование. Опираясь на сопоставление данных толковых словарей, на тексты художественной литературы и периодики, на материал разговорной речи, *С. А. Емельянова* показывает, что в зависимости от стилистического своеобразия в современном русском языке выделяются две основные группы вариантных форм вида: 1) стилистически равнозначные варианты и 2) варианты стилистически дифференцированные.

В выпуске четвертом публикуется статья *Б. М. Гаспарова* «О некоторых функциях видовых форм в повествовательном тексте». Он отмечает, что «изучение глагольных категорий на уровне сверхфразовых структур ограничивается пока установлением ряда закономерностей сочетаемости видо-временных форм у частей сложного предложения и у смежных

простых предложений в тексте», и предлагает «поставить вопрос в более общем плане: каковы общие формообразующие функции глагольных категорий, и в частности категории вида, в построении текста на русском языке как единого и связного целого? и какова, в связи с этим, общая "стратегия", которой руководствуется говорящий при употреблении видов в масштабах целого текста?» [Гаспаров 1979: 64–65]. Автор подчеркивает, что задачей его статьи является не столько решение проблемы (поставленная таким образом, она очень объемна и имеет большое количество различных аспектов), сколько ее постановка. В этой статье систематизирован ряд наблюдений над повествовательным текстом и намечены возможности дальнейшего движения в указанном направлении.

Таким образом, научная новизна обсуждаемых авторами проблем, их актуальность для развития аспектологии и обуславливает то обстоятельство, что «Вопросы русской аспектологии» и до настоящего времени не потерялись в огромном количестве аспектологической литературы, что они имеют свое «лицо» и представляют собой важнейший этап в развитии аспектологической науки.

Необходимо назвать еще один признак, чрезвычайно характерный для тартуской аспектологии. Эта аспектология функциональная, ей свойственно пристальное внимание к функционированию вида — в глагольных формах (причастия, деепричастия, инфинитива, наклонения), в синтаксических конструкциях, в текстах. В 1987 году в Ленинграде выходит первый том «Теории функциональной грамматики», которая связана с именем Александра Владимировича Бондарко и ленинградско-петербургской школой аспектологии. Обращу внимание на два обстоятельства: во-первых, на подзаголовок первого тома: «Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» (разрядка моя. — О. Р.). Это значит, что теория функциональной грамматики выросла из теории функциональной аспектологии. Во-вторых, основы этого аспектологического функционализма были заложены и функциональный подход к виду был осуществлен и в работах, опубликованных в «Вопросах русской аспектологии» (недаром А. В. Бондарко пригласил профессора Шелякина написать в первый том большой раздел, посвященный способам действия).

Охарактеризую круг вопросов, поставленных, обсуждаемых и решаемых в опубликованных сборниках. Он чрезвычайно широк, если не сказать исчерпывающ.

Прежде всего, в статьях обсуждаются теоретические проблемы изучения вида — как общие, так и частные. Первый и второй выпуски открываются статьей М. А. Шелякина, которая так и называется «Основ-

ные проблемы современной русской аспектологии». В ней обсуждаются следующие «краеугольные» проблемы аспектологической теории: сущность функционально-семантической категории аспектуальности; инвариантное значение совершенного вида; инвариантное значение несовершенного вида и характер оппозиции видов; сущность категории предельности / неопределенности и ее отношение к категории вида; понятие способов глагольного действия; проблема чистовидовых приставок (предложены критерии выделения перфективных коррелятов). Другая работа М. А. Шелякина называется «О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола» [Шелякин 1980]. В ней обсуждается три вопроса: грамматическое значение настоящего времени; функционально-временное различие между будущим простым и будущим сложным; интерпретация формы настоящего времени в значении будущего.

В сборниках опубликованы несколько статей А. В. Бондарко, в которых излагаются важнейшие для его теории функциональной грамматики положения. Это работы «Глагольный вид в русском языке как морфологическая категория (к характеристике типа коррелятивности)» (Выпуск 1), «О категориальных значениях видов русского глагола» (Выпуск 3), «Аспектуальные ситуации и вопрос о “категориальных ситуациях” в грамматике» (Выпуск 6), «Лимитативность и глагольный вид в русском языке» [Бондарко 1985]. Большое значение для разработки проблемы видовой парности глагола имеет статья М. Д. Фетискиной «О семантических причинах видовой соотносительности глаголов в современном русском языке» (Выпуск 4). Не имея возможности назвать здесь работы, отмечу следующее.

В тартуских аспектологических сборниках проявилось такое свойство профессора Шелякина как ученого и организатора науки, которое я бы назвала стратегичностью мышления. Он умеет видеть и нерешенные проблемы, и спорные вопросы аспектологической теории, и недостаточно изученные зоны аспектуальности, и именно туда он направляет исследовательскую энергию — и свою, и своих учеников, и тех аспектологов, которые близки ему по научным идеям. По сути дела, в тартуских сборниках заявлены все возможные направления в изучении вида и смежных с ним явлений. Это:

- **категория вида и синтаксис:** статьи А. И. Ушаковой «Проблема видового противопоставления на уровне отдельной синтаксической структуры (на материале инфинитивных предложений)» (Выпуск 1); Ю. А. Потапкиной «К проблеме выражения одновременности действий в русском языке» и Б. М. Гаспарова «Аспектуальные значения неопределенно-предсказуемых предложений в русском языке» (Выпуск 3); В. И. Козырева «Аспектуальная характеристика безгла-

- гольных побудительных высказываний в современном русском языке» (Выпуск 6); статьи *И. П. Кюльмоя* о кратко-соотносительных конструкциях [Кюльмоя 1980, 1988] и др.;
- **вид в различных глагольных формах:** статьи *Л.И. Ушаковой* «К вопросу о контекстуально-грамматической синонимии видовых форм в независимом инфинитиве» (Выпуск 1); *Н. А. Луценко* «К характеристике некоторых личных и причастных форм как членов видовой парадигмы глагола» (Выпуск 3); цикл статей *Ф. Ф. Авдеева* о настоящем историческом (Выпуски 1, 2, 3) и др.;
 - **функционирование видовых форм в тексте:** статьи *Н. А. Луценко* «Построение текста и грамматические категории причастия» и *Б. М. Гаспарова* «О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте» (Выпуск 4); *Е. И. Костанди* «Наблюдения над употреблением видо-временных форм в газетном тексте» (Выпуск 6) и др.;
 - **вид и модальность:** статья *В. М. Мякотиной* «Аспектуально-модальные ситуации в русском языке с компонентом неперенности осуществления действия» (Выпуск 6), названная выше статья *Т. И. Калабуховой* (Выпуск 1) и др.;
 - **сопоставительная и контрастивная аспектология:** статьи *А. Пихлака* «Аспектуальность в эстонском языке (в сопоставлении с русским языком)» (Выпуск 3); *В. В. Мюркхейн* «К проблеме передачи видо-временных значений русского глагола в эстонском языке» и *Э. А. Галнайтите* «К типологии одноактных глаголов в русском и литовском языках» (Выпуск 4); *Э. А. Галнайтите* «Типология каузативных глаголов как способа действия (на материале русского и литовского языков)» (Выпуск 5) и др.;
 - **типология вида:** статья *В. С. Храковского* «Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений» (Выпуск 5);
 - **историческая аспектология:** цикл статей *П. С. Сигалова* об истории способов действия в русском языке — ограничительного, перауративного, прерывисто-смягчительного, аугментивного, сативного [Сигалов 1975, 1977а–1977г];
 - **отражение категории вида в толковых словарях:** статьи *А. Н. Тихонова*, *С. А. Емельяновой*, *Д. Боркан* «Видовые пары глаголов в семнадцатитомном словаре русского языка» (Выпуск 2); *А. Пихлака* «Отражение значений приставочных способов действия в русско-эстонских словарях» (Выпуск 5);
 - **диалектная аспектология:** статья *В. В. Мюркхейн* «О вариантных формах вида в диалектной речи» (Выпуск 5);
 - **аспектология детской речи:** статья *С. Н. Цейтлин* «О некоторых особенностях имперфективации в детской речи» (Выпуск 1).

Исследователи, приглашенные в свое время М.А. Шелякиным быть авторами статей в тартуских сборниках по аспектологии, сегодня — кандидаты и доктора филологических наук, заведующие кафедрами в университетах, руководители научных подразделений в академических институтах, организаторы собственных научных направлений и школ. Антропоцентри-

чен не только язык, но и наука о языке, и история науки: фигура Учителя, Организатора, Человека, Личности была и остается важнейшим фактором нашей исследовательской работы. Будем об этом помнить.

Литература

Бондарко А. В. 1985 — Лимитативность и глагольный вид в русском языке. *Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 719. Функциональные аспекты грамматики русского языка.* Тарту. С. 23–43.

Виноградов В. В. 1947 — *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Москва.

Вопросы 1975 — *Вопросы русской аспектологии I* (Известия Воронежского государственного педагогического института. Том 146). Воронеж.

Вопросы 1977 — *Вопросы русской аспектологии II* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 434). Тарту.

Вопросы 1978 — *Вопросы русской аспектологии III: Семантика и функционирование категории вида русского языка* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 439). Тарту.

Вопросы 1979 — *Вопросы русской аспектологии IV: Категория вида и ее функциональные связи* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 482). Тарту.

Вопросы 1980 — *Вопросы русской аспектологии V: Аспектуальность и средства ее выражения* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 537). Тарту.

Вопросы 1982 — *Вопросы русской аспектологии (VI): Семантика аспектуальности в русском языке* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 625). Тарту.

Гаспаров Б. М. 1978 — Аспектуальные значения неопределенно-предсказуемых предложений в русском языке. *Вопросы русской аспектологии III: Семантика и функционирование категории вида русского языка* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 439). Тарту. С. 64–88.

Дуличенко А. Д. 2003 — Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX вв. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту (Slavica Tartuensia V)*. С. 31–68.

Емельянова С. А. 1977 — Стилистические особенности вариантных форм вида. *Вопросы русской аспектологии II* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 434). Тарту. С. 89–100.

Калабухова Т. И. 1975 — Употребление вида русского глагола при отрицании в функции актуализации внимания собеседника (на примере материала конструкций типа *ты не поверишь, ты не думай*). *Вопросы русской аспектологии I* (Известия Воронежского государственного педагогического института. Том 146). Воронеж. С. 118–131.

Кюльмоя И. П. 1980 — Синтаксические типы кратко-соотносительных конструкций в русском языке. *Труды по русской и славянской филологии XXXIII. Проблемы внутрисструк-*

турного и функционального описания языка (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 524). Тарту. С. 54–67.

Кюльмоя И. П. 1988 — Об одном типе кратного таксиса в современном русском языке. *Труды по русской и славянской филологии. Системные и функциональные аспекты языка. К 60-летию М. А. Шелякина* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 825). Тарту. С. 24–37.

Кюльмоя И. П. 2003 — О некоторых вехах в развитии тартуской русистики. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* (Slavica Tartuensia V). С. 170–176.

Сигалов П. С. 1975 — История русских ограничительных глаголов. *Труды по по русской и славянской филологии. XXIII. Серия лингвистическая* (Ученые записки Тартуского государственного университета). Тарту. С. 141–181.

Сигалов П. С. 1977а — История русских пердуративных глаголов. *Труды по русской и славянской филологии XXIX. Серия лингвистическая. Проблемы языковой системы и ее функционирования* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 425). Тарту. С. 101–118.

Сигалов П. С. 1977б — История русских прерывисто-смягчительных глаголов. *Вопросы русской аспектологии II* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 434). Тарту. С. 146–161.

Сигалов П. С. 1977в — Русские аугментативные глаголы. *Труды по русской и славянской филологии. XXVII. Серия лингвистическая* (Ученые записки Тартуского государственного университета). Тарту. С. 140–154.

Сигалов П. С. 1977г — Русские сативные глаголы. *Труды по русской и славянской филологии. XXVII. Серия лингвистическая* (Ученые записки Тартуского государственного университета). Тарту. С. 114–139.

Шелякин М. А. 1980 — О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола. *Труды по русской и славянской филологии XXXIII. Проблемы внутривидового и функционального описания языка* (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 524). Тарту. С. 3–23.

I.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ
В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ГРАММАТИКЕ

ЗАИМСТВОВАНИЯ НА *-ИРОВАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Г. БРАГИНА

Введение

Заимствования на *-ировать* в русском языке имеют ряд лингвистически релевантных свойств: морфологических, акцентологических, стилистических, социокультурных. Эти характеристики упоминаются в лингвистической литературе, грамматиках, учебных пособиях и позволяют выделить глаголы на *-ировать* в отдельную группу. Укажу некоторые из традиционно описываемых свойств глаголов на *-ировать*.

Глаголы на *-ировать* являются, как правило, двувидовыми, наряду с другими глаголами, такими как: *обещать, венчать, женить, казнить* и др.

У данной группы глаголов наблюдаются колебания в ударении: у слов, вошедших в русский язык в XIX веке, ударение часто падает на последний слог: *премировАть*. У более поздних заимствований — на слог, третий от конца: *блокИровать*. При спряжении у глаголов на *-ировАть* ударение всегда приходится на личные окончания: *премирУю, премирУешь, премирУет*; у глаголов на *-Ировать* ударение остается неподвижным: *блокИрую, блокИруешь, блокИрует*. Акцентологически различаются и страдательные причастия прошедшего времени: *блокИровать* – *блокИрованный*; *премировАть* – *премирОванный*.

У глаголов на *-ировать* также есть своя социокультурная и стилистико-прагматическая специфика. Б. В. Томашевский отмечал, что с суффиксом *-ировать* связывалось представление об иностранных словах, употребление которых воспринималось как признак принадлежности к культурным слоям общества [Томашевский 1959: 15]. Это, в частности, нашло любопытное подтверждение в одном из переводов статьи Дж. Оруэлла «Политика и английский язык». Оруэлл отрицательно оценивает склонность к «вычурной манере выражения», «претенциозным выражениям»

(согласно другой версии перевода). Он отмечает, что сочинителям оказывается легче сконструировать новое слово, чем подыскивать родное английское. В одном из русских переводов этой статьи¹, в том месте, где речь идет о конструировании новых слов с иноязычными корнями, переводчик, вероятно, для наглядности использует русскую словообразовательную модель, ср.: «при этом обычный метод фабриковки новых слов — взять латинский или греческий корень, подбирающую приставку, **и если нужно, формацию с суффиксом -ировать**. Часто проще составить такое слово, чем подыскать родное слово такого же значения». Этого, естественно, не могло быть в оригинале.

Оставив в стороне обсуждение вольного обращения переводчика с оригиналом, отмечу, что этот пример еще раз подтверждает тот факт, что глаголы на *-ировать*, несмотря на их многочисленность в русском языке и употребительность, сохраняют такие ассоциативные признаки, как: ‘чужеродность и претенциозность’; ‘престижность и связь с «ученым» языком’. На основе этих несколько противоречащих друг другу признаков возникают прецеденты: публичного обсуждения и осуждения глаголов на *-ировать* — с одной стороны, и активного пополнения ими лексического состава современного русского языка — с другой.

Словообразование

Процесс пополнения лексикона русского языка заимствованиями на *-ировать* идет не менее трех веков и является устойчивой и заметной тенденцией. Суффикс *-ировать* образовался путем соединения суффикса *-ир*, (из нем. **-ier-** (**-ieren**)) и славянского *-овать*. Как отмечает Б. В. Томашевский, это отражает способ проникновения французских слов в Россию: через Германию и Польшу. Например: франц. *marcher*, нем. *marschieren*, польск. *marszerowac*, русск. *маршировать*; франц. *polir*, немецк. *polieren*, польск. *polerowac*, русск. *полировать*. Позже, с установлением непосредственной культурной связи с Францией, к основам глаголов, заимствованных из французского, стали прямо прибавлять привычный суффикс *-ировать*: например, глагол *будировать* взят непосредственно из французского языка путем прибавления к основе глагола *bouder* (*boud-*) суффикса *-ировать* [Томашевский 1959: 15].

В описаниях этимологии слов данной группы, как правило, указываются французские и немецкие глаголы, причем их последовательность для раз-

¹ Статья переводилась на русский язык несколько раз.

ных глаголов на *-ировать* разная (сначала приводится французский, потом немецкий глагол либо наоборот). Например: *игнорировать*: франц. *ignorer* и нем. *-ieren ignorieren* [Виноградов 1999]; *профилировать*: франц. *profiler*, нем. *profilieren*; *цитировать*: нем. *zitieren*, франц. *citer* [Черных 1994].

Если глагол был образован непосредственно от заимствованного ранее слова, то оно приводится в качестве источника деривации: *радиловать*, *телефонировать*, *телеграфировать* — русские образования от *радио*, *телеграф*, *телефон* [там же]¹.

Суффикс *-ировать* является продуктивным. О нем, вероятно, можно говорить как об одном из главных инструментов адаптации иностранных слов в современном русском языке и каналов, через которые идет пополнение лексики новыми глаголами. Активность этого процесса подтверждается статистически.

В современном русском языке группа глаголов на *-ировать* достаточно многочисленна. В Обратном словаре 1974 года зафиксировано около 1260 единиц, что составляет более 1% словника словаря. Современные словари (сводный список)² отмечают 1632 слова. Это немногим менее 2% словника МАС. Таким образом, список зафиксированных словарями слов на *-ировать* довольно внушителен. Несложно предположить, что он мог бы значительно расширяться за счет тех глаголов, которые пока не были отмечены в словарях и список которых растёт едва ли не ежедневно. Особенностью текущего момента является образование новых глаголов на *-ировать* от заимствований из английского языка. В ряде случаев суффикс становится также и русификатором, то есть служит адаптации слова в русском языке.

Таким образом, суффикс *-ировать* русифицирует заимствования из разных европейских языков: английского, немецкого, французского. Вероятно, вследствие этого он сам продолжает восприниматься скорее как заимствованный, чем как собственно русский, то есть нельзя сказать, что в восприятии носителей языка он окончательно русифицировался.

Результаты поиска глаголов на *-ировать* в Яндексе показали, что суффикс *-ировать* может присоединяться: 1) к заимствованным корневым морфам, а также к аббревиатурам, написанным кириллицей: *фристайлировать*, *кэшировать*, *инсталлировать*, *СПАМировать*³;

¹ В настоящей статье словосочетание *заимствования на -ировать* распространяется также и на эту группу слов.

² Ефремова 2000; РОФ 2000; СОШ 95; СУШ; Абрамов 1994; ТСЖВЯ Кузнецов 1998.

³ Здесь и далее графический облик слова и орфография сохранены без изменений.

НЛП-ировать; 2) к корневым морфам и аббревиатурам, написанным латиницей: *jibb'ировать*, *origin-ировать* *uninstall-ировать*; *zip-ировать*, *backur-ировать*, *LOAD'ировать*, *UPLOAD'ировать*, *escape-ировать*, *Zoom'ировать*, *splash'ировать*, *eject'ировать*, *log'ировать*; *HTML-ировать*, *PVP-ировать*; 3) к математическому знаку: *+ировать*. Графика слова может видоизменяться в игровых и рекламных целях: *ref'Lexx'ировать* *Reflex'ировать*, *PRO-Test-ировать*, *Domin-ировать*.

Морфология

Новые глаголы на *-ировать*, осobenно префиксальные, сохраняют единую форму для двух видов, то есть являются двувидовыми, как и большинство глаголов на *-ировать*. Например, новыми двувидовыми глаголами являются: *акционироваться*, *деноминировать*, *зомбировать*, *клонировать*, *педалировать*, *перепрограммировать*, *позиционировать*, *реструктурировать* и др. Вместе с тем, у ряда глаголов возникает тенденция утраты двойного вида и появления отдельной пары. В словаре Смирницкого пометой *несов.* и *сов.* обозначены: *демонстрировать*, *резервировать*, *финансировать* [Смирницкий 1992]. В современном употреблении они имеют значение только несовершенного вида. Образование отдельных форм совершенного вида произошло путем префиксации: ***продемонстрировать***, ***зарезервировать***, ***профинансировать***.

Префиксальные способы образования видовой пары у исходно двувидовых глаголов подробно рассмотрены в работе М. А. Шелякина [Шелякин 1979], например: *бронировать* – *забронировать*, *пикировать* – *спикировать* *ремонттировать* – ***отремонттировать***, *консультировать* – ***проконсультировать***, *поэтизировать* – ***опоэтизировать***, *классифицировать* – ***расклассифицировать*** и др. Эта тенденция устойчиво сохраняется и в отношении более поздних заимствований.

Во многих случаях новые или дополнительные формы совершенного вида образуются по префиксальной модели. Например, для глагола *корректировать* в словаре [Смирницкий 1992] указана форма совершенного вида *прокорректировать*, словарь под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998] такой формы вообще не регистрирует, а приводит форму

скорректировать. Дополнительным вариантом совершенного вида этого глагола можно считать также форму *откорректировать*¹.

Укажу несколько новых, графически и фонетически не до конца ассимилировавшихся в языке лексем, которые, однако, уже имеют видовую пару, образованную префиксальным путем. У некоторых из них есть графические и произносительные варианты: *origin-ировать / оригинировать / ориджинировать бизнес – соригинировать, прооригинировать, сориджинировать бизнес; zip-ировать / зипировать – зазипировать* (возможно также *зиповать – зазиповать*); *backup-ировать / бэкапировать – забэкапировать* (возможно также *бэкапить – забэкапить*); *инсталлировать – заинсталлировать, отинсталлировать*. Характерно, что с появлением префикса слово начинает, как правило, графически воспроизводиться в кириллице, то есть адаптироваться в русском языке. Однако в некоторых случаях этого не происходит, например: *call'ировать – zascall'ировать*, ср.:

Я хочу сделать настолько максимальную ставку, чтобы мой оппонент смог меня zascall'ировать. Я ставлю 2,450, чуть больше половины банка. Мой оппонент call'ирует и выкидывает JJ на. На show-down'e (<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2%Fforu>).

Отмечу также, что у глаголов на *-ировать* в процессе их адаптации в русском языке появляются лексико-грамматические варианты на *-овать; -ить*. Ср.:

Возник вопрос после приёма на работу новой сотрудницы. Мы всегда при создании zip-архива называли этот процесс «зиповать», а она говорит «зипировать»².

Таким образом, новые заимствования на *-ировать* преимущественно являются двувидовыми, однако тенденция утраты двойного вида и образования видовой пары с помощью префиксации также обозначена достаточно четко. Эта тенденция обсуждалась в работах [Шелякин 1979; Зализняк, Шмелев 2000: 75–76]. В частности, было отмечено, что русская аспектуальная система стремится устранить омонимию совершенного и несовершенного вида, при этом один из двух омонимичных членов видовой пары приобретает формальные отличия: либо префективный член маркируется приставкой, либо имперфективный — суффиксом. В нашем случае доминирует первое.

¹ Эти изменения зарегистрированы и описаны в предисловии к «Новому Большому русско-английскому словарю» [Ермолович, Красавина 2008].

² Здесь ссылка на сайт отсутствует, поскольку он был удален.

Стилистические, прагматические, социокультурные характеристики глаголов на *-ировать*

В русском языке процент глаголов на *-ировать* достаточно высок; процесс образования новых глаголов с этим суффиксом активен. Глаголы стилистически однородны, в словарях они часто снабжаются пометами *спец.:* *аммонизировать, йодировать, азотировать*; *книжн.:* *резюмировать, протезировать, рефлектировать*. Они относятся к письменному языку.

По количеству букв это — длинные слова, их употребление утяжеляет фразу. Приведу результаты подсчета букв у указанной группы.

Количество букв	Количество слов	Пример	Количество букв	Количество слов	Пример
9	1	<i>жуировать</i>	17	100	<i>дестабилизировать</i>
10	79	<i>аудировать</i>	18	41	<i>деидеологизировать</i>
11	146	<i>клишировать</i>	19	24	<i>коммерциализировать</i>
12	228	<i>мотивировать</i>	20	5	<i>субстанциализировать</i>
13	309	<i>акционировать</i>	21	4	<i>интеллектуализировать</i>
14	293	<i>артикулировать</i>	22	3	<i>институционализировать</i>
15	239	<i>актуализировать</i>	24	3	<i>деинституционализировать</i>
16	156	<i>мифологизировать</i>			

Таблица показывает, что у самого короткого слова на *-ировать* — девять букв¹, у самого длинного — двадцать четыре. По количеству букв это — один из самых длинных глаголов в русском языке. Помимо слова, приведенного в таблице, еще два имеют по двадцать четыре буквы: *субстанциализироваться* и *интернационализироваться*.

Максимальное число глаголов на *-ировать* (309) содержит тринадцать букв. Из 1632 слов, зафиксированных словарями, 1471 слово содержат от одиннадцати до семнадцати букв. Несмотря на то, что употребление данных глаголов утяжеляет предложение, они активно используются как на письме, так и в устной речи. Вероятно, громоздкость фразы, затрудняющая чтение, не рассматривается носителями русского языка как серьезная погрешность.

Это обстоятельство, однако, не противоречит традиционно равнодушному и скорее отрицательному отношению носителей языка к процессам образования новых глаголов на *-ировать*, что делает целесообразным рассмотрение данной группы с точки зрения ее стилистических, прагматических и социокультурных характеристик.

¹ Слова с корневым *-ир-*: *ировать, жировать*, — не рассматривались.

Процесс заимствования глаголов на *-ировать* сопровождался целым рядом отрицательных комментариев, начиная еще с XIX века.

В. И. Даль говорил о возможности использовать русские суффиксы при образовании от иноязычных корней новых глаголов. В отношении суффикса *-ировать* он употреблял глагол *изгнать*. Даль относился к нему как к агрессивному элементу чужого языка, ср.:

«**Немецк. окончание *-ировать* должно бы изгнать**; почему не сказать: *бальсамить, бальсамовать, групповать, группить...*» [Даль 1980: 401].

Я. К. Грот, «убежденный западник» [Виноградов 1982: 432], пишет о «целом легионе глаголов», таких как: *импровизировать, изолировать, игнорировать, бравировать, формулировать, вотировать* и др. Он отмечает, что этот «разряд слов особенно неудачен», так как может провоцировать двойное искажение: сначала французское слово видоизменяет немецкая форма окончания (*-iren*), а, «чтобы уменьшить безобразие», некоторые люди отбрасывают *-ир* и говорят: *формуловать, цитовать*, по образцу более старых глаголов: *атаковать, арестовать, командовать* [Грот 1899: 17–18].

Ив. М. Желтов, характеризуя многочисленность данных глаголов как признак современности (конец XIX века), использует глагол *наводнить*, который выражает отрицательное отношение к данному явлению в русском языке:

«Помимо бесчисленных глаголов **иноземного происхождения с окончанием *-ировать*, наводнивших нашу повременную печать**, особенно одолели и до тошноты опротивели слова: *интеллигенция, интеллигентный...* (Желтов Ив. М. *Иноязычие в русском языке // Фил. зап., вып. 4–5. Воронеж, 1890. С. 2, 3.*)¹

П. С. Пороховщиков определяет заимствования на *-ировать* как *безобразные*, отмечая при этом возникновение некоторой предпочтительности употребления их по сравнению с русскими словами.

Мы слышим *травма, базировать, варьировать, мотивировать* и *фигурировать...* Эти безобразные иностранные слова приобретают понемногу в нашем представлении **какое-то преимущество** перед чисто русскими **словами** (П. Сергеич (П. С. Пороховщиков). Искусство речи на суде. Цит. по В. В. Виноградову).

¹ В. В. Виноградов приводит эту цитату в статье, посвященной слову *интеллигенция* [Виноградов 1999].

Похожим образом к глаголам на *-ировать* относится и современный носитель языка, ср.:

Русский язык сильно онемечен. Все эти «**ировать**»: *тестировать, клонировать* и т. п. **как гвоздья в гроб живому словообразованию.** skuka-kaka.blogspot.com

Модное употребление нового для середины XIX века глагола *игнорировать*, которое, к слову сказать, Гончаров считал неправильным и нелитературным словом (контаминация франц. *ignorer* и нем. *ignorieren*), также получало иронические оценки, например, в стихотворении П. А. Вяземского «По поводу новых приобретений русского языка» (1875): «Есть **слово модное** и всем на вкус пришлось, // Все **игнорировать** пустились **вкривь и вкось**» [Виноградов 1999].

Сходную ситуацию описывает Б. В. Томашевский, рассматривая появление глагола *будировать*: «Спрашивается, уважительны ли причины, по которым стали употреблять глагол будировать в этом значении? Разумеется, нет. Это, во-первых, свидетельство незнания языка, а во-вторых, пустая претензия на ученость» [Томашевский 1958: 16]. Далее он делает важную оговорку, касающуюся того, что это нельзя рассматривать как невежественность: «Каждый может поймать себя на этом: когда мы говорим, пишем доклады или статьи, мы невольно начинаем употреблять ученые слова без надобности» [там же: 17].

Восприятие глаголов на *-ировать* как научных, престижных и относящихся к современности сохраняется и по сей день. Ирония Вяземского по поводу глагола *игнорировать*, комментарий Томашевского в отношении глагола *будировать* пересекаются с описанием «тематизирующего постмодернистского реципиента», ср.:

Восприятие постмодернистского реципиента уже настолько испорчено «вкусом», хорошим или дурным, что почти невозможно сказать слово в его простоте, да я и не могу и не умею говорить просто, как продукт этой «эстетической революции», поэтому и приходится постоянно тематизировать собственную комплексность, объявлять себя синтетическим трансцендентальным субъектом, собственным клоном, венцом технологии (Н. Григорьева. Юлия).

Вероятно, именно стремлением сделать текст научным продиктовано его усложнение и утяжеление фраз, ср.:

Содержание Знания непрерывно проблематизируется критериально. Знание нормативизируется и технологизируется. Дискредитируются представления о Знании как продукте, получаемом в режиме открытия («изобретения»), что абсолютизировало статичность и замкнутость

знаниевых систем. Акцентируются предзаданность («организованность») продуцируемого Знания, его динамичность и открытость в другие практики, возможность переинтерпретации (Словопедия. Новейший философский словарь. Словарная статья *знание*).

В данном отрывке, состоящем из трех предложений, употреблено шесть глаголов на *-ировать* и одна отглагольная форма. Они претендуют на принадлежность к модной или «актуальной» интеллектуальной речи, к интеллектуальному гламуру [Брагина 2010].

Появление многих слов на *-ировать* не связано напрямую с наличием семантических лакун в русском языке, поскольку некоторые из них можно заменить уже существующими синонимами. Например: *артикулировать* (*интересы гражданского общества*) синонимично *выразить* или недавно появившемуся *озвучить*; *актуализировать* (*результаты оценки*) синонимично *сконцентрировать внимание на чем-л., сделать что-л. центральным (для обсуждения)*; *проблематизировать* (*процесс обучения*) синонимично *поставить на рассмотрение, исследовать (как проблему)*; *тематизировать* (*природу и сущность познания*) синонимично *обсуждать, рассматривать, размышлять на тему*; *концептуализировать* (*понятия*) синонимично *определять, интерпретировать, трактовать, рассматривать*; *позиционировать* (*себя, продукт*) синонимично *представлять, определять (в каком-л. качестве)*; *релаксировать* синонимично *расслаблять(ся), отдыхать* и т. д.

Вероятно, правильнее в подобных случаях говорить о наличии не семантических, а социокультурных лакун, которые имеют отношение к современности, моде, актуальности, престижности. Употребление слов, относящихся к престижу, репутации, становится одним из инструментов массмедийной рейтинговой культуры¹. Престижные слова не только служат как бы маркером хорошего образования, но они также включены в социальные капиталы, например, «социальный и культурный капитал», «капитал академической власти», «капитал научного престижа», «капитал интеллектуального реноме», «капитал политической и экономической власти» [Бурдые 2005].

Многие из рассматриваемых единиц относятся к интеллектуальному типу дискурса. Используемая в словарях помета «книжное», не вполне отражает стилистические особенности слов, которые сочетают в себе такие оценочные компоненты как 'интеллектуальность', 'престижность', 'актуальность' и к которым относятся некоторые новые глаголы на *-ировать*. Ср. примеры употреблений:

¹ О рейтинговой культуре см. [Брагина (в печати)].

- (1) Главное, с чем не справился СПС в Думе, — у них не получилось выстроить **четко артикулированную правую позицию**, которая заставила бы сдвинуться вправо и «Единую Россию», и всех (А. Рыжлин. Пусть игра стоит свеч).
- (2) Так что для открытия своего салона красоты придется научиться работать с клиентом, **правильно позиционировать свои услуги на рынке** (О. Колева. Этот несносный, капризный, прекрасный клиент!).
- (3) Они имеют способность **тонизировать и релаксировать**, одновременно создают атмосферу, уводящую от ежедневных проблем и стрессов, — говорит Джулия (К. Яновская. Тяжеловесы из Марокко).
- (4) Студент хуже **концептуализирует** ситуацию, он не всегда в состоянии решить проблему иерархии информации, то есть отделить главное (основное) от второстепенного (не основного). www.mavriz.ru/articles/1999/4/330.html
- (5) Материнство принято **проблематизировать как социальную функцию**, как персональный опыт, как педагогическое орудие. www.genderstudies.info/hist/hist4.php

Вероятно, в дополнение к существующим стилистическим пометам следует указывать некоторые социокультурные характеристики слова, такие, например, как отношение к интеллектуальности и престижности. Это помогает интерпретировать стратегии говорящего в случае стилистического диссонанса, который возникает как результат неуместного употребления данных слов, ср:

- (6) Чуть далее учитель не только повторяет слова Нины, слегка подкорректировав формулировку, но **благодарит девочку за артикулированное понимание** (Г. Цукерман. У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе).
- (7) Особенно близка певице спиритуальность музыки регги, и в своих текстах она **тематизирует** вопросы духовно-религиозных ценностей. demkina.livejournal.com
- (8) Нам очень понравилось **релаксировать** в отеле под шум дождя.

Замечу по ходу, что у слова *релаксировать* образуется объектная валентность, ср.: *Могут ли домашние животные вас настолько занимать и релаксировать, что родной муж / жена на втором месте?* www.grotto.ru/lofiversion/index.php?t1937.htm. Слово используется в описании товаров: *релаксирующий массаж, релаксирующее массажное кресло, релаксирующая музыкальная программа, релаксирующие колготки*, что также указывает на наличие объектной валентности. Кроме того, употребление словосочета-

ний типа *релаксирующие колготки* показывает, что между прагматическими установками современного рекламного дискурса и категорией оценки существует особое отношение стилистического согласования, которое находит выражение в языке и является отличительной чертой рейтинговой культуры в целом.

Заключение

Современное развитие русского языка характеризуется активным пополнением заимствований, среди которых новые глаголы на *-ировать* играют заметную роль. Исследование этих глаголов как единой группы и с учетом социокультурных характеристик, имеющих отношение к моде, престижу, интеллектуальности, позволяет описывать актуальные процессы, происходящие в современном русском языке.

Литература

- Абрамов Н. 1994 — *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. Москва.
- Брагина Н. Г. 2010 — О тенденциях в современном русском литературном языке (слова на *-ировать*). *Поддержка и опора*. Сборник научных статей, посвященный 80-летию академика В. Г. Костомарова. Москва. С. 23–33.
- Брагина Н. Г. (в печати) — Рейтинговая культура и ее лексикон. *Мода в языке и коммуникации*.
- Бурдые П. 2005 — Формы капитала. *Экономическая социология*. Том 6. №3. Май 2005. С. 60–74. [Электронный ресурс] Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>.
- Виноградов В. В. 1982 — Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. Москва.
- Виноградов В. В. 1999 — *История слов*. Москва.
- Грот Я. К. 1899 — Филологические разыскания. СПб.
- Даль В. И. 1980 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Том 1. Москва.
- Ермолович Д. И., Красавина Т. М. 2008 — Предисловие к «Новому Большому русско-английскому словарю». *Новый большой русско-английский словарь*. Под общим руководством проф. Д. И. Ермоловича. Москва. <http://yermolovich.ru/index/0-21>.
- Ефремова Т. Ф. 2000 — *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*. Москва.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. 2000 — *Введение в русскую аспектологию*. Москва.
- Кузнецов С. А. 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург.

- МАС 1981–1984 — *Словарь русского языка*: Т. 1–4. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Москва.
- РОФ 2000 — *Русский орфографический словарь Российской академии наук*. Отв. ред. В. В. Лопатин. Москва. Электронная версия <http://gramota.ru>.
- ОСР 1974 — *Обратный словарь русского языка*. Москва.
- Смирницкий А. И. 1992 — *Русско-английский словарь*. 17-е, испр. изд. под ред. проф. О. С. Ахмановой. Москва.
- СОШ 95. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. — *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- СУШ 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Гл. ред. Д. Н. Ушаков. Москва.
- Томашевский Б. В. 1959 — *Стилистика и стихосложение*. Ленинград.
- Черных П. Я. 1994 — *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва.
- Шелякин М. А. 1979 — О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке. *Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 482. Категория вида и ее функциональные связи. Вопросы аспектологии. IV*. Тарту. С. 3–17.

ОТ АНТОНИМИИ ДО СИНОНИМИИ СВ И НСВ РУССКОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

Е. В. ГОРБОВА

0.1. Исходная гипотеза

Эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор видо-временной глагольной формы (далее — ВВГФ). Данное положение соответствует партнерской, характеризуемой семантическим согласованием, стратегии взаимодействия граммемы и контекста, см. [Горбова 2007].

0.2. Описание эксперимента

Эксперимент — множественный выбор ВВГФ в заданном контексте — проводился в письменной форме. Информантам была дана следующая инструкция: *Подчеркните наиболее адекватную, с Вашей точки зрения, в данном контексте глагольную форму из предложенных в скобках. Если, по Вашему мнению, в этом контексте возможно употребление более чем одной формы (например, с несколько отличными друг от друга смыслами), подчеркните их и пронумеруйте в порядке убывания приемлемости (1, 2 и т. д.). Если, например, две формы представляются **одинаково** приемлемыми, снабдите их одинаковыми номерами (два раза 1, или 1, а потом два раза 2).* Информантам предлагались далее 40 текстовых фрагментов с опущенными ВВГФ (в двух случаях по две лакуны, итого — 42 лакуны для

¹ Работа является частью проекта «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики» в рамках Тематического плана фундаментальных НИР СПбГУ.

заполнения). Предложенные для заполнения лакун претеритальные и презентные ВВГФ являлись, по крайней мере, функциональными видовыми парами (отступление от общепринятых видовых пар — введение делимитативов, пердуративов и инцептивов). Ср.:

Это Инес нашла тетрадь и маленькую пулю, завернутую в кусок газетной бумаги. Она (складывала, сложила, складывает) серый пиджак, чтобы положить его в сундук, когда обнаружила под подкладкой какую-то твердую и гладкую поверхность, а затем, продолжая ощупывать, еще и СВерточек, такой маленький, что сначала ее пальцы не могли прощупать его в той складке, где он находился.

Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (моргал, поморгал, моргает), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки.

Текстовые фрагменты представляют собой переводы на РЯ испаноязычной беллетристики 2-ой половины XX в. Переводной характер материала был мотивирован одной из задач более широкого сопоставительного исследования на материале испанского и русского языков; ранее эксперимент с теми же 40 фрагментами, но в их оригинальном виде, был проведен с носителями ИЯ для исследования функционирования исп. ВВГФ.

Материал для данного исследования был получен от 45 информантов — студентов-романистов I курса филологического факультета СПбГУ, являющихся носителями русского языка как родного.

1. Полученные результаты

При анализе ответов информантов в первую очередь было обнаружено, что при выборе ВВГФ с достаточной четкостью выявляются два типа решения, которые условно обозначим как:

- 1) уверенный выбор (результаты в диапазоне от 83 до 100% относительно одной из ВВГФ), реализованный в 19 случаях из 41 (46%) — **предсказуемость граммем(ы)** и
- 2) отсутствие явного предпочтения, оказанного одной из ВВГФ (результаты колеблются в диапазоне от 18 на 82% до 50 на 50% относительно двух ВВГФ), обнаруживаемое в оставшихся 22 контекстах (54%) — **вариативность использования граммем в заданном контексте**¹.

¹ Приводимые данные имеют отношение к противопоставлению НСВ и СВ в плане прошедшего, то есть здесь не учитывается противопоставление презентной и претеритальной фор-

В [Маслов 1984 / 2004: 96–111] среди типов видового противопоставления граммем СВ и НСВ выделяется как их антонимия (с подразделением на последовательную, непоследовательную и относительную, приравниваемую к конкуренции), так и синонимия (синонимическая конкуренция). Результаты проведенного эксперимента соответствуют схеме Ю. С. Маслова: тип 1 может быть сопоставлен с (последовательной) антонимией видовых граммем русского языка. Тип 2, характеризующийся появлением в одном и том же окружении двух различных единиц, дает, по-видимому, основания для постулирования нескольких видов отношений между граммемами — от их непоследовательной антонимии до синонимии (конкуренции).

В работе [Поливанова 1985 / 2008: 71–73], также базирующейся на эксперименте, утверждается, что переход к видовому корреляту (от некоторого реального русского предложения П к результату видовой замены П*) может иметь один из трех исходов:

- 1) при недопустимости замены (П* оказывается неправильным предложением) — **«контекстный контроль»**;
- 2) при допустимости замены (П* является правильным предложением):
 - а) видовые корреляты П и П* имеют разный смысл — **«контраст»**;
 - б) видовые корреляты П и П* имеют одинаковый смысл — **«конкуренция»**.

Как можно видеть, схема отношений между граммемами русской видовой оппозиции, предложенная Масловым, и схема исходов при в заимозаме НСВ и СВ, принадлежащая Поливановой, обнаруживают некоторую аналогию. Более того, полученные в рамках обоих экспериментов результаты могут быть интерпретированы в рамках и той, и другой. Однако примечательным является сильное расхождение наших количественных данных с данными из указанной работы: если у А. К. Поливановой соотношение между «контекстным контролем» (недопустимость замены) и «контрастом» и «конкуренцией» вместе взятыми (допустимость замены) составляет 90 на 10% [Поливанова 1985 / 2008: 73], то в рамках нашего эксперимента — 46 на 54%.

1.1. Задачами дальнейшего анализа полученного материала являются:

мы НСВ. По этой причине количество анализируемых случаев сократилось с 42 до 41 (в 1 случае основная конкуренция имела место между прош. и наст. НСВ).

- выявление особенностей окружения видовых граммем, обуславливающих как их дополнительное распределение относительно заданных контекстов (антонимию), так и их синонимию;
- определение типа стратегии взаимодействия граммемы и контекста, как при антонимических отношениях граммем, так и при их синонимии в соответствии с типологией, предложенной в [Горбова 2007];
- соотнесение полученных результатов с результатами исследования языкового материала и положениями гипотезы видового согласования, представленными в [Поливанова 1985 / 2008].

В рамках данной статьи решение поставленных задач будет представлено не на всем полученном в эксперименте материале (см. выше сноску 1).

1.2. Рассмотрим вначале 1-ый тип, обозначенный выше как (последовательная) антонимия СВ / НСВ («контекстный контроль» по Поливановой). Прежде всего, следует отметить, что информант в каждом случае должен был осуществить двоякий выбор: а) относительно аспектуальной граммемы (СВ / НСВ)¹ и б) относительно темпоральной граммемы (презентс / претерит для НСВ). Следовательно, каждый раз при анализе ответов информантов и роли элементов окружения ВВГФ в принятии решения, анализ должен проводиться дважды — относительно как темпоральности, так и аспектуальности. В соответствии с принятым выше ограничением здесь будет обсуждаться выбор исключительно аспектуальных граммем в плане прошедшего.

1.2.1. Наша группа с уверенным выбором граммемы по отношению к признаку наличие / отсутствие эксплицитных элементов контекста, «катализирующих» употребление граммемы, распадается на две подгруппы:

- наличие в контексте «катализатора»² граммемы;

¹ В части случаев при наличии альтернативы СВ vs. НСВ сутью выбора оказывалось не достижение / недостижение предела (как, например, *прочитал* — *читал* книгу), а эксплицирование двусторонней ограниченности (СВ) vs. ее отсутствия (НСВ) у неопредельной ситуации (*помяла* — *мяла* плюшевого мишку).

² В литературе подобные эксплицитные элементы контекста, способствующие реализации той или иной граммемы, обозначаются также как «семантические актуализаторы», или «видовые согласователи» (напр., [Поливанова 1985, 2008], где первый термин только упоминается, а второй широко используется в рамках гипотезы видового согласования; впрочем, в указанной работе речь идет исключительно о семантической актуализации частных видовых значений, но мне думается, что явление семантической актуализации может иметь более широкое распространение).

- отсутствие в контексте «катализатора» граммемы (частный случай — нулевой контекст).

В свою очередь, при положительном значении обозначенного признака возможна и дополнительная классификация — в соответствии с типом фактора («катализатора»), обуславливающего реализацию граммемы. Итоговая классификация:

- 1) наличие в контексте «катализатора» граммемы:
 - а) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой имперфективности (предлогов типа *в течение* или *на протяжении* + ИГ с семантикой неограниченной множественности), союзов (*пока*), частиц (*все, еще*), обстоятельств (*долго*), см. (1), (2), (3), (4), (5);
 - б) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой перфективности (в материале не реализовано);
- 2) отсутствие в контексте эксплицитного «катализатора» граммемы (6) или его амбивалентность относительно обоих членов противопоставления (типа *некоторое время, все это время*), см. (7), (8).
 - (1) Было время, когда в течение многих ночей я (*слышал*^{НСВ}, *услышал*^{СВ}, *слышу*) шум праздника. Звуки доходили до меня даже в Медия Луна. (45 / 0 / 0)¹
 - (2) Я сижу около канавы и дожидаясь, когда покажутся лягушки. Вчера, пока мы (*ужинали*^{НСВ}, *поужинали*^{СВ}, *ужинаем*) они подняли ужасный шум и не прекращали СВои песни до самого расСвета. (45 / 0 / 0)
 - (3) Некоторые из нас еще (*ждали*^{НСВ}, *подождали*^{СВ}, *ждут*), что, может, он еще вернется, что придет день, и он объявится, чтобы снова поднять нас на борьбу; но потом устали мы ждать. (45 / 0 / 0)
 - (4) — Ты что, (*плакала*^{НСВ}, *поплакала*^{СВ}, *заплакала*^{СВ}, *плачешь*)? Глаза как будто покраснели.
Хумита делает гримаску.
— Нет, мама, я просто долго (*думала*^{НСВ}, *подумала*^{СВ}). (44 / 0)

¹ Нижним подчеркиванием выделен элемент контекста, значимый для выбора граммемы. В скобках приводятся результаты эксперимента. Порядок следования абсолютных чисел соответствует порядку предложенных информантам словоформ. Превышение суммой трех чисел 100% (то есть 45 — по числу анкет) имеет место вследствие предоставленной инструкции и реализованной во многих случаях возможности заполнить лауну более чем одной (приемлемой с точки зрения информанта) ВВГФ.

- (5) — *Говорил ты это потому, что на протяжении нескольких дней ты (видел^{НСВ}, увидел^{СВ}, видишь) этого солдата. Ты столько на него глядел, что он тебе теперь как родной стал. (42 / 1 / 15)*
- (6) *И я уж (снял^{НСВ}, снял^{СВ}, снимаю) засов с ворот, когда увидел, что хозяин, дон Хусто, выходит из надстройки со спящей барышней Маргаритой на руках и идет через двор, не замечая меня. (29 / 40 / 2)*
- (7) [Некоторое время] они (спорили^{НСВ}, проспорили^{СВ}, спорят), размахивая руками и переругиваясь, и наконец, он их убедил, и все вслед за ними вступили в заросли кустарника, покрывавшие остров. (45 / 7 / 1)
- (8) — *Я вам скажу одну вещь, — заявил Литума, — с путешествиями для меня покончено. Все это время я (думал^{НСВ}, продумал^{СВ}, думаю) и осознал, что невезенье привязалось ко мне из-за того, что я не остался на Своей земле, как вы. Хотя бы это я заучил: хочу умереть здесь. (44 / 3 / 1)*

Относительно стратегии взаимодействия контекста и видовой граммы можно отметить следующее. При эксплицитном присутствии аспектуально значимого элемента контекста («катализатора») реализуется партнерский сценарий взаимодействия граммы и контекста в одном из двух его подвидов: семантическое дублирование, как в (1)–(5), или индифферентность контекста — (7), (8).

Примечателен тот факт, что в рамках 1-ой группы, характеризующейся уверенным выбором одной из предложенных ВВГФ, соотношение случаев с наличием и отсутствием эксплицитного лексического «катализатора» аспектуальной граммы — 42 на 58% (в абсолютных цифрах — 8 на 11). Это означает, что более чем в половине случаев информант не мог воспользоваться «подсказкой» контекста, и вынужден был для принятия решения осмыслять всю полипредикативную ситуацию — (9), (10). При этом, напомним, колебаний в выборе именно в этой группе примеров (практически) не было.

- (9) *Мне тогда только что исполнилось одиннадцать лет, и вот однажды вечером, покормив скотину и заперев на засов входную дверь, он сел напротив меня и отодвинул книгу, которую я (читал^{НСВ}, прочитал^{СВ}, читаю), чтобы посмотреть мне в глаза. (45 / 3 / 2; выбор читал^{НСВ} как единственно возможный — 41, выбор прочитал^{СВ} как единственно возможный — 0, в рамках комбинации читал^{НСВ} – прочитал^{СВ} — 2, в рамках комбинации читал – читаю — 1, в рамках комбинации читал – прочитал – читаю — 1)*
- (10) *И вот уже, как тогда полагалось, был выставлен на всеобщее обозрение сундук с приданным в доме невесты, а Мануэль почти каждый вечер прини-*

мал у себя портного, который (шил^{НСВ}, сшил^{СВ}, шьет) ему фрак. (44 / 8 / 5; выбор шил^{НСВ} как единственно возможный — 34, выбор сшил^{СВ} как единственно возможный — 0, выбор шьет как единственно возможный — 1, в рамках комбинации шил^{НСВ} – сшил^{СВ} — 6, в рамках комбинации шил – сшил – шьет — 2)

В случаях такого рода особенно ярко реализуется дискурсивная роль русской видовой оппозиции и ее таксисная функция в сфере финитных форм. Решение принимается с учетом возможного и, что особенно важно, наиболее естественного соотношения референтов обозначенных глагольными формами ситуаций, причем одной из важнейших альтернатив является следующая: последовательность секвентных событий — их (полная или частичная) одновременность.

Факт наличия в группе последовательной антонимии СВ / НСВ («контекстный контроль» по А. К. Поливановой) доли случаев с отсутствием эксплицитного аспектуального «катализатора», в полтора раза превышающей долю с его присутствием, заставляет либо признать, что в ходе анализа не удалось обнаружить контекстных «катализаторов» граммем и следует к их поискам отнестись с бóльшим вниманием, либо отказаться от гипотезы видового согласования, согласно которой «любое предложение, содержащее видоопределенную словоформу, которую нельзя заменить на существующую противоположную ей по виду форму без нарушения правильности всего предложения, содержит в контексте некоторые видовые согласователи, совместимые с данным членом видовой оппозиции и антагонистичные противоположному члену» [Поливанова 1985 / 2008: 77 (сноска 8)].

Факт наличия в группе примеров с уверенным выбором ВВГФ значительной доли (более половины) фрагментов текста с отсутствием «катализатора» аспектуального выбора свидетельствует о том, что эта группа не находится в полном соответствии с исходом «контекстный контроль». То есть не обнаруживается двусторонняя корреляция между наличием в окружении граммемы «видовых согласователей» («катализаторов» в принятой здесь терминологии) и невозможностью взаимозамены видовых граммем.

Эти же случаи служат своего рода переходом к материалу, выделенному во 2-ую группу (с отсутствием явного предпочтения в выборе граммемы), в рамках которой при тех же условиях отсутствия «катализатора» аспектуальной граммемы наблюдались существенные колебания информантов

в выборе НСВ vs. СВ. (Впрочем, как можно видеть на примерах (9) и (10), абсолютного единодушия не было и в 1-ой группе)¹.

1.3. Второй тип выбора информантами ВВГФ, обозначенный выше как антонимия, переходящая в синонимию («контраст» и «конкуренция» по [Поливанова 1985/2008]), составляет 54%. Материал в эту группу был объединен по количественному параметру: выбор одной из граммем как единственно возможной в количестве случаев, превышающем 3 (и 8 в случае ее появления в рамках комбинации ВВГФ), что демонстрирует возможность появления в заданном контексте более чем одной формы. Содержательно же этот материал распадается на две самостоятельные, на первый взгляд существенно различающиеся, подгруппы: с антонимическими («контраст») и синонимичными («конкуренция») отношениями между граммемами.

Несмотря на практикуемое здесь параллельное использование терминов Ю. С. Маслова и А. К. Поливановой, нельзя не отметить, что оно является определенным упрощением. Дело в том, что резкие границы присутствуют у Поливановой, но не у Маслова. В [Маслов 1984 / 2004: 111] антонимия и конкуренция частных видовых значений представлена с использованием следующего набора отношений:

- последовательная антонимия (процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- непоследовательная антонимия (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- относительная антонимия (конкуренция) (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- синонимическая конкуренция (синонимия) видов (подчеркнуто-длительного значения НСВ и значения охвата длительности СВ).

Как видно, это не дискретная схема, а континуум, в котором переход от антонимии к синонимии осуществляется градуально. Вернемся к этой теоретической проблеме позже, после обсуждения материала.

¹ В ходе обработки материала было принято решение, что пороговым значением при решении вопроса об отнесении фрагмента в 1-ую или 2-ую группу является количество 3: ≤ 3 случаев выбора альтернативной граммемы как единственно возможной — 1-ая группа, ≥ 3 — 2-ая группа (для общего количества выбора альтернативной граммемы с учетом ее появления в комбинациях пороговым значением считается 8).

Приведем по одному примеру на каждый из выделяемых в [Маслов 1984 / 2004: 96–111] видов отношений между контекстно реализованными формами НСВ и СВ, соблюдая порядок приведенного перечня.

а) Последовательная антонимия: 10 случаев из 22 (45%):

- (11) *И лишь гораздо позже, когда Миная читал рукопись, он смог понять, почему Мануэль обманул его, сказав, что не осталось ни одной страницы из той книги, которую Солана (писал^{НСВ}, написал^{СВ}, пишет), когда его убили. (34 / 12 / 0; выбор писал^{НСВ} как единственно возможный — 32, написал^{СВ} как единственно возможный — 10, в рамках комбинации писал^{НСВ} — написал^{СВ} — 2)*

б) Непоследовательная антонимия: 3 случая из 22 (14%):

- (12) *Говорил он так много и быстро, и с такими гримасами, что я сделал вывод о том, что он (выпивал^{НСВ}, выпил^{СВ}, выпивает) как раз до самого того момента, как поезд прибыл в Махину. (26 / 24 / 0; выбор выпивал^{НСВ} как единственно возможный — 20, выпил^{СВ} как единственно возможный — 18, в рамках комбинации выпивал^{НСВ} – выпил^{СВ} — 6)*

с) относительная антонимия (конкуренция): 4 случая из 22 (18%):

- (13) — Он что, выпивши? ...
— Немного, — сказал Хосефино. — Мы (отмечали^{НСВ}, отметили^{СВ}, отмечаем) его возвращение у братьев Леон. (44 / 18 / 5; выбор отмечали^{НСВ} как единственно возможный — 26, отметили^{СВ} как единственно возможный — 1, в рамках комбинации отмечали^{НСВ} – отметили^{СВ} — 13, в рамках комбинации отмечали – отмечаем — 1, в рамках комбинации отмечали – отметили – отмечаем — 4)

д) синонимическая конкуренция (синонимия) видов: 5 случаев из 22 (23%):

- (14) *Вытащил я его на берег, спрашиваю: «Жив еще?». А он ни звука. До самой зари я (возился^{НСВ}, провозился^{СВ}, вожусь) с Этанислао: растирал, искусственное дыхание делал, чтобы он дышать начал, но он ни слова больше не произнес. (37/39/0; выбор возился^{НСВ} как единственно возможный — 6, провозился^{СВ} как единственно возможный — 8, в рамках комбинации возился^{НСВ} – провозился^{СВ} — 31)*

Как представляется, при последовательной антонимии в случае того или другого выбора мы имеем дело с различными таксисными трактовками ситуации: последовательностью ситуаций при выборе СВ и (хотя бы частичной) одновременностью при НСВ, см. (11).

При непоследовательной антонимии неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ суть выбора заключается в количественной оценке ситуации либо как единичной (СВ) либо как

кратной (НСВ). В случае же недостаточности контекстной информации для принятия однозначного решения по вопросу об одно- или многократности ситуации, возникает почва для вариативности в интерпретации ситуации, что наблюдается в (12).

В ситуации относительной антонимии, конкуренции (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ), граммема НСВ, с одной стороны, не полностью лишается свойственной ей семантики процессности и длительности, а с другой стороны, именно этой граммемой дефолтно обозначается денотативная ситуация, чем, возможно, и вызвана бóльшая предпочтительность ее употребления — (13). Отмечу также, что в (13), по-видимому, отсутствуют эксплицитные элементы окружения, способные склонить чашу весов в пользу выбора той или иной граммемы. Тем не менее, количественные данные говорят о явном предпочтении, оказанном НСВ. Представляется, что этот факт можно объяснить «энциклопедией» носителя РЯ, побуждающей его обозначенное в левом контексте состояние (*выпивши*) обусловить формой НСВ *отмечали* как с большим основанием связанной с повторяемостью и длительностью процесса, чем альтернативным СВ *отметили*. Здесь, таким образом, граммема привносит семантику, отсутствующую в оставшейся части текста, то есть имеет место чистый случай нулевого аспектуально значимого контекста, что и позволяет выйти на первый план грамматической семантике ВВГФ.

В группе синонимической конкуренции (синонимии) видов, характерной для выбора между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, количественные данные демонстрируют склонность информантов к употреблению пердуратива (14) и делимитатива (15) (пример из 1-ой группы) при наличии в контексте указания на двустороннюю (или хотя бы правостороннюю) ограниченность ситуации. С другой стороны, такой выбор является не более чем тенденцией, поскольку соответствующая — партнерская — стратегия взаимодействия контекста и граммемы повышает избыточность текста. Употребление НСВ в случаях такого рода не запрещено, и при этом, в рамках конфликтной стратегии взаимодействия контекста и граммемы, со стороны граммемы обнаруживается семантическая трансформация «под контекст», что соответствует закону экономии кода.

- (15) *Сусана помолчала* немного, (*мяла, помяла, мнет*) в руках Своего плюшевого кота, *а потом* сказала:

— *А ты во многих странах с моим отцом был? И в Шанхае тоже?*
(1 / 44 / 1; выбор *мяла*^{НСВ} как единственно возможный — 1, *помяла*^{СВ}

как единственно возможный — 43, в рамках комбинации *мяла*^{НСВ} – *помяла*^{СВ} — 0, в рамках комбинации *помяла*^{СВ} – *мнет* — 1)

Вернемся к следующему вопросу: в рамках этой группы примеров оказались объединены два типа исхода, предусмотренные Поливановой в случае взаимозаменяемости аспектуальных граммем, — «контраст» и «конкуренция». Где следует провести границу между этими внешне антагонистическими ситуациями? Откровенно говоря, ни континуальность переходов в сфере частных видовых значений от последовательной антонимии до синонимической конкуренции по Маслову, ни полученные количественные данные не позволяют с достаточной степенью уверенности провести эту границу.

Впрочем, прямой перенос схемы с тремя исходами по Поливановой на наш материал не является корректным в силу целого ряда причин:

а) в рамках проведенного А. К. Поливановой эксперимента информантам предлагалось оценить высказывание исключительно как правильное (метка «+») или как неправильное (метка «-»); материал, в котором информант обнаруживал сомнение, исключался из дальнейшего рассмотрения¹;

б) для рассмотрения привлеклись только «морфологически парные глаголы, имеющие как СВ-, так и НСВ -формы: *решить*^{СВ} – *решать*^{НСВ}, *оказаться*^{СВ} – *оказываться*^{НСВ}, *убедиться*^{СВ} – *убеждаться*^{НСВ}, но не *мыть*^{НСВ} – *вымыть* СВ, *гулять*^{НСВ} – *погулять*^{СВ}» исключительно в формах прошедшего времени на -л и форме инфинитива, в рамках «предложений естественной длины, рассматриваемых в их природном контексте», извлеченных из текстов научной или научно-деловой прозы [Поливанова 1985 / 2008: 73].

Учитывая принятые в [Поливанова 1985 / 2008] условия наблюдения, постараемся соотнести «контраст» и «конкуренцию» с континуумом отношений между видовыми граммемами из [Маслов 1984 / 2004]. (Здесь следует оговориться, что речь идет о некоей реконструкции, поскольку в обсуждаемом исследовании подробному разбору с привлечением и комментированием примеров подвергся исключительно исход «контекстный контроль», доля которого составила более 90%.)

¹ Ср.: «Разумеется, иногда информанту бывает затруднительно с уверенностью отнести ту или иную из предъявленных пар П — П* к одному, но не другому из исходов. Как обычно, все случаи, вызывающие затруднения у информанта, могут быть безболезненно выброшены из контрольного корпуса наблюдаемых данных, поскольку, по счастью, при наблюдении над живым языком исследователь располагает неограниченным резервом данных; а для первоначальных наблюдений можно обойтись изучением бесспорных примеров» [Поливанова 1985 / 2008: 72–73].

По-видимому, из спектра последовательная антонимия — непоследовательная антонимия — относительная антонимия (конкуренция) — синонимическая конкуренция (синонимия) видов по причине, указанной выше в пункте b), из рассмотрения следует исключить последний вид отношений, поскольку он устанавливается между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ; последнее же реализуется исключительно в делимитативах и пердуративах. Далее, последовательная антонимия также с высокой степенью вероятности должна быть исключена, поскольку она соотносима с исходом «контекстный контроль», при котором взаимозамена ВВГФ невозможна. Остаются непоследовательная антонимия и относительная антонимия (конкуренция). Логично предположить, что непоследовательная антонимия соотносится с исходом «контраст», а относительная антонимия — с исходом «конкуренция». Если эти рассуждения верны, то граница между «контрастом» и «конкуренцией» должна проходить между непоследовательной антонимией (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) и синонимической конкуренцией (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ). Между тем, наши количественные данные (ни в их «суммарном» виде, ни в более подробном, с отдельным представлением выбора формы как единственно возможной, с одной стороны, и в рамках комбинаций — с другой) не дают оснований именно в этом месте усмотреть столь существенное противопоставление «контраста» и «конкуренции».

2. Некоторые итоги

Суммируем сделанные наблюдения и рассуждения:

- при предоставлении русскоязычным информантам возможности осуществлять множественный выбор, она реализуется, однако не во всех случаях;
- количественный подход к обработке результатов эксперимента с точки зрения наличия или отсутствия явного предпочтения информантом одной из ВВГФ разбивает полученный материал на две не совсем равные по объему группы;
- в каждой из полученных групп присутствуют примеры и с наличествующими и с отсутствующими в контексте «катализаторами» видовых граммем; в связи с этим приходится констатировать, что исходная гипотеза, в соответствии с которой эксплицитный лингвистический контекст

- в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор ВВГФ, не подтверждается;
- не находит также подтверждения гипотеза видового согласования, сформулированная для «контекстно-контролируемых употреблений видеоопределенных словоформ» [Поливанова 1985 / 2008: 76–78];
 - контекстно-контролируемые употребления не превалируют в использованных в качестве материала эксперимента текстовых фрагментах, извлеченных из художественной литературы и репрезентирующих как нарративный, так и диалогический типы дискурса;
 - доля высказываний, допускающих взаимозамену ВВГФ русского глагола, составляет более половины (54%) от общего количества материала эксперимента;
 - резкое противопоставление «контраста» и «конкуренции» видовых форм русского глагола в рамках проанализированного материала не выявлено; речь, скорее, должна идти о континууме взаимоотношений русских ВВГФ с экстремумами в виде (последовательной) антонимии и синонимии;
 - возможно и более сильное утверждение: при способности к появлению в одном и том же окружении обладающих семантикой единиц (в частности, граммем) различие контраста и свободного варьирования если и является релевантным, то исключительно по отношению к истинностной оценке денотативной ситуации, а не по отношению к ее интерпретации и кодированию языковыми средствами. Со стороны прагматики говорящего всегда будет представлен «контраст», даже в случае синонимической конкуренции типа *Вы уже обедали*^{НСВ} / *пообедали*^{СВ}?

Литература

- Горбова Е. В. 2007 — Аспектуальные грамлеммы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка). *Вопросы языкознания*, №4, 2007. С. 63–88.
- Маслов Ю. С. 1984 — *Очерки по аспектологии*. Л., 1984.
- Маслов Ю. С. 2004 — *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. М., 2004.
- Поливанова А. К. 1985 — Выбор видовых форм глагола в русском языке. *Russian Linguistics*, 1985. Vol. 9, № 2 / 3. С. 209–223.
- Поливанова А. К. 2008 — Выбор видовых форм глагола в русском языке. *Избранные работы. Общее и русское языкознание*. РГГУ: Orientalia et Classica: Труды института восточных культур и античности. М., 2008. С. 39–52.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДА В РУССКИХ ПЕРФОРМАТИВАХ

С. Ю. ИВАНОВ

1. Исследование вида в сфере перформативов.

Перформативом мы называем предложение, содержащее в своем составе предикат, называющий действие, которое осуществляется высказыванием данного предложения. Например:

(1) **Прошу** вас минутку помолчать (М. Булгаков).

Словоформа *прошу* называет действие, осуществляемое произнесением данного предложения.

В статье «О субъективности в языке» Бенвенист, подчеркивая антропоцентрический характер перформативности, указывал: «*я клянусь* является формой с особой значимостью, поскольку она налагает на произносящего «я» реальность клятвы... Это следствие того, что единовременный акт речи, содержащий глагол, утверждает действие одновременно с созданием субъекта действия» [Бенвенист 1974: 299–300].

Исследование перформативности шло двумя путями. Более известный начался с издания лекций Остина в начале 1960-х и связан с разработкой теории речевых актов [Остин 1999: 13–135]. Другим путем, менее известным, является исследование перформативного употребления глагола с точки зрения славянского вида и времени. Первопроходцем этого пути традиционно считается Эрвин Кошмидер, называвший перформативность *коинциденцией*. Правда, сам Кошмидер в вопросе перформативности ссылается на более ранние статьи других авторов, не имеющие широкого хождения в среде аспектологов-русистов. Прежде всего это статья Станислава Шкрабеца «К вопросу об употреблении глаголов СВ и НСВ в словенском языке» [Škrabec 1903]. Очевидно, это первая работа о перформативном употреблении глагола, изданная в авторитетном международном журнале.

Шкрабец называет перформативное употребление термином *Praesens effectivum* — *настоящее действия*. По внутренней форме термин похож на *performative* Остина. Шкрабец пишет:

«о настоящем времени, которое не только называет действие, но одновременно и выполняет его посредством произнесения соответствующего глагола... Произнесением слов *благодарю, обещаю, клянусь, прощаюсь* совершаются называемые действия; и хотя произнесение слова может требовать определенного, пусть даже и очень короткого времени, говорящий не думает об этом... — действие понимается как мгновенное. Примечательно, однако, то, что в большинстве славянских языков это мгновенное действие осуществляется произнесением формы настоящего НСВ» [Škrabec 1903: 555].

Шкрабец считал, что словенский язык составляет исключение из славянских языков, так как в нем перформативно употребляется в основном СВ. Он приводит исторические и семантические аргументы в пользу исконности перформативного СВ в словенских памятниках и живой речи.

В 1906 с критикой Шкрабеца выступил в том же «Архиве славянской филологии» Йозеф Менцей. Его статья называется «К вопросу о настоящем времени глаголов СВ в словенском» с подзаголовком *Praesens effectivum* [Mencej 1906]. Если Шкрабец в своей работе рассматривал различные случаи употребления вида, в том числе перформативное, то статью Менцея можно считать первой статьёй, полностью посвященной перформативности. Менцей не соглашается со Шкрабецом, считая нейтральным видом перформатива НСВ, а многочисленные случаи СВ относит к немецкому влиянию. Не вдаваясь в детали полемики, важно отметить, что уже в начале прошлого века шла дискуссия о видовом облике перформативов.

В последние годы появились исследования, датирующие начало перформативной проблематики еще более ранним временем. Название английского варианта книги Игоря Жагара и Матейки Гргич обыгрывает Остина: «How to do things with tense and aspect: Performativity before Austin» [Žagar, Grgič: 2011]. Согласно авторам, Шкрабец открыл перформативность в конце XIX в. и опубликовал свои соображения в малотиражном религиозном журнале «Цветы садов св. Франциска», который сам же издавал. По данным Жагара, Шкрабец печатал свои лингвистические изыскания даже не в самом журнале, наполненном нравоучительными письмами и молитвами, а на его обложке толщиной в папиросную бумагу. Публикации на тему перформативности продолжались в этом журнале параллельно с выше-названными статьями в «Архиве славянской филологии» до 1918.

Кошмидер впервые указывает на перформативность в книге 1929 г. «Временное отношение и язык». Автор не употребляет термина *коинци-*

денция, но цитирует Шкрабеца и Менцея, в том числе термин *эффектив* [Koschmieder 1971: 62–64]. Впервые термин *коинциденция* употреблен Кошмидером в статье 1930, название которой мы перевели бы как «Конкуренция темпоральной и аспектуальной систем в настоящем времени»: *Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempussystem im Präsens* [Koschmieder 1930]. В этой статье на польском материале рассматривается употребление настоящего времени в трех значениях: настоящем историческом, настоящем пророческом и в перформативном значении, которое Кошмидер и называет коинциденцией. Именно эта статья, пересказанная в сокращенном виде, составила основу соответствующих разделов «Очерка науки о видах польского глагола» 1934, известного в русском переводе А. В. Бондарко [Кошмидер 1962].

У Кошмидера было оригинальное понимание славянского вида, в каком-то смысле производное от понятия времени. Кошмидер считал, что вид выражает временное направление действия, в самом абстрактном смысле слова. НСВ направлен из прошлого в будущее, а СВ — из будущего в прошлое. Перформативное употребление настоящего времени было для Кошмидера принципиально важно как единственный случай, в котором СВ возможен в чистом, неметафорическом настоящем. Действие происходит произнесением высказывания — поэтому оно подлинно настоящее — и сразу оказывается фактом прошлого — таким образом, оно соответствует направительному определению СВ. Поэтому Кошмидер разделял идеи Шкрабеца и поэтому же для Кошмидера было подлинной исследовательской проблемой то, что на деле в перформативах зачастую употребляется НСВ. Кошмидер объясняет перформативный НСВ двумя факторами.

Во-первых, НСВ является позднейшим явлением в сфере перформативности, вытеснившим исконный СВ под действием аналогии с другими употреблениями настоящего времени: «Кoineциденция представляет собой относительно редкое исключение в употреблении настоящего времени, которое (то есть настоящее время — *С.И.*) в подавляющем большинстве случаев... имперфективно. Ввиду подавляющего перевеса НСВ в настоящем времени легко может создаться впечатление, что любое истинное употребление настоящего должно быть в НСВ, и поэтому НСВ появляется даже в таком настоящем, где он неуместен, то есть в коинциденции» [Koschmieder 1930: 356–357].

Во-вторых, перформативный НСВ утвердился ввиду «разделения труда» между презентными формами НСВ и СВ, последняя из которых грамматикализовалась в значении будущего.

Кошмидер считает распространение перформативного НСВ результатом конфликта между видовой и временной системами в настоящем времени — конфликта, в котором перфективность была побеждена презентностью, а говоря шире, время победило вид. По сути, Кошмидер вводит понятие конкуренции внутри грамматической системы задолго до введения Матезиусом понятия конкуренции видов [Mathesius 1938]. Конкуренция Кошмидера глубже конкуренции Матезиуса. Во-первых, Кошмидер выдвигает мысль о том, что категории вида и времени могут работать друг против друга. Во-вторых, конкуренция систем вида и времени разворачивается у Кошмидера как бы на грани между диахроническим и синхроническим описанием грамматики. В иллюстрировании этой конкуренции важную роль играет перформативное употребление глагола.

Перенесенные в советское языкознание, идеи Кошмидера о видо-временном оформлении перформативного высказывания претерпели методологическое преломление. Так, М. А. Шелякин, рассматривая разные случаи конкуренции русских видов, пользуется идеей Кошмидера о перфективном характере коинцидентности, однако добавляет к ней идеи функциональной грамматики, указывая, что форма *попрошу*, в отличие от синонимичной *прошу*, сохраняет оттенок связи с будущим или просто модальный оттенок желания, необходимости и т.п. [Шелякин 1976: 58]. Эти идеи усиливаются в «Теории функциональной грамматики» под редакцией А. В. Бондарко [ТФГ 1990: 34–38]. Такие языковые факторы, как перформативное употребление, с одной стороны, и футуральное значение глагольной словоформы, с другой, которые в концепции Кошмидера находятся во взаимоисключающей конфронтации, в советской функциональной грамматике мирно сосуществуют.

По сравнению с аспектологическими исследованиями перформативности первой половины XX в., в советской аспектологии второй половины века произошел еще один сдвиг. В первой половине века, у Шкрабца, Менцея и Кошмидера, грамматической константой исследования было настоящее время. Вид был переменной. В позднесоветской аспектологии ситуация изменилась: в исследованиях видо-временного значения перформативности основную роль стала играть так называемая каноническая форма перформатива I лица единственного числа настоящего времени НСВ, ср. (1), то есть исследовательская база перформативности в ее видовом аспекте была сужена. Произошло это, очевидно, потому, что в первой половине XX в. совмещение настоящего времени с СВ было вопросом, более открытым для обсуждения, чем сейчас. В южнославянских языках СВ имеет настоящее время, правда требующее для своего употребления кон-

текстной детерминации. Свою роль в указанном сдвиге сыграло и то, что советские аспектологические исследования перформативного употребления были строго синхроническими и в основном ориентированными на русский язык, где настоящее время автоматически означает НСВ. Эти исследования были лишены сравнительно-исторической рамки, более свойственной исследованиям первой половины XX в.

Современная аспектуальная русистика в описании перформативного значения исходит из перформативности как темы и рематически интерпретирует ее связь с видом и временем, в том числе будущим, пытаясь включить перформативное значение в круг частных значений вида и времени. Либо перформативное значение объявляется перфективным, хотя оно и выражается формой настоящего НСВ, либо оно провозглашается «и точечным, и процессуальным одновременно» — эти две точки зрения последовательно высказаны Ю. Д. Апресяном [Апресян 1980: 39; Апресян 1995: 240]. Е. В. Падучева называет видовое значение перформативов *заквершенным* и *синхронным* [Падучева 1996: 165]. Й. Крекич в одном месте говорит об *актуально-фактическом* значении перформативных глаголов [Крекич 2002: 43–44], в другом, следуя идеям Кошмидера, характеризует время перформативного употребления как *настоящее ретроспективное* [Krékits 2004: 52]. При всей эффектности указанных обозначений они мало что добавляют к уже имеющимся сведениям о перформативном употреблении, представляющем собой нечто особенное.

2. Роль вида в русских перформативах.

Попробуем сформулировать альтернативный подход к описанию вида в русских перформативах. На протяжении XX в. объектом исследования видо-временной специфики перформативов была однословная синтетическая форма глагола — простого глагольного сказуемого перформативного предложения. Эта форма прямо или косвенно считалась носителем перформативного значения как частного видового или временного значения глагола. На наш взгляд, неправомерно столь тесно привязывать перформативность к словоформе. Носителем перформативного значения является не словоформа, а предложение целиком. Глагольная форма, называя действие, осуществляемое высказыванием данного предложения, выполняет перформативную функцию на уровне предложения и высказывания. Однако без полного предложения говорить о перформативности невоз-

можно. Вид участвует в выражении перформативности не прямо, а опосредованно.

Роль вида в выражении перформативного значения удобно пояснить сравнением этого значения с частновидовыми значениями глагольных форм. Последние образуются путем взаимодействия общего значения СВ или НСВ (если таковое признается), носителем которого является видовая форма, с контекстом. Носителем частновидового значения, пусть и опосредованно, через контекст, тоже признается словоформа. Напротив, в выражении перформативного значения, носителем которого является предложение (высказывание), глагольная словоформа, является, с одной стороны, лишь частью плана выражения этого значения, а с другой — одним из контекстных факторов, обуславливающих это выражение, то есть способствующих или препятствующих ему.

Например, если в предложении:

- (1) **Прошу** вас минутку помолчать (М. Булгаков)

Заменить *прошу* на *я просил / попросил*, то полученное предложение *Я просил / попросил вас минутку помолчать* будет не перформативным, а дескриптивным, то есть не самой просьбой, осуществляемой произнесением предложения, а описанием просьбы, имевшей место в прошлом. В данном случае принципиально различие во времени: настоящее способствует выражению перформативности, прошедшее — нет. Однако ни различия частновидовых значений, ни общесемантические различия СВ и НСВ роли здесь не играют.

Возможна другая ситуация, в которой различия между видами не влияют на выражение перформативности, одинаково благоприятствуя ей. Так, помимо НСВ настоящего времени *прошу* в (1) свободно употребляется в перформативной функции СВ будущего времени *попрошу*:

- (2) **Попрошу** всех перевести часы (В. Сорокин).

Помимо вида (1) и (2) различаются временем, но это не влияет на выражение перформативности. Перформатив может «отклоняться» от канонической формы и по признаку наклонения, причем видовые различия и в этом случае могут не играть роли:

- (3) **Я бы попросил** вас побыть еще здесь (Л. Толстой).

- (4) **Я бы просил** вас оставаться в рамках исполнения своих обязанностей (Л. Толстой).

Возможна ситуация, в которой видовые различия оказываются решающими для выражения перформативности при тождестве остальных грамматических признаков.

- (5) *Укажем еще на то, что в языке постоянно происходят переходы отдельных слов из местоименных в неместоименные и обратно (А. Пешковский).*

При замене в данном примере будущего СВ *укажем* на НСВ *будем указывать* перформативность утрачивается.

Сказуемое перформативного предложения допускает широкое формальное варьирование. Ограниченность исследований XX в. в области видо-временного значения перформативного глагола проявлялась в том, что их объектами были две формы: настоящее НСВ, например *прошу*, и настоящее-будущее СВ, например *попрошу*. Что касается исследований перформативного употребления видо-временных форм на материале русского языка, то несмотря на декларируемую разницу между категориями вида и времени, в интерпретации перформативного употребления эти категории шли рука об руку, поскольку в рамках простого индикативного глагольного сказуемого вид рассматривался как средство выражения времени.

Однако, как показано выше, вариативность перформативного предиката может переступать рамки не только времени, но и наклонения. В примерах (3) и (4) с сослагательным наклонением нет морфологического времени, но при этом выражен вид. Соответственно, вид может выражаться в перформативах отдельно от времени. На самом деле фактов такого выражения в русском языке довольно много. Приведем примеры перформативов с составным сказуемым:

- (6) *Теперь **хочу** убедительно **попросить** читателя не издеваться надо мной и над помутнением моего разума (В. Набоков).*
- (7) *Еще я **хотел** вас **попросить**, чтобы эта сделка осталась между нами,— говорил Чичиков, прощаясь (Н. Гоголь).*
- (8) *Но я **хотел бы** **просить** вас,— продолжал игемон,— если вам предложат перевод отсюда с повышением, отказаться от него и остаться здесь (М. Булгаков).*
- (9) ***Позвольте** вас **попросить** расположиться в этих креслах (Н. Гоголь).*
- (10) *Переходя к повелительному наклонению, мы **должны отметить**, что специальные оттенки создаются в нем исключительно интонационными средствами (А. Пешковский).*
- (11) *А **можно** у вас журнальчик **попросить**? (В. Сорокин).*

В примерах (6)–(11) собственно перформативной является лишь вторая часть составного сказуемого, в то время как первая представляет собой модальный предикат, который может быть либо глаголом (*хотеть*, *позволить*), либо кратким прилагательным (*должен*), либо безличным предикативом (*можно*). В случае глагольного выражения модальная часть сказуемого может иметь свои морфологические время, наклонение и вид, слабо влияющие на перформативный статус высказывания. Вторая часть сказуемого представляет собой перформативный предикат, выраженный инфинитивом, который несет в себе лишь категории вида и залога. Таким образом, в данных примерах вид и время либо находят выражение в разных словоформах, как в (6), (7), либо, если модальный предикат не выражает морфологического времени, как в (8)–(10), составное сказуемое перформативного предложения морфологически выражает только вид.

Существуют составные перформативные предикаты, то есть такие, которые состоят из двух словоформ, каждая из которых представляет собой перформативную лексему и выполняет перформативную функцию. Такие перформативы встречаются в официальных документах:

- (12) **Постановляю освободить** Руцкого А. В. от должности вице-президента Российской Федерации (Указ Президента).

Обе части составного сказуемого, *постановляю* и *освободить*, перформативны: высказывание представляет собой как *постановление*, так и *освобождение от должности*. Основная цель высказывания и, соответственно, основной перформативный предикат в данном случае — *освободить (от должности)*. *Постановляю* указывает не столько на речевой акт, сколько на речевой жанр — президентский указ. Поэтому функция *постановляю* отчасти сближается с функцией модальных предикатов в примерах (6) — (11). В таких перформативах вид находит морфологическое выражение в двух перформативных словоформах, причем в одной из них это НСВ, а в другой СВ.

Вспомогательный характер *постановляю* в примере (12) подтверждается тем, что в массе президентских указов этот глагол отсутствует, а перформативный предикат, обозначающий цель указа, выступает независимо, в рамках инфинитивного предложения:

- (13) **Назначить** Геращенко Председателем Центробанка (Указ Президента).

Перформативность примеров (12) и (13) не определяется тем, зависит ли синтаксически перформативный инфинитив *назначить* от формы *поста-*

новляю или нет [Иванов 2005]. В обоих примерах этот инфинитив выражает вид, но не время.

Следует упомянуть возможность выражения перформативного предиката формой краткого страдательного причастия СВ:

(14) *Гусев Борис Владимирович. Вы **арестованы*** (В. Сорокин).

Существуют перформативные предикаты, морфологически не выражающие ни времени, ни вида. К ним относятся краткие прилагательные:

(15) *Я так **благодарна** вам, что вы пожелали меня видеть* (Л. Толстой).

(16) *Я вам глубочайше **признателен**, мадам* (М. Булгаков);

а также существительные:

(17) *Граждане! **Просьба** не шуметь!* (В. Сорокин).

(18) *Ну, в общем, есть **предложение** расстрелять Пискунова* (В. Сорокин).

Приведенные примеры показывают, что выражение вида в перформативах может быть различным:

- 1) Вид может выражаться в одной словоформе вместе со временем — в простом индикативном сказуемом.
- 2) Вид может выражаться в словоформе, отдельной от той, которая выражает время — в составном глагольном сказуемом с модальным глаголом в индикативе.
- 3) Вид может выражаться без времени — в составном глагольном сказуемом с модальным глаголом в неиндикативной форме, либо с неглагольной модальной частью, либо в инфинитивном предложении, либо в предложении с кратким страдательным причастием СВ.
- 4) Вид может выражаться дважды в двух разных словоформах, выполняющих перформативную функцию, как в случае составного перформативного предиката.
- 5) Вид может не выражаться вообще, как в случае именных сказуемых, номинативных и экзистенциальных предложений.

Приведенный обзор морфологических и синтаксических форм, в которых может выступать перформативный предикат, не только подтверждает высказанную ранее мысль о том, что категория вида имеет не прямое, а опосредованное отношение к выражению перформативности, но и свидетельствует о том, что в некоторых перформативах эта категория вообще не находит выражения. Имея возможность выражаться отдельно от кате-

гории времени, вид, помимо индикатива, представлен в инфинитиве, сослагательном наклонении, а в некоторых перформативах также в пассивных причастиях. Если перформативный предикат представлен глаголом, то вид выражен в нем всегда, между тем как время — не всегда.

На первый взгляд, предлагаемый подход допускает в сфере грамматических выразителей перформативности такое разнообразие форм, которое влечет за собой уничтожение самого вопроса о видо-временном значении перформативного глагола. Однако это не совсем так. Выше было показано, что вид и время представляют собой грамматические факторы выражения перформативности, работающие во взаимодействии с другими, прежде всего синтаксическими факторами и имеющие неоднородное проявление в различных формах перформативного предиката. Попробуем упорядочить совокупность этих форм в виде поля средств выражения перформативности и прояснить роль вида и времени в разных зонах этого поля.

1) Центром поля наиболее естественно признать каноническую форму I лица единственного или множественного числа настоящего времени НСВ (*прошу/просим*). Если перформатив представляет собой речевое действие, происходящее в самый момент произнесения предложения и посредством этого произнесения, то простое глагольное сказуемое в форме настоящего времени представляется наиболее подходящим для реализации перформативной функции, так как в этой форме данная функция распознается при наименьшей контекстной поддержке. В канонической форме способно реализовывать перформативную функцию большинство перформативных лексем.

2) К ближайшей периферии форм выражения перформативного предиката относятся формы будущего СВ (*попрошу*) и сослагательного наклонения (*попросил бы*). Перформативная функция в этих формах затемняется оттенками, связанными с основным значением соответствующих форм: будущего и нереального действия. Оставаясь в рамках простого глагольного сказуемого, перформативный предикат в данных формах успешно реализует перформативную функцию в минимальном контексте, однако это касается не всех лексем. Так, не выполняют перформативной функции в данных формах глаголы, обозначающие такие речевые акты, которые требуют юридического подчинения адресата говорящему. При возможности перформативного прочтения *Я попрошу/попросил бы вас остаться* невозможен перформатив *Я прикажу/приказал бы вам остаться*.

3) Дальнейшую периферию перформативного предиката представляют формы составного сказуемого, в котором собственно перформативная часть выражена инфинитивом, зависимым от модального предиката (*хочу*

попросить, должен сообщить, рад приветствовать). Такие формы допускают широкий спектр модальных оттенков, наслаивающихся на перформативную семантику [Fraser 1975]. «Наследуя» лексические ограничения на перформативность от предыдущей группы, формы составного сказуемого добавляют новые ограничения. Так, при возможности перформативного прочтения *хочу попросить* в перформативе, имеющем форму повествовательного предложения, невозможно *могу/можно попросить*, хотя возможно *могу предложить* и *могу посоветовать*. *Могу/можно попросить* получает способность выполнять перформативную функцию в вопросительном предложении, ср. (11). Это свидетельствует об усилении контекстной детерминации перформативного значения при движении от центральных форм перформативного предиката к периферийным.

4) Крайнюю периферию перформативного предиката составляют неглагольные формы: прилагательные (*благодарен*) и существительные (*просьба*). Они способны выполнять перформативную функцию лишь в очень ограниченном наборе лексем.

Как проявляется категория вида в поле средств выражения перформативного предиката? Общая картина такова: центр перформативности — НСВ, периферия — СВ. Вряд ли в канонической форме настоящего времени НСВ нужно искать семантическую специфику НСВ, употребляемого здесь облигаторно, по требованию настоящего времени. В канонической форме перформатива вид определяется временем, а не время видом. Однако в периферийных формах, где вид «освобождается» от времени, почти безраздельно господствует СВ. Исключение составляет лишь глагол *по/просить* — один из наиболее употребительных перформативных глаголов русского языка. Он достаточно свободно употребляется в НСВ в различных периферийных формах, ср. (8). Воздерживаясь от поисков особой перформативной функции СВ, равно как от поисков причин его употребления в семантике «однократности», «моментальности» или «завершенности», отметим, что картина распределения видов в перформативах интересна тем, что категории времени и вида работают как бы «друг против друга». СВ занимает практически все перформативное употребление глаголов кроме канонической формы, где правила устанавливает настоящее время и поэтому употребляется НСВ. Эта форма является центральной с точки зрения времени, а не вида. На фоне громадного большинства форм СВ каноническая форма НСВ выглядит не центром, а периферийным, позиционно обусловленным вариантом. СВ в этом многообразии форм выступает как нейтральный, а НСВ как контекстно обусловленный вариант выражения перформативности. Как только перформативность

выходит за пределы настоящего времени, нейтральный СВ восстанавливается. Центры видового и временного микрополей выражения перформативности не совпадают.

Структурно-грамматическое расширение материала перформативов косвенным образом подтверждает мысль Кошмидера о первенстве СВ в выражении перформативности. Данное объяснение позволяет по-новому взглянуть на идею Кошмидера о вытеснении СВ из «настоящего перформативного» под влиянием видо-временной организации западных и восточных славянских языков.

Литература

Апресян Ю. Д. 1995 — *Избранные труды, том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.

Апресян Ю. Д. 1980 — Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. *Восприятие языкового значения*. Калининград. С. 27–40.

Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*. Москва. 1974.

Иванов С. Ю. 2005 — Перформативы в административных постановлениях. *Мысли о русском языке: Прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей к 155-летию кафедры русского языка СПбГУ (1849–2004)*. Санкт-Петербург. С. 120–123.

Кошмидер Э. 1962 — Очерк науки о видах польского глагола. *Вопросы глагольного вида*. Москва. С. 105–167.

Крекич Й. 2002 — Семантика и прагматика перформативных глаголов. *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Москва. С. 42–51.

Остин Дж. 1999 — *Избранное*. Москва.

Падучева Е. В. 1996 — Вид и время перформативного глагола. *Семантические исследования*. Москва. С. 161–166.

ТФГ 1990 — *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.

Шелякин М. А. 1976 — Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме синонимии видов). *Филологические науки*. №3 (93). С. 56–64.

Fraser B. 1975 — Hedged Performatives. *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. New York, San Francisco, London.

Koschmieder E. 1930 — Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempussystem im Präsens. *Zeitschrift für slawische Philologie*. Band 7. S. 341–358.

Koschmieder E. 1971 — *Zeitbezug und Sprache*. Darmstadt.

Krékits J. 2004 — Zeitrichtung in der Bedeutung der russischen performativen Verben. *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. T.49, №1–2. Budapest. С. 45–52.

Mathesius V. 1938 — O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném. *Slovo a slovesnost*. №4. S. 15–19.

Mencej J. 1906 — Zur Präsenzfrage perfektiver Verba im Slovenischen (Praesens effectivum). *Archiv für Slavische Philologie*. Band 28. S. 40–51.

Škrabec S. 1903 — Zum Gebrauche der Verba perfectiva und imperfectiva im Slovenischen. *Archiv für Slavische Philologie*. Band 25. S. 554–564.

Žagar I. Ž, Grgič M. 2011 — *How to do things with tense and aspect: Performativity before Austin*. Cambridge.

Источники

Булгаков М. А. — Мастер и Маргарита. *Собрание сочинений в 10 тт.* Т. 9. Москва, 1999.

Гоголь Н. В. — *Мертвые души*. Москва, 1988.

Набоков В. В. — *Лолита*. Ленинград, 1990.

Пешковский А. М. — *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд-е 6-е. Москва, 1938.

Сорокин В. Г. — *Собрание сочинений в 2-х тт.* Москва, 1998.

Толстой Л. Н. — Живой труп. *Собрание сочинений в 20 тт.* Т. 11. Москва, 1963.

Указы Президента РФ — *Москва. Осень-93: Хроника противостояния*. Москва, 1995.

НЕЛЕКСИЧЕСКОЕ *БЫТЬ* В ГОВОРАХ СТАРОВЕРОВ ЛАТГАЛИИ¹

Е. Е. КОРОЛЕВА

1. С 1997 года я со студентами Даугавпилсского университета проводила полное исследование говора поселка Малта Резекненского района Латвии. Естественным следствием этого явилось описание идиостиля одного носителя диалектной речи. В настоящее время в русистике наблюдается большой интерес к феномену языковой личности. В немалой степени этот интерес был стимулирован работой Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Важным этапом, подготовившим развитие этого направления современной русской диалектологии, явилось создание словарей идиолекта В. П. Тимофеевым [Тимофеев 1971], Е. Е. Королевой [Королёва 2000], В. Д. Лютиковой [Лютикова 2000], Е. А. Нефедовой [Нефедова 2001], «Полного словаря диалектной языковой личности» [Полный словарь 2006–2012]. В настоящей статье речь пойдет об особенностях идиостиля одного жителя Малты, в ней использован материал собственных записей автора, наблюдавшего за речью информанта в диалектологических экспедициях и во время неоднократных поездок в Малту уже после того, как комплексное изучение говора было закончено. Речь Сергея Харитоновича Соловьева уже служила предметом наших публикаций [Королёва 2004, Королёва 2010].

Наш информант родился в 1929 году в деревне Скрядели, недалеко от поселка Малта Резекненского района Латгалии, находящейся на юго-востоке Латвии. Латгалия — одна из четырех крупных единиц территориального членения Латвии, наряду с Курземе, Земгале, Видземе.

¹ Supported by European Regional Development Fund (ERDF) project "Promotion of international scientific cooperation of Daugavpils University" (No. 2010/0194/2DP/2.1.1.2.0/10/APIA/VIAA/018).

С. Х. Соловьев происходит из старообрядческой семьи, но считает себя атеистом, однако уклад жизни у него такой же, как у окружающих его старообрядцев. Большую часть своей жизни информант прожил в поселке Малта.

Речь С. Х. Соловьева характеризуется, с одной стороны, сохранением многих архаичных черт, свойственных островным говорам старообрядцев Латгалии вследствие их культурно-языкового и конфессионального изоляционизма, а с другой стороны — использованием просторечных и жаргонно-профессиональных элементов, поскольку он работал в леспромхозе Малты крановщиком и шофером, в колхозе — трактористом и комбайнером. Его речь отличается некоторой грубостью, он постоянно использует в своей речи инвективы *бес*, *змея*. Отражением психологических особенностей информанта является склонность к языковой игре, установка на шутку, ирония, аналитическое мышление, нигилизм, повышенная эмоциональность. Это социально активная личность экстравертного типа. Он очень коммуникабельный человек, всегда открыт для общения, имеет четко выраженную жизненную позицию, очень любит дисциплину и порядок во всем. Мною собран большой по объему (около 150 контекстов) материал, предлагаемый в этой статье.

2. Нам удалось зафиксировать в речи информанта уникальное явление, не отмеченное до сих пор собирателями, — использование лексически опустошенного глагола *быть* и его производных:

- (1) *Мы там **и крутили, и вертели, и были** — до дома догнали его* (о ремонте трактора в Риге).
- (2) *Целые митинги были, **кричали и были**, народ за него, а мэра сняли.*
- (3) *И в курляндцах (в Курземе, куда ездили на уборку урожая) на бетонном полу соломы принесёшь, **и спали, и были**.*
- (4) *Как он его там **клял**, как он его там **был** — матом-перематом, разным словам!*
- (5) *Его там мальцы **и били, и были**.*
- (6) ***И ругали, и были** этих ксензов.*
- (7) ***Втыкал да был** (телефонист соединял абонентов вручную), а теперь автоматика работает, чего ж так драть? (абонентская плата за телефон необоснованно высока).*
- (8) *А ичас не сильно балки ворочают? — **и тёр, и был** (лечил себе спину), недели две опояхавша ходил, и к врачу ездил — спину себе сорвал.*
- (9) *Век свой **строились, были**, ну, муж и жена — онна сатана.*

Уже эти примеры с формами прошедшего времени показывают, что глагол *быть* десемантизирован. Он используется в контекстах, включающих полнозначные глаголы, и занимает конечную позицию в ряду однородных сказуемых. На *быть* падает эмфатическое ударение, перед ним — пауза. По-видимому, *быть* выполняет эмфатическую, выделительную функцию, выделяя, подчеркивая во фразе предыдущий глагол, делая его центром высказывания.

Описываемые ситуации предполагают разнообразные действия, перечислять которые можно до бесконечности, но вместо конкретизации всего ряда говорящий заканчивает его «общим» глаголом *быть*. Роль глагола *быть* подобна в данном случае обобщающему члену предложения, завершающему однородный ряд. Такое *быть* можно, наверное, считать анафорическим. По-видимому, антецедентом можно считать весь ряд глаголов, который и замещается этим *быть*

То, что глаголы и в литературном языке могут становиться анафорическими, лишенными конкретной событийной семантики, и среди них оказывается и глагол *быть*, правда только в сочетании с местоименными словами *это было* или *так было*, в научной литературе уже отмечалось [Кузнецов 2009: 133–139]. В архангельских говорах зафиксированы глаголы с местоименными корнями и разными приставками: «глагол *тогодить* используется со всеми приставками *вытогодить*, *истогодить*, *оттогодить*, *растогодить* и т.п.» [Закревская 2009: 447–49], глагол *вытогодить* трактуется как: «совершить какое-н. действие, сделать что-н. О любом действии, конкретизирующемся в речевой ситуации» [АОС, 8: 288]. В архангельских говорах это явление не связано с особым стилистическим и анафорическим использованием лексически опустошенного глагола, как в нашем случае, а является глагольным местоимением широкой семантики [Закревская 2004: 50–51]. С. М. Мызников обратил внимание на существование и в финском языке подобного глагола (устное выступление). Подобные примеры находит С. П. Петрунина в сибирских говорах [Петрунина 2009: 48] и И. П. Петлева в свердловских говорах [Петлева 2003], то есть в зоне фино-угорского субстрата. При этом Петрунина считает, что «эмоционально-экспрессивное начало, заключающееся в преобладании чувственного над логическим, в неспособности говорящего извлечь из памяти нужную номинацию в условиях устной спонтанной коммуникации, проявляется в местоименных рядах, в которых первый компонент ряда представляет местоименный эквивалент глаголов конкретного физического действия» [Петрунина 2009: 48].

Что касается наших примеров, то чаще всего такое *быть* функционирует в парных конструкциях (о парных конструкциях см. [Петрунина 2008]), однако встречаются цепочки и из трех однородных членов. Преобладание парных однородных конструкций объясняется, по-видимому, особенностями разговорной речи, избегающей слишком длинных однородных рядов.

Синтаксически глаголы оформляются или без союзов, только интонационно, или при помощи соединительных союзов *и*, *да*, причем союз *и* может быть повторяющимся. В. З. Санников тонко заметил, что «союз *и*... и кроме указания конъюнкции дает оценку этой конъюнкции говорящим» и содержит компонент 'больше нормы' [Санников 2008: 299]. Таким образом, сам способ оформления этих глаголов является средством создания экспрессии. Еще одна функция этого *быть* — экспрессивная. У С. Х. Соловьева конструкции с нелексическим *быть* чаще всего связаны с негативным отношением к сообщаемому. Отмечен и один случай употребления разделительного союза:

(10) *Не видел, чтобы он хромал иль был.*

З. Замечательно то, что такой глагол *быть* способен завершать не только ряд глаголов в прошедшем времени, но и другие ряды временных форм, то есть получает полную морфологическую парадигму. Особый интерес вызывают контексты с формами настоящего времени, для которого в литературном языке нет соответствующих форм глагола *быть*. У нашего информанта роль настоящего времени выполняют формы *буду*, *будешь* или *быду*, *быдешь* (под влиянием инфинитива):

(11) *Лук девать некуда было: и плетянок ('связка репчатого лука, сплетенная гирляндой') наплетёшь, ишас его и сушишь, и будешь — ничего!* (хорошего урожая лука нет).

(12) *Лечут и будут, вечно гниют они ('кишки') у него, а пиво-то пить нельзя: больше гниют от этого.*

(13) *Свяжут какую двадцатку ('сноп льна весом 20 фунтов'), ею́ и чешут, и будут: его так уж разделяют, что волокнинка от волокнинки отделяется (об обработке льна).*

(14) *Такая мелочь ('блохи') — и фыркаешь (аэрозолем), и быдешь!*

(15) *Посмотри, какие дороги были: технику эту ломают, быют.*

Контексты с формами будущего времени зафиксированы только с глаголами несовершенного вида:

- (16) *Вот укуси гад ('змея'), свези к врачу, он тебя **будет резать, колоть и быть** — у тебя будет болеть и сохнуть; а сведи к деду ('знахарю'), он тебе заговорит и всё.*
- (17) *Он взёмши вторую жену, кто **будет** этих детей **растить, быть?***

Как видим, формы будущего сложного получают тавтологическими — *будет быть*. К ним примыкают и инфинитивные формы в составе составного глагольного сказуемого:

- (18) *Можете **не интересоваться и не быть** — он помер.*

Отмечен и случай использования данного глагола в повелительном наклонении:

- (19) *Другого **бей ты и будь** — не помогает, сам мучаешься и его мучаешь (о коне с норовом).*

4. Еще чаще, чем сам глагол *быть*, используются его префиксальные дериваты, причем приставка оказывается идентичной той, которая уже имеется у предыдущего глагола. Наибольшую активность проявляют образования с приставкой *раз-* и *пере-*. Анализируя особенности современной именной префиксации, Е. А. Земская пришла к выводу, что «активизируются те префиксы, которые передают социально и культурологически значимую семантику: временные отношения, отношения уничтожения, отрицания, противодействия (*де-*, *анти-*, *контр-*, *раз-*)» [Земская 1996: 139]. В нашем случае «лидирует» приставка *раз-*, выражающая отношения уничтожения.

- (20) *Такие трактора-стопятидесятки, экскаваторы, ангары — всё **распродали, разбыли**.*
- (21) *Всё **распихали, разбыли** моментом, крыши пооборвали, а теперь и задпятам.*
- (22) *Нетель ('корова, у которой еще не было телят') так скусали (пчелы), чуть спасли, на скот кидались: **раздуло** её, **разбыло**, бедную.*
- (23) *Всё, змея, **раскуробили, разбыли** (о производстве льна).*
- (24) ***Разломали, разбыли**, порезали, порвали — теперь опять вооружаемся.*
- (25) ***Распоролы, разбыли** и человека выкинули (об операции).*
- (26) ***Расковыряли, разбыли** и вытихнули вон, — спасибо добрым людям! (о том же).*
- (27) ***Распродаст** всё, **разбудет** иностранцам и уедет — иностранцы будут разгуливать, а ты будешь смотреть, сопли распустивши.*
- (28) *Взорвали, **раскидали, разбыли** — теперь опять надо вооружаться.*
- (29) *В Риге ВЭФ (завод) **разорили, разбыли**.*

- (30) *Столько банок у меня было этих трёхлитровых, **разносили, разбыли.***
- (31) *Инспектор (дорожной полиции) должен: **создалась толкучка, вылазит с машины — раз-два, развёл, разбыл.***
- (32) ***Рапихали, разбыли, размесили, снегом прикрыли** — и всё, начальство не узнало (о вывозе навоза на поля).*
- (33) *А наши эти змеи **разошьются, разбудутся, перекорёжуются** (‘покоробиться, потерять форму’ — об обуви).*

Последние два примера — редкие случаи срединного положения нелексического глагола *разбыть*, но общее правило употребления после знаменательных глаголов с той же приставкой соблюдено. Если в конструкции используются глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-*, то в конце ряда появляется соответствующий глагол с основой *бывасть*:

- (34) *Последнее это **растранжиривают, разбивают.***

Таким образом, здесь наблюдается совпадение не только префикса и окончания, как во всех предыдущих случаях, но и суффикса.

- (35) *Всё скрутили, **переломали, перебыли.***
- (36) *Всё этот змей **переломал, перебыл** — перестройку эту сделал.*
- (37) *Оны же все хрящи **перемелют, перебудут** и всё в колбасу. Как клевец (‘сырое, непропечённое тесто’) эта колбаса.*
- (38) *Всё **переломать** надо, **перебыть.***
- (39) ***Перевернут, перебудут** — вот, что обидно (сплетни о певице Алле Пугачевой).*
- (40) *С магазина в автолавку — **перемесят, перебудут**, потом опять в магазин (о колбасе).*
- (41) *В ящик **засунут, забудут** (обувь), оны мокрые, оны **засохнут, забудут**, — тада **переломают, перебудут**, тада: «в меня нет», а кто ж тебе виноват, что нет.*

В этом примере обращает на себя внимание глагол *забыть*, омонимичный знаменательному глаголу, причем в первом случае как будто можно подозревать наличие значения ‘не помнить’, однако весь последующий контекст с десемантизированными глаголами снимает эти сомнения. Ср. также:

- (42) *Бывало все эти мелиоративные канавы **ухаживались, дернём** (‘дёрн’) **обкладывались, эти вси ямы надо было залечить, забыть.***
- (43) *Две **охапочки** (дров) **принесу**, — **закололо** мне, **загорелось** мне, **забыло** (о неприятных ощущениях после операции при подъеме тяжестей).*
- (44) ***Завеет, забудет** (о метели).*

Немногочисленны примеры с другими приставками:

- (45) *Поехал бы я сразу в Даугавпилс, приехал бы как малец, — меня как они **наконопатили, нарезали, набыли** и оставили, а им что! (об операции в Резекне).*
- (46) *Когда **напортачили, набыли**, потом хватятся.*
- (47) *С этой землёй **набаруздят, набудут**, а ты всё размахывайся ('отвечать за последствия').*
- (48) *Сделали, **напроказили, набыли**, — а меня спросили. И это везде!*
- (49) *Вот змеи, **наблудят, набудят**, а потом глядят!*

Последний случай представляет собой пример унификации безударных окончаний: *наблудят, набудят*.

- (50) ***Опугают, обудут**: панки работать не будут, а работать мы будем.*
- (51) *Небылуха (небылица): скажи тебе раз, что ты — дурак, и будешь дурак, так нас, дураков, **околначили, обыли**, и ничего сделать не можем.*
- (52) *И министра этого **охаяли, обыли**: мать-анархия, что хотят, то говорят, что хотят, то делают.*
- (53) ***Оглодали** (о вырубке деревьев), **обыли** — как Каракумы, всё подчистую: «будем декоративную сажать красную берёзу» — 15 лет уже сажают!*
- (54) *Во распустили народ, дали самовластие — при советской власти ты не знал бы, куда глаз сунуть, а ишас нет, будешь говорить — **ошают, обыдут**.*

Приставка *о-* имеет вариант *об-*:

- (55) *Вот им **обсмеять там, оббыть**.*
- (56) *Он подал в местком ('профсоюз'), а местком ничего, так он и остался ни с чем: **обсмеяли, оббыли**, скрутили-свертели!*
- (57) *Жепер ('деревянный каркас для сушки сена и снопов') составлен, ну, так ты по порядку и бери, — кругом **обшилёпает, оббудет**, толку нет!*

Омонимичны знаменательным глаголам следующие образования:

- (58) *Огород лезет-буруздит ('топчет, портит'), — незначительный ущерб, не судят. Мне **сбуруздил, сбыл**, <затем> другому.*
- (59) *Там деревья вот такие с корням выворачивало, перекрестило всё, **скрутило, сбыло** — полосой такой (об урагане).*
- (60) *Теперь крутишься, **собьёшь, сбудешь** (подушку во время бессонницы).*
- (61) *Так её, бедную, **искорёжило, избыло** — и целый день он с ней отторчит (о женщине-инвалиде и ее муже).*

- (62) *На ноги поставили, **отстроили, отбыли** (всё после войны) — ах, вы, змеи вы наглые (все производство разрушено сейчас)!*
- (63) *Мы его **откормили, отбыли**, он от нас и отвернулся.*
- (64) *Надо голова за голову (о преступлениях), — **погрозили, побыли**, и опять чистенький, крутился-вертелся, и так прошло!*

5. Кроме личных форм, в речи информанта встречаются и страдательные причастия от приставочных глаголов в сказуемом:

- (65) *Приезжаю — точно: всё **раскидан, разбито**.*
- (66) *Стоит жа всё у нас: всё **разбросано, разбит**.*
- (67) *Эты бритвенные машинки ('электробритва') пять штук было в меня, и всё дарёные, хватился, она уже **заеложена** ('неоднократно использована'), **забыта**: он мои ножки поставил — ай, хлюст!*
- (68) *Круги раскрыт и труба — не тянет, весь дым в хату идёт, всё **забит, забит**.*
- (69) *Всё **скорочен, сбыто**, всё переделать надо.*
- (70) *Комбайн брошен, разобран, да, действительно, у него там **нагрежен** ('сломано'), **набыт**.*
- (71) *Много всего **нашиито, набыто**.*
- (72) *По самый асфальт проволокам **нагорожен, напихан, набыт** — если пьяному идти, и зацепишься.*
- (73) *Дверей не открыть: **натоптан, набыт**, давай облипки ('дверной косяк') тесать ('стачивать древесину') — дверь перекорёжен, не открыть.*

Одновременно употребляются и активные несогласуемые причастия («новый перфект» [Горшкова, Хабургаев 1981: 336]):

- (74) *Ботинки он, наверное, в коридоре снял, чтобы шороху не создавать — **расинуровавши, разбивши**.*
- (75) *Как нагоняли кучи этих корчей ('пней'), **заросши, забывши**, и так оны и лежат буграм.*
- (76) *Всё у нас **заросши**, всё у нас **забывши**.*
- (77) ***Закоптевши, забывши** — надо отрывать всё, конопатить (о ремонте).*
- (78) *Так малец уже **заживши, замызгавши, забывши**. На́ ('возьми') мою хоть поджигалку ('зажигалку'). Был такой красный, здоровый мужчина, как мухомор всё равно ставша.*
- (79) *Всё **пропивши, пробывши**.*

Интерес представляют и возвратные формы глагола *быть* и его производных, которые появляются вслед за возвратными знаменательными глаголами:

- (80) *Чтоб он так бы мямлился и былся — в жизни б России не было!*
- (81) **Не торговались, не былись.**
- (82) **Отпились, отбылись**, опять поехали работать.
- (83) В меня тёща померла, я неделю тоже пока **отпурзался** ('возился в течение какого-то времени'), **отбылся** и явился, и никто не спросил, где ты был?
- (84) Шчас уже **примериются, прибудутся**, тада женятся.
- (85) **Натрепался, набылся**, однопальцый ты!
- (86) Всё теперь **развалилось, разбылось** — вот тебе на!
- (87) Что ему зашло настроение, как **раскричался, разбылся** (о щенке).
- (89) Меня никто не мог обкосить, но я смотрю, что ты меня обкосишь, а если коса плохо отбита ('наточена'), будешь биться как чёрт об кочку, **заморишься, забудешься** и ничего не сделаешь.
- (90) Пьют-пьют и **передерутся, и перебудутся.**

б. Нельзя сказать, что нелексическое *быть* представлено только в речи С. Х. Соловьева. Подобные примеры зафиксированы также у других информантов. Представленный ниже материал записан в Резекненском, Прейльском, Краславском районах и в Даугавпилсе (Латгалия) от женщин старшего возраста. Причем не обязательно староверов. Отмечено оно нами и в пыталовском говоре. По-видимому, оно связано не со староверами, а с западной диалектной зоной. При этом оно не отмечается в латышском, латгальском и польском языках, распространенных на территории Латгалии. Следует заметить, что в речи других информантов данное явление встречается нерегулярно, спорадически. Всех информантов объединяет одно — это люди старшего поколения, носители традиционной основы говора.

- (91) Душа 40 дней летает здесь всё, где **жила-была**. (Малта)
- (92) Хорошую не найдёшь, а взять (в жены) какую-нибудь, **ухаживать** за ней да **быть**, и будешь ходить клынчить ('жаловаться, проклиная свою несчастную долю'), **хоронить да быть** (о вдове). (Прейли)
- (93) Яким Десятидворка, он командовал десяти дворам, они **пили тут и были** — ихняя власть, ихняя время. (Малта)
- (94) И **сфотографировали** ('сделали рентген'), и **были**, — и, беси знают что, давление жмёт! (Шниткино Прейльский р-н)
- (95) У нас одна, они венчались, ну так плохо жили: он её **ругал да был**. (Анчкины Прейльского р-на)

- (96) *И стирала, и была, и ходила* (за стариком), а она говорит: в грязи сидит. Ведь старый человек (не успеешь ухаживать за ним)! Видеть не могу её больше. (Даугавпилс)
- (97) Это *строили, были, теперь это всё разбили, разнесли, разбыли* — как после войны! (Матэли Краславского района)
- (98) Ой, всяко *отжито-отбыто*, ну, слава Богу, жизнь отжита, как ни было, ну, отжили. Столько *переживши да перебывши* это горя. (Малта)
- (99) Ей было женихов за кого идти, а таперь она уже *прижилась, прибылась*, пусть живут с Богом! (внучка староверки вышла замуж за латыша). (Санаужи Прейльского района)
- (100) Где ж она грибов набрала, рожь колосилась, *наросли, набыли* — больше и всё, не было грибов! (Калишово Краславского р-на)
- (101) И все соседи *и лаяли, и были*. (Зуй).
- (102) Они там *пили и были* (на запивинах 'об элементе свадебного обряда'). (Хлюстино Пыталовского р-на).

Скорее всего, С. Х. Соловьев унаследовал эту черту от людей старшего поколения и использует ее в отличие от своих соседей более активно, это его личные предпочтения и языковые пристрастия. Следует признаться, что я больше и чаще записывала речь С. Х. Соловьева, чем речь других жителей Малты. Чтобы иметь полную картину использования этой конструкции всеми жителями, по-видимому, необходимо жить среди носителей говора более длительный срок, чтобы информанты воспринимали диалектолога как своего человека. Выразить негативное отношение в присутствии чужого, с точки зрения информантов, может быть опасным.

7. Устная речь не лишена сбоев. Встречаются случаи постпозитивного употребления глагола *быть*, не повторяющего префикс предшествующего глагола или имеющего префикс, отличный от префикса знаменательного глагола. Здесь трудно установить, имеет место десемантизация глагола или нет, ведь и экзистенциальное значение основы достаточно абстрактно, и префикс имеет свое значение:

- (103) После войны *построились, были* — и чего мы докатились, до помоек?
- (104) Может, после этих ураганов там *поломало, перебыло* всё.

Важно, что, отрываясь от глаголов, дериваты глагола *быть* сохраняют позицию заключительного аккорда однородного ряда. Однако без поддержки полнозначного глагола значение установить невозможно, сохраняется только отрицательная экспрессия высказывания:

- (105) Тут кочегарка эта *разломано, ошерпано, набыт*.

- (106) С Витькой вдвоём **красили, обдирали, набыли**, она, сатана, сбежавшая была (делали ремонт в квартире дочери).

Когда перечислительный ряд начинается глаголом с основой *быть*, он сохраняет лексическое значение:

- (107) Человека **сбыть**, сгомзать ('экспрессив. смять, схватить'), — какого человека поймают — в заложники. Здесь глагол *сбыть*, как и литературное *сбыть*, имеет значение 'избавиться', ср. также:
- (108) *Одного **сбыдешь**, другого принесё* (о котёнке). Таким образом, постпозиция отглагольных дериватов с эмфатическим *быть* оказывается решающим фактором.

8. Достаточно трудно решить вопрос об истоках употребления глагола *быть* и его дериватов в приведенных контекстах. Известно, что уже в ранней истории славянских языков его производные теряли экзистенциальное значение и отрывались от производящего — *добыть, сбыть*, особенно *забыть*. В говорах староверов Латгалии наблюдается развитие особых значений у глагола *быть* с приставками:

- (109) *А чего ты училась и не научилась? — Что было, **пробыло*** (то есть 'прошло'). (Прейли);
- (110) *Они в работницах **набылись**: и в няньках, и в льяках* (то есть 'были долгое время на разных работах'). (Прейли, Санаужи). Вполне возможно, что объяснение этого явления лежит в русле указанной тенденции употребления эмфатического *быть*, когда приставка оказывается лексически более сильной. Пример Е. А. Земской подтверждает подвижность и самостоятельность приставок в русской разговорной речи: *Ты не переспал? — Скорее **недо**, чем **пере*** [Земская 1981: 75].

Возможно, к диалектным примерам следует подсоединить известное сказочное начало *жили-были*, в отношении происхождения которого высказаны различные предположения, в том числе возводящие его к плюсквамперфекту или влиянию финно-угорского субстрата [Петрухин 2007; Вайс 2003]. Не касаясь проблем происхождения этого явления, отметим только один подобный случай в речи нашего информанта:

- (111) *Где вот барак, тут школа наша **была сгорела*** — плюсквамперфект или скороговоркой произнесенный глагольный ряд?

Следующий пример является, на наш взгляд, решающим для перехода от плюсквамперфекта к стилистическому приему, служащему для создания выразительности, образности:

- (112) *Советская влась тут **стала была*** — Шура стал почти *возить*.

Если плюсквамперфект и был основой, на которой формировался десемантизированный глагол *быть*, то он, судя по примерам в речи С. Х. Соловьева и других носителей, давно оторвался от первоисточника, оброс дериватами, получил достаточно широкую морфологическую парадигму и стал средством выражения эмфазы, анафоры, экспрессии и в некоторых случаях отрицательной оценки. Всё это лежит в русле общей тенденции истории глагола *быть* в русских говорах: *Занимая позицию, способствующую энклитизации, их формы утрачивали как формальную, так и функциональную связь с глаголом и развивали новые синтаксические функции и значения* [Пожарицкая 2010: 103].

Литература

- Архангельский областной словарь 1993 — Под ред. О.Г. Гецово́й. Вып. 8. Москва.
- Вайс Д. 2003 — Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках. *Русский язык в научном освещении*. № 2(6). С. 37–59.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. 1981 — *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Закревская В. А. 2004 — Место глагольные слова в архангельских говорах. *Проблемы современной русской диалектологии*. Тезисы докладов международной конференции 23–25 марта 2004 г. / Отв. ред. А. Л. Касаткин. Москва.
- Закревская В. А. 2009 — Глаголы «местоименного» типа в архангельских говорах (об одном субстратном явлении как свидетельстве языковой толерантности). *Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и межконфессиональной толерантности*. Сб. статей по материалам XI Международной научно-практической конференции 14–17 апреля 2009 г. В 2-х частях. Ч.1. Санкт-Петербург.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. 1981 — *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва.
- Земская Е. А. 1996 — Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва. С. 90–141.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Москва.
- Королева Е. Е. 2000 — *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1–2. Daugavpils.
- Королева Е. Е. 2004 — Сравнительные конструкции в идиолекте (на материале старообрядческого говора Латгалии). *Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII)*. Москва.
- Королева Е. Е. 2010 — Креативный потенциал диалектной языковой личности. *Материя диалекта и идиолект перевода*. *Komparatīvistikas institūta almanahs 22. sējums. Valoda un pasaule*. 2. izdevums. Daugavpils. С. 105–116.

Кузнецов А. М. 2009 — Глагольная анафора. *Текст. Структура и семантика*. Доклады XII международной конференции. Т. II. Москва. С. 133–139.

Лютикова В. Д. 2000 — *Словарь диалектной личности*. Тюмень.

Нефедова Е. А. 2001 — *Экспрессивный словарь диалектной личности*. Москва.

Петлева И. П. 2003 — Еще раз к вопросу о русских диалектных словах с вставным элементом *-то-* (*//-та-//-ту-*). *Этимологические исследования*. Изд-во Уральского университета. Вып. 8. Екатеринбург. С. 32–37.

Петрунина С. П. 2008 — *Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций)*. Новокузнецк.

Петрунина С. П. 2009 — Глагольные парные конструкции как средство экспрессивизации диалектной речи (на материале сибирских говоров). *Reģionālā un sociālā dialektoloģija. Komparatīvistikas institūta almanahs 18. sējums. Valoda un pasaule. 1. izdevums*. Daugavpils. S. 44–55.

Петрухин И. В. 2007 — Жили-были: вопрос закрыт? *Русский язык в научном освещении*. № 2(14). С. 268–82.

Пожарицкая С. К. 2010 — Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать*, в севернорусской диалектной речи. *Русский язык в научном освещении*. № 1(10). С. 103–131.

Полный словарь диалектной языковой личности 2006–2012 — Под ред. Е. В. Иванцовой. Т.1–4. Томск.

Санников В. З. 2008 — *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва.

Тимофеев В. П. 1971 — *Диалектный словарь личности*. Шадринск.

ПРАГМАТИКА ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Е. И. КОСТАНДИ

На современном этапе развития синтаксиса очевидно, что использование разных способов и средств соединения языковых единиц в предложении и тексте соотносится с авторскими установками и подвержено воздействию коммуникативно-прагматических факторов, что не только отмечает, но и анализирует в своих работах М. А. Шелякин, памяти которого посвящен настоящий сборник [Шелякин 2001; 2002]. Если в начале второй половины XX века все больше исследователей (Г. А. Золотова, Н. Н. Прокопович, Е. С. Скобликова и др.¹) говорили о необходимости полноценного анализа семантической составляющей синтаксических связей, то в конце XX столетия и сейчас одной из актуальных задач является учет условий коммуникации, авторских установок, признаков автора и адресата, всего, что имеет отношение к прагматике языка и речи. Прагматическая составляющая синтаксических связей в последние десятилетия становилась объектом исследовательского интереса, однако до сих пор не существует ни относительно полного описания всех связей с этой точки зрения, ни сформировавшихся сколь бы то ни было общепринятых подходов к выявлению и анализу прагматики синтаксических связей. Настоящая статья продолжает ряд работ автора, посвященных прагматике синтаксических связей [Костанди 1997; 1999а; 1999б; 2007; 2012; 2013]. В последней публикации отмечалось, что особые трудности возникают при анализе подчинительной связи слов. Характер и средства предикативной связи, связи между частями сложного предложения и текста, сочинительной связи слов можно отчасти трактовать как результат относительно свободного авторского выбора и,

¹ Подробнее об этом см. в [Костанди 2013]

следовательно, как реализацию авторской установки. Подчинительная связь слов, особенно управление, в большей мере регулируется системно-языковыми правилами, в ней меньше проявляются индивидуальность автора, соотнесенность с конкретным коммуникативным актом, и, соответственно, появляется больше проблем при анализе ее прагматики. В указанной статье в центре внимания был не столько анализ прагматики подчинительных связей, сколько поиск возможностей ее выявления и последующего анализа. Для перехода к дальнейшему анализу максимально обобщенно приведем результаты предшествующего рассмотрения подчинительной связи.

Во-первых, на разнообразном материале нами рассматривалось самое очевидное проявление прагматики подчинительных словосочетаний, заключающееся в том, что, выбирая синтаксические отношения, тип связи и соответствующие средства, автор может подчеркивать какой-либо аспект (объектный, орудийный, атрибутивный, целевой и др.) соотношения главного и зависимого слов и обозначаемых ими компонентов языковой и неязыковой действительности. Во-вторых, разные типы связи способствуют формированию точки зрения, позиции говорящего или иного субъекта, моделирующего и воспринимающего языковую действительность.

Как свидетельствует анализ материала, наиболее регулярны позиции, соотносящиеся с двумя основными коммуникативными регистрами — изобразительным (репродуктивным) и информативным [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], то есть с позицией непосредственного наблюдателя или/и участника, который «видит, слышит, чувствует», и позицией отстраненного субъекта, который «знает» о событиях, сопоставляет их, обобщает. Можно предположить, что тип подчинительной связи соотносится с этими параметрами следующим образом. При согласовании повторение грамматических показателей главного и зависимого слов, то есть пересечение компонентов словосочетания, способствует тому, что оно в большей степени воспринимается как целое: моделируется «слияние» признака с предметом. Субъект, непосредственно воспринимая предмет, воспринимает и его признак, а предмет, наделенный признаками, становится более «видимым», что способствует формированию репродуктивного регистра. Разумеется, не все конкретные словосочетания с согласованием реализуют такую точку зрения, но согласование потенциально, в силу характера связи, может участвовать в ее формировании. Управление не требует совпадения формальных показателей главного и зависимого слов, характером связи они «разделяются», чем моделируется «раздельное» же существование компонентов. Поскольку управление реализует валентность лексемы, соотносящуюся с ситуацией, часто сложно

организованной, то моделирование и восприятие последней может требовать отстранения, установления логических связей, осмысления и т. д. Кроме того, субъект часто, хотя далеко не всегда, не может одновременно непосредственно наблюдать и действие (состояние) и предмет, требуется некоторое «отдаление» от них, что в большей мере соответствует информативному регистру. Можно сказать, что согласование и управление «тяготеют» к передаче определенной позиции субъекта. Примыкание, устанавливая факультативную связь, слабо формально организованную, в зависимости от конкретных слов, словоформ и средств связи может соотноситься с разными позициями.

В моделировании любой позиции всегда задействован ряд языковых средств, однозначно разграничить которые невозможно, ведь в речи это единый комплекс. Соответственно, регулярно встает вопрос о роли типа связи. Ответить на него помогает привлечение для анализа как можно более разнообразных типов текстов, конкретных контекстов и коммуникативных ситуаций. Это дает возможность сопоставить использование типов связи «в действии», увидеть их соотношенность с разными коммуникативно-прагматическими факторами. Долгое время материалом для анализа типов синтаксической связи служили в основном примеры из художественных и публицистических текстов. С 1960-х годов активно исследовался разговорный синтаксис, но это не всегда соотносилось с общесинтаксическими вопросами, например, с характеристикой типов связи. В последние годы для анализа все чаще привлекались тексты, появившиеся или актуализировавшиеся в этот период. Тем не менее это далеко не охватывает всей «жизни» языка, а многие синтаксические явления по-прежнему описываются с привлечением преимущественно традиционного материала. Доказательству необходимости обращения при анализе прагматики синтаксических связей к разнообразным текстам была посвящена последняя из упоминавшихся выше работ [Костанди 2013].

Рассмотренные в ней примеры из художественных, официально-деловых, рекламных текстов, разговорной речи, переводных текстов позволили расширить представление о роли подчинительной связи в передаче авторской установки. Значимыми прагматическими факторами активного распространения некоторых типов словосочетаний оказались простота их образования, удобство использования. В то же время утверждение, что отмеченные прагматические проявления обусловлены, в числе прочего, характером связи, все же вызывали сомнения, разрешить которые частично помогло обращение к корпусным данным. Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) свидетельствуют о разной частотности опреде-

ленных видов словосочетаний и о «тяготении» их к разным контекстам. В [Костанди 2013] были рассмотрены контексты употребления таких пар словосочетаний, как *балконная дверь – дверь на балкон; перчатки для работы – рабочие перчатки; материнская любовь – любовь матери; гражданские права – права граждан* и др. Анализ контекстов показал, что наиболее типичными при согласовании являются те, в которых взгляд субъекта, с точки зрения которого представлен факт (событие), сфокусирован на предмете и «слитом» с ним признаке (*балконная дверь, материнская любовь*). В большинстве примеров из НКРЯ такие словосочетания занимали позицию подлежащего, что усиливало фокусировку взгляда на одной точке. Управляемое зависимое слово (*дверь на балкон, любовь матери*) в сравнении с согласуемым представлено как более самостоятельное, отдаленное от главного. Для таких словосочетаний характерны контексты, в которых «поле зрения» как бы расширяется, управление «раздвигает» пространство моделируемого события, предполагает переход (движение) от главного компонента к зависимому, вводит процессуальность. Кажется, что это противоречит ранее сделанному выводу о тяготении согласования к изобразительному регистру и управления к информативному, однако противоречие это мнимое. Если «взгляд» сосредоточен на предмете, мы можем «увидеть» его в деталях, со «слитыми» с ним признаками, что соотносится с изобразительным регистром. Когда «взгляд» распространяется на большее пространство, на ситуацию нужны большая информативность, предшествующие знания, следовательно, и некоторое отстранение от непосредственного наблюдения.

Целью статьи, рассмотренной выше, было продемонстрировать необходимость обращения к разнообразному материалу. Ниже будут рассмотрены некоторые особенности атрибутивных словосочетаний в двух видах текстов, репрезентирующих современные дискурсивные (речевые) практики. Это информационно-рекламные издания торговых сетей и тексты меню. Первые в практике русского языка появляются сравнительно недавно, в постсоветский период, с распространением торговых сетей и их рекламы. Относительно новыми являются не только издания, но и многие наименования товаров, массово вошедших и продолжающих входить в обиход носителей русского языка. Этот материал тесно связан с экстралингвистическими факторами, имеет выраженную прагматическую направленность и репрезентирует живые речевые процессы, в ходе которых происходит отбор языковых средств, наиболее соответствующих условиям коммуникации.

Меню как вид текста существует давно, однако в постсоветский период претерпевает существенные жанровые изменения, привлекая внимание исследователей. Рассматривая феномен языковой игры в современных российских дискурсивных практиках, О. С. Иссерс отмечает, что «на материале меню кафе и ресторанов также можно проследить жанровые метаморфозы, вызванные изменением его функции от информативной к воздействующей» [Иссерс 2009: 269]. Здесь, как и в изданиях торговых сетей, доминирует прагматика воздействия на клиента, постоянно появляются новые, часто креативные, наименования блюд, это так же «активно живущие» тексты, вовлеченные в действие (купить, использовать, съесть, приготовить, оценить и т. д.). В тех и других текстах частотной синтаксической единицей являются подчинительные атрибутивные словосочетания, называющие товар (в примерах сохранено написание оригинала):

- (1) *банановый крем, свинина охлажденная, бефстроганов с картофельным пюре, соус барбекю, нежный молочный мусс, мешки для мусора, набор прищепок, поднос из фольги.*

Характер материала и особенности его функционирования стали основной причиной его привлечения для нашего исследования. Кроме того, изучение речи диаспоры, в частности, русского языка в Эстонии, свидетельствует о том, что атрибутивные словосочетания в таких текстах особенно подвержены влиянию местных коммуникативно-прагматических факторов [Костанди 2007; 2012; Паликова 2009], что дополнительно побуждает к анализу их прагматики. Так как часто есть возможность обратиться к таким текстам не только в их «бумажном», но и в электронном варианте, для исследования использовались информационно-рекламные издания торговых сетей и меню ресторанов, кафе России, Эстонии, Латвии, Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана и других стран постсоветского пространства.

Обратимся прежде всего к общей характеристике материала. Как известно, атрибутивные словосочетания, то есть сочетание существительного с зависимым словом, называющим признак, в русском языке разнообразны по форме, ср.:

- (2) *белый снег, наши дела, третий класс, прочитанная книга, дверь налево, платье синего цвета, дом в три этажа, шкаф из дерева, книга в переплете, лес зимой, желание уехать, горшок для цветов, макароны по-флотски, жаркое из свинины, брюки в полоску, затишье перед грозой, мост через реку, скатерть с рисунком.*

В нашем материале представлены не все формы, а лишь некоторые, и их можно охарактеризовать как довольно однообразные. Наиболее частотны следующие конструкции:

- (3) Сущ.+Прилаг. (причастие, порядковое числительное, местоимение): *капуста белокочанная, масло сливочное, туалетная бумага, напиток винный, фаршешая смесь, мой первый конструктор, игра интерактивная, грудка жаренная, фаршированная;*
- (4) Сущ.+Сущ. (Род., Твор., Предл. падежи, без и с предлогами *в, из, с, для, от, под, на, без* и др.): *освежитель воздуха, набор прищепок, филе судака, мясо в соусе, ножки в тесте, тартар из тунца с пюре из авокадо, плащ с капюшоном, бефстроганов с пюре и соусом, рукав для запекания, зонт от солнца, печенъ на гриле, котлетка на косточке, цыпленок под гнетом, биток без кости;*
- (5) Сущ.+Имя собственное (сорт, марка, вид и т. п.) в разных формах: *спред «Сливочная долина», карандаш «Волшебный», говядина «Шароле», суп харчо, сыр Вильнюс, груша «Анжу», мусс «Шок-манже», котлета Дачная, сервелат Финский, лед Бабл Айс, сыр Маскарпоне, игра GOLI-ATH «Мистер Крипти», «Aleko» сельдь, jaloreno перчики с сыром Cheddar, сыр «Viola», MP3-плеер Sony NWZ-E463, чехол Beyzacases iPhone 4 Retro Super;*
- (6) Сущ.+Нареч.: *печенъ по-венециански, котлеты по-домашнему, кролик по-лигурийски.*

Наиболее «просты» примеры первой группы (согласование), в большинстве случаев достаточно однозначно трактуются как управление примеры второй группы. Синтаксическая связь в словосочетаниях третьей группы может быть определена как согласование (*карандаш «Волшебный»*) или не имеет однозначного толкования (*мусс «Шок-манже», чехол Beyzacases iPhone 4 Retro Super*). Немногочисленны и однообразны словосочетания последней группы (примыкание).

Словосочетания, представленные в примерах 3–5, наиболее частотны и встречаются во всем просмотренном материале. Их формы имеют семантико-прагматическую основу, так как нацелены на передачу того содержания, которое актуально для данного вида текстов и ситуаций: назвать товар / блюдо, его характеристики, компоненты (ингредиенты), предназначение, способ приготовления и т. п., что и передается перечисленными формами. Если рассматривать примеры в целом, можно предположить, что их семантико-прагматические свойства реализуется лексически и морфологически (лексическое значение, частеречные характеристики прилагательного, падежные формы существительных). Тип синтаксической связи

кажется не играющим существенной роли. Однако, во-первых, те или иные словоформы в значительной степени определяются синтаксической позицией, тем, что слова соединены друг с другом, то есть вне синтаксической связи их прагматика, а порой и семантика меняются. Во-вторых, анализ контекстов более или менее частотного, «привычного» использования разных форм говорит о большей прагматической значимости типа синтаксической связи, чем это кажется на первый взгляд.

Рассмотрим явно прослеживающуюся тенденцию использования разных словосочетаний в странах, различающихся статусом, распространенностью, функциями русского языка. Наибольшие отличия наблюдаются в наименованиях товаров массового спроса в рекламно-информационных изданиях торговых сетей (попутно отметим, что какие-то языковые особенности зависят и от конкретной торговой сети, однако на этом не будем сейчас останавливаться). По ряду языковых характеристик обычно можно легко определить, что издание представляет торговые сети стран, где русский является основным или широко распространенным (Россия, Белоруссия, Украина, меньше Казахстан), или стран, ориентированных на первые (Узбекистан, Армения, Туркменистан, Таджикистан). При том, что в каждой стране есть свои особенности, характер номинации товаров во многом в них однотипен. С другой стороны, своя специфика наблюдается в случае, когда русский язык, сосуществуя с другим, обычно государственным, языком страны, регулярно представлен в переводах (например, Эстония, Латвия, Литва). Различия наблюдаются на всех языковых уровнях. Далее рассмотрим интересующие нас подчинительные словосочетания.

Материал, относящийся к российской, белорусской и т. п. действительности изобилует словосочетаниями существительного с зависимым прилагательным, как вариант — являющимся именем собственным (см. примеры под номером 3, частично 5). По сравнению, например, с эстонским контекстом, количество словосочетаний Сущ.+Прилаг. здесь больше, во-первых, за счет более регулярного появления при существительном, называющем товар, наименований (имен собственных) и дополнительных характеристик, например оценочных, порой просто отсутствующих в эстонском материале, ср.:

- (7) *колбаса «Детская», вареная (Рос.) / колбаса (Эст.); масло «Крестьянское» (Укр.) / масло (Эст.); сыр «Голландский» (Узбек.) / сыр; кисломолочный напиток Актимель (Рос.) / Актимель (Эст.); глазированный сырок (Белорус.) / сырки (Эст.).*

Во-вторых, в эстонских информационно-рекламных изданиях довольно часто «вместо» возможного зависимого прилагательного используются существительные, например:

- (8) *корм для собак (собачий), полотенца для кухни (кухонные), перчатки для работы (рабочие), мясо курицы, рулет из ветчины, вырезка говядины, суп из клубники.*

В-третьих, названия вида, сорта, марки товара в наших условиях чаще, чем, например, в российских или украинских, являются не русскими и обычно не переводятся:

- (9) *ветчина Maamehe, салат Sünnipäeva, орехи Bittles, хлопья Helen, сыр Vene, ликер Vana Tallinn.*

Разумеется, словосочетания Сущ.+Прилаг. есть во всех изданиях, речь идет об их частотности, при этом в разных конкретных изданиях и в разные годы картина меняется. Так как нас интересует не описание того или иного издания, а функциональные, прагматически обусловленные характеристики подчинительной связи, рассмотрим условия формирования отмеченной специфики, наблюдаемой, с одной стороны, на материале, где русский язык является единственным или основным языком издания (Россия, Белоруссия, Украина, меньше другие страны), и, с другой, в «диаспорном» варианте русского языка (Эстония, Латвия, Литва, меньше другие страны). В качестве частного примера ниже будет использован в основном эстонский и российский материал, но так, чтобы он отражал тенденции, обнаруженные во всех источниках.

В эстонской действительности за последние двадцать лет произошел переход от преимущественно одноязычных (на эстонском языке) изданий в основном к двуязычным. Как справедливо отмечает О. Н. Паликова, в последних «отсутствует профессиональное редактирование, а перевод, по-видимому, также выполняется непрофессиональным переводчиком. Таким образом, мы получаем образец письменно зафиксированной русской речи «наивного» носителя русского языка в Эстонии» [Паликова 2009: 145]. Кроме того, переводчик в наших условиях находится «в окружении» эстонского языка, так как эстонский является не только исходным в переводе, но и языком, на котором существует вся документация, надписи на упаковках товаров, ценники в магазине и т. д. Со временем ситуация несколько изменилась: появляется все больше товаров местного производства, сопровождаемых и русским текстом, накапливается опыт переводческой работы, есть возможность обратиться к поиску информации в Интернете и узнать, как называется аналогичный товар в российской со-

временной действительности. Изменение условий привело, как показывают наблюдения над материалом разных лет, к некоторому стиранию различий между эстонским и российским вариантами однотипных изданий (очевидно, можно говорить о частном проявлении процессов глобализации).

Отмеченные различия в использовании разных типов словосочетаний (примеры 7–9) несколько лет назад были более очевидными, но продолжают существовать и сейчас, так как сохраняются многие факторы, их порождающие. Так, отсутствие зависимых прилагательных, характеризующих предмет, может быть связано с наличием параллельного эстонского текста, который часто содержит больше информации о товаре, ср. (в скобках дан перевод эстонского текста):

- (10) *Laste keeduvorst* (колбаса «Детская», вареная) / *Колбаса*; *Valio Atlet Original* *juust viilutatud* (сыр «Атлет Оригинальный» от Valio, нарезанный) / *Сыр*; *Daisy Lux tualettpaber kolmekihiline* (туалетная бумага Daisy Lux, трехслойная) / *Туалетная бумага*; *Draakoni õunamaitseline närimiskompvek* (жевательные конфеты «Дракон» с яблочным вкусом) / *Конфеты*.

С характером синтаксических отношений связаны и такие сохраняющиеся различия, как пре- и постпозиция зависимого прилагательного, (не)использование кавычек для наименования товара (в частности, являющегося согласуемым прилагательным), особенности пунктуации, частотность латиницы. Для эстонского материала характерны стилистически немаркированная препозиция прилагательного, отсутствие кавычек, регулярность латиницы. Российские (белорусские, украинские) примеры, как правило, обладают противоположными признаками: постпозиция прилагательного, заключение наименования товара в кавычки (не всегда), запятая, обособляющая определение в постпозиции (не всегда), меньшая частотность латиницы, ср.:

- (11) Эст.: *короткие огурцы, молотый кофе, винный напиток, полужирный маргарин, Докторская колбаса, Домашний фарш, Сааремааское масло*; Рос.: *огурцы короткоплодные, фарш «Домашний», персики плоские, крылышки куриные, напиток винный, сухарики пшеничные, лопатка «Королевская», свинья*.

Эти различия не меняют тип синтаксической связи, однако значимы для общей характеристики прагматики рассматриваемых словосочетаний.

Как отмечалось выше, согласование, управление и, в меньшей мере, примыкание могут соотноситься с авторской установкой, с характером моделируемого языкового события: согласование способствует фокусировке «взгляда» на предмете, управление «расширяет» воспринимаемое

пространство, включая предмет в предполагаемое событие, действие. Эти потенциальные возможности реализуются и в рассматриваемом материале, что позволяет увидеть сопоставление синонимичных словосочетаний типа:

- (12) *овощной суп / суп из овощей; капустный салат / салат из капусты; детские товары / товары для детей; копченая скумбрия / скумбрия холодного копчения; творожная запеканка / запеканка из творога.*

Вторые компоненты пар достаточно явно отсылают к ситуации: '*суп сварили из овощей*'; '*салат сделали из капусты*'; '*товары произвели для детей*' и т. д. Аналогичные ситуации «скрываются» и за словосочетаниями типа *овощной суп, куриный салат*, однако отсылки к ним нет, или она минимальна. В такого рода синонимичных парах словосочетаний синтаксические отношения (в единстве с лексикой и морфологией) способствуют представлению предмета с признаком как относительно самостоятельного, «застывшего», на котором сосредоточено внимание, или как части некоторой ситуации с оттенком процессуальности. Очевидно, что с прагматикой информационно-рекламных изданий торговых сетей (представить конкретный товар) лучше соотносится первое — сфокусированность на предмете, что и наблюдается в изданиях с «родным» русским языком. Такая прагматика неизбежно приводит к частотности словосочетаний Сущ.+Прилаг. В еще большей степени это достигается инверсированным порядком слов, когда на первую позицию выводится существительное (своего рода «именительный представления»), а прилагательное в постпозиции вводит информацию о деталях (сорт, вид, характеристики). В «диаспорном» варианте эти семантико-прагматические нюансы теряются или, точнее говоря, осваиваются медленнее. Выше уже отмечалось, что со временем и здесь вместо прежних конструкций Сущ.+Сущ. все больше появляется сочетаний Прилаг.+Сущ. Можно предположить, что через некоторое время произойдет и изменение порядка слов (Сущ.+Прилаг.), что пока не обнаружено в нашем материале.

Сопоставление названий товаров разного вида и изданий разных сетей (продовольственных, хозяйственных, строительных, бытовой техники и т. д.) свидетельствует о том, что характер словосочетания и «освоенность» предмета и его наименования, то есть массовость, повседневность товара, частотность использования его наименования взаимосвязаны. Выше приводились в основном примеры наименований товаров массового спроса (продукты питания, некоторые бытовые товары), наименования же предметов бытовой техники, электроники, автомобилей, спортивных това-

ров, то есть того, что не покупается ежедневно или очень часто, обычно оформляются иначе. Приведем типичные примеры:

- (13) *сотовый телефон Nokia 101; MP3-плеер Sony NWZ-E463 (4GB); чехол Beuzacases iPhone 4 Retro Super; мобильный телефон Sony Xperia go (черный); мобильный телефон Nokia Lumia 520 (черный); чехол Nokia CP-557 (белый); чехол Krusell Avenyn 3XL для мобильного телефона (черный); защитная пленка Krusell для Samsung Galaxy S III Mini; адаптер-переходник Samsung с MicroUSB на USB; 32" Full HD LED ЖК-телевизор, Philips; Дигитальный плейер Music Twister, Intenso; чехол для MP3-плеера Duo, Golla.*

В примерах под номером 13 не указаны страны, так как в большинстве случаев такие товары представлены однотипно или даже абсолютно одинаково вне зависимости от страны. Здесь можно говорить о глобализации языка — очевидно, если мы имеем дело с крупными производителями, русский текст не создается для каждой страны отдельно, некоторые различия возможны, но они минимальны. Немалую роль в этом играет экономическая составляющая, позволяющая обеспечить «глобальный» перевод. Характер синтаксической связи в подобных сочетаниях не имеет однозначной трактовки и требует отдельного рассмотрения, в рамках данной статьи ограничимся выводом о том, что такое оформление, как нам кажется, соответствует прагматике подачи информации о товаре: главное — указать важные для покупателя название товара, марку, технические показатели (чаще латиницей, так как обычно это продукция западных фирм).

Анализ текстов меню также позволяет сделать вывод о взаимосвязи синтаксических отношений и прагматики текста. Разумеется, тексты меню разнообразны — от максимально упрощенных до очень оригинальных, от безграмотных до претендующих на изысканность стиля. Этот лингвистически интересный материал, как уже отмечалось выше, может исследоваться с разными целями. Далее кратко охарактеризуем то, что анализировалось выше на материале информационно-рекламных изданий — используемые для представления товара (блюд, напитков и т. д.) виды словосочетаний. Так как в разных странах постсоветского пространства доступность информации о меню ресторанов, кафе и т. д. в интернет-пространстве неодинакова и не во всех случаях есть меню на русском языке, рассмотренный материал не отражает всего многообразия текстов, имеющих в действительности, однако общие тенденции он, очевидно, представляет. Основной вывод, который позволяет сделать сопоставление материала разных стран, соответственно, и разных условий функционирования

русского языка, — однотипность синтаксических конструкций, в том числе и подчинительных словосочетаний, во всем материале, ср.:

- (14) Рос.: *Креветочный салат со свежим огурцом и рисом; Баклажаны с начинкой из острой моркови; Утиная грудка с пряной грушей и ягодным соусом; Филе лосося с запеченными овощами; Эст.: Тартар из тунца с пюре из авокадо, кинзой и печеной паприкой; Маринованный в оливковом масле и запеченный козий сыр с зеленым салатом; Запеченная свиная вырезка с пармской ветчиной, миндальным картофелем, устричными вёшенками, сахарным горошком и соусом из черных трюфелей; Латв.: Свиные медальоны в горчичном соусе с кориандром, подаётся с обжаренными овощами; Говяжий стейк с овощами-гриль, подаётся с розмарином и печёной картошкой в брусничном соусе „Deti glase”; Укр.: Индейка с пряным фенхелем, цуккини, помидорами черри под гранатовым соусом; Картофель, фаршированный ветчиной, беконом и сыром с грибным соусом; Белорус.: Хрустящий салат с брынзой Фетаки; Драники по-домашнему с колбасой; Баварский стейк из говядины с овощами; Груз.: Цыпленок чкмерули. Маринованный цыпленок, обжаренный под гнетом; Чахохбили. Рагу из мяса птицы, тушеное в томатном соусе со специями и чесноком.*

Как видно из примеров, в текстах меню одинаково частотны как словосочетания с зависимым согласуемым словом (*креветочный салат, печеная паприка, куриный бульон, хрустящий лук*), так и с управляемым (*баклажаны с начинкой, индейка под соусом стейк в соусе, рагу из мяса*). В отличие от информационно-рекламных номинаций предмет представлен «в действии»: из чего и как готовится, с чем подается — важны все компоненты блюда, представленные, как правило, управляемыми существительными и потому как относительно самостоятельные, часто со своими признаками. Важную роль в этом играет синтаксическая связь — управление, потенциально направленное на действие, а не на фокусирование внимания на отдельном предмете.

Частотность разных словосочетаний очевидным образом соотносится с прагматикой рассмотренных текстов. Товары массового повседневного пользования не нуждаются в представлении всех деталей, способа производства и использования, так как эта информация, как правило, уже известна потребителю (при необходимости он может получить ее, например, изучив этикетку продукта в магазине). Основная цель в этом случае — сообщение о наличии товара в магазине и — часто это главное — о цене. Товары, реже покупаемые, тщательнее выбираемые, дороже стоящие (бытовая техника, электроника, стройматериалы и пр.) обычно не столь хорошо известны покупателю, и потому требуется точная инфор-

мация о марке, производителе и т. п. Современный покупатель обычно дополняет эти сведения данными, полученными из Интернета или от работников магазинов. В меню для клиента важно, из чего и как готовится блюдо, каково оно на вкус, ведь он собирается его есть, а возможно, и сам готовить. Той или иной прагматике текста (представить, «изобразить» товар или дать более детальную информацию о нем в действии) соответствуют и синтаксические конструкции. Следует еще раз подчеркнуть, что синтаксические средства являются одним из языковых средств, в единстве с которыми во всех случаях действуют и экстралингвистические (иллюстрации, схемы, оформление и т. д.).

Важным фактором, как уже отмечалось выше, является и характер языковой ситуации в целом — функционирование русского языка в определенной стране. Это включает и учет языкового опыта адресата, знание или незнание им языка страны. Как показывают наблюдения над материалом, важны не только временные факторы или проявление процессов глобализации, о которых уже говорилось выше, но и, например, ориентация на русскоязычных туристов.

Таким образом, анализ текстов прикладного характера в их реальном употреблении приводит к выводам, ранее уже сделанным на основе другого материала. Синтаксическая связь, в том числе разные типы подчинительной связи слов, участвует в реализации прагматической направленности текста, разумеется, в комплексе с иными грамматическими и лексическими средствами. Потенциальные свойства типов связи могут актуализироваться в соответствующем контексте и коммуникативной ситуации. Анализ разнородного материала помогает выявить детали такой актуализации и дополнить существующую характеристику синтаксических связей.

Литература

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.
- Иссерс О. С. 2009 — Новые дискурсивные практики в современной России. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополи и диаспоры*. Под ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 260–276.
- Костанди Е. 1997 — Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I*. Под ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 94–104.
- Костанди Е. 1999а — Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста). *Труды по русской и славянской филологии*.

Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. Под ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 90–97.

Костанди Е. 19996 — Некоторые особенности текстовой функции сказуемого. *Sign Systems Studies. Труды по знаковым системам*. 27. Тарту. С. 292–303.

Костанди Е. 2007 — Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний. *Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»*. Гранада, 7–9 мая, 2007. Доклады и сообщения, т. II. Санкт-Петербург – Гранада. С. 961–966.

Костанди Е. 2012 — Прагматика атрибутивных словосочетаний: проблемы перевода. *Valoda – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII*. Daugavpils. С. 104–109.

Костанди Е. 2013 — Прагматика синтаксических связей: проблемы анализа. *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами*. Тарту. С. 235–246.

Паликова О. Н. 2009 — Русский язык в рекламных каталогах Эстонии. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры*. Тарту. С. 143–168.

Шелякин М. А. 2001 — Функциональная грамматика русского языка. М.

Шелякин М. А. 2002 — *Язык и человек. (К проблеме мотивированности языковой системы)*. — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII*. Под ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.

КАТЕГОРИЯ СПОСОБА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И РУССКОЕ ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ¹

Е. Э. ПЧЕЛИНЦЕВА

Есть мнение, что имя существительное — «неотмеченная категория среди частей речи», открытая область, не имеющая грамматических запретов, мешающих «прийти и обжиться» в этой области любому слову [Панов 1999: 165]. Однако изучение особенностей русских отглагольных имен действия заставляет сомневаться в такой «неотмеченности» и полной «открытости» существительного, поскольку обнаруживает весьма заметные несоответствия и последовательные — по всей видимости, категориально обусловленные — ограничения. Почему на 33 тысячи глаголов в русском языке (по данным БАС) насчитывается всего около 5500 отглагольных имен со значением действия, в то время как во многих других языках (например, в английском, немецком, арабском, иврите, польском и чешском, во многих языках тюркской семьи²) имена действия образуются почти без ограничений? Почему девербативы легко образуются от глаголов *переделать*, *побелить* — и не образуются от *порисовать* или *перещеловать*?

В статьях русских толковых словарей значение отглагольных имен действия определяется с помощью отсылки к производящему глаголу, например: *исследование* — действие по значению глагола *исследовать*, *вход* — действие по значению глаголов *входить* – *войти*, то есть косвенно признается понятнейшее тождество производящего глагола и производного имени. Но действительно ли глагол и производное от него имя семантически тождественны, и какова природа этого тождества? Эта проблема получает различную интерпретацию в трудах классиков лингвистической мысли.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 "Петербургская школа функциональной грамматики"

² Абсолютно регулярно также в эстонском (Примеч. редактора)

Первую точку зрения наиболее эксплицитно сформулировал в своих трудах И. И. Мещанинов: «Поскольку имя существительное равным образом может передавать понятие действия и состояния, постольку же глагол отделяется от имени тем, что ему в отличие от последнего приурочивается значение процесса. Это выражение процесса переносится с члена предложения (сказуемого) на часть речи (глагол) и становится его характерным синтаксическим свойством. Таким образом, содержание понятия о действии и состоянии относится к лексической стороне глагола, по которой он вовсе не различается с именем. Выражение же процесса действия и состояния оказывается синтаксической стороною сказуемого и через него передается глаголу» [Мещанинов 1949: 179]. То есть понятие действия (в отличие от понятия процесса, которое связано с синтаксической ролью глагола) оторвано от предикации и содержится равно как в глаголе, так и в производном имени. Такой же подход реализован авторами польской грамматики 1929 года Й. Стейн и Р. Завилинским: «Если сравнить между собой значения таких выражений как *pisanie* («писание»), *piszę* (*пишу*), то убедимся, что... оба выражения обозначают какое-то действие, однако первое называет, а второе определяет» [Stein, Zawiliński 1929: 43]. Итак, в русле этого подхода глагол и образованное от него имя рассматриваются как репрезентации некоторой базовой семантической категории действия, причем глагол оказывается отягощенным синтаксическими свойствами (предикативностью), а имя выражает понятие действия «в чистом виде».

Согласно другой точке зрения, имя действия является все же вторичным по отношению к глаголу, причем при переходе из глагольной в именную форму значение действия «опредмечивается». Об этом пишет А. М. Пешковский: «... чтение — это предмет в нашей грамматической мысли» [Пешковский 1956: 129]. В. Вундт указывает, что: «такие слова как *Lage, Gang, Stellung* обозначают состояния не хуже, чем глаголы *liegen, gehen, stellen*. Субстантивная форма помогает оперировать в мышлении этими процессами как предметами» [Wundt 1911: 118]. А. Нурен подчеркивает: «всякий раз мы имеем дело с чистыми понятиями, которые мыслятся как реальные вещи и потому трактуются таким же образом и грамматически» [Noreen 1923: 369].

Вторичность девербативов не вызывает сомнения и у представителей третьего подхода, в рамках которого отглагольное существительное со значением действия определяется как синтаксический дериват, который сохраняет все свои семантические характеристики, но приобретает иную морфологическую форму — и иные синтаксические функции. По словам О. Есперсена, «единственным различием существительных *look, dream*

и глаголов *dream, look* является их роль в предложении. Сигнификативные же их значения тождественны. Различие между ними чисто грамматическое» [Jespersen 1911: 152]. Сходную точку зрения высказывает Е. Курилович, который пишет, что имя действия — это «синтаксический дериват — форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [Курилович 1962: 61]. Л. Теньбер использует в этом случае другой термин — *трансляция*, и относит имена действия именно к этой области. Трансляция, по словам Л. Теньбера, «компенсирует категориальные различия..., дает возможность правильно построить любое предложение», причем, по его мнению, трансляция является одним из самых широко используемых механизмов человеческого языка и предстает как одно из самых существенных свойств языка. Подсчеты, проведенные автором, впечатляют: в разговорной речи может происходить до 100 трансляций в минуту [Теньбер 1988: 379–380]. И. А. Мельчук, относя отглагольные имена к области синтаксической деривации, указывает, что этот процесс «всегда происходит под воздействием синтаксического контекста». Сопоставляя синтаксическую деривацию с семантической, И. А. Мельчук подчеркивает, что при синтаксическом словообразовании «изменение части речи является единственной целью и единственным содержанием преобразования», говорящий «хочет сохранить значение исходного глагола нетронутым, лишь приспособив его к соответствующему синтаксическому контексту», таким образом, цель трансляции — чисто синтаксическая. Впрочем, по этому поводу у автора имеются уточнения: изменение части речи «оказывает (косвенное) влияние на семантическую интерпретацию лексемы», «трансляция, сама по себе асемантическая, может иметь некоторые семантические следствия... в результате изменения набора допустимых для этой лексемы словоизменительных категорий» [Мельчук 1998: 460–463]. Таким образом, степень семантического тождества глагола и производного от него имени является в лингвистике спорным вопросом. В этом русле особенно интересна проблема наследования именем аспектуального компонента глагольного значения.

Для описания отглагольных имен с учетом их аспектуальности применялись различные классификации. В рамках модели «Смысл — Текст» в основание были положены признаки повторяемости / однократности, результативности / процессуальности [Мельчук 1974]. Е. В. Падучева, рассматривая имена действия в лексикографическом ракурсе и развивая идею аспектуальных классов З. Вендлера, выделила соответствующие таксономические подкатегории — аспектуальные классы отпредикатных имен: действие, процесс, событие, состояние, свойство — и указала их связи

с лексическими функциями [Падучева 1991]. А. Г. Пазельская предложила классификацию предикатных имен, содержащую 10 аспектуальных классов, различающихся семантикой и поведением в перфективном и имперфективном контекстах [Пазельская 2003]. Эти исследования объясняют многие функционально-семантические особенности девербативов, однако ряд вопросов пока остается без ответа. В частности, вызывает недоумение следующее соотношение: почему от непарных глаголов НСВ образуется 428 одиночных имен существительных со значением действия, а от непарных глаголов СВ — всего 43?¹ На первый взгляд, это можно объяснить тем, что у имен существительных категории вида нет, поэтому маркированный член видовой оппозиции — глагол совершенного вида — не образует девербативов. Мы, однако, предполагаем, что ответы на эти вопросы лежат в плоскости категориальных онтологических свойств имени и глагола.

Согласно [ТФГ 1987], в составе категории аспектуальности выделяются семантические признаки кратности, длительности, интенсивности, фазовости, лимитативности, перфектности, а также различия между собственно действием (акциональность), состоянием (стагальность) и отношением (реляционность). Одним из важных средств формирования аспектуальной семантики в русском языке являются аспектуальные разряды — способы глагольного действия. С позиций структурной грамматики, способы действия — это семантико-словообразовательные группировки глаголов, «в основе которых лежат формально выраженные модификации значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально-результативных характеристик» [Русская грамматика 1980: 596; Авилова 1976]. В соответствии с другой точкой зрения, любой глагол русского языка может быть охарактеризован в отношении его способа действия, независимо от формальной выраженности, то есть способ действия является, в первую очередь, семантической характеристикой глагола [Маслов 1959; Бондарко 1967; Шелякин 1983]. Принимая в целом семантическую интерпретацию аспектуальных разрядов глаголов, мы в данном случае сосредоточили основное внимание на морфемно-характеризованных СА, поскольку это позволяет более строго соотнести аспектуальные значения с формальными средствами их выражения.

Семантика глагольных аспектуальных разрядов — способов действия — это существенный признак семантической структуры девербативов,

¹ Материал для исследования получен методом сплошной выборки русских отглагольных имен действия из Словаря современного русского литературного языка в 17 т., Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой в 4-х томах.

который до сих пор мало учитывался при исследовании отглагольных имен. Даже по самым скромным подсчетам, только от глаголов морфемно-характеризованных СД в русском языке образовано более 2000 существительных со значением действия. Анализируя и классифицируя отглагольные существительные, мы опирались на классификацию способов действия, предложенную М. А. Шелякиным [Шелякин 1983], как максимально подробную в семантическом и структурном отношении и учитывающую соотношенность способов действия с категорией предельности / неопределенности, их семантические различия, а также отношение к категории вида. Вначале были выделены группы имен, мотивированные глаголами определенных способов действия, а затем эти группы были объединены по преобладающему семантическому признаку (интенсивности, длительности, фазовости, предельности, кратности). Далее мы сопоставили полученные аспектуальные группировки отглагольных имен действия и соответствующие глагольные разряды, установив таким образом словообразовательные лакуны и объединяющий их семантический признак. Для достижения максимальной объективности результатов был проведен сплошной количественный анализ русских глаголов морфемно-характеризованных способов действия с точки зрения их продуктивности по отношению к именам действия.

Диапазон значений интенсивности — компонента количественной аспектуальности — в отглагольных именах действия достаточно широк: от неполноты, ослабленности действия «аттенуативных» имен (*подкрашивание*) до высокой степени проявления признака в «усилительно-интенсивных» (*разгул*). Мы расположили соответствующие именные группировки по мере возрастания в них степени проявления рассматриваемого признака, и обнаружилась регулярная зависимость: уровень словообразовательной активности мотивирующих их глаголов прямо пропорционален степени проявления значения интенсивности. Так, от аттенуативных глаголов имена существительные образуются почти без ограничений (*приостанавливание, замывание, подсаливание, насвистывание*), глаголы интенсивно-усилительного и интенсивно-процессного способов действия образуют девербативы приблизительно в каждом втором случае (*разогревание – разогрев, распрашивание – распрос; выпрашивание, выпытывание* и т. д.). Степень интенсивности возрастает в именах, мотивированных глаголами с усилительно-интенсивной семантикой (*разгул, размах*) — и такие девербативы образуются гораздо реже, лишь от 15% глаголов. Крайняя степень интенсивности выражается в длительно-усилительном, интенсивно-качественном (*набедоваться*) и чрезмерно-интенсивном (*уездиться*) спосо-

бах глагольного действия. Имена действия от них не образуются. Не зафиксировано в академических словарях и девербативов, образованных от глаголов интенсивно-качественного и чрезмерно-интенсивного¹ способов действия. Определенную роль здесь, вероятно, играет тот факт, что параллельно с увеличением степени интенсивности усиливается эмоционально-экспрессивная окраска. Однако здесь возможно и другое объяснение: вместе с ростом интенсивности усиливается семантика количественно-временной предельности. Именно этот семантический признак оказывается несовместимым с категориальным значением отглагольного имени действия.

Одним из важных элементов количественной аспектуальности является кратность (повторяемость), которая характеризует действие по количеству «крат». Мы опираемся на классификацию вариантов кратности (неоднократности), предложенную В. С. Храковским [ТФГ 1987: 124–152], в которой значимыми являются следующие семантические признаки: период времени, в который происходит повторение ситуаций, и состав участников. На основе этих признаков выделяются три семантических типа кратности: мультипликативная, дистрибутивная и итеративная. Мультипликативная кратность означает ограниченное или неограниченное множество повторяющихся микроситуаций, в которых активны одни и те же участники [ТФГ 1987]. В сфере глагола значение мультипликативной кратности реализуется прежде всего с помощью многоактных глаголов, обозначающих действия, расчлененные на неограниченно-повторяющиеся отдельные акты. Как показал количественный анализ, они очень продуктивны в отношении образования существительных: из 280 мультипликативных глаголов, представленных в МАС и БАС, 255 мотивируют имена действия.

Другим семантическим типом кратности является дистрибутивная неоднократность, передающая значение монотемпорального множества микроситуаций, повторяющихся в пределах одного ограниченно-длительного периода, в каждой из которых активны различные отдельные представители совокупного деятеля. Существенной чертой этого типа кратности является обязательное (имплицитное или эксплицитное) присутствие признака предельности, наличие границы действия. Рассмотрим в качестве примера словообразовательные особенности дистрибутивно-суммарного способа действия. Словообразовательная активность дистрибутивно-суммарных глаголов в отношении имен действия зависит от степени проявления признака предельности. Так, глаголы с приставкой *по-* (*пострелять всех птиц*) экспл и

¹ Другие ЛСВ таких глаголов, например, с результирующей семантикой, свободно мотивируют имена действия, например: *укатка, упарка, уход* и т. д.

цитно предельны, лишены признака процессуальности и обозначают предельное множество повторяющихся ситуаций. Анализ 130 русских глаголов с префиксом *по-*, для которых дистрибутивно-суммарное значение является единственным или сочетается с делимитативным (*повспоминать всех друзей* — *повспоминать несколько минут*), свидетельствует о нерелевантности этой семантики для девербативов: не выявлено ни одного существительного, образованного от таких глаголов¹. Дистрибутивные глаголы с приставками *об-* и *раз-* имеют имперфективную форму, выражающую потенциальную предельность, и обладают признаком процессуальности, поэтому имена действия от них образуются: *разбрызгивание* (во все стороны), *рассылание* (во все концы), *обход* (всех участков) и т. п. Таким образом, дистрибутивно-суммарные глаголы обнаруживают разную производительность относительно имен действия в зависимости от наличия семы процессуальности и характера признака предельности. Значение многократности, эксплицитно ограниченной количественно-временным пределом, для именной формы выражения действия нерелевантно.

Семантический признак длительности может иметь имплицитный и эксплицитный характер, выражаться внутренними и внешними (контекстуальными) средствами. В сфере глагола различается длительность определенная и неопределенная. Неопределенная разновидность этого признака представлена в тех случаях, когда временная протяженность по своим признакам явно не характеризуется. Такая длительность свойственна, например, рассмотренным выше именам действия с итеративной семантикой, в которых она является одновременно прерывной и пересекается с полем кратности. Непрерывная неопределенная длительность свойственна девербативам, образованным от глаголов, не содержащих сем кратности и многоактности, например, стальных, процессно-результативных и др. В этих группах девербативов мы не обнаружили лакун. Что касается выражения именем семантики определенной длительности, то здесь обнаруживаются существенные отличия имени от глагола. Остановимся на этом подробнее.

Пердуративная (длительно-ограничительная) семантика (проявление действия в определенные длительные отрезки времени) выражается с помощью приставок *про-*, *от*, *пере-*. Длительно-ограничительные глаголы с приставкой *про-* (245 единиц) не образуют девербативов: *проспать* (не-

¹ Показательно, что процессно-результативные ЛСВ таких глаголов мотивируют девербативы без ограничений: *порез*, *подавление*, *погружение*, *поломка*, *побуждение*. При этом совершенно невозможно: **порез всех кур*, **подавление всех комаров*, **побуждение всех соседей* и т. д.

сколько часов), *просидеть* (два года) и т. п. Глаголы с префиксом *пере-* и длительно-ограничительным значением (около 20 слов) образуют всего 3 производных: *перезимовка*, *перезимовывание*, *передержка* (проф.). Глаголы с приставкой *от-* и рассматриваемым значением (75 единиц) мотивируют 6 девербативов: *отслуживание*, *отгуливание (положенного времени)*, *отбывание – отбытие (срока)*, *отсиживание – отсидка (срока)*. Причина появления указанных исключений с длительно-ограничительной семантикой, наш взгляд, следующая. «Все пердуративные глаголы, за редкими исключениями, являются одновидовыми» [ТФГ 1987: 79]. Именно от этих «редких исключений», имеющих имперфективную форму, и возникли интересующие нас имена — признак определенной длительности, ограниченной пределом, является в них неявным, потенциальным.

Делимитативное (ограничительное) значение характеризует проявление действия в недлительные и неопределенные промежутки времени. К нему относятся одновидовые глаголы с префиксами *по-*, *про-*, *при-*, *вз-*, *пере-*. Анализ более 200 русских глаголов с префиксом *по-* и ограничительным значением, для которых оно является единственным (как *позубрить*, *покипеть*), показал, что отглагольные имена от подавляющего большинства их не образуются. Такая же ситуация с глаголами сативного (*наволноваться*, *насердиться*) и финально-отрицательного (*доплакаться*) способов действия — они не мотивируют имен действия. Таким образом, специфика отглагольного имени в выражении значений длительности обнаруживается в области пересечения семантических признаков длительности и лимитативности (ограниченности действия тем или иным пределом) — имя действия практически не способно внутрисловно выражать семантику внутренней длительности, ограниченной реальным пределом.

Одной из важнейших составляющих аспектуальной характеристики глагола является фазовость. Анализ лексико-грамматической семантики всех девербативов с начинательным значением позволяет нам утверждать, что в данном случае играет роль тип начинательного значения: эволютивный или неэволютивный [ТФГ 1987: 185–186]. В эволютивном присутствует начальный переходный период, имеющий определенную протяженность, в течение которого идет постепенное накопление свойств, ведущих к появлению качественно новой ситуации. Такие глаголы характеризуются потенциальным характером предела (как направленность действия на его достижение). Эволютивным начинательным значением характеризуются инхоативные глаголы (*зацветать*), причем они регулярно соотносятся со стативными, образуя фазовые цепочки: *зацветать* (начало начала дейст-

вия) – *зацвести* (завершение начала действия) – *цвести* (стативное состояние, наступающее после спонтанного завершения инхоативного действия). Неэволютивное (контактное)¹ значение начинательности — это только сам момент появления действия, которое до этого не имело места: *запрыгать* (обозначает реальный предел действия).

Отглагольные имена действия образуются только от глаголов с эволютивным начинательным значением, причем, как правило, второе звено глагольной фазовой цепочки, указывающее на момент перехода в стативное состояние (*зацвести*), выпадает: *зацветание* – * – *цветение*. Исключения составляют каузативные имена типа *зажигание* – *зажжение* – *жжение* — они называют все этапы возникновения действия. Однако в русском языке очень мало начинательных глаголов с эволютивным значением (оно маркируется имперфективной формой), например, с префиксом *за-* всего 30 пар. По всей видимости, именно этим фактором обусловлен низкий процент образования начинательных девербативов. Так, при анализе всего массива имен с префиксом *за-* мы обнаружили всего 23 образования, мотивированных глаголами с начинательным значением (при том, что самих глаголов с указанными признаками в БАС насчитывается 898). Все они характеризуются наличием инхоативного признака и образованы преимущественно от имперфективных основ: *зацветание*, *запевание*, *зажигание* – *зажжение*, *закуривание*, *засыпание* и т. д.

Симптоматично, что от начинательных глаголов движения с префиксом *по-* образовано 11 девербативов, но ни один из них не сохраняет значения приступа к действию (как в *побежать* – *побег*, *поскакать* – *поскачка*), начинательное значение приставки полностью нейтрализуется. Таким образом, именно признак эволютивности является моментом, определяющим способность глагола к мотивации имени действия, а также сохранение соответствующего значения приставки.

Лимитативность — это аспектуальный семантический признак, характеризующий тип отношения действия к пределу. Предел — это значение полноты проявления действия во времени [ТФГ 1987: 47]. Ограничение действия пределом в сфере глагола может иметь различный характер². Предел может быть внутренним, то есть обусловленным природой самого действия, а может выражаться внешними по отношению к глаголу средства-

¹ Неконтактное неэволютивное значение в русском языке выражается только аналитически [ТФГ 1987: 186].

² Классификация типов предела дается по [Гловинская 1982; Шелякин 1983: 160–165; Бондарко 1986: 41–45; ТФГ 1987: 46–72].

ми (указанием на предельный срок или на начало другого действия). Нас интересует релевантность для имен действия предела первого типа. Особый интерес представляет для нас классификация содержательных типов предела, так как они реализуются в различных способах глагольного действия:

- результативный (как основной);
- количественно-временной (временная граница определенной длительности действия, временная граница начала или конца действия, крайняя граница интенсивности, продолжительности или повторяемости);
- одноактный (действие совершается в один прием с минимальной длительностью).

Результативный тип предела действия реализуется в глаголах специально-результативных способов действия, которые обозначают действие, направленное на достижение результата, свойственного их качественной природе и являющегося для них пределом. Детальный анализ продуктивности глаголов специально-результативных способов действия показывает: никаких семантических ограничений на образование от них имен действия нет. Подавляющее большинство глаголов результативно-аннулирующего, компетивно-партитивного, отделительно-партитивного, недостаточно-нормативного, чрезмерно-нормативного и других специально-результативных способов действия имеют соотносительные именные образования (*подкармливание, отвинчивание, выкрахмаливание, отформовка* и т. д.). Семантический признак результативного предела действия является релевантным для именной формы выражения действия и легко транспонируется в девербативы.

Второй содержательный тип предела — одноактный — наиболее явно выражается в глаголах одноактного способа действия (и образованных от них девербативах), которые обозначают одну микроситуацию по отношению к множеству повторяющихся таких же ситуаций. Формальными показателями значения одноактности служат суффикс *-ну-*, а также префикс *вз-*. Отметим, что 3/4 многоактных глаголов в русском языке имеют соотносительные одноактные образования типа *булькать – булькнуть, кричать – вскричать*. В именах действия не наблюдается такой регулярной соотносительности по признаку одноактности / многоактности и аналогичных именных пар в нашей картеке насчитывается всего 30 (*глотание – глоток; булькание – бульк* и т. д.). Одноактность в именах действия значительно реже, чем в глаголе, маркируется внутрисловно, хотя этот разряд девербативов, в общем, можно считать уни-

кальным в том отношении, что именной суффикс (-ок) аспектуально маркирует действие, причем совершенно однозначно (слово *кивок* или *хлопок* в форме единственного числа не может обозначать кратное действие). В общем, можно утверждать, что одноактный тип предела действия не препятствует мотивации имен глаголами, содержащими этот признак.

Существует и третий тип предела действия, который М. А. Шелякин называет количественно-временным, так как он указывает на количественно-временную границу действия [Шелякин 1983: 163]. Именно он является тем глагольным признаком, который вступает в противоречие с формой имени существительного и способен сохраняться при транспозиции в имя только в потенциальном, имплицитном виде. Все содержательные типы количественной эксплицитной предельности глагольного действия не сочетаются с именной формой и потому не допускают образования отглагольного имени или полностью нейтрализуются при номинализации. Это уже рассмотренные нами 1) временная граница определенной длительности действия, 2) временная граница начала или конца действия, 3) крайняя граница интенсивности, 4) крайняя граница повторяемости действия.

Итак, ограничения на образование имен действия от глаголов в русском языке неслучайны и обусловлены двумя факторами: во-первых, огромным ресурсом русского языка в отношении морфемного внутрисловного выражения разнообразных аспектуальных значений, реализующимся в глагольных аспектуальных подклассах — способах глагольного действия, и, во-вторых, невозможностью транспозиции части этих значений в имя существительное. Развернутая система специфицирующего морфемного маркирования аспектуальных значений в русском языке, формирующая словообразовательно-модификационную категорию способа глагольного действия, обуславливает наличие естественных ограничений на образование отглагольных имен действия от ряда глаголов. Несмотря на действительно чрезвычайную открытость имени существительного по отношению к самым разным языковым значениям, семантика количественно-временного предела действия оказывается для него неприемлемой.

Литература

- Авилова Н. С. 1976 — *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. 1967 — *Русский глагол*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1986 — Семантика предела. *Вопросы языкознания*. №1. Москва. С. 41–47.
- Гловинская М. Я. 1982 — *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва.
- Есперсен О. 1958 — *Философия грамматики*. Москва.
- Исаченко А. В. 1960 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. *Морфология*. Ч.2. Братислава.
- Курилович Е. 1962 — Деривация лексическая и деривация синтаксическая. *Очерки по лингвистике*. Москва. С. 57–70.
- Маслов Ю. С. 1959 — Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). *Вопросы грамматики болгарского языка*. Москва. С. 157–312.
- Маслов Ю. С. 1984 — *Очерки по аспектологии*. Ленинград.
- Мельчук И. А. 1974 — *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст»*. Москва.
- Мельчук И. А. 1998 — *Курс общей морфологии*. Т. 2. Москва — Вена.
- Мещанинов И. И. 1949 — *Глагол*. Москва — Ленинград.
- Падучева Е. В. 1991 — Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. *Информационные процессы и системы*. № 5. Москва. С. 21–28.
- Пазельская А. Е. 2003 — Аспектуальность и русские предикатные имена. *Вопросы языкознания*. №4. С. 72–90.
- Панов М. В. 1999 — *Позиционная морфология русского языка*. Москва.
- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 1. Москва.
- Теньер Л. 1988 — *Основы структурного синтаксиса*. Москва.
- ТФГ 1987 — *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы глагольного действия русского глагола*. Таллин.
- Jespersen O. 1911 — The role of the verb. *Germanisch-romanische Monatsschrift*. №3. Heidelberg.
- Noreen A. 1923 — *Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache*. Halle.
- Stein J., Zawiliński R. 1929 — *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa.
- Wundt W. 1911 — *Völkerpsychologie*. Bd. I. Die Sprache. Leipzig.

Сокращения

- БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 т., М.– Л., 1948–1965.
МАС — Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой в 4-х томах. М., 1981, т. 1–4.
СД — способ действия
СВ — совершенный вид
НСВ — несовершенный вид

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИНИЦИАЛЬНЫМ «ГДЕ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

В. П. ЩАДНЕВА

1. Введение

Востребованность идеи антропоцентрического устройства языка [Золотова 1982, 2001; Караулов 1987; Роль человеческого фактора... 1988; Кубрякова 1995 и др.] объясняется глубоким осознанием его социальной ориентированности: «человек — центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова 1982: 5]. Поэтому антропоцентризм «как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности...» [Кубрякова 1995: 212].

Изучение языковых средств с позиции приспособления языковой системы к потребностям человека в процессе коммуникации логично вытекает из исследования языка в русле функциональной лингвистики, о чем наглядно свидетельствует научный путь М. А. Шелякина, в итоге пришедшего к систематизации языковых средств антропоцентрической направленности [Шелякин 2002, 2010]. «Мы судим о языке и устанавливаем его лишь через его функционирование в речевой коммуникации, а именно: путем наблюдения над повторяющимися и постоянно воспроизводимыми элементами речи и правилами их сочетания в их одинаково интерпретируемых функциях» [Шелякин 2002: 21]. В таком ключе и анализируется в данной статье одно из проявлений языкового стандарта¹ в русском языке.

¹ Понятие языкового стандарта рассматривается как «имеющее информативно-необходимый характер и относящееся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [Большой... 1998: 588–589].

Субъекты общения (личность, социальная группа) для достижения эффективности взаимодействия в процессе коммуникации вынуждены использовать созданные ими же разнообразными стандартизированными единицами, облегчающие общение и способствующие взаимопониманию. Языковой стандарт, свойственный языковому общению в целом, пронизывает и лексическую, и грамматическую, и стилистическую системы языка. Разумеется, в разных лингвистических отраслях содержание идеи стандарта осмысливается с учетом специфики объекта той или иной области языка. На уровне синтаксиса этот вопрос решается посредством понятий «синтаксическая модель», «структурная схема», «структурный образец». Состояние разработанности вопроса о понятийном содержании перечисленных терминов зависит от проблемы установления границ между разными типами моделей. На идею стандарта, включающего признаки устойчивости и воспроизводимости, опирается весь синтаксис, но в нем имеются и такие феномены, которые в структурном и семантическом планах совмещают синтаксическое и фразеологическое начала. *Фразеологизированные синтаксические конструкции* (ФСК), без которых русская разговорная речь и ее художественная имитация обойтись не могут, в современных разработках представлены «скромно», хотя *фразеологизированные конструкции* [Шведова 1958: 95–100; РГ 1980: 320, 377, 383–394], *фразеосхемы* [Шмелев 1976: 134–137] стали обсуждаться еще в прошлом веке.

Несмотря на то что ФСК оказываются на периферии синтаксических исследований, в аспекте антропоцентризма языка они заслуживают особого внимания, поскольку значительная их часть обладает как разговорной функционально-стилевой, так и эмоционально-экспрессивной окраской. Выработанные языком клишированные единицы, передавая предметно-логическую (интеллектуальную) информацию, оценивают сведения о реальной действительности. По этой причине синтаксические клише входят в арсенал сложных для перевода национально-специфических языковых феноменов с субъективно-прагматическими смыслами, спектр которых достаточно широк.

Синтаксическая фразеологизация заключается в утрате обычной синтаксической мотивированности, членимости и в морфологической скованности синтаксической модели [Кодухов 1967: 125]. При этом, будучи коммуникативными единицами языка, ФСК характеризуются такими интегральными признаками, как воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность и идиоматическая экспрессивность [Меликян 2007: 9]. Впрочем, перечисленные признаки (кроме последнего) свойственны и обычным свободным синтаксическим моделям.

В конкретном синтаксическом материале спаянность лексических, морфологических и синтаксических компонентов, способствующих фразеологизации модели, реализуется по-разному, что затрудняет дифференциацию структурных схем по степени идиоматичности и препятствует созданию единой типологии синтаксических фразеологизмов. Анализ взаимодействия их структуры и семантики свидетельствует о том, что разные модели ФСК обладают отличиями в проявлении названных выше интегральных характеристик, а также особенностями структурно-семантической организации. Поэтому степень идиоматичности структур типа *Лечиться так лечиться!* выше, чем конструкций с опорными компонентами *ГДЕ* и *КУДА*: *Где уж / Куда уж ей информатику осилить!* Для систематизации данных о строении и семантике модели, выявления ее дискурсивных модификаций и уточнения границ синонимии необходим всесторонний анализ каждого частного типа ФСК.

2. Объект, цель и материал исследования

Данная публикация продолжает разработку начатого ранее вопроса об ФСК [Щаднева 2001; Щаднева, Кудрявцев 2011], которые в аспекте проблемы «язык и человек» заслуживают особого внимания, ибо они 1) экспрессивно передают разнообразные субъективно-модальные оценки информации о реальной действительности; 2) относятся к таким национально-самобытным языковым средствам, которые свидетельствуют об антропоцентризме и самой языковой системы, и речи.

Объектом исследования является группа ФСК с *облигаторной* (в поверхностной структуре) *инициальной* частицей *ГДЕ* и с *облигаторными* (в глубинной¹, но не в поверхностной структуре) *дательным надежом субъекта* и *инфинитивом*. Данный языковой феномен является носителем *инвариантного модального значения невозможности действия* (точнее, выражает сомнение в возможности его осуществления, отрицание его реальности или целесообразности). Это значение *ингерентно*, то есть внутренне присуще самой структуре как единице языка.

В целом вокабулы *ГДЕ* и *КУДА* многозначны, а внутри предложения они могут занимать разные позиции. Но в рамках ФСК за ними всегда закреплено начало конструкции. Наблюдения показывают, что разновидностей клишированных моделей с начальным *ГДЕ* в функции партикулы меньше, чем

¹ Глубинная структура рассматривается как теоретический конструкт, поверхностная — как его фонетико-фонологическое / орфографическое воплощение.

с КУДА [ср.: Щаднева, Кудрявцев 2011]. Инициальная партикула ГДЕ (одна или в сочетании с другими частицами) используется в двух структурно различных, но семантически одинаковых клишированных конструкциях, отличающихся формой главного члена предложения:

- (1) Личная или родовая форма глагола: *А он придет? — Где уж (уж там) придет!*
- (2) Инфинитив: *Как я устала!... (Опускается в кресло.) Где мне тягаться с вами... Пять часов мы шатались по Москве, а вам хоть бы что... (А. Арбузов. Сказки старого Арбата).*

В общем случае конструкции с ГДЕ и КУДА синонимичны¹, что доказывает и монолог, в рамках которого эти партикулы перемежаются:

- (3) Лука. *Ты, девушка, не обижайся... ничего! Где им... куда нам — мертвых жалеть? <...> Живых — не жалеем... сами себя пожалеть-то не можем... где тут!* (М. Горький. На дне).

Однако сходство ФСК с ГДЕ и КУДА вряд ли можно признать абсолютным, ибо наблюдаются некоторые ограничения в замене этих частиц: если постановка КУДА вместо ГДЕ осуществляется легко, то обратное замещение порой проблематично. Это, как и меньшее число речевых вариантов с ГДЕ, можно объяснить этимологической памятью о его прототипическом значении, связанном со статикой местонахождения, тогда как КУДА обладает динамикой направления движения. Поэтому конкретное лексическое наполнение высказывания может препятствовать тотальной синонимии.

Цель настоящего исследования — конструкционно-функциональный (структурно-семантический) анализ и описание всех вариантов ФСК с ГДЕ, которые в научной литературе детально еще не рассматривались. В ходе анализа были поставлены следующие задачи: 1) выявить реальное и потенциальное лексико-грамматическое строение изучаемой модели; 2) установить ее речевые варианты; 3) идентифицировать их имплицитированные смыслы; 4) раскрыть особенности структуры целостного сообщения, содержащего ФСК; 5) определить смысловую специфику компонентов микротекста с таким ФСК.

Для решения поставленных задач был использован комплекс методов, апробированных ранее в ходе анализа ФСК с КУДА: 1) наблюдения; 2) лингвистического эксперимента (для исчисления потенциальных вариантов конструкции и определения их семантической адекватности); 3) дистрибутивно-

¹ Вопрос о синонимии — тема отдельного обсуждения. Синонимия с партикулой КАКОЕ (КАКОЕ ТАМ) не учитывалась.

позиционный (для выявления особенностей микро- и макроконтекстов функционирования конструкций); 4) контекстуальный (для определения роли контекста и фиксации контекстуальной связи конструкций); 4) прагматический (для выявления аспектов, обуславливающих прагматическую семантику анализируемых конструкций в текстовом единстве).

Исходным *материалом* исследования послужили классические и современные художественные тексты разных жанров и форм, собственные записи русской разговорной речи, речевые факты интернет-форумов. К сожалению, данные Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) ограничены, видимо, в силу разговорного характера и периферийности конструкций искомого типа. Тем не менее эмпирическая база исследования достаточно широка. Кроме собственно русских текстов учитывались и переводные. О том, что перед нами живая, а не архаичная модель ФСК, свидетельствует и пример текста, опубликованного 12 марта 2013:

- (4) Ты ушёл в свой священный клир —
В трезвой памяти, не по пьянке,
В мир особых страстей и лир —
Где уж мне до тебя, мирянке ...
(И. Фетисова-Мюллерсон. Где уж мне до тебя...).
<http://www.stihi.ru/2013/03/12/8887>

Подчеркнем, что теоретическая релевантность результатов наблюдений была подкреплена *лингвистическим экспериментом*: собранные языковые факты подвергались эксперименту на а) *замещение*, б) *подстановку* и в) *элиминацию* компонентов предложения. Данный метод позволил осуществить полное исчисление потенциальных речевых вариантов инвариантной структурной схемы и определить их семантическую адекватность. Необходимо отметить выход проведенного анализа за рамки предложения в текст.

3. Строение ФСК с инициальной частицей «ГДЕ»

Как и другие типы предложений с устойчивой структурой, ФСК с инициальной партикулой *ГДЕ* обладают своей инвариантной структурной схемой: **ГДЕ + Сущ. Дат. п. / Мест. Дат. п. + Инф.** Эта схема служит моделью для построения аналогичных высказываний, характеризующихся совмещением

в структуре предложения диктумной и модусной составляющих¹, а также наличием неизменяемых и изменяемых компонентов. Такие ФСК формируются на основе а) обязательной инициальной частицы — десемантизированного вопросительного местоименного наречия *ГДЕ*, б) относительно устойчивых морфологических параметров и в) варьируемой лексической составляющей.

Результаты анализа контекстуальных реализаций этой модели были зафиксированы в частных схемах, обобщающих в морфологических терминах категориально-понятийную и вербализованную лексико-грамматическую информацию о вариантах. Для рассматриваемого типа предложений представление схемы словоформами, объединяющими морфологические формы с лексикой, более предпочтительно. Обобщение же в семантической терминологии (агенса, объекта и под.), отвлеченной от языковых форм, в данном случае не представляется целесообразным в силу того, что эти ФСК предназначены в первую очередь для выражения модального смысла и эмоционально-экспрессивной оценки реальной ситуации, а не только для её отображения. Иными словами, возможны разные способы представления синтаксической сущности, которая фиксирует в мышлении образцы речевого опыта и тем самым обеспечивает продуцирование и понимание языковых выражений в процессе общения. Отметим, что Р. Лангакер при обсуждении концептуальных архетипов как основы для грамматических понятий различных видов обращает внимание на повторяющиеся и дифференцированные аспекты опыта, которые используются для структурирования знаний [Лангакер 1991: 294–295].

С *формальной* точки зрения предложение-фразеологизмы с обязательным инициальным компонентом *ГДЕ* относятся к *субъектно-инфинитивному* типу предложений с *дательным надежом субъекта*. Последний в условиях конситуации обычно выражен *личными* или *лично-указательными местоимениями*, которые замещают одушевленные существительные (обычно имена собственные), а также неодушевленные имена (реже), относящиеся к человеку. Именная и глагольная словоформы являются в ФСК *лексически переменными* величинами и в речи допускают элиминацию. Подвижность лексического состава конструкций усиливается возможностью использования ряда *факультативных частиц*. В силу изна-

¹ Под диктумной составляющей здесь понимается такая объективная интеллектуальная информация о реальной действительности, которая может быть передана предикатно-актантной структурой предложения. Под модусной составляющей понимаются вложенные в высказывание субъективные смыслы, выражающие отношение говорящего к сообщаемому.

чальной многофункциональности и многозначности этих служебных лексем, в предложениях с их помощью реализуются разнообразные дополнительные смысловые оттенки. В итоге частицы помогают формированию и эмоционального, и интеллектуального смысла сообщения. При этом частицы усиливают степень речевого воздействия. Особо следует подчеркнуть, что лингвистический эксперимент на замещение в таких предложениях видовой формы инфинитива свидетельствует о нерелевантности вида глагола.

Таким образом, общая морфологическая заданность схемы не означает лексической скованности, поэтому ФСК с ГДЕ условно можно отнести к предложениям с лабильным лексическим наполнением, что и отличает такие синтаксические клише и от ряда других ФСК, и от обычных фразеологизмов. В то же время подвижность лексического состава сочетается не только с закрепленностью позиции ГДЕ, но и с жестким порядком следования всех словоформ, входящих в инвариантную структурную схему. Облигаторная частица ГДЕ, занимающая исключительно начальную позицию, выступает в функции грамматикализованной частицы и не допускает элиминации. В этом заключается ее отличие от других составляющих, которые в дискурсе могут быть представлены и синтаксическим нулем.

В условиях конкретного дискурса инвариантная схема реализуется в ряде речевых вариантов с нулевым замещением. Исчисленные репрезентативные модели речевых реализаций дают объективное представление о совокупности регулярных употреблений. Далее в вариантных схемах квадратными скобками отмечен набор факультативных усилителей. В языковых иллюстрациях сама ФСК выделена жирным шрифтом, а подчеркнутые предложения содержат аргументы (если они есть в контексте), обуславливающие оценку, которая содержится в ФСК.

I. ГДЕ + [уж / же (ж) / тут / там / уж там] + Сущ. Дат. п. / Мест. Дат. п. + Инф.

- (5) *Хозяина можно обвинить лишь в одном — в трусости. **Где ему ударить ножом живого человека!** Уверен, что он и к мертвецу-то боялся подступиться (Г. Честертон. Убийство на скорую руку).*
- (6) *Люди раскрыли чемоданы и стали искать. Ха-ха-ха! — **заливается Митенька. Где уж вам найти!** Мы папины сигареты так спрятали, что и волку не достать (Н. Тэффи. Митенька).*
- (7) *Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как я погляжу на тебя, спорить здоровый! **Где ж тебе с ней спорить?**
Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?*

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит правда (А. Островский. Женитьба Бальзамина).

II. ГДЕ + [уж / же (ж) / тут / там / уж там] + Ø + Инф.

- (8) Алексей. Что говорить... Вы это не поймёте. Ванюшин. Да уж где по-нять! А ты, леший, леший. Отца ты хуже себя считаешь. Ты поживи, сколько я пожил, поработай (С. Найдёнов. Дети Ванюшина).
- (9) Физиономия отца Федора стала возмущать Ипполита Матвеевича. — Обедню небось уже не служите? — спросил он при следующей встрече. — Где там служить! Прихожане по городам разбежались, сокровища ищут (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

III. ГДЕ + [уж / же (ж) / тут / там / уж там] + Сущ. дат. пад / Мест. дат. пад + Ø

- (10) Шнейдер. Что в редакции?
Пальчиков. Все еще главенствую.
Шнейдер. Не выкини там опять чего-нибудь.
Пальчиков. Где мне, я уже совсем смиренный стал. (А. Арбузов. Вечерний свет).
- (11) Павлик не участвовал в создании первенца «Фронтовой-солдатской».
Да и где ему! Москва без устали шлёт листовки, фотодокументы, бюллетени, и он едва успевает расклеивать образцы по толстым альбомам (Ю. Нагибин. Павлик).
- (12) Она сказала:
— Вам скучно, голубушка, — что вы всё дома с этим кисленьким гимназистом сидите, вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.
— Ну, где уж мне, — отвечала Коковкина, — стара уже стала в гости ходить (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

IV. ГДЕ + [уж / же (ж) / тут / там / уж там] + Ø + Ø

- (13) Ди Стазико. Синьора Браваччино, от такой соседки, как вы, я потерял здоровье. Каменщики наконец закончили работу, и я думал, что вздохну спокойно. Где там! Ум за разум заходит! Места себе не могу найти из-за возни и шума на вашем этаже! (Э. Де Филиппо. Страх номер один).
- (14) — А ты думаешь, я за твоего отца по любви вышла? Где уж там! Поначалу противилась. Двадцать пять лет прожили с ним душа в душу (М. Алексеев. Наследники).
- (15) Тяжеловато облокотясь на стол, Бояркин продолжал:
— Ну, а скирды молотить некому и некогда. Так?
— Где уж тут! — ответил завхоз. Пусть стоят (М. Бубеннов. Белая береза).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в конситуации возможно замещение разных значимых компонентов *синтаксическим нулем*. В случае элиминации и субъектного, и глагольного членов предложения (IV) типично использование усилительных частиц, которые в иных речевых вариантах факультативны. С точки зрения поверхностной структуры в ФСК возможны распространители, обусловленные или валентностью глагольной формы, или необходимостью использования согласованного определения при существительном. Это доказывает относительную подвижность обсуждаемой модели (ср. жесткую структуру клише типа *Веселиться так веселиться!*, не допускаящего ни элиминации, ни распространителей).

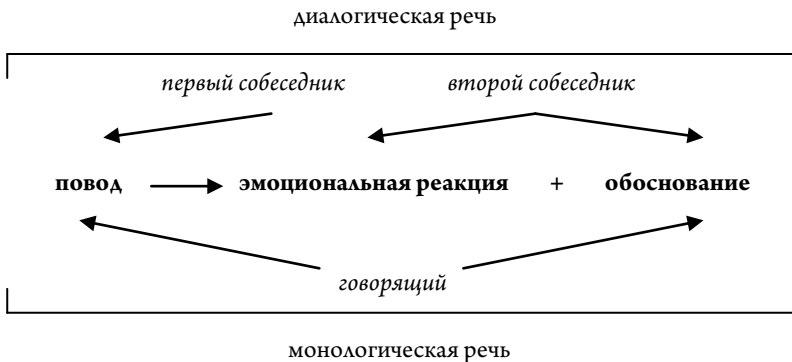
Если вариант I воспроизводит инвариантную схему, то модели II, III и IV можно рассматривать как контекстуальные или ситуативные неполные реализации структурной схемы. В то же время очевидно, что степень идиоматизации модели растет от варианта I к варианту IV. Результатом становится функционирование таких воспроизводимых синтаксических единиц, которые целиком состоят только из служебных лексем. Тем самым смыкание фразеологического и синтаксического стандартов благодаря элиминации порождает новые краткие по форме, но емкие по содержанию конситуативные единицы, становящиеся полноправными коммуникативными идиомами.

4. Семантика синтаксических фразеологизмов с частицей «ГДЕ» и их роль в текстовом единстве

Синтаксические фразеологизмы с ГДЕ (как и с КУДА) предназначены для выражения оценки, а оценка как собственно «человеческая категория» [Арутюнова 1984: 5] «задает его (человека) мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности...» [там же]. Существенно то, что такие ФСК семантически многослойны, поскольку в конситуации на лексическое (номинативное) и морфологическое значения компонентов накладываются разные имплицитные смыслы. Основная модальная семантика *невозможности действия* в сочетании с его *отрицанием* дополняется прагматическими значениями, которые закладывает в высказывание говорящий: 1) *сомнения* в возможности / способности лица, о котором идет речь, осуществить действие, 2) *неодобрения* предполагаемого действия, 3) *недовольства* высказанным в предтексте утверждением или предположением о том или ином действии, 4) *несогласия* с содержанием предтекста и 5) значением *иронии, насмешки*.

Перечисленным набором коннотаций синтаксические единицы вроде *Где уж ей певицей стать!* отличаются от инфинитивных предложений типа *Ей певицей не стать!* Последние утверждают полное отрицание действия, хотя и в комплексе с семантикой невозможности. По-видимому, контаминация оценок способствует тому, что анализируемые предложения достаточно легко осмысливаются как риторические вопросы. Следует упомянуть и об особенностях пунктуации: в письменной речи такие предложения оформляются и восклицательным знаком (чаще), и запятой, и вопросительным знаком. Однако в последнем случае прямого вопроса они не означают, поскольку представляют собой *синтаксические экспрессымы*.

Цель таких клишированных экспрессем — выразить *эмоциональную реакцию* говорящего на *реплику-повод*. Реакция на повод обычно сопровождается пре- или постпозитивным (что чаще) *обоснованием-доказательством* обусловленности действия теми или иными обстоятельствами. Поэтому синтаксические фразеологизмы с начальным *ГДЕ* (как и с *КУДА*) входят в состав более крупного структурно-семантического единства. Строение этого объединения конструкций можно условно представить следующим образом¹:

В рамках подобных объединений, создаваемых или одним говорящим, или же двумя собеседниками, ФСК выступает как экспрессивно оформленный *тезис*, одновременно выполняющий и *текстообразующую функцию*, то есть служащий своеобразным средством связи предложений в единое целое, а обоснование реакции на повод играет роль *аргумента*. Отсутствие последнего усиливает значение риторического вопроса и ироничность смысла. Следовательно, структура такого *трехчленного текстового единства* также

¹ Здесь использована схема из: [Щаднева 2001: 93].

носит типовой характер, а само оно оказываются разговорным аналогом причинно-следственных книжных предложений.

С точки зрения *темпоральности* данные ФСК в рамках текстовых объединений оказываются носителями вневременного (абстрактного) значения, ибо строятся на базе инфинитива и обобщают всю ситуацию:

- (16) Стеблов. *Да и настоящее ли оно, письмо? Почерк, говорит, помнит. Где его помнить два десятка лет* (А. Салынский. Долгожданный).

С другой стороны, контекстный анализ дает основания утверждать, что такие ФСК могут обладать *темпоральной перспективой*, то есть направленностью сообщения в разные временные планы. Наиболее обычна **презентная перспектива**, что можно объяснить актуализованностью конситуации:

- (17) *Пьяный что ли?.. — Нет, нет, нет! — поспешил заверить Пашка, махнув рукой. — Где там, не до этого. Я к тебе за помощью* (П. Егоров. Ночь отёла).
- (18) Пасхалова. *Уехала б я, если б могла, но не могу я без вас уехать. Камшатов. **Где уж тебе** — роскошно чихнуть на меня? Завтра — вот это другое дело* (Л. Зорин. Коронация).

Подобной темпоральной направленностью обладает основная часть приведенных ранее примеров. Реже наблюдается свойственная прозаическим текстам (в несобственно прямой речи) **претеритальная перспектива**, которая поддерживается и формой связки быть (21, 22), и всем контекстом (23):

- (19) *Отовсюду, казалось, наблюдал за сыщиками волшебник — посмотрит и исчезнет... Да, **где уж им было его поймать!*** (К. Чапек. Как сыщики ловили волшебника).
- (20) *Перешагнув через порог, Торрес сразу понял, что это ее спальня. **Но где уж тут было рассматривать комнату,** когда королева сразу подняла крышку тяжелого, окованного медью сундука и жестом подозвала Торреса* (Д. Лондон. Сердца трех).

Конситуативно обусловлена и **футуральная перспектива**:

- (21) Миша. *Ваня, почему ты постоянно хамишь взрослым?*
Иван. *А я дурно воспитан. Папенька, почему вы не отдали меня в лицей?*
Марк. (Мише) *Оставь его. Ванька, ей-богу вружу. Дождешься.*
Иван. ***Ну где уж вам, папенька, слабо-с.*** (Л. Разумовская. Майя)
- (22) Ольга. *Мне приснился сон, сказать? Будто я родила тебе двух богатырей... ты был так рад... слышишь?*
Марк. ***Где уж тебе, старенькой...***

Ольга. Я не старенькая (Л. Разумовская. Сад без земли).

О живом характере рассмотренной модели свидетельствуют образованные на ее основе вторичные идиомы. Далее приводятся примеры, значимые как для разных эпох, так и для текстов разных стилей. В примерах нашего времени обращают на себя внимание варианты концовок той или иной идиомы:

- (23) *Где уж нам, дуракам, чай пить.* (Выражение приписывают одному из друзей А. С. Пушкина П. П. Каверину).
- (24) *Где уж нам, мужикам, чай с сахаром пить* (Поговорка).
- (25) *Терехова надменна и высокомерна не только по отношению к своим мужьям, близким и т. п., но и по отношению к нам, зрителям. Где уж нам, убогим...*
<http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/4274/forum/>¹
- (26) *Где уж нам уж выйти замуж.*
<http://www.lenta66.ru/30/2011/01/17/76337/>
- (27) *Где уж нам уж выйти замуж, нам и в девках хорошо* (Поговорка).
- (28) *Где уж нам уж выйти замуж, нам бы так уж как-нибудь* (Поговорка).
- (29) *Где уж нам уж выйти замуж? Конечно в Сочи* (Новости Сочи).
<http://sochi.com/news/?id=19883>
- (30) *Эх, ты, жених! — дразнил его Передонов. — Еще галстук надел. Где уж тебе с суконным рылом в калашный ряд. Жених!* (Ф. Сологуб. Мелкий бес).
- (31) *Да где уж нам то со свиным рылом, да в калашный ряд то?! Уж донесите чего нито и нам, убогим.*²
<http://rusbeseda.ru/index.php?topic=219.125;wap2>

5. Заключение

Итак, ФСК, выражающие оценку положения дел, являются ярким отражением антропоцентрического принципа организации языка и речи. Исследование коммуникативных свойств таких реализующих речевой контакт синтаксических экспресsem показывает, что «антропосоставляющее» начало языка воплощается путем взаимодействия семантических, прагматических и грамматических компонентов языковых единиц. Набор субъективно-модальных значений и темпоральная перспектива ФСК с инициальным *ГДЕ* (как и у модели с *КУДА*) обусловлены лексико-грамматическим наполнением всего тексто-

¹ Последний просмотр всех приведенных интернет-источников был осуществлен 25.07.2013.

² Орфография сохранена.

го единства и особенно фразы, содержащей повод для эмоционально-экспрессивной реакции.

Нельзя не согласиться с А. Голдберг [Голдберг 1995: 225–226], утверждающей, что важнейшие для человека смыслы представлены в аргументно-предикатных структурах, которые отражают базовые категории мышления и связаны с ключевыми для индивида ситуациями: некто что-то делает, передает кому-то что-то, заставляет кого-то что-то делать и т. п. Но и разработка конструкций т. н. «малого синтаксиса» свидетельствует о том, что периферийные типы предложений также реализуют наш опыт и выступают в виде регулярно повторяющихся, воспроизводимых, хотя и субъективно-оценочных моделей. Рассмотренные ФСК, обладая семантико-прагматическим потенциалом, способны служить связующим звеном в процессе синтаксического развития речи, ибо они объединяют фразы в микротекст, что и обуславливает их текстовую значимость.

Изучение данной модели свидетельствует о креативности языка и его носителей. Результатом креативности становится перманентная последовательная идиоматизация: через конситуативные варианты, состоящие из служебных лексем, ко вторичным идиомам.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1984 — Аксиология в механизмах жизни и языка. *Проблемы структурной лингвистики*. М.: Наука, 1984. С. 5–23.
- Большой ... 1998 — *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Золотова Г. А. 1982 — *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М.: Наука, 1982. 366 с.
- Золотова Г. А. 2001 — Грамматика как наука о человеке. *Русский язык в научном освещении*. М.: Языки славянских культур. №1, 2001. С. 107–113.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Кодухов В. И. 1967 — Синтаксическая фразеологизация. *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во, 1967. С. 123–137.
- Кубрякова Е. С. 1995 — Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). *Язык науки конца XX в.* М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.
- Меликян А. В. 2007 — *Системный и функциональный аспекты интерпретации фразеосинтаксических схем с опорным компонентом — вопросительным словом (на материале испанского языка)*. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 23 с.

Роль человеческого фактора... 1988 — *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. М.: Наука, 1988. 216 с.

РГ 1980 — *Русская грамматика*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II Синтаксис. М.: Наука. 717 с.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи. *Вопросы языкознания*. 1958. № 2. С. 95–100.

Шелякин М. А. 2002 — *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VII. Язык и человек. (К проблеме мотивированности языковой системы)*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. 280 с.

Шелякин М. А. 2010 — *Очерки по прагматике русского языка*. М.: Рус. яз. — Медиа; Дрофа 2010. 285 с.

Шмелев Д. Н. 1976 — *Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке*. М.: Наука, 257 с.

Щаднева В. 2001 — О специфике синтаксических фразеологизмов с начальной частицей КУДА. *Valoda – 2001*. Daugavpils: Saule, 2001. С. 90–94.

Щаднева В. П., Кудрявцев Ю. С. 2011 — Структурно-семантические и дискурсивные особенности предложений с начальной частицей КУДА. II международная конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. 24–26.03.2011. http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/materials/Schadneva_Kudrjvtsev_handout.pdf

Goldberg A. E. 1995 — *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago&London: University of Chicago Press, 1995. 265 p.

Langacker R. W. 1991 — *Foundations of cognitive grammar*. V. 2: Descriptive application. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 395 p.

II.

Антропоцентризм
лексической системы и фразеологии

ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ: ДАНЬ МОДЕ ИЛИ СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ?

А. А. ГОРБОВ

Споры о целесообразности заимствования иноязычной лексики продолжаются уже четвертый век, обостряясь в те периоды развития русского языка, когда его словарный состав особенно интенсивно пополняется заимствованными словами. Так было, например, в конце XVIII — начале XIX века, когда русский язык подвергался мощному влиянию со стороны французского языка. Многочисленные французские заимствования, по мнению некоторых видных литераторов и филологов того времени, приводили к искажению и «порче» русского языка. Так, еще в первой половине 1770-х годов А. П. Сумароков так порицал людей, употребляющих заимствованные слова *суп* и *соус*:

*Безмозглым кажется язык российский туп:
Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
Иль соус, просто сос, нам поливки вкусняе?
Или уж наш язык мордовского гнусняе?*
[Сумароков 1957: 192]

В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», написанном в 1803 году, А. С. Шишков укорял современных ему писателей в том, что они «безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых например как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных» [Шишков 1824: 23].

Интересно, что заимствованные слова, употребление которых осуждают авторы приведенных цитат, сегодня прочно вошли в состав кодифицированного литературного языка.

На рубеже XX–XXI вв. процесс пополнения лексики русского языка иноязычными словами идет так же активно, как и в конце XVIII–начале

XIX в., однако главным источником заимствования в настоящее время является английский язык. И сегодня, так же как и три века назад, многие склонны полагать, что новые заимствования лишь замещают исконно русские слова в силу ориентации носителей русского языка на западные образцы, стремления подражать им и копировать их. Это мнение разделяют и некоторые профессиональные лингвисты. В частности, один из ведущих специалистов по лексическим заимствованиям в русском языке Л. П. Крысин указывает, что «носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление*, *экслюзивный* — лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* — шикарнее, чем *лучшие модели*» [Крысин 2008: 171]. Впрочем, сразу же автором делается оговорка о том, что «здесь намечается некоторое смысловое размежевание (разрядка моя. — А. Г.) «своего» и «чужого» слов: *презентация* — это торжественное представление фильма, книги и т. п.; *экслюзивным* чаще всего бывает интервью или право на что-либо, хотя наблюдается и расширение лексической сочетаемости подобных слов» [там же]. Приведенные утверждения, по-видимому, предполагают, что денотативные значения сопоставляемых лексических единиц тождественны (по крайней мере, изначально), а различия сводятся к коннотациям, связанным с большим или меньшим престижем. Таким образом, выдвигается гипотеза о престиже иностранных слов как основной причине заимствования русским языком иноязычной лексики.

Действительно, факторы языковой моды и престижа нельзя сбрасывать со счетов, однако не во всех случаях именно эти факторы играют определяющую роль. Возможно, более важной причиной заимствования иноязычной лексики является потребность языка в пополнении лексикона и актуализации словарного запаса. Язык концептуализирует в словах понятия, важные для общества, в котором он функционирует как средство общения. Если жизнь общества меняется и некоторые предметы, явления и признаки становятся для него важными, то появляется потребность в их обозначении одним словом, а не словосочетанием или описательным оборотом. Заимствование лексики из иностранных языков — один из обычных путей «замены двучленного наименования одночленным» (см. [Крысин 2004: 30]), то есть получения однословных наименований для предметов, явлений и признаков, важных для общества.

Для понимания причин заимствования и решения вопроса о его прагматической целесообразности для членов языкового коллектива в каждом конкретном случае следует внимательно изучить значения иноязычных

неологизмов и сопоставить их со значениями ближайших по смыслу русских слов. При этом данных, имеющихся в существующих словарях, может оказаться недостаточно: словари не успевают фиксировать новые слова и значения. Определение значения нового слова предполагает анализ примеров его реального употребления.

В данной статье вопросы, связанные с толкованием лексических значений новейших заимствований, рассматриваются в связи с гипотезой о факторе «престижа» заимствованного слова как одной из причин интенсификации процесса заимствования (см., например, [Крысин 1996: 147–153; Крысин 2002: 28–29; Крысин 2008: 171–172]). В качестве материала для анализа используются иноязычные неологизмы *презентация*, *топ-модель* и *эсклюзивный*, приводимые в соответствующем разделе монографии [Крысин 2008] для подтверждения высказываемой точки зрения.

Для решения задачи верификации указанной гипотезы необходимо, прежде всего, точное толкование значений новейших заимствований, что предполагает изучение их функционирования в речи. В соответствии с этим дефиниции значений анализируемых слов, приведенные в словарях, соотносятся в данной работе со значениями, в которых они употребляются в высказываниях, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и найденных в сети Интернет при помощи поисковых систем yandex и google.

0. Презентация

Поскольку слово *презентация* зафиксировано уже в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940], может возникнуть сомнение в том, что это слово является неологизмом. Однако в соответствующей статье этого словаря представлено лишь одно, узкоспециальное, значение — «предъявление, представление ко взысканию», — вряд ли известное носителям русского языка, не знакомым с финансовой терминологией. В этимологической справке в качестве источника заимствования указан латинский язык (слово-прототип — *praesentatio*). Из 1203 случаев употребления слова *презентация*, найденных в основном корпусе НКРЯ, я не обнаружил ни одного, где было бы реализовано такое значение. Однако общее число вхождений данного слова, несомненно, свидетельствует о том, что оно широко употребляется в современном русском языке последних десятилетий (примеры, имеющиеся в НКРЯ, относятся к периоду с 1999 по 2007 год).

В словаре под редакцией Г. Н. Складневской представлены два значения существительного *презентация*: (1) божьшой официальный прием (иногда с угощением), устраиваемый фирмой, организацией, предприятием и т. п. с целью рекламы, для ознакомления со своей деятельностью» и (2) «торжественное публичное представление, демонстрация чего-л. (иногда сопровождаемое приемом с угощением)» [Складневская 2008: 784]. Однако контексты употребления данного слова (в 1-м значении) свидетельствуют о том, что *презентация* не обязательно должна быть большой:

- (1) *В Риге мы подписали соглашение с латвийским общенациональным каналом, являющимся аналогом российского первого канала. Кстати, здесь же состоялась **небольшая презентация** Единой Лиги ВТБ, и меня очень порадовало то позитивное отношение к соревнованию, которое наблюдается у наших латвийских партнеров.* [<http://www.vtb-league.com/ru/news/177/default.aspx>]
- (2) *Мы поможем организовать и спланировать мероприятие, обеспечить технической составляющей и провести работу с целевой аудиторией. Будь то **маленькая презентация** в стенах университета, либо презентация нового сингла в концертном зале.* [<http://www.muumi.ru/presentations>]

В обязательной торжественности презентации (во 2-м значении) как «публичного представления, демонстрации чего-л.» заставляет усомниться даже текстовый пример, иллюстрирующий это значение в словаре:

- (3) *Книжки в Интернет покупать? А зачем? Ведь в магазине обычном — в разы интереснее потолкаться. Странички пожелтевшие полистать. Народу умного послушать. Иртеньева за руку подержать на **презентации** его новой книжки.* Модус, 2000, № 20. [Складневская 2008: 784]

Ср. также следующий контекст, где вряд ли уместно без иронии говорить о «торжественности» представления, хотя речь, безусловно, идет об официальном мероприятии:

- (4) *Совместная **презентация** подготовленного ООН Всемирного доклада по наркотикам будет проведена А. М. Костой 25 июня, в канун отмечаемого по призыву ООН Международного дня борьбы с наркоманией и наркобизнесом.* [НКРЯ]

Кроме того, слово *презентация* хорошо сочетается с прилагательным *торжественная*, что косвенно подтверждает предположение о том, что элемент торжественности в значении самого рассматриваемого слова как минимум факультативен:

- (5) *Отборочная команда постаралась вовсю: российские премьеры фильмов «Взгляд Улисса» Тео Ангелопулоса и «Свидания в Париже» Эрика Ромера, торжественная презентация «Над облаками» Микеланджело Антониони, чествования Джини Лоллобриджиды, Барбары Брыльской и любимицы «Кинотавра» Сильвии Кристель.* [НКРЯ]

При этом следует отметить, что приведенные в словаре два значения слова весьма близки друг другу. По существу, эти значения можно объединить в одно: «публичное мероприятие (иногда сопровождаемое приемом), устраиваемое для ознакомления общественности или заинтересованных лиц с чем-л. недавно созданным и / или для представления / демонстрации / рекламы чего-л. нового».

В сети Интернет и в НКРЯ имеются также многочисленные примеры употребления слова *презентация* в значениях, не зафиксированных в словаре [Скляревская 2008], однако также весьма характерных для узуса последних десятилетий. В частности, в примерах (6) и (7) реализуется значение «деятельность, направленная на представление публике чего-л., показ чего-л. в выгодном свете — товаров (особенно новых), результатов проделанной работы, достижений и т. п.», в примере (8) — «мультимедийный информационный продукт, позволяющий сообщить необходимые сведения о чем-л. в удобной для получателя форме», в примере (9) — «устное информационное сообщение (иногда с применением мультимедийных средств)»:

- (6) *Необходимы адресация и презентация сделанного, его «публикация», а их эффекты не предопределены.* [НКРЯ]
- (7) *Новое предложение для российского рынка — изолированные стеклянные двери и фронты — камера и витрина одновременно: хранение товарного запаса, презентация товаров, пополнение выкладки без выхода в торговый зал.* [НКРЯ]
- (8) *Хорошим вариантом коммерческого ролика, промотирующего конкретную услугу, место или продукт, может быть ролик-презентация (например, ролик «РОСНО», где персонаж в сопровождении картинок и цифр рассказывает о преимуществах ОСАГО).* [НКРЯ]
- (9) *В ходе заседания Анатолий Чубайс выступил с презентацией, в которой дал оценку текущего состояния и той роли, которую крупный бизнес играет в инновационной экономике.* [<http://www.chubais.ru/news/view/5246/>]

Легко увидеть, что слово *презентация* в действительности обладает гораздо более широким спектром значений, чем можно судить по словарю.

Дефиниция «публичное представление чего-н. вновь созданного (фильма, печатного издания, предприятия и т. п.)», представленная в словаре [Крысин 2010]¹, охватывает лишь часть, хотя и значительную, этого спектра: слово *презентация* далеко не во всех случаях синонимично слову *представление* или словосочетанию *торжественное представление*.

По-видимому, в данном случае мы имеем дело с так называемым вторичным заимствованием (об этом понятии см., напр. [Крысин 2008: 175–176]): в конце XX века слово *презентация* вошло в состав общеупотребительной лексики современного русского языка в результате заимствования из английского языка слова *presentation* в следующих значениях: «an event at which you describe or explain a new product or idea» [Longman] ‘событие / мероприятие, в ходе которого кто-либо описывает новое изделие, произведение или разъясняет новые идеи’², «a speech or talk in which a new product, idea, or piece of work is shown and explained to an audience» [Oxford] — ‘доклад или сообщение, в котором аудитории представляют новое изделие, произведение, идею или результат выполненной работы, и дают разъяснения’, «a talk giving information about something» — ‘сообщение, содержащее информацию о чем-либо’ [Cambridge] (здесь и далее переводы мои. — А. Г.). Кроме того, также под влиянием английского языка (*multimedia presentation*) слово *презентация* стало употребляться в значении «мультимедийный продукт, сопровождающий либо заменяющий устное сообщение и позволяющий передать информацию получателю в наиболее удобной для восприятия форме».

Не случаен тот факт, что вторичное заимствование слова *презентация* происходит в тот период, когда публичные выступления с целью привлечения внимания целевых аудиторий к той или иной деятельности, повышения популярности той или иной идеи, рекламы новых товаров и услуг и т. п. становятся одним из важных видов дискурса. В «дорыночный» период подобный вид речевой деятельности столь широко не практиковался. Характерно, что и сегодня те виды публичных выступлений, которые были

¹ Данное значение приведено вторым (и последним), после узкоспециального значения «предъявление переводного векселя лицу, обязанному оплатить его (*трассату*)» (см. [Крысин 2010: 619]).

² При этом следует отметить, что слово *представление*, в отличие от слова *презентация*, в русском языке вряд ли может означать какое-либо *мероприятие* (кроме, разве что, театрального или циркового спектакля); оно означает лишь деятельность, которая является основным содержанием *презентации*, ср.: *Презентация проводилась с целью продвижения на рынок высокопрочного крепежа (ВПК), соответствующего недавно введенному ГОСТ Р 52643-2006 ...* [<http://www.metaldaily.ru/news/news22067.html>] при невозможности **Представление проводилось с целью продвижения на рынок высокопрочного крепежа...*

достаточно широко распространены до 90-х годов XX века, презентациями не называются. Например, выступление на научной конференции — это доклад или сообщение; под презентацией в такой ситуации подразумевается не само устное выступление, а созданный при помощи специального приложения (например, MS PowerPoint) компьютерный файл с сопровождающими доклад материалами, предназначенными для показа при помощи проектора.

Таким образом, словом *презентация* обозначается относительно новый, однако получивший в последние годы широкое распространение вид коммуникации, существенными характеристиками которого, помимо информационно-ознакомительного характера, являются публичный характер и направленность на облегчение восприятия аудиторией передаваемой информации, а также (чаще всего) показ объекта сообщения и / или лица, выступающего с сообщением, в выгодном свете.

Из сказанного выше следует, что слово *презентация* в современном русском языке обладает своим собственным концептуальным ядром лексического значения и своей сферой употребления, которые не совпадают со значением и сферой употребления близких по значению слов *представление*, *доклад*, *сообщение*. В связи с этим вторичное заимствование этого (латинского по происхождению) слова из английского языка представляется для русского языка совершенно естественным и оправданным, в то время как предположение о «большем социальном престиже» иноязычного слова как о причине выбора для обозначения соответствующего денотата заимствованной, а не исконной лексической единицы вызывает сомнения. Причиной создающегося здесь впечатления «престижа» слова или факта его употребления говорящим может быть реальный социальный престиж денотата этого слова — явления, связанного с западной цивилизацией и системой ценностей.

1. Топ-модель

К аналогичным выводам приводит и сопоставление композита *топ-модель* со словосочетанием *лучшая модель*. Определительный компонент *топ*-заимствован из английского языка, в котором соответствующая именная основа *top* (от существительного методом конверсии образуется соответствующее прилагательное) имеет исходное значение 'верх' и целый ряд выводимых значений, образованных в результате метафорических переносов. Среди значений прилагательного *top* имеется и значение 'лучший',

однако качество в этом случае оценивается не непосредственно, а с точки зрения успешности, положения в рейтинге, либо с точки зрения места в иерархии, принятой в обществе и задающей его ориентацию на соответствующие образцы. Именно в этом значении основа *топ-* употребляется в русском языке в качестве атрибутивного компонента именных композитов, а также в прилагательном *топовый*.

Таким образом, *топ-* обозначает ‘занимающий высшее (или одно из самых высоких) положение в каком-либо рейтинге либо в иной социально релевантной иерархии и потому престижный и дорогой или высокооплачиваемый’. *Топ-менеджер* — это не обязательно лучший руководитель, но обязательно высокооплачиваемый и высокопоставленный руководящий сотрудник крупной организации, *топ-модель* автомобиля — это модель в самой дорогой, но не обязательно в лучшей по соотношению цены и потребительских качеств комплектации, *топ-модель* в индустрии моды — это самая высокооплачиваемая и престижная модель (или одна из самых высокооплачиваемых и престижных моделей), внешность которой служит образцом для многих женщин, причем конкретные характеристики этого образца изменяются во времени, ср.:

- (10) *В 1960-е годы модный бизнес преподнес публике совершенно новый тип женщины. Таких еще не было: Твигги — 17-летняя девочка из Лондона, бесконечно длинная, с ногами аистенка, первая из топ-моделей, которой подражало целое поколение юных девушек.* [НКРЯ]

При этом интересно также отметить, что прилагательное *лучший* в сочетании с существительными в форме единственного числа тяготеет к выражению суперлативного качественного значения, тогда как значение компонента *топ-* в составе именного композита выражает либо безотносительно высокую степень качества (и в этом случае компонент *топ-* синонимичен прилагательному *топовый*), либо вообще приближается по значению к относительным прилагательным, сужая и уточняя значение вершинного существительного.

Так, *лучшая модель* является безусловно самой хорошей, тогда как *топ-модель* автомобиля или компьютера — возможно, лишь одна из самых дорогих и престижных (компонент *топ-* имеет здесь значение, близкое значению прилагательного *топовый*), ср.:

- (11) *ASRock P55 Deluxe3 — топ-модель для процессоров Intel LGA 1156* [<http://www.gigamark.com/content/view/5105/2/>]
- (12) *Теперь топовая модель MacBook Pro 15" в стандартной конфигурации может похвастаться процессором Intel Core Duo с тактовой частотой*

2.66 ГГц, что немного больше, чем в предыдущей модели (2.53 ГГц). Однако если вы хотите использовать всю мощь своего MacBook Pro по максимуму, за дополнительные 300 долларов вы можете заказать собственную конфигурацию ноутбука с процессором Intel Core Duo 2.93 ГГц. [<http://www.imtime.ru/publication?id=8720>]

Что же касается композитов *топ-модель* (профессия в индустрии моды) и *топ-менеджер*, то в этих случаях компонент *топ-* выражает уже скорее не качество, а классифицирующий признак, и не может быть заменен прилагательным *топовый*. *Топ-модель* (супермодель) — это, согласно электронной версии словаря [Ефремова 2000], «манекенщица самого высокого класса (разрядка моя — А. Г.); супермодель»¹. *Топ-менеджером* может быть назван только член высшего руководства (например, правления или совета директоров) крупной компании: в этом его отличие как от менеджера среднего звена, так и от директора малого предприятия. Препозитивный компонент *топ-* в рассматриваемых композитах по типу выражаемого значения приближается к классифицирующим прилагательным в составных названиях должностей и званий типа *старший преподаватель* или *заслуженный артист*. Отличие заключается лишь в несколько меньшей четкости и определенности значения атрибутивного элемента *топ-*, что объясняется, по-видимому, неофициальным характером статуса *топ-модели* или *топ-менеджера* и, соответственно, отсутствием однозначных критериев его определения.

Приведенные соображения подтверждают, как представляется, предположение о том, что основа *топ-*, заимствованная из английского языка, обладает, как и слово *презентация*, своим собственным лексическим значением, отличным от значений слов, имевшихся в русском языке до времени заимствования. Факт заимствования объясняется здесь не большей престижностью самого иноязычного слова, а релевантностью для современной жизни комплекса признаков статуса, включающего в себя, прежде всего, положение в рейтинге и оценку в денежном выражении, что влечет за собой потребность в наименовании всего этого комплекса одной лексической единицей (в данном случае, по-видимому, мы имеем дело с основой, способной выступать в качестве атрибутивного компонента именного композита, образованного методом синтаксического основосложения).

¹ См. <http://www.efremova.info/word/top-model.html#.U1LRVeFuQI>

2. Эксклюзивный

Анализ значения прилагательного *эксклюзивный* в русском языке также подтверждает предположение о том, что иноязычные неологизмы не являются лишь более престижными эквивалентами исконных и ранее заимствованных слов.

Значения слов *эксклюзивный* и *исключительный* в современном языке не совпадают не только в части коннотаций, но и в части собственно концептуального ядра.

Так, только прилагательное *исключительный* употребляется в значении 'представляющий собой исключение из общих правил, обычных норм' [МАС 1985–1988] (например, в сочетании *исключительный случай*), а также в значении 'особенный, необыкновенный, редкий' при характеристике степени проявления какого-либо качества или признака (*исключительная функциональность, исключительная долговечность*) даже в рекламе дорогих, престижных и, возможно, «эксклюзивных» товаров:

- (13) **Исключительная** контрастность, захватывающее качество изображения. Технология LED Pro использует отдельно управляемые светодиоды для точной настройки необходимого уровня подсветки. Насыщенные черные и чистые белые детали — **исключительный** уровень контрастности и четкости плюс низкое энергопотребление. [http://www.europe-tv.ru/article/?body=philips_led_ver1]

С другой стороны, существуют контексты, в которых нельзя заменить слово *эксклюзивный* словом *исключительный*. Такая замена невозможна, помимо таких сочетаний, как *эксклюзивное интервью* и *эксклюзивный дистрибьютор*, во всех случаях, где данное прилагательное употребляется в значении, соответствующем одному из значений английского прилагательного *exclusive* — 'catering for or available to only a few, select customers; high class and expensive' ('предназначенный для не многих избранных клиентов, или доступный только таким клиентам; высококлассный и дорогой') [Oxford], ср.:

- (14) Кроме **эксклюзивного** постельного белья марок Yves Delorme, Pierre Frey, Kenzo, в отделе «Текстиль для дома» представлена новая для Москвы марка швейцарского белья Schlossberg и Billerbeck (одеяла и подушки на гагачьем пуху). [НКРЯ]
- (15) Мануфактура «Silvano Lattanzi» является лучшим итальянским производителем и признанным мировым лидером по пошиву **эксклюзивной** обуви класса люкс по индивидуальным меркам. [<http://www.silvanolattanzi.su/sl.htm>]

В словарях современного русского языка даются следующие толкования прилагательного *экссклюзивный*: «исключительный, составляющий исключительную принадлежность» [Крысин 2010: 907]; «предоставленный только одному лицу или организации, не имеющий повторения» и «исключительный, крайне редкий, единственный в своем роде; самый лучший, предпочтительный» (обе дефиниции — [Скляревская 2008: 109]). Интересно отметить, что последнее из приведенных значений в словаре под редакцией Г. Н. Скляревской иллюстрируется цитатой из романа Б. Акунина «Алтын-толобас»: *Сразу было видно, что клуб был в высшей степени эксклюзивный, и абы кого сюда не пустят*; однако в данном случае речь, безусловно, идет не о редкости, единственности или предпочтительности клуба, а о том, что этот клуб является заведением особо высокого класса и его членами могут быть только очень состоятельные люди, принадлежащие к элите общества.

При этом рассматриваемое значение у прилагательного *исключительный* полностью отсутствует. Следовательно, между значениями слов *экссклюзивный* и *исключительный* выявляются расхождения денотативного характера, не имеющие отношения к большей или меньшей престижности употребления того или иного из этих слов.

Заключение

Понимание причин усиления иноязычного влияния на русский язык и интенсификации процессов заимствования предполагает наличие точных толкований лексических значений иноязычных неологизмов и их соотнесение со значениями соответствующих слов, представленными в языке-источнике на момент заимствования.

Недостаточно четкое представление об отличиях денотативных значений новых заимствованных слов от значений близких по смыслу исконных и ранее заимствованных лексических единиц приводит, как кажется, к преувеличению роли социально-психологических причин заимствования русским языком иноязычной лексики и признанию иноязычных неологизмов «престижными» дублетами исконно русских слов. Однако сопоставление значений новых заимствованных слов, иллюстрирующих указанное положение, и значений их исконно русских синонимов выявляет различия прежде всего денотативного характера. Причиной заимствования является, таким образом, не столько престиж иноязычного слова, сколько отсутствие в русском языке однословных наименований для социально реле-

вантных объектов и явлений при наличии таких наименований в языке-источнике заимствования.

Проведенный анализ значений новейших заимствований также ставит под сомнение замечание Л. П. Крысина о «смысловом размежевании», поскольку оно предполагает дивергентное развитие значений, начальной точкой которого было их полное тождество, однако данное предположение нельзя считать верным, поскольку такого тождества в рассмотренных случаях не наблюдается. При смысловом размежевании значений слов *презентация* // *представление* и *эксклюзивный* // *исключительный* семантика новых заимствований должна была бы быть более узкой, чем семантика сопоставляемых с ними ранее существовавших в русском языке лексем. Действительно, если бы имело место именно «размежевание значений», то либо должны были бы наблюдаться гиперонимо-гипонимические отношения, (например, *презентация* = *торжественное представление*, *эксклюзивный* = *исключительный* только о праве или интервью), либо речь шла бы о сужении семантики ранее существовавшей лексемы вследствие перехода части ее значений в сферу семантики заимствованного неологизма (например, '*публичное мероприятие, устраиваемое для ознакомления заинтересованных лиц с чем-л. недавно созданным и / или рекламы чего-л. нового*' до появления в русском языке слова *презентация* обозначалось бы существительным *представление*, но затем такое значение лексемой *представление* было бы утрачено в связи с заимствованием лексемы *презентация*). Однако анализ значений иноязычных неологизмов *презентация*, *топ-модель* и *эксклюзивный* со всей очевидностью показывает, что новые заимствования не являются гипонимами ранее существовавших лексем, а спектр их значений не уже, а даже несколько шире спектра значений ранее существовавших слов.

Помимо отличий денотативных значений, иноязычные неологизмы в некоторых случаях предъявляют менее жесткие по сравнению с исконными словами требования в отношении грамматической сочетаемости. В частности, существительное *представление* в тех значениях, в которых оно может считаться синонимом слова *презентация* (то есть речь не идет о значениях «спектакль, театрализованное или увеселительное зрелище» или «официальная бумага, содержащая осведомление, ходатайство и т. п. о чем-л.» [МАС 1985–1988]), нуждается в дополнении в родительном падеже (*представление чего?*), в то время как существительное *презентация* может употребляться как с таким дополнением, так и без него (см. примеры 1 и 2). Это облегчает задачу создания текстов и соответствует современным тенденциям развития русского языка, которое очевидным образом

идет, по выражению М. В. Панова, «в пользу говорящего»¹, то есть в направлении упрощения грамматики и расширения значений слов.

Общий вывод, к которому приводит проведенный анализ, однозначен: «престижность» иноязычных неологизмов как языковых единиц не представляет собой причину заимствования, а является вторичным эффектом, который создается прежде всего престижностью денотата, связанного с новыми для носителей русского языка ценностными ориентирами². Выбор русским языком заимствования как пути пополнения словарного запаса представляется в данном случае совершенно естественным, поскольку источником заимствования является язык тех культур, в которых эти ценностные ориентиры доминируют, и в этом языке уже имеются однословные наименования для соответствующих денотатов. Таким образом, новые заимствования необходимы прежде всего для концептуализации понятий, важных для социума, в котором язык функционирует как средство общения, а следовательно, нужны носителям языка как членам этого социума. Кроме того, эти заимствования способствуют облегчению задачи создания текстов, что соответствует общему направлению развития современного русского языка и отвечает потребностям его носителей.

Литература

Ефремова Т. Ф. 2000 — *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х тт.* Москва.

Кронгауз М. А. 2008 — *Русский язык на грани нервного срыва.* Москва.

Крысин А. П. 1996 — *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* Отв. ред. Е. А. Земская. Москва.

Крысин А. П. 2004 — *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике.* Москва.

Крысин А. П. 2008 — *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* Отв. ред. А. П. Крысин. Москва.

Крысин А. П. 2010 — *Толковый словарь иноязычных слов.* Москва.

¹ Цит. по [Крысин 2008: 265].

² Впрочем, признак «престижности» иногда переносится собственно на слово с его денотата, что приводит к употреблению слова для создания эффекта положительной оценки в определенных речевых жанрах и типах текстов, где особое значение имеет фактор моды. Данное явление в отношении прилагательного *экслюзивный* описано, в частности, М. А. Кронгаузом [Кронгауз 2008: 27–32]. Тем не менее, мода на слово проходит, и частотность его употребления в рекламе и глянцевого журналах снижается, однако слово остается в словарном составе языка и продолжает употребляться в соответствии с его денотативным значением.

МАС 1985–1988 — *Словарь русского языка в четырех томах*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. Веб-ресурс: <http://www.ruscorpota.ru/>

Скляревская Г. Н. 2008 — *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. Под ред. Г. Н. Скляревской. Москва.

Сумароков А. П. 1957 — *Избранные произведения*. (Библиотека поэта. Большая серия). Ленинград.

Ушаков Д. Н. 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка: В 4 т.* Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва.

Шишков А. С. 1824 — *Собрание сочинений и переводов*. Ч. 2. Санкт-Петербург.

Cambridge — Cambridge Dictionaries Online. Веб-ресурс: <http://dictionary.cambridge.org/>

Longman — The Longman Dictionary of Contemporary English Online. Веб-ресурс: <http://www.ldoceonline.com/>

Oxford — Oxford Dictionaries. Веб-ресурс: <http://oxforddictionaries.com/>

ГЛАГОЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ
НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА
И ПЕРЕХОДЫ В ЭТО ПОЛОЖЕНИЕ
(РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФИНИТНЫХ
И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ПО ДАННЫМ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

С. Ю. ДМИТРЕНКО, В. С. ХРАКОВСКИЙ

Появление корпусов и, соответственно, корпусной лингвистики сделало возможными постановку и решение ряда задач, которые не могли найти адекватного и верифицируемого решения в докорпусных исследованиях. К числу таких задач, в частности, относится изучение распределения в тексте финитных и нефинитных форм глагола с учетом выражаемых ими значений. Если мы не ошибаемся, в традиционном языкознании существовала презумпция, в соответствии с которой финитные формы глагольной лексики встречаются в текстах разных регистров чаще, чем нефинитные формы.

Данная статья продолжает серию наших публикаций [Дмитренко, Храковский 2008, 2011, 2013; Храковский, Дмитренко 2012], посвященных описанию тематического класса глаголов, которые обозначают так называемые стандартные и нестандартные пространственные положения тела человека, а также переходы в эти положения. Цель статьи состоит, в частности, в том, чтобы проверить законность сформулированной выше презумпции о большей частотности финитных форм, проанализировав распределение в текстах форм глаголов (финитных и различных нефинитных), обозначающих нестандартные пространственные положения тела человека.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00142 «Предикатные единицы, обозначающие пространственные положения тела человека».

Как было сказано в работе [Храковский, Дмитренко 2012], существуют два семантических подкласса таких глаголов. Один образуют парные глаголы типа *прислониться / прислоняться, облокотиться / облакачиваться, опереться / опираться, упереться / упираться* и др. Другой составляют глаголы типа *наклониться / наклоняться, нагнуться / нагибаться, склониться / склоняться, пригнуться / пригибаться, согнуться / сгибаться, перегнуться / перегибаться* и др. (далее при обозначении в тексте конкретных лексем рассматриваемых классов мы будем использовать только формы СВ: *прислониться, облокотиться, наклониться* и т. д.). Глаголы обоих подклассов обозначают **нестандартные** пространственные положения тела человека (то есть такие, которые определенным образом трансформируют **базовые стандартные** положения, обозначаемые глаголами *стоять, лежать, сидеть*), а также переходы в нестандартные пространственные положения. Глаголы этих семантических подклассов имеют сходные, но, что вполне естественно, нетождественные толкования, которые включают по три семантические роли. Две роли в этих толкованиях одинаковые: это Агенс и Рабочая часть. Третья роль в толкованиях глаголов первого семантического подкласса — Опора, см. (1), а в толкованиях глаголов второго семантического подкласса — Конечная точка, см. (2).

- (1) *Петр Петрович* (Агенс) *опять закрыл глаза и прислонился влажным лбом* (Рабочая часть) *к стене* (Опора) (В. Пелевин. Тарзанка)
- (2) *Тушин* (Агенс), *сидя, согнулся корпусом* (Рабочая часть) *вперед*...¹ (И. Гончаров. Обрыв)

Непосредственным предметом анализа служит распределение в текстах финитных и нефинитных форм глаголов *облакачиваться* (первый семантический подкласс) и *нагибаться* (второй семантический подкласс).

Разумеется, мы полностью отдаем себе отчет в том, что данные о распределении в тексте финитных и нефинитных форм только одного глагола каждого подкласса не дают оснований полагать, что аналогичным или похожим будет распределение в тексте финитных и нефинитных форм у остальных глаголов данного подкласса, однако дать точный ответ на этот вопрос можно будет лишь после того, как будет проанализировано распределение в тексте финитных и нефинитных форм всех глаголов обоих семантических подклассов, что мы надеемся осуществить на следующем этапе нашей работы.

¹ Актант Конечная точка является реальным, но закадровым (виртуальным) участником ситуации. В тексте могут появиться лишь сирконстанты, обозначающие, в каком направлении Агенс совершает движение Рабочей частью типа *наклонился вперед / вправо / влево*.

Глагольным лексемам *облокачиваться* и *нагибаться* даются следующие толкования:

ОБЛОКАЧИВАТЬСЯ стоя, сидя или лежа, человек, выступающий в роли Агенса, двигает (прототипически) локоть / локти / руку / руки (но не одну кисть руки), выполняющие роль Рабочей части, до тех пор, пока Рабочая часть не вступит в контакт с каким-либо предметом или человеком, играющим роль Опоры.

НАГИБАТЬСЯ стоя, сидя или находясь в движении, человек, выступающий в роли Агенса, приводит в движение торс, выполняющий роль Рабочей части, сгибая его в пояснице и опуская его вперед / назад / вправо / влево, и прекращает движение, как только он достигает Конечной точки.

Как видно, толкования этих двух лексем (и соответственно всех лексем двух подклассов) отличаются друг от друга тем, что в случае лексемы *облокачиваться* происходит контакт Рабочей части с предметом или человеком, выступающим в роли Опоры, а в случае лексемы *нагибаться* такого контакта нет.

Данные о частоте употребления финитных и нефинитных форм интересующих нас лексем в Национальном корпусе русского языка представлены в Таблицах 1 и 2.

	Всего	Финитные	Нефинитные			
			деепри- частия	причастия	инфини- тив	императив
Формы НСВ	73	34	27	0	12	0
Формы СВ	1041	326	676	21	18	0

Таблица 1. Частота употребления форм лексемы *облокачиваться* по данным НКРЯ

	Всего	Финитные	Нефинитные			
			деепри- частия	причастия	инфини- тив	импера- тив
Формы НСВ	703	340	242	8	96	17
Формы СВ	2897	1992	625	57	150	73

Таблица 2. Частота употребления форм лексемы *нагибаться* по данным НКРЯ

Самое важное наблюдение, которое следует из сопоставительного анализа этих таблиц (кроме констатации того очевидного факта, что частотность употребления в текстах лексемы *нагибаться* в три раза выше, чем лексемы *облокачиваться*), заключается в том, что финитные и нефинитные формы

лексем *облокачиваться* и *нагибаться* представлены в принципиально разной пропорции: у глагола *облокачиваться* финитные формы составляют только 32,3% всех употреблений, что несколько неожиданно, тогда как у глагола *нагибаться* — 64,7% употреблений, что больше соответствует исходным ожиданиям.

Переходя к рассмотрению частоты употребления различных форм глагола *облокотиться*, отметим, что его самая частотная форма это деепричастие СВ (примерно 60% всех употреблений). Вторая по частоте форма этого глагола — финитная форма СВ (29% всех употреблений). Таким образом, на долю всех остальных форм этого глагола приходится всего 10% всех употреблений, причем формы причастия НСВ и императива НСВ в НКРЯ не встретились ни разу. При этом формы СВ в совокупности значительно более употребительны, чем формы НСВ.

Деепричастие СВ, представленное конкурирующими формами *облокотившись* и *облокотясь*, примерно в 89% случаев употребления обозначает контролируемое, статичное, длительное, неопределенное положение в пространстве, которое может начаться в какой-то определенный момент времени и прекратиться в какой-то другой определенный момент времени.

- (3) *Я, в ожидании съезда на берег, облокотившись на сетки, смотрел на индийские лодки, на разнообразные группы разноцветных тел* (И. Гончаров. Фрегат «Паллада»).
- (4) *Мать слушала стоя, облокотясь о спинку кресла* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

Вместе с тем в 11% употреблений деепричастие СВ обозначает переход в данное пространственное положение:

- (5) *Сеня подумал и подошел, со стаканом воды в руке облокотясь на изгибающийся ствол тополя* (В. Распутин. Нежданно-негаданно).
- (6) *Какая-то женщина вышла на балкон и села на табуретку, облокотившись на балюстраду* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний).

Та или другая интерпретация деепричастия СВ в основном зависит от вида финитного глагола в конструкции с деепричастным оборотом. Если этот глагол выступает в форме НСВ, то деепричастие, как правило, обозначает наличное пространственное положение, см. (3), (4). Если же этот глагол выступает в форме СВ, то деепричастие скорее всего обозначает переход в данное пространственное положение, см. (5), (6).

Формы СВ глагола *облокотиться* могут быть формами прошедшего и будущего времени (примеры последних единичны) и имеют конкретно-фактическое значение, обозначая переход Агенса в данное положение.

- (7) *Потапов облокотился о перила, тихо сказал: — Как же это так? (К. Паустовский. Снег).*
- (8) *Катя Ивановна, в восторге от своего плана, вынула блокнот, карандаш и конверт и энергично повернула письмоной спиной к себе: — Номер семь, я на вас облокочусь на минуту ... Вот так. Мне хочется написать письмо мужу (М. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде).*

В соответствующих контекстах формы СВ могут также получать итеративное прочтение:

- (9) *То, прохаживаясь под окошками, заметит ее будто невзначай и поклонится ей учтиво, то очутится вдруг у огорода, где полет Маша грядки или собирает клубнику: облокотится, посмеиваясь, на плетень, и уж ни подсолнечники, ни яблони, ни вишни не скроют от его соколиных, веселых взоров Машину гладко причесанную головку (Б. Садовской. Бурбон)*

Формы НСВ могут быть формами настоящего, прошедшего и будущего времени. Обычно они имеют итеративное прочтение, употребляясь в соответствующих контекстах:

- (10) *Когда поет в церкви соло, то живописно облакачивается на стену, скрепчивает по-наполеоновски на груди руки, закатывает глаза к потолку и изящным движением пальцев расправляет воротник (А. Куприн. Киевские типы).*
- (11) *Но особенно нравилось мне, как она глядела на своего любовника монтера, когда он лениво облакачивался на стойку (В. Набоков. Драка).*
- (12) *Эта тактика также применяется охотниками на индеек, которые подбирают свои камуфляжные брюки под цвет земли, на которой они, скорее всего, будут сидеть, а куртку — под цвет деревьев, на которые они будут облакачиваться (<http://hunt.rin.ru>)¹.*

Формы НСВ настоящего времени глагола *облакачиваться* употребляются в нарративе и так же, как и формы СВ, могут обозначать (мгновенный) переход Агенса в данное положение, происходящий на глазах у говорящего (так называемое «настоящее репортажа» [Храковский, Дмитренко 2010]:

¹ Примеры, при которых сдержится ссылка на адрес в интернете, получены не из НКРЯ, а с помощью поисковой системы Google. В статистических подсчетах такие примеры не учитываются.

- (13) *Сказавши это, Петенька вдруг перестает качаться на стуле, оборачивается к столу и облакачивается на него обеими руками* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).
- (14) *Он облакачивается локтями на колени, подпирает голову и, смотря на огонь камина, говорит* (Е. Нагродская. Гнев Диониса).

Существенно обратить внимание на то, что в силу своей семантики формы НСВ практически не употребляются в актуально-длительном значении, хотя в отдельных случаях в качестве одного из вариантов можно допустить соответствующее прочтение, маркирующее нахождение Агенса в данном положении:

- (15) *Рогожин отклонил свою руку, на которую облакачивался, выпрямился и стал раздвигать свой рот, точно готовясь смеяться; он смотрел на меня в упор* (Ф. Достоевский. Идиот).

Деепричастия НСВ составляют примерно половину всех употреблений форм НСВ. Они обозначают действие, происходящее одновременно с действием, обозначаемым финитным глаголом и имеют два прочтения. Если финитный глагол обозначает стандартное положение тела человека, то деепричастие обозначает одновременное нахождение в данном нестандартном положении:

- (16) *Сидел развалившись, широко облакачиваясь на стол, и когда был один, всегда читал книгу* (В. Вересаев. Воспоминания).
- (17) *Он сидел на стуле, я стоял сзади него, облакачиваясь на кухонный шкаф* (vk.com).

Значение нахождения в пространственном положении деепричастие имеет и при финитных глаголах другой семантики (в (18) — это глагол речи), однако для этого необходима сильная контекстная поддержка (из контекста должно быть ясно, что действие, обозначаемое финитным глаголом, происходит на фоне длежащего нестандартного положения, обозначаемого деепричастием):

- (18) ... — *холодно спросил Валицкий, слегка облакачиваясь на трость, которую держал обеими руками, и предвкушая удовольствие выслушать просьбу* (А. Чаковский. Блокада).

С нашей точки зрения, особенность данного примера заключается в том, что его вторая часть (начиная со слов *которую держал...*) делает возможной только одну интерпретацию деепричастия *облакачиваясь* (нахождение в пространственном положении).

В целом же при финитных глаголах другой семантики деепричастие обычно обозначает одновременный переход в данное нестандартное положение:

- (19) — *Так! — Отец встал, облачиваясь на стол* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть).
- (20) — *Значит командиров бросили, а сами сбежали, — сказал Шмаков, облачиваясь о спинку переднего сиденья и сбоку заглядывая в лицо шоферу* (К. Симонов. Живые и мертвые).

Причастия НСВ в НКРЯ вообще не представлены, что свидетельствует об их принципиально крайне редком употреблении. В известных нам употреблениях эти формы обозначают нахождение в данном нестандартном положении. Примером употребления деепричастия НСВ может служить название известной картины Мурильо «*Крестьянский мальчик, облачивающийся на подоконник*». Причастие СВ представлено в НКРЯ 12 раз и также обозначает нахождение в соответствующем нестандартном положении:

- (21) *Он сошел на мол и стал как раз напротив того места, где стояла Елена, облокотившаяся на буковые перила борта* (А. Куприн. Морская болезнь).

В принципе у такой формы, как инфинитив, должны быть те же значения, что и у финитных форм, однако конкретная интерпретация инфинитива реально зависит от того финитного глагола, который управляет инфинитивом, и зависимый инфинитив может только обозначать выражаемое действие. Что касается инфинитива НСВ (12 употреблений в корпусе), то он скорее всего просто обозначает действие, хотя можно усмотреть и переход в данное нестандартное положение (22), и нахождение в данном нестандартном положении (23).

- (22) *Ранние алтарные преграды были очень низкими, так что на них можно было облачиваться* (С. Еремеева. Лекции по русскому искусству).
- (23) *Владыка в ожидании нашего спуска почему-то не стал передвигаться, остался на месте, хотя и продолжал облачиваться на наши плечи* (В. Тимаков. Высокопреосвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский).

Инфинитив СВ (18 употреблений в корпусе) обозначает, судя по примерам, переход в данное нестандартное положение:

- (24) *Савелий спал крепко и не слушал, как зашевелился Федор, как после некоторых усилий он смог сесть и облокотиться о ствол березы* (В. Доценко. Срок для Бешеного).

- (25) *А, Володька, — и ты здесь, — отвечал ласково дядюшка, очень обрадованный тем, что мог на него облокотиться и перевести дух* (А. Апухтин. Неоконченная повесть).

Что касается частоты употребления различных форм глагола *нагибаться*, то совокупное употребление всех форм СВ значительно превосходит совокупное употребление всех форм НСВ, однако не в такой степени как у глагола *облокачиваться*. Однако, если у глагола *облокачиваться* самой частотной формой является деепричастие СВ, то у глагола *нагибаться* наиболее частотными являются финитные формы СВ. Деепричастие СВ (17,3% употреблений) встречается в три раза меньше, чем финитные формы СВ (55,3% употреблений). Обращает на себя внимание достаточное присутствие в корпусе употреблений деепричастия НСВ (6,7% употреблений), а также наличие употребления императивных форм НСВ (0,47% употреблений) и СВ (2% употреблений), тогда как у глагола *облокачиваться* императивных употреблений в НКРЯ нет.

Финитные формы СВ глагола *нагибаться* могут быть формами прошедшего и будущего времени (примеры последних единичны) и имеют конкретно-фактическое значение, обозначая переход Агенса в данное положение.

- (26) *А третья нагнулась, выпрямилась и сообщила подругам: — Девки, гляньте, бруки-то на молнии, как ридикюль* (С. Довлатов. Виноград).
- (27) — *Глупости! Пройдем!* — *ответил уверенно фельдшер. — Нагнемся и проедем. Чтобы войти под мост, им пришлось не только лечь ничком на банки, но и защищать руками лица от мостовых бревен* (А. Куприн. Мелюзга).

В соответствующих контекстах эти формы могут иметь мультипликативное и итеративное прочтение:

- (28) *Медведь покивал ей, быстро несколько раз нагнулся к кадке и старательно разбрызгал воду* (И. Токмакова. Счастливо, Ивушкин!).
- (29) *Всяко бывает: он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе* (И. Тургенев. Бежин луг).

Деепричастие СВ *нагнувшись* встречается в корпусе в три раза реже финитных форм СВ. Как и деепричастие СВ глагола *облокачиваться*, это деепричастие обозначает либо пребывание в данном пространственном положении, либо переход в данное пространственное положение. Критерием выбора той или другой интерпретации, как и в случае с глаголом *облокачиваться* служит видовая форма финитного глагола в конструкции с деепричастным оборотом. Если этот глагол выступает в форме НСВ,

то деепричастие обозначает наличное нестандартное пространственное положение:

- (30) *Иисус же, нагнувшись, пальцем писал на земле* (Л. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий).
- (31) *Газета лежит на столе, он читает, нагнувшись, опершись о стол руками, и впервые по его согнутой спине и выступающим лопаткам я замечаю, что он уже не молод* (З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком).

Если же этот глагол выступает в форме СВ, то деепричастие обозначает переход в данное нестандартное положение:

- (32) *И, нагнувшись, Баталов написал на бумаге довольно сложную формулу* (А. Де-Спиллер. Желтая электричка).
- (33) *Нагнувшись, Ирина покопалась во внутренностях сумки, извлекла более длинный объектив и принялась аккуратно винчивать его в фотокамеру* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри).

Из НКРЯ случайным образом были выбраны 100 примеров с деепричастием СВ *нагнувшись*. В 75 примерах это деепричастие обозначает переход в данное нестандартное пространственное положение. И только в 25 примерах это деепричастие обозначает пребывание в данном нестандартном пространственном положении.

Причастия СВ составляют примерно 1,5% всех употреблений лексемы, что соотносимо с процентом, который составляют в НКРЯ причастия СВ глагола *облокачиваться* (1,8%). Это причастие обозначает нахождение в данном нестандартном положении:

- (34) *Нагнувшийся за документами Никита вдруг резко выпрямился* (М. Милованов. Естественный отбор).
- (35) *Он один живым ушел с высоты, но в памяти его были живы и старик пехотинец, осторожно откусывавший сухарь, и парень с крепкой, заросшей белыми волосами шеей, нагнувшийся к нему прикурить, и те двое, что выкидывали из траншеи труп немца* (Г. Бакланов. Южнее главного удара).

Довольно широко представлен в НКРЯ инфинитив СВ (73 употребления), который, можно считать, обозначает переход в данное нестандартное положение:

- (36) *Я поняла, что к нему надо нагнуться, он хочет сказать что-то, чтобы никто не слышал* (Л. Гурченко. Аплодисменты).
- (37) *Ей пришлось нагнуться, чтобы въехать верхом в ресторан, где в центре зала уже лежало заготовленное стальное яблоко, на которое конь и поставил правое копыто* (Ю. Буйда. Город палачей).

В НКРЯ представлен и императив СВ (73 употребления), тогда как императив глагола *облокотиться* в НКРЯ не представлен. Эта форма обозначает прямую каузацию перехода в данное нестандартное положение:

- (38) — *Нагнись ко мне, доча, — сinya попросила больная, хочу у тебя спросить* (И. Грекова. Перелом).
- (39) *Нагнись к крану, помой черешню, пополощи рот, сплунь* (А. Иличевский. Перс).

Формы НСВ глагола *нагибаться* (340 употреблений) могут быть формами настоящего, прошедшего и будущего времени. В соответствующих контекстах они имеют мультипликативное или итеративное прочтение:

- (40) *Мальчик у них рос бойкий, и Богомоллов то и дело нагибался и делал ему шепотом замечание* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь).
- (41) *Тень отца является полуночно, идет вдоль литерного, стучит молотком по колодкам, нагибается, будто хочет убедиться, действительно ли там написано «Тормоз Вестингауза» или что-то другое — все в порядке, машет фонариком, можно ехать* (М. Шишкин. Венерин волос).
- (42) *Когда он поднимал руки — кожа натягивалась, и Джоконда смеялась, когда нагибался — она мрачнела, а когда чесал за ухом — она подмигивала* (В. Катанян. Прикосновение к идолам).

Формы НСВ настоящего времени глагола *нагибаться* употребляются в нарративе и так же, как и формы СВ, могут обозначать (мгновенный) переход Агенса в данное положение, происходящий на глазах у говорящего (так называемое «настоящее репортажа» [Храковский, Дмитренко 2010]:

- (43) *Бандит встает, поворачивается к судьям спиной, нагибается и говорит* (Коллекция анекдотов).
- (44) *Возле одной из могил он останавливается, нагибается и поднимает из травы череп розового цвета* (В. Пелевин. Generation П).

Достаточно часто в таких конструкциях употребляется целевое обстоятельство:¹

- (45) *Актриса, продолжая разговаривать, нагибается, чтобы надеть золотые туфельки* (Л. Гурченко. Аплодисменты).

¹ Этот факт имеет логичное прагматическое объяснение: переход в данное пространственное положение всегда мотивирован какой-то внешней целью (человек нагибается, чтобы приблизиться к какому-либо объекту, чтобы избежать опасности и т. п.). Отметим, что ситуация, обозначаемая глаголом *облокачиваться*, тоже может иметь цель (и, соответственно, сам глагол может сочетаться с целевым оборотом), но это, скорее, цель внутренняя — достижение Агенса большей устойчивости через «подключение» дополнительной опоры.

Существенно обратить внимание на то, что в силу своей семантики формы НСВ практически не употребляются в актуально-длительном значении, хотя в отдельных случаях можно допустить соответствующее прочтение, маркирующее переход Агенса в данное положение:

- (46) *Когда будет бой, я нарочно не буду нагибаться, и если меня убьют, то тоже ничего* (А. Гайдар. Школа)¹.

Деепричастие НСВ достаточно широко представлено в НКРЯ (242 употребления). Это примерно треть всех употреблений форм НСВ. Оно обозначает действие, происходящее одновременно с действием, обозначаемым финитным глаголом, точнее, одновременный переход в данное нестандартное положение:

- (47) *Словно весь дом подыхает кострами, вокруг каждого сидят люди, на спор нагибаясь к огню — кто ниже?* (М. Петросян. Дом, в котором...).
- (48) — *Ваше сиятельство, — отвечал, нагибаясь, Семен, — за гробовщиком посылать нечего, их тут четверо с утра толкутся у подъезда* (А. Апухтин. Между жизнью и смертью).
- (49) *Уже почти безлюдно, только где-то вдали, едва видимые в свете дальних окон, бредут, нагибаясь против ветра, одна-две одинокие фигуры* (В. Рыбаков. Хроники смутного времени):

Причастие НСВ употребляется редко (8 употреблений в НКРЯ) и обозначает переход в данное нестандартное положение:

- (50) *Враз поднятые по команде сверкающие на солнце весла, резко нагибающийся в такт гребкам старшина, командующий «р-раз, р-раз», неизменный военно-морской флажок на корме — все это заставляло сжиматься сердце в мечтах о настоящем море* (А. Городницкий. И жить еще надежде).

Инфинитив НСВ (96 употреблений в НКРЯ), стандартно просто обозначает переход в называемое нестандартное положение:

- (51) *Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться* (А. Погорельский. Черная курица).
- (52) *Но, увы, мне нельзя нагибаться. К сожалению, мешает склероз* (Л. Вертинская. Синяя птица любви).

Императив НСВ (17 употреблений в НКРЯ) встречается примерно в три раза реже, чем императив СВ (73 употребления). Эта форма обозначает прямую речевую каузацию перехода в данное нестандартное положение:

¹ Данный пример, однако, допускает и итеративную интерпретацию.

- (53) *Привели к нему мужика чуть не в сажень ростом, так он достать-то его не может, так даже подпрыгивает от злости... «Нагибайся» — кричит (М. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).*

Императив НСВ употребляется также для выражения значения долженствования:

- (54) *Сверху ничего не видно. Нагибайся, да нагибайся. Пока набереешь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно (В. Катаев. Дудочка и кувшинчик).*

Если допустить с определенной долей вероятности, что распределение в тексте финитных и нефинитных форм одного глагола из определенного семантического подкласса позволяет судить о специфике распределения в тексте финитных и нефинитных форм всех глаголов данного подкласса, то результаты проведенного исследования можно обобщить следующим образом.

Для глаголов типа *облокотиться* (первый семантический подкласс), обозначающих нестандартные положения тела человека и переходы в это положение, характерно резкое (четырнадцатикратное) преобладание в текстах форм СВ над формами НСВ. В свою очередь среди форм СВ в текстах лидирует нефинитная форма деепричастия СВ, имеющая двоякую интерпретацию, которая стандартно зависит от вида финитного глагола в конструкции с деепричастным оборотом. Если финитный глагол — глагол СВ, то деепричастие обозначает одновременный переход в данное нестандартное положение, то есть мгновенный процесс, достигший результата. Если же финитный глагол — глагол НСВ, то деепричастие обозначает имеющееся в наличии данное нестандартное положение. Такое положение либо возникает раньше ситуации, называемой финитным глаголом, либо позже, если финитный глагол обозначает стандартное положение тела человека (*стоять, сидеть, лежать*). Важно подчеркнуть, что по данным НКРЯ финитные глаголы НСВ употребляются с деепричастием СВ примерно в 10 раз реже, чем финитные глаголы СВ. Если финитные формы СВ употребляются в своем основном конкретно-фактическом значении, то финитные формы НСВ в силу своей семантики практически не употребляются в актуально-длительном значении, считающимся основным значением НСВ. Зато для финитных форм НСВ характерно употребление в нарративе, где им фактически присуще конкретно-фактическое значение СВ. Кроме того в соответствующих контекстах эти формы выражают итеративное значение. Деепричастия НСВ составляют примерно половину всех употреблений форм НСВ. Они обозначают действие, происходящее одновременно с действием, обозначаемым финитным глаголом, и имеют два про-

чтения. Если финитный глагол обозначает стандартное положение тела человека, то деепричастие обозначает одновременное нахождение в данном нестандартном положении. При финитных глаголах другой семантики деепричастие обычно выражает переход в данное нестандартное положение.

Для глаголов типа *нагнуться* (второй семантический подкласс), обозначающих нестандартные положения тела человека, и переходы в это положение характерно всего лишь четырехкратное преобладание в текстах форм СВ над формами НСВ. Самыми частотными в текстах являются финитные формы СВ (примерно две трети всех форм СВ), которые имеют конкретно-фактическое значение. Следующей по частотности является форма деепричастия СВ. И в данном случае деепричастие СВ имеет такую же двоякую интерпретацию, которая также зависит от вида финитного глагола в конструкции с деепричастным оборотом. Если финитный глагол — глагол СВ, то деепричастие обозначает одновременный переход в данное нестандартное положение, то есть мгновенный процесс, достигший результата. Если же финитный глагол — глагол НСВ, то деепричастие обозначает имеющееся в наличии данное нестандартное положение. В текстах финитный глагол НСВ с деепричастным оборотом встречается примерно в три раза реже, чем финитный глагол СВ. Причастие СВ, относительно редко встречающееся в текстах (но в три раза чаще, чем соответствующее причастие глагола *облокотиться*), обозначает наличное нестандартное положение. Финитные формы НСВ употребляются в текстах примерно в шесть раз реже, чем финитные формы СВ. Финитные формы глагола *нагибаться*, как и финитные формы глагола *облокачиваться*, в силу своей семантики не употребляются в актуально-длительном значении. Эти формы в соответствующих контекстах выражают итеративное значение, а, кроме того, употребляясь в нарративе, выражают конкретно-фактическое значение СВ. Деепричастие НСВ составляет примерно треть всех употреблений форм НСВ. Оно обозначает переход в данное нестандартное положение, происходящее одновременно с ситуацией, называемой финитным глаголом.

В целом взаимное распределение форм глаголов в рамках каждого подкласса можно считать довольно похожим. Самая яркая общая черта в распределении в текстах форм глаголов обоих подклассов заключается в резком превышении употребления форм СВ над формами НСВ. А самая яркая отличительная черта заключается в том, что в первом семантическом подклассе самой употребительной формой является нефинитная форма деепричастия СВ (что довольно неожиданно), тогда как во втором семантиче-

ском подклассе самыми употребительными являются финитные формы СВ, чего в принципе и можно было ожидать.

Литература

Дмитренко С. Ю., Храковский В. С. 2008 — Заметки о глаголах, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*. Тарту. С. 45–49.

Дмитренко С. Ю., Храковский В. С. 2011 — Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве. *Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна*. Москва. С. 182–206.

Дмитренко С. Ю., Храковский В. С. 2013 — Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека). *Проблемы функциональной грамматики*. Москва. В печати.

Храковский В. С., Дмитренко С. Ю. 2012 — Глаголы, обозначающие переходы из одного пространственного положения тела человека в другое. *Человек о языке — Язык о человеке. Сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой*. Москва. С. 355–368.

КАК РУССКИЙ ЯЗЫК РАЗЛИЧАЕТ ЛЮДЕЙ И ЧЕЛОВЕКОВ

Л. В. ЗУБОВА

В статье рассматривается динамический аспект различения слов *люди* и *человеки* в отношении к стилистике и семантике современного русского языка — преимущественно на примерах языковой рефлексии в сетевом общении и современной поэзии (начиная со 2-й половины XX в.) с привлечением более ранних текстов.

При обращении к этой теме возникает проблема употребления терминов *слово* и *форма*. При традиционном синхроническом подходе к материалу *человеки* — это ненормативная форма множественного числа. В истории русского языка это, как писал И. И. Мещанинов, — самостоятельное слово: «Можно предположить, что в своем прошлом *человек* и *люди* образовывали две различные лексические единицы, составившие затем супплетивные формы. Подтверждением этому служит ныне вымершее множественное число **человеки*, пережиточно сохранившееся в косвенных падежах при сочетании с числительными, например *пять человек* [Мещанинов 1940: 71]. А. А. Реформатский привел эту цитату с таким комментарием: «К этому тонкому рассуждению можно лишь добавить, что прежнее единственное к *люди* – *люд* ушло в собирательные (*рабочий люд*), а от старых смысловых отношений *человек* – *люд* остались такие “осколки”, как *людская* — помещение для работников в имении, *нам мясо*, а *людям требуху* — в жаргоне помещиков» [Реформатский 1987: 87].

Для современных лингвистов синхронный статус пары *человек* – *люди* как в полном смысле слова супплетивной неочевиден. А. Д. Шмелев, опираясь на работу И. А. Мельчука, в которой была поставлена проблема неполного супплетивизма [Мельчук 1972], и на свою работу о выборе словоформ в счетных оборотах, приводит представительный материал частого употребления варианта *человеки* в художественной прозе XX в. и заключа-

ет, что следует признать *человек* и *люди* «разными лексемами, первая из которых имеет формы как единственного, так и множественного числа, а вторая относится к *pluralia tantum*» [Шмелев 2012: 576–678].

Вернемся к некоторым ключевым явлениям диахронии.

В церковно-славянском тексте Библии слово *человек* образует полную парадигму с формами мн. числа *человеки*, *человеков* и т. д. Эти формы сохраняются и в переводах Библии на современный русский язык, значит, что-то серьезно препятствует его замене на слово *люди*:

- (1) *Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами **человеков*** (Мар.1:17).

О. Ф. Жолобов пишет, что и в древнерусском языке слово *человеци* обозначает человека как биологическое существо, а *людие* — как существо социальное [Жолобов 1988: 9]. Т. А. Корнеева, приводя эту формулировку, отмечает: «Постепенное вытеснение Ч-парадигмы на периферию языкового функционирования обусловило его яркую стилистическую маркированность и смену стилистической окраски с *высокого*¹ на шутовское» [Корнеева 2003: 64]. Однако предпосылка к стилистическому снижению слова *человеци* заключалась в том, что и в церковно-славянских, и в древнерусских текстах «человеци» как существа биологические были противопоставлены Богу.

Т. А. Корнеева показала значительное различие в употреблении слов *люди* и *человеки* в произведениях А. Н. Радищева и А. С. Пушкина: у Радищева «Ч-парадигма публицистична, является средством создания образной, эмоциональной, страстно-патетической, обличительной речи, Л-парадигма стилистически нейтральна, либо несёт окраску официально-деловой речи» [Корнеева 2003: 65]. При этом слово *человеки* не уничижительно, а пафосно. У Пушкина форма мн. числа *человек* «представлена только в количественно-именных сочетаниях, как правило, при точном определении количества. При обозначении неточного количества (при словах *несколько*, *множество*, *горсть*, *число*) или при описании совокупности людей разного звания, пола и возраста чаще используется форма *люди*» [там же].

Устойчивое представление о том, что форма *человеки* в современном языке употребляется только шутовски или иронически (см.: [Русская грамматика 1980: 503]), не вполне отражает реальное употребление этой формы: и нормативный супплетивизм в парадигмах слова *человек*, и стилисти-

¹ Курсив Т. А. Корнеевой.

чески-аксиологическая маркированность формы *человеки* как сниженной непостоянны.

Поговорка *все мы люди, все человеки*, указывает на человеческие несовершенства. Ср:

- (2) *Гласного соблазну только бы не было... А то, — вздохнув, прибавила Манефа, — все мы люди, все человеки, все во грехах, яко в блате, валяемся... Един Бог без греха...* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах).
- (3) [Старая барыня]: — *Ахти, грехи наши, грехи! Все мы люди, все человеки, все сладенького да хорошенького хотим!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головаевы).

А в словаре В. И. Даля слово *человеки* аксиологически выше, чем слово *люди*:

- (4) *Все мы люди, да не все человеки, то есть рода человеческого, но без человеческого достоинства* [Даль 1980: 588].

Языковая рефлексия над оппозицией *люди* – *человеки* в сетевом общении отчетливо указывает на тенденцию к оценочной энантиосемии каждого из этих слов. Такую энантиосемию отмечает и Е. Н. Ремчукова [Ремчукова 2005: 84].

Е. Л. Березович обращается к парадигматическим, синтагматическим и к словообразовательным связям слов *люди* и *человеки*, подробно анализируя семантику наречий на примере наречий *по-человечески* и *по-людски*, а также диалектного слова *людно* при энантиосемичном обозначении количества не только людей, но и животных, и предметов. Она пишет: «Сочетание идеи нормы с перемещающейся точкой зрения дает оценочность многих употреблений слова *люди* и его дериватов, причем разброс оценки — от плюса к минусу <...> выделяется смысловая зона, где пути этих наречий расходятся, — это зона личностных эмоциональных состояний, переживаний, желаний, куда вхож отдельный человек, но не впускаются “люди”. Речь идет о тех случаях, когда наречие *по-человечески* сочетается с предикатами внутренних состояний — *жаль, приятно, понятно, хочется* и т. п.: <...> *Девчонки, а мне как Борисовну жалко по-человечески; На что можно было по-человечески надеяться — так хотя бы на право быть выслушанным.* <...> Замена *по-человечески* на **по-людски* в этих случаях, кажется, невозможна» [Березович 2006: 5].

С. Е. Никитина показала, что в фольклоре «распределение эмпатии становится признаком жанра, <...> статистика и поведение слов *человек* и *люди* оказывается связанным с особенностями соответствующих моделей мира» [Никитина 2004: 630]: в свадебных причитаниях, где доминирует оппозиция «свои добрые люди — чужие люди», «редкий человек находится за пределами “своих людей”»; «в духовных стихах, где царствует оппо-

зиция “добро-зло”, человек и люди противопоставлены как грешное, но жаждущее спасения существо и лежащий во зле мир; в молоканских песнях стержневой становится оппозиция “избранные / неизбранные”, которая разделяет людей, выделяя идущих к спасению <...>; *тленный человек* появляется в контексте размышлений о Божьей премудрости и человеческой вере» [там же].

Анализ контекстов употребления слов *люди* и *человеки* в современном сетевом общении, обнаруживающем эксплицированную языковую рефлексию над аксиологической семантикой каждого из членов этой пары, отчетливо указывает на полярную противоположность оценок. При этом слово *люди* часто соотносится с групповой принадлежностью означаемого, то есть сохраняет то значение собирательности, которое было свойственно древнерусскому слову *людие*, а слово *человеки* указывает на индивидуальность. Противоположность оценок зависит от того, что более ценно для субъекта высказывания.

Предпочтение «человеков» «людям» обнаруживается, например, в таких контекстах:

- (5) *Чем люди отличаются от «человеков»? У людей все разложено по полочкам. Они твердо уверены, что после субботы идет воскресенье, что зима сменяется весной. Люди так к этому привыкли, что не допускают даже мысли о коренном изменении своего существования. Их вполне устраивает такая монотонность. У «человеков» все наоборот. Они мало чем довольны. Постоянно что-то ищут, во всем сомневаются. Свято «человеки» верят только в одно: человек — кузнец своего счастья¹.*
- (6) *Главная отличительная черта — чувство юмора. Оно необходимо для новых людей и оно у вас в избытке. Надо всё делать именно так, как вы! Обычные люди перерождаются в **человеков** нового времени!!!²*
- (7) *А у людей **человеков** ломают³.*
- (8) *Тогда почему толпа людей это просто толпа а не сообщество одарённых **человеков**?⁴*
- (9) *Люди! Давайте будем **Человеками**, верными своей Родной Природе-Матери, верными своей внутренней, Человеческой Природе, и будем делать то, что должно. Тогда наша Планета будет спасена, и наши*

¹ <http://www.moles.ee/98/Apr/18/a-13.html>. Здесь и далее актуальность интернет-адресов проверена 20.07.2013.

² <http://ulej.ru/forum/lofiversion/index.php/t1256.html>

³ <http://www.paladiny.ru/index.dwar.php?Offset=585>

⁴ <http://irc.lv/qna/>

*дети будут рождаться в Прекрасной России «под утренний звон золотого оса», их «появление будут приветствовать птицы».*¹

Вероятно, на такое словоупотребление повлияла и фразеология, во-первых, выражение *Человек с большой буквы*, во-вторых, клишированный призыв *будь человеком*.

Интересен пример, когда автор повести Г. Маринычев объясняет смысл заголовка одной из частей произведения (стилистика и орфография автора реплики):

- (10) [вопрос:] — *Сердца **человеков**? А почему не людей? Гм ...* [ответ:] — *Мальгората, для меня словосочетания «Сердца людей» слышится чересчур сухо, не по фантезийному и чем-то отдаёт медициной. А «Сердца **человеков**» больше отражает смысла того, что я собираюсь заложить в повести. Спасибо.*²

Слово *человеки* возникает и там, где речь идет о телесности:

- (11) *Оказывается, кошачьи блохи вполне успешно кусают и **человеков**.*³
- (12) [заголовки шуточных статистических диаграмм:] *Что делают **человеки**, когда плохо себя чувствуют <...> Что делают сидящие за компом **человеки**, когда им хочется в туалет <...> Как **человеки** чихают <...> Что делают **человеки** для красивой фигуры.*⁴

В некоторых случаях слово *человеки* возникает как реакция на ранее употребленное слово *человек* (ед. числа) в реплике собеседника или в собственном тексте:

- (13) — *Я просто хотела познакомить вас с интересным **человеком** ... — Не хочу я никаких **человеков** ...* — пример Е. Н. Ремчуковой [Ремчукова 2005: 84].
- (14) — *...в семени **человека** или морковки существуют возможности всех будущих **человеков** или морковок ...* (М. Анчаров) — пример А. Д. Шмелева [Шмелев 2012: 576].

Такое словоупотребление можно объяснить тем, что «в процессе речепорождения выбранное говорящим слово некоторое время еще хранится в оперативной памяти человека. Можно сказать, что в течение определенного времени оно как бы по инерции сохраняет свою речевую энергию» [Норман 2009: 230–231]. В примере (13), кроме того, выражено обеще-

¹ <http://www.nebovokrug.ru/bud-vernym-prirode-svoej/>

² <http://dreamworlds.ru/tvorchestvo/12760-khroniki-serogo-kolduna-serdca-chelovekov.html>

³ <http://www.askguru.ru/list.ghtml?ID=146240>

⁴ <http://fungraph.ru/category/tegi/cheloveki>

нивание реплики собеседника. Оно достигается и тем, что единственность заменяется множественностью, и тем, что нормативное слово преобразуется в ненормативное.

Далее рассмотрим примеры, которые демонстрируют предпочтение «людей» «человекам». Оно основано на том, что «человеки» противопоставлены «людям» по признаку несовершенства, неполноценности. По мнению авторов реплик, «человеки» не вызывают уважения:

- (15) Пусть отсохнут у этих сволочей верхние конечности, если ничего, кроме как брать чужое, они ими не умеют! Я люблю людей, но **человеков** я **НЕНАВИЖУ!** И с каждым днём мне кажется, что из таких вот **человеков** на 80% состоит этот мир.¹
- (16) Я не знаю как сказать... Это не люди, а **человеки** без сердца. <... > Нуждаюсь в постоянной реабилитации, нуждаюсь в обезболивающих средствах. Зачем правила № 95, если их никто не соблюдает.²
- (17) В этот момент меня толкнул на карусель какой-то грубый мужик <... > Когда я попросил его не толкать людей, он сообщил нам, что мы не люди, а «**человеки**».³
- (18) Живу в самом центре города, а в подвезде, как на мусорке. И сделали ее наши же дети. До тех пор, пока в школах и детских садах будут воспитывать не людей, а «**человеков**», так и будет. И тут хоть реформы, хоть в тюрьму сажай — ничем не помочь.⁴
- (19) Что мешает какому-нибудь самодуру так же поступить с какой-нибудь статьёй УК РФ. Сегодня у нас на улицах — «русский без правил»⁵, а завтра — бабуины без мозгов, не люди, а **человеки**.⁶

Дмитрий Занерв озаглавил книгу о знаменитых людях словом «Человеки». В аннотации содержится имплицитная информация об оценочной амбивалентности заглавия: «Ответить на вопрос “Что такое человек?” можно лишь узнав его крайние проявления — гений и злодейство. В книге эссе о великих поэтах, писателях, философах, кинорежиссерах их творчество рассматривается под необычными углами зрения. Стряхнуть архивную пыль, освободить эти имена от налета, безопасного академического пони-

¹ <http://pjosik-grisha.livejournal.com/91573.html>

² <http://gmstar.ru/moscow/1-81227-glavnoe-buro-mediko-socialnoy-ekspertizy-po-moskovskoy-oblasti-gb-mse-po-mo-fgu.html>

³ <http://100dorog.ru/club/stories/23847/>

⁴ <http://www.kp.ru/daily/24558/732937/>

⁵ Речь идет о русском языке.

⁶ <http://www.aif.ru/culture/article/29257>

мания — такую цель преследовал автор, собирая под одной обложкой свои работы 2002–2012 гг.» [Занерв 2012: оборот титульного листа].

В следующем примере «человеки» предстают существами, занимающими промежуточное положение между животными и людьми:

- (20) *Люди учили обезьян всему хорошему, справедливому и доброму, так что обезьяны не видели несправедливости и зла. Были послушны и доброжелательны как дети. Так появился новый вид **человеков**. Но **человеки**, несмотря на все усилия своих богов, оставались обезьянами по своему характеру и оставались способными только подражать во всем людям.*¹

Е. Н. Ремчукова обращает внимание на то, что словом *человеки* часто называются искусственные люди — гомункулы, клоны [Ремчукова 2005: 84].

Оценочная противоположность формы или слова *человеки* нарушает принцип «оптимальной знаковой дифференциации языковых означаемых» [Шелякин 2005: 85], так как «коммуникативная информация, чтобы быть эффективной, должна быть адекватно и однозначно понятой, без чего немислим коммуникативный процесс» [там же]. Поэтому оценочное употребление формы или слова *человеки* требует ситуативной определенности, общей пресуппозиции коммуникантов, развернутого контекста или специальной интонации.

На употребление формы *человеки* большое влияние оказывает фразеология, например, выражения *молодой человек*, *простой человек*, *настоящий человек*, *права человека*, *человек и закон*, цитаты *Человек звучит гордо* (М. Горький)², *Товарищу Нетте, пароходу и человеку* (В. Маяковский), *Сон смешного человека* (Ф. М. Достоевский) и мн. др.:

- (21) — *Не, ну что ж вы, **молодые человеки**, на прогресс ругаться начали?*³
- (22) *... а **простые человеки**, как я, лишь изредка могут сделать что-то ради другого, ради общества, науки бескорыстно.*⁴
- (23) *Даже заподозренный не то что в нарушении «прав человека», а просто озадачивший себя вопросом, что есть зверь такой — эти самые «**права человеков**», становится кандидатом во враги рода человеческого.*⁵

¹ <http://wap.aura.forum24.ru/?1-11-0-00000002-000-0-0-1228735730>

² Обычно воспроизводится искаженный вариант цитаты: «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит ... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть ... не унижать его жалостью ... уважать надо! (М. Горький. На дне).

³ <http://semenova.ru/forum/lofiversion/index.php/t163.html>

⁴ <http://irc.lv/qna?category=206>

⁵ http://ruskline.ru/analitika/2010/12/24/kakogo_rezultata_zhdut_zawitniki_prav_detej

- (24) А «**человеки и законы**», например, не любят говорить «осуждён» — их горячему сердцу милей «осужден», и за это удареение они держатся обеими чистыми руками.¹
- (25) Собаки лают. ЧЕЛОВЕКИ недовольны. Им ничего не стоит обойти это место, если их напрягает лай. Нет, они прутся туда и кричат, что они **ЧЕЛОВЕКИ, звучат гордо** и имеют право ходить везде. Ни на грамм не уступят никому.²
- (26) **Настоящие человеки** не бросили животину в беде.³

Подобные фразеологизмы в ряде случаев семантически отделяются от текстов-источников. Например, сочетание *человеки-пароходы* включается в контекст, буквализирующий метафору исходного текста, по-разному переосмысливается сочетание *черный человек* (в произведениях А. С. Пушкина, С. Есенина — ‘тайнственный предвестник смерти’):

- (27) Ваш способ организации выхода в моря хорош только в одном случае — когда уже все готово: **и человеки и пароходы**.⁴
- (28) Знакомый тут выразился на днях... Эмо — это слезливые **чёрные человеки**, которые не стремятся носить розовое. Лично мне они нравятся.⁵
- (29) А теперь задумаемся — население Африки растет на 24 миллиона в год. За то время, что мы учились в университетах, там, считайте, родилось еще одно население России. А к моменту, когда мы должны будем выйти на пенсию, количество новых **черных человеков** вполне может превысить миллиард.⁶
- (30) Когда возвращаешься из отпуска в серые будни, хочется «продолжения банкета». А его нету! пахать, **черные человеки!**⁷

Теперь посмотрим, на какие размышления наводит слово *человеки* в поэтических текстах.

Русская грамматика отмечает, что в литературе XIX в. «форма род. п. *человеков* как стилистически нейтральная встречается в языке поэзии» [Русская грамматика 1980: 503] и приводит пример:

¹ <http://www.ljpoisk.ru/archive/467177.html>

² <http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=74&i=1412377&t=1412377&page=7>

³ http://www.spletnik.ru/blogs/vokrug_sveta/24738_chelovek_i_zhivotnoe_istorii_so_schastlivym_koncom

⁴ <http://forum.katera.ru/index.php?/topic/7465-dvazhdi-vokrug-sveta/page-64?&>

⁵ <http://forum.arscity.ru/index.php?showtopic=3353&mode=threaded&pid=65904>

⁶ grandmudlo.livejournal.com/65063.html

⁷ <http://www.timus.ru/community/comments.aspx?page=10118&type=journal&object=632872686701562500&upd=632872718437500000>

- (31) *День — сей блистательный покров — / День, земнородных оживленье, / Души болящей исцеленье, / Друг **человеков** и богов!* (Ф. И. Тютчев. *День и ночь*).

Традиция противопоставления «человеков» богам продолжается и в современной поэзии. У А. Городницкого есть такие строки:

- (32) *Стоят они, навеки / Уперши лбы в беду, / Не боги — **человеки**, / Привычные к труду. // И жить ещё надежде / до той поры, пока / Атланты небо держат / На каменных руках* (А. Городницкий. *Атланты*).

Возможно, библейский отголосок проявляется в том, что «человеки» предстают одним из творений наряду с природой и культурой:

- (33) *Пусть более, чем мы, прочны, здоровы, сыты / Пребудут этих мест земля, трава, ракиты, / Костёлы и цветы, поэзия и реки. / И **человеки*** (В. Ханан. *Вильнюсская элегия*).

«Человеки» уподобляются малым тварям и объектам, подвластным высшей воле:

- (34) *И мы — что бабочки, что мушки, / Что **человеки**, что грибы — / Всего лишь жалкие игрушки / В руках безжалостной судьбы* (И. Иртенев. *Нам тайный умысел неведом...*).

- (35) *Жизнь прекрасна, чижик-пыжик, / если крылья не отсечь. / Ты — подергиваешь веком, / век — подергивает нить, / чтоб заставить **человеков** / в унисон, по-волчьи выть* (А. Кабанов. *Чижик-пыжик, где ты был...*).

«Человеки» противопоставляются субъекту высказывания как чужие и чуждые:

- (36) *Случайно я жил в этом веке, / Случайно, однако отчаянно, / Потому что кругом **человеки** / Жили тут не случайно* (О. Григорьев. «Случайно я жил в этом веке...»).

- (37) *Итак итог: созвездья всем ли врут? / Я рву билет и разрываю чек, / и если это **человеки** вкруг, / я отрекаюсь, я — не человек* (В. Соснора. «Гамлет»).

«Человеки» противопоставляются людям как не поддавшиеся массовой обработке, направленной на ожесточение и бесчувствие:

- (38) *Делали гвозди из этих людей, / Так и решили проблему гвоздей¹. / Мало осталось здесь **человек** / В доме, который построил эзк* (В. Вишневский. *Делали гвозди из этих людей...*)².

¹ Две первые строки отсылают к знаменитому поэтическому высказыванию Н. Тихонова о советских людях: *Гвозди б делать из этих людей: / не было б в мире крепче гвоздей* («Баллада о гвоздях»).

² Здесь форма *людей* входит в количественный, но не в счетный оборот — ср. *нормативное: много людей, мало людей*.

Следующий контекст показывает, что в нем совершенно невозможно было бы заменить слово *человеки* на нормативное *люди*, вероятно, потому, что речь идет о личном отношении людей друг к другу:

- (39) *Ухо немеет под ладонью, и колеса шумят, как море в ракушке. / А за окном две звезды сияют, притулившись друг к дружке. / И кто там отсюда разберет, какие между ними парсеки! / Просто они видны отовсюду и прижались друг к другу, как **теплые человеки*** (М. Яснов. По дорожному поводу).

Конечно, и у поэтов есть тексты с фразеологической производностью слова *человеки*:

- (40) *Я не мразь, не изгой, / А один из **простых человеков**, / Что тружусь, как любой муравей, / В муравьином большом общежитии* (И. Востриков. Подруге).
- (41) *Когда трепещет в воздухе зима / И холодом на окна прыгает и дышит, / И **черные** бегут в снегу вприпрыжку **человеки**, / И глазом друг на друга огненным глядят — Мы пьем воскресный час, летим сквозь стены / Как полупьяные под вольным пальцем стрелы, / И боги топают ногой, смеются, скачут / В ушах натянутых по космосу и чутких* (В. Кучерявкин. Когда трепещет в воздухе зима...).

У В. Кучерявкина фразеологическая производность сочетания «черные человеки» нивелируется буквальным прочтением слова «черные» как цветového прилагательного, не имеющего отношения ни к какой мистике или угрозе.

Денотатом выражения *молодые человеки* в стихах Ю. Мориц становятся лица не только мужского пола, производным от этого выражения становится сочетание *седые человеки*:

- (42) *Но... пронзительный мотив / Начинается — вниманье! / Спят, друг друга обхватив, / Молодые, как в нирване. / И в невежестве своём / **Молодые человеки** / Ни бум-бум о небесах, / О серебряных лесах, / Где **седые человеки** / Спать обнимутся вдвоём, / А один — уснёт навеки...* (Ю. Мориц. Когда мы были молодые...).

Употребление слова *люди* в поэтических текстах иногда воплощает образ нерасчлененной массы: люди могут метафорически «литься» или «хлынуть». Возможно, такие метафоры производны от выражения *людской поток*, которое наследует древнее значение производящего глагола движения *течи* — ‘идти, бежать’:

- (43) *Жизнь — вечно-горящий камень / А сгорающее — ложь... / Камень плавится, и пламень, / Взрезан, рушится на нож, / **Льются люди**, каплют*

вещи, / Блазнящиеся в огне... // Всё ж таинственной и резче / Лезвье музыки во мне (О. Юрьев. Без жизни жизнь).

- (44) *... выше зовы! ниже кудри! / в грудь лесам вонзая высь / стань другим на горе мудрым / что в лесах дождем лились / будет час — его не будет / холод станет лед и брат / и устало хлынут люди / к тишине осенних врат* (В. Казаков. Беглецы). Ср. узуальное: толпа хлынула.

В таких случаях обнаруживается память языка на бывшую собирательность слова *людие* (существительное ср. рода, ед. числа).

Эта былая собирательность воспроизводится другими, современными словообразовательными средствами, например, непроизводными словами 3-го склонения или словами типа *зверьё*:

- (45) *Озеро, озеро / в середине осени. // Жабь, и рыбь, и людь, кто где / приближается к воде. / Кто идет икру метать, / кто ее ложками хватать* (Н. Галкина. Озеро).
- (46) *Так я сидел на берегу Енисея, и лагерь / затуманился дымом — там разводили / костёр, чтобы выпить и помолчать за душою / и песни попеть — любят людье эти песни. // Только любит ли кто нас?* (А. Иконников-Галицкий. Ночью тувиночью...).

Обратим внимание на семантическое согласование подлежащего со сказуемым во мн. числе у Иконникова-Галицкого (*любят людье*). Оно подобно конструкциям древнерусских текстов. Но при этом не исключается и грамматическая двусмысленность: субъект и объект здесь могут быть неразличимы в результате омонимии им. и вин. падежей.

Слово *людье* встречается и в поэзии более ранней, например, у О. Мандельштама, В. Маяковского, В. Шефнера:

- (47) *Были мы люди, а стали — людье, / И суждено — по какому разряду? — / Нам роковое в груди колотьё / Да эрзерумская кисть винограду* (О. Мандельштам. Дикая кошка — армянская речь...).
- (48) *И по-звериному воет людье, / И по-людски куролесит зверье* (О. Мандельштам. И по-звериному воет людье...).
- (49) *Я в меру любовью был одаренный. / Но с детства / людье / трудами муштровано. / А я — улег на берег Риона / и шлялся, / ни чёрта не делая ровно* (В. Маяковский. Люблю).
- (50) *Не троньте животных, ребята, / Они — симпатичный народ. / Людье пред зверьем виновато / На сто поколений вперед* (В. Шефнер. Лачуга должника).

Общий взгляд на материал позволяет сделать такие выводы.

1. И бытовая, и поэтическая речь указывают на востребованность полной парадигмы слова *человек*.
2. Ненормативное образование *человеки* (независимо от того, форма ли это или самостоятельная лексема) следует признать узуальным или, по крайней мере, относящимся к стилистической норме. Это явление затрагивает и косвенные падежи (*человеки, человеков* и т. д.).
3. На современном этапе развития языка проявляется заметная тенденция к семантической дифференциации форм *люди* и *человеки* (*людей – человеков* и т. д.).
4. Степень лексикализованности форм *человеки, человеков* и т. д. в разных контекстах различна.
5. Стилистическая характеристика формы (или лексемы) *человеки* как шутовой или иронической недостаточна, что можно видеть на примерах (6), (7), (8), (15), (18), (19). В этих контекстах форма со всей очевидностью лексикализована, так как выполняет не стилистическую, а номинативную функцию.
6. Во многих контекстах слово *люди* не только сохраняет ту семантику собирательности, которая была свойственна древнерусскому *людие*, но и часто актуализирует ее, а слово *человеки* до сих пор указывает на индивидуальность. Особенно отчетливо эта оппозиция проявляется в языковой рефлексии.
7. Оценочная энантиосемия слов *люди* и *человеки* определяется теми предпочтениями личного или социального, которые свойственны субъектам высказывания.

Литература

Березович Е. А. 2006 — «И все люди, да всяк человек по себе»: к вопросу о семантико-прагматической программе слова *люди*. *Русский язык в научном освещении*. № 11. Москва. С. 195–226.

Даль В. И. 1980 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва.

Жолобов О. Ф. 1988 — *Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных)*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Ленинград.

Занерв Д. 2012 — *Человеки*. Одесса.

Корнеева Т. А. 2003 — Семантико-стилистические закономерности функционирования форм *люди* и *человек* в произведениях А. Н. Радищева и А. С. Пушкина. *Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект*. Казань. С. 64–67.

Мельчук И. А. 1972 — О супплетивизме. *Проблемы структурной лингвистики 1971*. Москва. С. 396–438.

Мещанинов И. И. 1940 — *Общее языкознание*. Ленинград. С. 71.

Никитина С. Е. 2004 — О жизни человека и людей в устной народной поэзии. *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. Москва. С. 620–631.

Норман Б. Ю. 2009 — Лексический повтор как дискурсивная тактика. *Лингвистика креатива*. Екатеринбург. С. 230–244.

Ремчукова Е. Н. 2005 — *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва.

Реформатский А. А. 1987 — *Лингвистика и поэтика*. Москва.

Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. Т. 1. Москва.

Шелякин М. А. 2005 — *Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы*. Москва.

Шмелев А. Д. 2012 — Супплетивизм или синонимия? *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. Москва. С. 571–586.

«КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА» В ДИСКУРСЕ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

О. С. ИССЕРС

Оглядываясь на развитие лингвистики в последней четверти XX века, вряд ли можно усомниться в том, что идеи антропоцентрического устройства языка стали наиболее актуальными и востребованными в лингвистических исследованиях [Бенвенист 1974, Степанов 1974, Караулов 1987, Роль человеческого фактора... 1988, Золотова 2001 и др.]. На современном этапе развития лингвистического знания антропоцентрическая парадигма является одной из наиболее масштабных и влиятельных. Это объясняется многими факторами — как собственно научными, методологическими, так и экстралингвистическими. На фоне кардинальных изменений в экономической и социально-политической жизни общества человек является не только «главным действующим лицом» в языке, но и активно рефлексирующим субъектом. В современной речи усиливается метаязыковая рефлексия по поводу употребляемых языковых единиц, происходит поиск наиболее точного слова, выражения, которые нередко становятся маркерами идеологической позиции, социальных ролей и статусов [Вепрева 2002, Карасик 2002]. Это, в свою очередь, влияет на модификацию функционирующих в языке значений, формирование ключевых смыслов, определяющих зоны пристального общественного внимания.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

«Борьба за значение» как показатель социальных сдвигов

Особую актуальность антропоцентрический подход обнаруживает в прикладных исследованиях языка в связи с социальным запросом. Изучение когнитивных и коммуникационных процессов в различных социокультурных и политических средах немыслимо без учета «человека говорящего». В связи с этим интерес представляют новые дискурсивные практики, которые обнаруживают так называемую «борьбу дискурсов» (термин Н. Фэркло). Она обусловлена тем, что тот или иной дискурс всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-иному определять реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать «конфликты интересов», вплоть до антагонизма. Как правило, они разрешаются через «артикуляцию с помощью силы»: один дискурс удаляет через интервенцию другой [Филлипс, Йоргенсен 2008: 90–94]. При этом важно учитывать, что носители языка могут принимать или отвергать какие-либо значения даже тогда, когда они не осознают идеологической сущности своей практики. Как отмечал Н. Фэркло, «субъекты позиционированы идеологически, но они также способны действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывать эти практики и структуры» [Fairclough 1992: 9].

Борьба дискурсов разворачивается вокруг идей, которые становятся своеобразными символами Добра и Зла, фокусирующими наиболее актуальные для общественной жизни проблемы. Вокруг них формируются не только дискуссионные, проблемные, но и дискурсивные поля. Речевые практики (или «способы говорения»), в свою очередь, отражают процессы индивидуального и массового сознания.

В этом смысле показательным представляется анализ дискурса о гражданском обществе. Обсуждение проблем развития гражданского общества в России происходит на фоне изменения дискурсивных практик. Это обусловлено тем, что формирование общественного сознания осуществляется преимущественно с помощью языковых средств, что обусловлено спецификой доминирующих каналов коммуникации в современном обществе. Поскольку лингвистика ставит своей целью объяснить причины выбора и создания конкретной «упаковки» для конкретного содержания, лингвистический инструментарий дает возможность глубинного анализа современного дискурса о развитии гражданского общества в России. Лингвистика, как наука диагностическая, позволяет реконструировать невы-

сказанные базовые установки субъектов общественной жизни и описать эти установки в достаточно строгих терминах.

Непременным условием существования гражданского общества является учет мнения меньшинства, часто оппозиционной власти [Якобсон 2008, Филина 2013]. «Голос оппозиции» демонстрирует иную — по сравнению с официальной — систему значений и смыслов, иную интерпретацию событий и фактов и, следовательно, обнаруживает попытки построения общественного диалога. **Наша задача — проследить, какие дискурсивные элементы «артикулируются» по-новому, как в современном русскоязычном дискурсе идет борьба относительно их значения.**

Со времени постперестроечных 90-х годов феномен «гражданского общества» оказался в фокусе общественного внимания и в России, а после протестных акций 2011–2012 гг. понятие гражданского общества стало едва ли не ключевым в публичной дискуссии. Разброс мнений относительно возможностей его развития в России очень значительный: от эйфории до скепсиса и полного отрицания. Так, известный философ, геополитик Александр Дугин выдвинул мнение о том, что гражданское общество — опасная русофобская химера. Автор считает, что гражданского общества как явления в России не существует, и более того, не может существовать по историческим причинам [Дугин 2013].

В блогах — как проправительственных структур, так и на интернет-площадках, оппозиционной власти, — данное понятие также стало одним из центральных, что позволяет считать блогосферу значимым ресурсом для изучения массового сознания в этой проблемной области.

Материал исследования

Материалом данного исследования стали публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 – первой половины 2012 гг. Митинги протестного электората Москвы и крупных городов, проходившие в 2011–2012 гг. в период думской и президентской выборных кампаний, сформировали не только основные информационные поводы, но и своеобразный способ говорения — «дискурс оппозиции», а также «разговоры об оппозиции». В качестве источника для наблюдения были выбраны статьи за указанный период журнала «Огонек» ИД «Коммерсант», занимающего в спектре современных российских СМИ умеренно либеральную позицию.

Другим источником для анализа стали сообщения в блогах, поскольку в «новых» медиа нередко рождаются и шлифуются новые социальные и языковые феномены. Недаром в конце 2009 года в ряде программных выступлений госсекретарь США Х. Клинтон провозгласила эру «Гражданского общества версии 2.0», в котором «сообщества солидарных членов <...> устанавливают собственные правила жизни, **разрушая государственную монополию на власть, информацию и воспитание граждан**» (выделено мной — О. И.) [Тукмаков 2013: 3].

В источниковую базу вошли примеры из современной российской блогосферы (портал радиостанции «Эхо Москвы», социальная сеть Махпарк — <http://\maxpark.com> и «Живой Журнал» — «LiveJournal»)². Выбор указанных источников объясняется тем, что проблематика гражданского общества является в них одной из главных и, следовательно, частотность языковых единиц, связанных с данным понятием, там достаточно высока.

Представления о гражданском обществе в России (по данным блогосферы)

Дискурс-анализ позволяет выявить семантику, которая актуальна для представлений журналистов и блогеров о гражданском обществе, установить наиболее частотные для данного социального сегмента атрибуты его признаков, а также эксплицитные и имплицитные оценочные компоненты значения.

В результате анализа более 120 контекстов, включающих словосочетание «гражданское общество», определены наиболее типичные смыслы, артикулируемые в общественной дискуссии.

1. С одной стороны, авторы отмечают перемены в сознании граждан, акцентируют внимание на позитивной динамике социальных процессов. Это, в частности, выражается природоморфной метафорой *гражданское общество крепчает*.

- (1) Конечно, не к таким скрепам призывал нас В.В.П. Так это же признак конца — когда начальник призывает к одному, а происходит другое. **Маразм крепчает. Но и гражданское общество крепчает** (Дм. Катаев).

На основе актуализации одного из значений глагола *крепчать* («становиться крепким, усиливаться») автор характеризует современное состояние государства и противопоставленного ему гражданского общества. Отме-

² Источники примеров с порталов «Эхо Москвы» и Махпарк авторизированы. Поскольку многие авторы «Живого журнала» выступают анонимно (под никами), примеры в таких случаях документируются «ЖЖ».

тим, что сфера-источник «Метеоусловия» является одной из продуктивных для политической риторики [Чудакова 2005]. Она позволяет представить социальную ситуацию в общественной жизни как изменчивую, плохо прогнозируемую, но в то же время динамично и циклично развивающуюся.

2. Практические шаги и результаты гражданской активности как нельзя лучше характеризуют возможности гражданского общества, одним из ключевых признаков которого является способность к активным действиям и саморегуляции.

- (2) ***Впервые в истории гражданское общество провело собственное, абсолютно независимое расследование.** Общественная комиссия по расследованию событий, произошедших 6 мая прошлого года на Болотной площади, уже обнародовала результаты своей работы.<...>. **Так давайте будем последовательны и пойдём дальше.** В качестве следующего практического шага стоит организовать общественный, народный суд (П. Царьков).*

Петр Царьков, сопредседатель МГО «Солидарность», является ярким представителем оппозиции и активным сторонником развития гражданского общества в России. Данная публикация в его блоге посвящена митингу 6 мая, планам по созданию площадки для оппозиции и, следовательно, для развития гражданского общества. По его блогу можно сделать вывод, что гражданское общество рассматривается автором как продукт деятельности исключительно оппозиции.

3. В том же «деятельностном» русле размышляет блогер Артем Данилов по поводу рассматриваемого Кировским областным судом «дела Навального». Сила гражданского общества зависит в том числе и от его активности в правовой сфере.

- (3) *Важно раскрыть значение этих функций в связи с делом А. Навального. На мой взгляд, политическая сторона вопроса — дело не первостепенное. Есть еще прогностическая функция. **То есть прогнозы — сможет ли российское гражданское общество решить такую юридическую задачу или не сможет** (А. Данилов).*

Большая часть текстов, посвященных рассматриваемой проблематике, отличается осторожно-пессимистическими оценками состояния гражданского общества в России.

4. Наиболее продуктивной метафорой, отражающей его уровень, является модель развития в живой и неживой природе. Сферой-источником для подобных концептуальных переносов являются начальные этапы в цикле развития человека или растения.

- (4) *Отчего подростки попадают в тюрьму? В основном, «по молодости». Так и с собственниками жилья. Сейчас наше гражданское общество переживает подростковый, если не ясельный период* (Е. Виноградов).

5. Лейтмотивом многих рассуждений в блогах является мысль о том, что гражданское общество в России не созрело. Именно поэтому в споре гражданина и государства всегда выигрывает последнее, которое «может позволить себе резвиться».

- (5) *Почему в споре гражданина с государством чаще всего выигрывает государство? Да потому, что музыку заказывает тот, кто платит деньги. А деньги суду платит государство <...>. Государство пока может позволить себе резвиться. Но лишь до тех пор, пока не созреет гражданское общество, которое и укажет ему свое место* (Е. Андурский).

6. Незрелость гражданского общества проявляется и в экономической неготовности общественных отношений: они тоже «не вызрели».

- (6) *Изначально подразумевалось, что только собственники формируют гражданское общество, участвуют в общественном договоре и дают правительству согласие на то, чтобы оно правило. <...> Как-то незаметно идею либерализма у нас насытили понятиями хаоса, вседозволенности и правового нигилизма* (В. Шлыков).

Специфика развития либерализма в России и высокий уровень коррупции определяют, по мнению блогера, сложность формирования гражданского общества в стране, замедленность процессов его развития.

7. Низкая способность к эффективным социальным действиям, даже безынициативность, обуславливают **зависимость от власти**.

- (7) *Для перераспределения изъятых у «неправильных» НКО средств будет создан специальный совет, который, по традиции, видимо, изберёт президент лично. Изъятые деньги будут направлены, прежде всего, на помощь детям. Будут ли это дети депутата Старшинова, СМИ не сообщают* (А. Жиров).

Очень показательно упоминание блогера о «традиции» создания структур гражданского общества по инициативе власти. По тону публикации и ироничному финалу можно сделать вывод, что автор блога не сомневается в том, что гражданское общество в нашей стране в любом случае будет подчиняться власти.

8. Несамостоятельность субъектов гражданского общества делает их уязвимыми для манипуляций.

- (8) *Ясно и то, что протест нарастает, недовольных становится все больше. И против народа придумали несколько игр-многоходовок.*

Одна из них: разрешить регистрацию маленьких партии. Дать возможность опять, как в начале 2000-х, превратить гражданское общество в разрозненную мозаику — стеклышек много, все красивые, а толку никакого. И роли такие партии не играют никакой, а все вроде активисты при деле (Е. Васильева).

Отмечая, что «протест нарастает», автор указывает на то, что гражданское общество политически незрело, разрозненно: метафора мозаики подчеркивает его организационную несистемность (частотное обозначение оппозиции как *несистемной* — тому подтверждение) и отсутствие стратегии.

9. Развитие гражданского общества определяется его структурированностью, политической оформленностью, социальной ответственностью и зрелостью его активных сторонников, не в последнюю очередь — лидеров.

- (9) *К бессистемной оппозиции нельзя относиться серьезно. Власть их не слышит. Неструктурированное гражданское общество не выдвигает своих представителей для конструктивного общения с властью через круглые столы, парламентские слушания (Д. Шейко).*

Характеристика лидеров оппозиции, выбор их номинаций и обозначение действий свидетельствуют о скепсисе пишущего в отношении перспектив их гражданской активности.

- (10) *Большой урон гражданскому обществу наносят люди, в которых народ поверил, а они «поматросили и бросили» (Д. Шейко).*
- (11) *В связи с этим и «несистемная оппозиция» использует те же приемы политических манипуляций. Она вместо того, что создавать нормальную партию, с нормальной политической программой, пытается создать некую «широкую общественную коалицию», куда включить всех недовольных, от Лимонова с Удальцовым, до Немцова с Касьяновым. Громко и не переставая кричит «Путин — уходи». Выдвигает на первые роли писателей, телеведущих, журналистов, артистов, клоунов, певцов, кого угодно, пытаясь играть в «гражданское общество» (А. Калинов).*

Включение в перечислительный ряд лидеров «клоунов, певцов, кого угодно» акцентирует внимание на поспешности и непрофессионализме действий оппозиции. Негативную оценку поддерживает метафора игры «в гражданское общество» — традиционная модель для политического дискурса.

10. Недостаточное развитие институтов российского гражданского общества определяет не только возможности манипуляции со стороны государственной власти, но и иностранное влияние.

- (12) *При этом США нужно будет научиться рассматривать российское гражданское общество не как марионеток их влияния, а как партнеров* (С. Марков).

В результате проведенного анализа блогов, в которых обсуждается понятие «гражданское общество», можно сделать вывод о том, что гражданское общество в России находится на начальном этапе формирования, зависит от вмешательства властных и бизнес-элит, нестабильно и слабо прогнозируемо. Гражданское общество и власть в России являются «неравновесными понятиями» — и в экономической, и в политической, и в юридической сферах. Понятие «гражданское общество» в России нередко отождествляется с «оппозицией», а его активность в основном проявляется в протестных акциях и «крике». Блогеры отмечают неубедительность лидеров гражданского активизма и — как следствие — возможность манипулятивного влияния со стороны различных институтов власти, как российских, так и иностранных.

Власть, диалог, компромисс как «ключевые слова текущего момента»

В качестве индикаторов социальных изменений можно рассматривать некоторые лексические единицы, которые являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей (*власть, народ, оппозиция, социальная справедливость, общественный диалог, компромисс* и др.). Применительно к общественно-политическому дискурсу Т. В. Шмелева назвала их **ключевыми словами текущего момента** [Шмелева 1993, 2009]. Ключевые слова текущего момента господствуют в понятийно-лексическом поле текстов СМИ и выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий.

Для целей нашего исследования актуально, что использование ключевых слов в дискурсе задает рамку интерпретации идеологической, этической, гражданской позиции. Анализ динамики ключевых слов (включая конкуренцию их значений в различных текстах) — существенный показатель социальных сдвигов.

В общественных дискуссиях последних лет к ключевым словам, на наш взгляд, можно отнести лексемы *компромисс* и *диалог*, которые регулярно встречаются в контексте с другими ключевыми единицами — *власть, оппозиция* и *общество*.

- (13) *Власть, на практике убедившись, что московских хомяков добром в нору не загонишь, стоит на развилке: ужесточать ситуацию либо нацупывать*

компромисс. Скорее всего, будут рассказывать о «безусловной ценности эволюционного и поступательного развития», «накопленном потенциале стабильности», «**постоянном диалоге с обществом**». И в индивидуальном порядке **разбираться с оппозиционерами** (Д. Орешкин).

Частотные коллокации лексем (в приведенном выше фрагменте — *диалог, компромисс и власть, оппозиционеры*) отражают новые общественно-политические реалии, когда власть не может игнорировать наличие иного мнения и вынуждена реально, а не на словах выстраивать общественный диалог.

Как показывает материал, проблемы полноценной коммуникации и четкой «артикуляции» своей позиции являются едва ли не главными во взаимоотношениях власти и оппозиции.

- (14) **Власть не хочет диалога** под тем предлогом, что **разговаривать не с кем и не о чем**. Но это ошибка. <...> **Возможно, сами люди не могут их сформулировать**. Возможно, даже лидеры **оппозиции не могут достаточно четко их сформулировать** (Н. Сванидзе).

В дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание частотность глаголов и субстантивов со значением речи (*разговаривать, говорить, слышать, собеседник*) — яркий показатель актуальности полноценной, не односторонней, а двусторонней общественной коммуникации.

- (15) **Новость прошедшего года, как мне кажется, состоит в том, что все больше сограждан начинают понимать, что говорить все-таки есть о чем**. В том числе с **далеко не идеальными политиками оппозиции**. <...> сначала **выжигают «пустое место»**, а потом **сетуют на отсутствие достойного собеседника** (Д. Орешкин).

Публичный диалог предполагает возможность конкурирующих интерпретаций, **поиск наиболее точной дефиниции**. Показателем к конкуренции являются эксплицированные вопросы метакоммуникативного характера, смысл которых касается выбора слова: «Почему вы это так называете?».

- (16) **Партия власти цинично заявляет, что она открыта к диалогу**. Но **в чем заключается эта открытость?** Разве властные чиновники всерьез обсуждают обозначенные проблемы? Разве проводятся какие-то действия, свидетельствующие, что **власть готова идти на необходимые реформы?** Я не вижу. **Что они называют диалогом?** (Н. Сванидзе).

Потребность в четкости «артикуляции» актуальных смыслов обнаруживается, в частности, и в конкуренции метафор. Так, в дискурсе о выборах и последовавшей за ними митинговой активности частотными стали метафоры «чистоты vs. грязи».

- (17) *Выборы становятся не то чтобы менее чистыми, скорее менее грязными. Об этом стали больше и разнообразнее писать* (Д. Орешкин).

Спор о номинациях как показатель «борьбы дискурсов»

К проявлениям общественной дискуссии следует отнести и **спор о номинациях**. Известное высказывание Р. Блакара о том, что «произнося единственное слово, говорящий вынужден занять позицию», имеет непосредственное отношение к идеологизированному дискурсу [Блакар 1987: 92].

Проблема формирования гражданского общества в России тесно связана с конкуренцией разных моделей устройства социальной жизни и государственной власти. Поэтому выбор номинации и обсуждение этого выбора являются яркими показателями конкурирующих интерпретаций. Т. В. Шмелева отмечает, что «ключевые слова текущего момента» становятся объектом активной и массовой **языковой рефлексии**, появляется масса дефиниций — высказываний типа *X — это... или X — это не...* [Шмелева 2009: 63]. В этом смысле интересно обсуждение такого обозначения российской модели общественного устройства, как *суверенная демократия* (авторство номинации приписывают В. Суркову, экс-главе кремлевской администрации).

- (18) *Собственно так и развивается реальная, а не суверенная демократия. <...>. Бесценный опыт суверенной демократии. Если ведешь себя правильно, занимаешь активную жизненную позицию на ТВ-экране, то давай, гребь со своих корпоративных мальчишников столько экономического суверенитета, сколько сможешь унести. А вот если дуришь и позиция твоя неправильная, то, прости, уж, dura lex... (Д. Орешкин).*

С точки зрения «борьбы дискурсов» значимым является употребление номинаций «системная» vs. «внесистемная» оппозиция, а также варьирование характеристик оппозиции: *антисистемная, внесистемная, несистемная, бессистемная* (см., в частности, [Большаков 2011, Становая 2012, Филина 2012]). Как видно из этого отнюдь не синонимического ряда, в языке отражается стремление отойти от терминологического обозначения политических феноменов и заменить его оценочными номинациями.

В этом легко убедиться, сравнив научное понятие «антисистемной оппозиции», теоретически обоснованное в работе социолога Дж. Сартори, с трактовками, распространенными в блогосфере. «Главное отличие антисистемной оппозиции от иных ее типов — не в радикальности методов по-

литической борьбы, а в наличии максимальной идеологической дистанции» (цит. по: [Большаков 2011: 110]).

В современной политической коммуникации, говоря о вне- и несистемности оппозиции в России, имеют в виду, что она оппонирует некоей системе, но в качестве таковой называют что угодно: «систему власти», «государственную систему», «систему общественных отношений», «систему Ельцина / Пугина / Медведева» и т. д. При этом обозначение оппозиции как «системной» обретает в массовом сознании, в противовес «несистемной», положительные коннотации.

- (19) *Надо быть не просто буйным, надо быть еще и системным. У оппозиционеров вроде Навального нет ни идеологии, ни концепции развития страны, есть только желание разрушить существующее. <...> К бессистемной оппозиции нельзя относиться серьезно [ЖЖ].*

Критика системной оппозиции крайне редка: исключения лишь подтверждают правило.

- (20) *Просто удивительно, как мало людей понимает, что системная оппозиция есть часть самой системы. И что она совершенно необходима для сохранения системы. И что слабая системная оппозиция даже вредна системе, поскольку не дает нужного сопротивления, чтобы преодолевая его система крепла [ЖЖ].*

Крайне отрицательные коннотации обозначения оппозиции как «внесистемной» в некоторых текстах обнаруживают развернутую мотивацию.

- (21) *Болотная трагикомедия*

Внесистемная оппозиция, которая и раньше напоминала Ноев ковчег, забитый до отказа политическими карликами, троллями и сумасшедшими, теперь стала принимать очертания Атлантиды, уходящей под воду.

Вся романтика протеста, еще совсем недавно продувавшая неокрепшие мозги креативного класса, была цинично размыта и слита в нечистоты маргинального дискурса (В. Шлык).

Выводы

Результаты исследования позволяют увидеть формирование новых дискурсивных практик в дискуссии о развитии гражданского общества в России и наметить дальнейшие направления их изучения. Актуальным представляется выявление стереотипов и установок массового сознания в сфере об-

щественно-политических отношений конкретного социума, которые обнаруживаются в «борьбе дискурсов».

В рамках указанной проблематики становится все более значимой комплексная лингвистическая диагностика указанных процессов, которая находится в поле общегуманитарной проблемы укрепления позиций гражданского общества.

«Борьба дискурсов», проявляющаяся, в частности, в динамике ключевых слов, конкуренции обозначений реалий политической жизни, подтверждает, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Они способствуют тому, что на смену доминированию одного дискурса приходит понимание права всех членов общества участвовать в формировании новых смыслов и идентичностей. В обществе вряд ли может быть достигнут окончательный консенсус относительно значения. Но общественный диалог через конкурирующие интерпретации позволяет увидеть весь спектр мнений. Это дает надежду, что возможности социальной и языковой системы к развитию и совершенствованию послужат основой для построения общественного диалога и его следствия — социального согласия.

Литература

Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*. Москва.

Блакар Р. 1987 — Язык как инструмент социальной власти. *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва. С. 88–125.

Большаков И. 2011 — Несистемная оппозиция: терминологическая ошибка или политическая реальность. *Свободная мысль*. Москва. № 3. С. 109–118.

Вепрева И. Т. 2002 — *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Екатеринбург.

Дугин А. 2013 — Проект «Гражданское общество» как угроза российской самобытности. URL: http://www.patriotica.ru/actual/dugin_go.html (14.06.13)

Золотова Г. А. 2001 — Грамматика как наука о человеке. *Русский язык в научном освещении*. Москва. № 1. С. 107–113.

Карасик В. И. 1992 — *Язык социального статуса*. Москва.

Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.

Роль человеческого фактора... 1988 — *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. Москва.

Становая Т. 2012 — *Партийное — значит системное*. URL: <http://www.politcom.ru/4365.html> (20.04.2012).

Степанов Ю. С. 1974 — Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. *Бенвенист Э. Общая лингвистика*. Москва. С. 9–16.

Тукмаков Д. 2013 — *Восстание блогов, часть II: «Гражданское общество 2.0» вместо «Томасгавков»*. URL: <http://file-rf.ru/analytics/54> (03.03.2013).

Филлипс Л., Йоргенсен М. В. 2008 — *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков.

Чудакова Н. М. 2005 — *Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации. Автореф... канд. фил. наук*. Екатеринбург.

Шмелева Т. В. 1993 — Ключевые слова текущего момента. *Colleqium*. № 1. Киев. С. 33–41.

Шмелева Т. В. 2009 — *Кризис как ключевое слово текущего момента. Политическая лингвистика*. Вып. 2(28). Екатеринбург. С. 63–67.

Якобсон Л. И. 2008 — *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. Москва.

Fairclough, N. 1992 — *Discourse and Social Change*. – Cambridge: Polity Press.

Источники

Андурский Е. 2013 — *Суд попирает Конституцию. В интересах государства*. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/efim/1076632-echo/>

Васильева Е. 2013 — *При чем здесь Чиполино?* URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/evasiljeva/1073194-echo/>

Виноградов Е. 2013 — *Приручение коммуналки*. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/energ_oarbitr/1046228-echo/

Данилов А. 2013 — *Некоторые аспекты дела «Кировлеса»*. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/esquire_755/1075830-echo/

Калинов А. 2013 — *Первый нормальный политический ход Навального*. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/alex040112/1046828-echo/>

Катаев Дм. 2013 — *Мало замеченный, но знаменательный эпизод митинга 6 апреля за свободу политзаключенным*. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/kataev_/1047840-echo/

Марков С. — *Шпион-шоу*. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/sergei_markov/1074460-echo/#comments

Орешкин Д. 2012а — *Полезная площадь. Огонек*. Москва. № 11. С. 11–13.

Орешкин Д. 2012б — *Московское брожение. Огонек*. Москва. № 24. С. 13–14.

Сванидзе Н. 2012 — *Кому нужен диалог с оппозицией* URL: <http://www.maxpark.com/user/3294380395>.

Филина О. 2013 — *«Мы самые демократичные в мире»*. *Огонек*. Москва. № 14. С. 13–14.

Филина О. 2012 — *Бессистемная оппозиция. Огонек*. Москва. № 11. С. 15–16.

Царьков П. 2012 — *Новый протестный сезон. План действий*. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/petertsarkov/1075408-echo/>

Шейко Д. 2013 — «Навальный нужен России как авангардный джаз» URL: <http://www.bk55.ru/magazine/archive/2013/354/21815/>

Шлыков В. 2012 — *Кто вы, либералы — истинные и мнимые* URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1045828-echo/>

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ ЭСТОНИИ

Е. Н. РЕМЧУКОВА, С. Б. ЕВСТРАТОВА

Широкое использование особых культурных знаков, *культурем*, является одной из ярких примет современного журналистского письма, однако степень их востребованности и интенсивность использования различна в медиа-дискурсе разных стран, в частности, в условиях функционирования языка в метрополии и диаспоре. К этим знакам, носителям культурной информации, относятся фразеологизмы (ФЕ) и прецедентные тексты (ПТ), которые и являются объектом нашего анализа в русскоязычных СМИ в Эстонии. Газетные заголовки в местных русскоязычных медиа-текстах, безусловно, уже рассматривались ранее [см. об этом, в частности, Костанди 1996, Мельцер-Евстратова 1999, Евстратова 2001 и др.]. Однако в данной статье их лингвокультурологическая составляющая «оценивается», во-первых, на фоне тех языковых процессов, которые активно протекают в метрополии: здесь речетворчество в СМИ не исчерпывается стилистическими эффектами, а «затрагивает более глубокие, лексические и грамматические (как словообразовательные, так и морфолого-синтаксические) механизмы» [Ремчукова 2009: 304].

Во-вторых, эта важнейшая составляющая современных масс-медиа оценивается нами и в аспекте перевода, степень адекватности которого является серьезной проблемой для той прессы, которую с определенной долей условности можно назвать «параллельной» или «переводной»: речь идет о тех изданиях, выходящих в Эстонии на двух языках — эстонском и русском. В-третьих, для сопоставления фрагментарно привлекаются и заголовки изданий на эстонском языке. Как нам представляется, такой подход позволяет выделить некоторые общие тенденции медиа-текстов, с одной стороны, и их особенности, обусловленные ситуацией в Эстонии, с другой.

И ПТ, и фразеологизмы составляют значительную часть лингвокультурологического тезауруса представителей определенной этнической общности, а следовательно, и ее национального языкового сознания: способность оперировать ими является результатом развития языковой личности в определенной культурной среде [Чулкина 2009]. Следует сразу подчеркнуть принципиальное различие между ПТ и ФЕ: фразеологизмы являются составляющей «языка-системы», а ПТ — «языка-способности» [Караулов 1987], так как свойства последних проявляются в полной мере только в определенной речевой ситуации. Активное владение заключенной в ПТ и ФЕ национально-культурной информацией свидетельствует о принадлежности к определенной эпохе, ее культуре, в том числе и массовой; «не владение» — об отторжении от нее, обусловленной разными причинами, в том числе и удаленностью диаспоры от метрополии. Так, важную роль играет возрастная и социальная дифференциация адресатов и адресантов, обладающих разными запасами артефактов культуры; трудности создает и расхождение в объеме экстралингвистических знаний, которые задействованы при восприятии и интерпретации текстов.

Отметим, что роль этих культурем в современных российских СМИ гораздо более значима, чем роль простого стилистического приема, задача которого — в качестве испытанного средства оживить газетный текст в традиционной паре «стандарт-экспрессия». Они являются и средством выражения авторской оценки, и средством создания образности, и важным средством формирования имиджа журналиста и, следовательно, самого издания. В данной статье мы ограничимся всего тремя, но важными, с нашей точки зрения, моментами:

- а) актуализацией ПТ и ФЕ как культурем в сильной позиции текста — в заголовке: *В долгах — как в шелках. / Täitevamat tegeleb võlgade sissenõudmisega* (Исполнительный департамент занимается возвратом долгов);
- б) их собственно экспрессивной функцией — «оживление» заголовка и создание определенного экспрессивного фона: *Лето, ах, лето... / Meenutus Luunja suvelaagrist* (Воспоминание о летнем лагере в Луунья);
- в) их диагностирующей функцией — способностью выражать в имплицитной форме авторское отношение к предмету статьи: *Летние дни молодежи: первый блин не был комом... / Aa rannas peeti Kohtla-Järve noorte suvepäevi* (На побережье Аа состоялись Летние дни молодежи Кохтла-Ярве).

К анализу этих примеров (приведены «параллельные» заголовки из газеты «Северное побережье» / «Rõhjarannik», издающейся на русском и эстонском языках; в скобках дан дословный перевод) мы обратимся ниже.

Исследователи медийного дискурса отмечают, что ПТ — «хороший материал для медиа-текста. Они актуализируют фоновые знания читателя, вводят в оперативную память знаки культуры, интеллектуализируют изложение, но обращение к ним предполагает напряженную творческую работу создателя и редактора текста» [Сметанина 2002: 333]. «Напряжение» этой работы усиливается в условиях межкультурной коммуникации, и «параллельная» пресса в этом случае наиболее показательна. В идеале переводчик должен быть «лингвострановедом», то есть обладать знаниями о культуре носителей другого языка. При этом важно отметить, что прецедентное пространство современных СМИ (как в Эстонии, так и в России) в основном отражает *обыденное языковое сознание средней языковой личности*. Рассматривавшиеся ранее примеры заголовков из газеты «Северное побережье» / «Põhjarannik» [Мельцер-Евстратова 1999], которые мы анализируем, на наш взгляд, свидетельствуют именно об этом: они лишены интеллектуально ярких черт.

- (1) *Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!* / *Kohtla-Järve tegutseb turgkino* (В Кохтла-Ярве действует коммерческий кинопрокат).
- (2) *Лето, ах, лето...* / *Meenutus Luunja suvelaagrist* (Воспоминание о летнем лагере в Луунья).
- (3) *Летние дни молодежи: первый блин не был комом.* / *Aa rannas peeti Kohtla-Järve noorte suveräevi* (На побережье Аа состоялись Летние дни молодежи Кохтла-Ярве).
- (4) *В долгах — как в шелках.* / *Täitevamet tegeleb võlgade sissenõudmisega* (Исполнительный департамент занимается возвратом долгов).
- (5) *В Америке достаточно кнопку нажать...* / *Eesti elektrijaama ei saa võrrelda Ameerika omadega* (Эстонскую электростанцию нельзя сравнивать с американскими).

Первый заголовок на русском языке неинформативен: в нем мы видим лишь авторскую оценку при неэксплицированном объекте сожалений: экспрессивная функция, таким образом, преобладает над информативной. В эстонском заголовке, напротив, прекрасно реализована информативная функция, но позиция автора не выражена и ощущается его нежелание усилить экспрессивную составляющую названия статьи. Задача переводчика заключается в том, чтобы, проведя прагматическую адаптацию, преодолеть лингвоэтнический барьер (к нему относится все, что может помешать непосредственно воспринимать текст), установив тем самым между текстом на языке оригинала и текстом на языке перевода отношения межкультурной эквивалентности. Вместе с тем у переводчика есть выбор — стремить-

ся к межкультурной эквивалентности или переводить информативно: в условиях ограниченности времени (одна из специфических черт журналистской работы) зачастую приходится жертвовать первым в пользу второго. В приведенном эстонском примере передается только информация — препятствием является именно лингвоэтнический барьер.

Заголовок (2) русский читатель в Эстонии, особенно молодой, скорее всего, «не считает» ПТ. Даже в условиях метрополии прецедентность, как мы отмечали выше, дифференцирована по социальному и возрастному признаку, а в диаспоре молодежь находится в еще более остром «конфликте» с прецедентными текстами: старшее поколение осознает скрытые в когда-то популярной песне смыслы, а молодежь — уже нет. В соответствующем эстонском заголовке авторская позиция, возможно, эксплицитно выражена в слове *воспоминание*, которое семантически соотносится с общей идеей известной песни.

Даже поверхностный взгляд на современные СМИ на русском языке позволяет понять, что они буквально насыщены прецедентными текстами, и это делает преодоление лингвоэтнического барьера серьезной проблемой при переводе. Однако главная сложность состоит в том, что ПТ востребованы в основном в трансформированном виде: не будет преувеличением сказать, что в России трансформированные ПТ являются «лингвокреативной нормой» для масс-медиа. Эта же тенденция свойственна и русской прессе в диаспоре.

В качестве примера приведем заголовок статьи, в которой речь идет о планах соединения московских магистралей в единую систему: *Дороги завяжут в узел* [см. подробнее в Ремчукова 2010: 68]. В данном случае трансформированный фразеологизм выполняет не только экспрессивную функцию: его информативная составляющая также усиливается, поскольку актуализируется буквальное значение, сосуществующее со значением фразеологизма.

В примере (3) есть трансформированный фразеологизм, однако обратим внимание на то, что в эстонском соответствии его нет, что, безусловно, обедняет заголовок с точки зрения выражения авторской позиции. Так как феномен ПТ сложен, большинство переводчиков передают лишь его информативное содержание, что во многом обусловлено той спецификой, которую мы отмечали выше, — необходимостью перевести быстро. Как уже говорилось, и ПТ, и фразеологизмы функционируют в русских медиатекстах, как правило, в трансформированном виде (это подтверждает и наш материал): очевидно, что по сравнению с кодифицированной фразеологической единицей трансформированный фразеологизм обладает не только большей экспрессивностью и оригинальностью, но и информативностью:

«Усиление информативного и экспрессивного воздействия прецедентного текста связано с трансформированием его структуры, но, изменяя, например, цитату из художественного произведения, автор должен быть уверен, что она осталась узнаваемой и «восстанавливаемой» [Ремчукова 2009: 308].

Морфологическое варьирование культуремы связано с изменением грамматических характеристик именных или глагольных компонентов, лексическое — с изменением лексических единиц, а модальная трансформация (как субъективная, так и объективная) с введением показателей модальности (например, вводных слов, частиц) или с вариативностью в рамках категории наклонения. Синтаксическая риторика предполагает использование экспрессивных синтаксических конструкций. Так, в примере (4) (*В долгах — как в шелках...*) происходит «несостыковка» смыслов, причем в русском заголовке, в отличие от эстонского, содержание статьи не передано. Но экспрессивность синтаксической конструкции усиливается авторским тире, которого нет в исходном выражении.

В примере (5) (*В Америке достаточно кнопку нажать...*) диминутив «кнопочку» придает особый экспрессивный колорит заголовку на фоне доминирующей в эстонском варианте информативности, подчеркивая отлаженность «процесса» в Америке. Отметим, что наличие большого количества диминутивов в русских заголовках весьма показательно: их активное функционирование в современной русской речи обращает на себя внимание исследователей и связывается не только с их прагматической направленностью, но и с намеренным подчеркиванием деталей самой номинации. Это идиоэтнический феномен современного русского языка и в метрополии, и в, возможно, меньшей степени — в диаспоре. «Склонность» некоторых языков к диминутивам, которую отмечают исследователи, в полной мере присуща русскому языку и характеризуется повышенной активностью в последнее время — в устной речи, в интернет-коммуникации [см., например, Воейкова 2009 и др.]. На вербально-семантическом уровне богатство и разнообразие диминутивов сигнализирует о воплощении национально-культурной специфики в грамматике при помощи словообразовательных маркеров.

Возвращаясь к русско-эстонскому материалу, отметим, что в русских заголовках невозможно однозначно выделить тему и ремю [подробнее о прагматике актуального членения предложения см. Шелякин 2010, Костанди 1996], поскольку используется ряд усложняющих актуальную структуру средств (в фокусе же эстонских заголовков — событие, о котором идет речь в статье, поэтому преобладают предложения с четким выделением темы и ремы, темпорально ориентированные). Содержание

рассмотренных названий статей на русском языке оторвано от конкретного времени (первый пример содержит форму сослагательного наклонения глагола: *было бы*, пример (4) — глагол в нулевой форме), время в этих заголовках более размыто, чем в их эстонских вариантах, где темпоральная ориентация становится более чёткой. Такое актуальное членение может свидетельствовать о превалировании в русскоязычных заголовках экспрессивной функции над информативной, хотя сегодня эти функции далеко не всегда противопоставлены друг другу: для таких мини-жанров, как заголовок и рекламный слоган, важен именно «компромисс» между ними.

Очевидно, что в названиях статей адресант, русскоязычный журналист, стремится использовать ресурсы национально-культурного пространства, в котором «живут» носители языка, а оно пронизано интертекстуальностью. «Непреодоление» лингвокультурного барьера в тексте заголовка при переводе обедняет его эмоционально (оценка) и эстетически (образность). Культуремы являются важным средством выражения авторской позиции, демонстрируя отношение автора статьи к излагаемым событиям или поставленной проблеме уже в заголовке, что является одним из показателей его успешности. Однако известно, что с интерпретацией и адаптацией культурем связаны и коммуникативные ошибки, обусловленные неспособностью пишущего правильно распорядиться ресурсами своего или чужого языка.

Так, установление межкультурных отношений для параллельной прессы затрудняет не только недостаток времени, обусловленный спецификой журналистской работы, сложность задачи (перекодирование культурных знаков с таким расчетом, чтобы был достигнут прагматический эффект, сопоставимый с оригиналом), но и, очевидно, разное соотношение информативной и экспрессивной функции в российской прессе в метрополии и в русскоязычной прессе в диаспоре. Стремление к усилению информативной составляющей заставляет переводчика пренебрегать национально-культурными компонентами заголовка. Кроме того, сложности создают и трансформации разного рода (о которых уже говорилось выше), и эстетическая составляющая культуремы (если она присутствует, например, в том случае, когда ПТ является поэтическим). В то же время в непереводаемой эстонской прессе достаточно активно (особенно в последние годы) используются языковые средства, оттеняющие экспрессивную функцию заголовков.

Это подтверждается и сопоставлением переводов русской прессы на эстонский язык с непереводаемой эстонской прессой. Выделим достаточно типичные для непереводаемой эстонской прессы последних лет заголовки (представлены ниже), чтобы убедиться в том, что и в них активно используются синтаксическая риторика (8); экспрессивные синтаксические конструкции

(7); метафоричность сравнительных оборотов (9); наличие ПТ — заголовки (11), (12) и (10) (пример 10 представляет трансформированное название произведения известного эстонского писателя Матса Траата «Танец вокруг парового котла»). Ниже приведены названия статей из имеющих самую многочисленную читательскую аудиторию эстонских газет „Postimees” (РМ) и „Õhtuleht” (в скобках дан дословный перевод на русский язык):

- (6) *Soome valmistub rasketeks aegadeks* (Финляндия готовится к трудным временам). РМ, 21.11.2011.
- (7) *Sabotaaž! Kes saagis pealinna jõulukiuse tüve läbi?* (Саботаж! Кто перепилил ствол столичной рождественской ёлки?) Õhtuleht, 26.11.2011.
- (8) „Mihhail Sergejevitš, nad kavatsevad Nõukogude Liidu ära lõhkuda!” («Михаил Сергеевич, они собираются разрушить Советский Союз!»). РМ, 21.11.2011.
- (9) *Indrek Tarand: Eesti diplomaadid on kui hüäänid lahja lihakeha kallal!* (Индрек Таранд: эстонские дипломаты как гиены, обгладывающие кости). Õhtuleht, 26.11.2011.
- (10) *Tants ümber tuumakatla* (Танец вокруг ядерного котла). РМ, 21.11.2011.
- (11) „Kadunud põlvkond” ja haridus («Потерянное поколение» и образование). РМ, 24.11.2011.
- (12) *Kuritöö ja karistus 20 aastat hiljem* (Преступление и наказание 20 лет спустя). РМ, 24.11.2011.

Сравним эти заголовки с примерами из переводных (с эстонского на русский) газет (курсивом в скобках дан дословный перевод, через слеш — переводной заголовков на русском языке):

- (13) *Aasta isaks valitud Aavo Ots: hea isa peab looma lastele raja.* (Отцом года избран Ааво Отс: хороший отец должен проложить своим детям дорогу). / *Титул отца года получил отец пятерых детей Ааво Отс.* (РМ на русском и эстонском языках, 14.11.2011).
- (14) *Miks Eesti jalgpallikoondis Tallinnas põrus?* (Почему сборная Эстонии по футболу провалилась в Таллинне?) / *Почему сборная Эстонии неудачно сыграла в Таллинне?* (РМ на русском и эстонском языках, 21.11.2011).

Мы ограничились двумя примерами, иллюстрирующими наблюдаемую при переводе тенденцию. В этих примерах нет яркой экспрессии и образности, хотя встречаются устойчивые словосочетания, риторический вопрос, есть оценочность, реализуется диагностирующая функция — при этом ощущается стремление в первую очередь усилить именно информативную составляющую, темпоральные характеристики заголовков. Общая «сдер-

жанность» перевода по сравнению с оригиналом и здесь очевидна: следовательно, понижение «температуры лингвокреативности» при переводе неизбежно обусловлено и фактором времени (срочности), и квалификацией переводчика, и, главное, общей тенденцией к информативности.

В то же время заголовки издаваемых в Эстонии русскоязычных газет последних лет насыщены экспрессивностью и прецедентностью. Приведем примеры «не связанных» эстонским текстом, то есть неперевоженных заголовков из русских газет последних двух лет из еженедельников «День за днем» (ДД) и «МК Эстония».

Нетрансформированные ПТ и фразеологизмы встречаются в них довольно редко, поэтому рассмотрим в первую очередь заголовки с трансформированными выражениями, позволяющими создать оригинальные словесные образы и придать названиям газет новую экспрессивную окраску.

I. Трансформированные ПТ:

- (15) *Сентябрь тревоги нашей.* ДД, 5–11.11.2010.
- (16) *Улицы «попертых сценарей».* ДД, 5–11.11.2010.
- (17) *Не хочу учиться, хочу разжиться.* ДД, 21–27.01. 2011.
- (18) *Все вокруг эстонское, все вокруг мое.* МК Эстония, 28.09–4.10.2011.
- (19) *Что шведу хлам, то украинцу подарок.* ДД, 13–19. 05. 2011.
- (20) *Когда старость в радость.* МК Эстония, 7–13. 09. 2011.
- (21) *«Ходорковский»: как бы герой нашего времени.* ДД, 13–19. 05. 2011.

Довольно многочисленны примеры такой структурной трансформации фразеологизма, при которой автор изменяет модальность высказывания (21) или (19) заменяет компоненты фразеологической единицы (*Что русскому здорово, то немцу смерть*) своим, окказиональным, вариантом (*Что шведу хлам, то украинцу подарок*), сохраняя при этом фразеосхему.

II. Экспрессия ПТ усилена окказионализмами:

- (22) *Пока паны дерутся, кольцо Хааберсти не реконструируют.* МК Эстония, 7–13. 09. 2011.
- (23) *Кому в Локса жить хорошо?* ДД, 5–11. 09. 2011.
- (24) *Он знает, Мууга цвеств!* ДД, 25. 06–01. 07. 2010.
- (25) *Рейн Ланг в поход собрался.* ДД, 16–22. 09. 2011.
- (26) *Ну когда же душка Лаар надиктует мемуар?* ДД, 30.09–6. 10. 2011.
- (27) *Гадкий луйчонок.* ДД, 11–17. 02. 2011.
- (28) *Прощай, Койдула!* ДД, 24–30. 09. 2010.

(29) *Мы с тобой два Калласа у одной реки.* ДД, 20.05–3. 06. 2011.

(30) *Рысь медведю товарищ.* ДД, 14–20. 05. 2010.

В этих заголовках содержатся ПТ, окруженные образными ассоциациями и усиливающие эмоциональное воздействие; ключевые слова (имена и топонимы), трансформированные фразеологизмы — и этим приведенные названия газетных статей сходны с российскими. Налицо стремление авторов статей включить читателя в «свое» национально-культурное пространство, причем здесь важен не только национально-культурный, но и социальный контекст. В то же время необходимо отметить, что авторская установка и информативная составляющая — не одно и то же. Авторская установка часто имеет лишь экспрессивную составляющую (мы воспринимаем ее по ироничной цитате) — это интригует и заставляет ознакомиться с содержанием статьи (26, 28). У живущих в Эстонии русских своя «сеть лексических ассоциаций», а «посторонние ассоциации» проявляются в ошибочности словоупотреблений, в случаях лексико-семантической интерференции. Элементы другого языкового кода предназначены для «своего», эстонского читателя. У используемых в приведенных примерах топонимов, фамилий, которые хорошо знакомых всем жителям Эстонии, существует свой национально-культурный фон: эти вкрапления понятны лишь «своему», эстонскому читателю. *Мууга, Хааберсти, Локса* — все это знаковые топонимы для жителей Эстонии, и эти названия обыгрываются в соответствующих газетных заголовках, создавая определенный национально-культурный фон и придавая предложению законченный смысл. В одних заголовках (*Ну когда же душка Лаар надиктует мемуар? Рейн Ланг в поход собрался.*) фамилии «героев» названы прямо, они хорошо знакомы «эстонским» русским и неизбежно вызывают определенные ассоциации; в других случаях (*Прощай, Койдула!*) их надо расшифровывать: историк по образованию Лаар был министром обороны, но уж лучше бы он писал мемуары; Ланг известен как весьма далекий от культуры министр культуры. Эстонская поэтесса Лидия Койдула — это прежде всего автор слов гимна Эстонии, но чтобы понять приведенный пример, нужно знать о том, что ее портрет был помещен на стокроновой денежной купюре.

В заголовке *Рысь медведю товарищ* мы наблюдаем взаимодействие двух языковых систем и разных национально-культурных контекстов: фамилия президента Эстонии *Ильвес* означает в переводе на русский «рысь». Здесь обыгрываются «говорящие» фамилии президентов Д. А. Медведева и Т.-Х. Ильвеса, актуализируются образованные от зоонимов имена собственные и содержится отсылка к «олбанскому» языку: окончание -у 2 скл.

в твердой разновидности вместо нормативного -ю в мягкой разновидности (*медведю*) придает высказыванию иронический оттенок — принципиально изменяется модалность заголовка.

Пример *Мы с тобой два Калласа у одной реки* вызывает в памяти слова известной русской песни (*Мы с тобой два берега у одной реки...*), но живущий в Эстонии читатель знает, что *каллас* в переводе с эстонского языка — *берег*, то есть здесь мы наблюдаем подтекст, понятный только местным русским, имеющим свою «сеть лексических ассоциаций»: С. Каллас — вице-президент Европейской комиссии, а его дочь адвокат К. Каллас недавно стала членом Рийгикогу. Элементы другого языкового кода предназначены для «своего», эстонского читателя.

Особая сложная образность присуща заголовку *Гадкий луйчонок*: помещенная на щите надпись на эстонском языке означает «Осторожно — лебеди!», хотя изображенная здесь же птица очень напоминает гадкого утенка, ставшего лебедем. *Luiк* — *лебедь* транслитерировано и оформлено по русской словообразовательной модели с характерным чередованием: *луйчонок*. То есть «гадкий луйчонок» — это *гадкий лебеденок*, следовательно, тут мы наблюдаем и взаимодействие двух языковых систем, и литературные ассоциации, связанные с отсылкой ко всем известной сказке Андерсена.

Варьирование ПТ и фразеологизмов как способ их актуализации является одним из проявлений языковой игры, которая и в российской, и в эстонской прессе имеет массовый характер. Для современного и российского, и эстонского журналиста «креативные» навыки (например, актуализация смысла ПТ с помощью языковой игры — трансформации) являются сегодня обязательным профессиональным качеством.

При высокой самооценности фактологического пласта материала в современных СМИ разных стран особую значимость приобретает авторская интерпретация фактов. С этой точки зрения, ПТ и фразеологизмы дают возможность в компактной форме и передать содержание статьи, и обозначить авторскую позицию, реализуя таким образом информативную функцию в экспрессивной форме, что позволяет говорить об общей тенденции к гармонизации этих базовых составляющих медиа-текстов. Однако это не распространяется на «параллельную» прессу, которая при переводе, во-первых, стремится, прежде всего, к информативности, а во-вторых, по объективным причинам не всегда может преодолеть лингвоэтнический барьер. С точки зрения взаимодействия двух языковых культур, нам представляются безусловно интересными те игры с прецедентностью, которые встречаются в современной русскоязычной прессе Эстонии.

Литература

Воейкова М. Д. 2009 — Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов). *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. СПб. С. 353–373.

Дубровина К. Н. 2005 — Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике. *Вестник РУДН, серия «Лингвистика» №7*. Москва. С. 100–118.

Евстратова С. Б. 2001 — Языковые средства выражения оценочности в газетных заголовках (на материале русского и эстонского языков). *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, V. Русский язык: система и функционирование*. Тарту. С. 7–18.

Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.

Костанди Е. И. 1996 — Коммуникативная структура предложения и текста в русском и эстонском языках. *Emakeel ja teised keeled. 2. Ettekanded*. Tartu. Lk. 165–173.

Мельцер-Евстратова С. Б. 1999 — Газетный заголовок как средство выражения авторской установки. *Valoda – 1998. Humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi*. Daugavpils. С. 118–125.

Ремчукова Е. Н. 2009 — Лингвокреативная составляющая современных СМИ на фоне активных языковых процессов. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Тарту. С. 303–315.

Ремчукова Е. Н. 2010 — Лингвистические пристрастия современных СМИ: феномен «полисемантики». *Русистика. Сборник научных трудов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Выпуск 9–10*. Киев. С. 56–65.

Сметанина С. И. 2002 — *Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века*. СПб.

Чулкина Л. Н. 2009 — *Мир повседневности в языковом сознании русских. Лингвокультурологическое описание*. Москва.

Шелякин М. А. 2010 — *Очерки по прагматике русского языка*. Москва.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ:
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВЕСНЫХ ОБРАЗОВ
СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДА
В ПРОЗЕ М. БУЛГАКОВА И С. КРЖИЖАНОВСКОГО

Т. А. СТОЙКОВА

Слово в художественном тексте, то есть *художественное слово*, образно всегда, хотя и не всегда метафорично [Винокур 1990: 142]. Художественное слово, или *словесный образ*, даже в номинативном употреблении осложнено эстетической функцией. Словесные образы *солнце, луна, звезда* — в первую очередь элементы описания природы, в котором актуализуются основные номинативные значения названий небесных светил. На основе номинативных сем развиваются также разные типы образных значений (в нашем исследовании — образно-метафорических), характерных для семантико-стилистической системы писателя.

Кроме того, словесные образы небесных светил нагружены символическими смыслами, составляющими традицию их употребления в искусстве, в том числе словесном. Эти символические смыслы, эстетически преломляясь в значениях художественных слов, находят отражение в текстах и М. Булгакова, и С. Кржижановского. Важно, что те смысловые и экспрессивные приращения, которые вырастают в семантике словесных образов *солнце, луна, звезда*, обращены к символическому смыслу всего произведения, обусловлены глобальным контекстом художественного целого.

Антропоцентризм художественной речи проявляется в эстетической реализации словесных образов, а именно: в их выборе и предпочтении, в том, какими смысловыми приращениями обогащается тот или иной словесный образ, является ли ключевым в произведении, в развитие каких художественных идей включается — в целом, какое место занимает в авторской картине мира. Всё это характеризует художественное мирови-

дение и языковую личность автора, отражая ее специфику, «неповторимые черты авторской индивидуальности» [Полищук 1999: 243], отличия от других авторских эстетических систем.

Обратимся к произведениям русских классиков, современников — М. Булгакова и С. Кржижановского — и посмотрим в сравнении, какую эстетическую функцию словесные образы *солнце*, *луна*, *звезда* выполняют в авторской картине мира, какими смыслами наполняются в художественном контексте, то есть как участвуют в формировании уникального эмоционально-образного и концептуального содержания художественного произведения.

Наше сопоставительное исследование ограничено романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и циклами новелл С. Кржижановского «Сказки для вундеркиндов» и «Чужая тема».

Словесные образы *солнце*, *луна*, *звезда* в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» словесные образы небесных светил — *солнце* и *луна* — в номинативном значении выполняют сюжетно-композиционную функцию, являясь элементом природных описаний и мериллом художественного времени в романе. Все события и в библейском мифологическом мире, и в московском историческом протекают на Страстной неделе со среды до субботы (последний полет Воланда со свитой происходит в ночь на Пасху, то есть в ночь на 5 мая 1929 г.), с промежутком в 1900 лет, который разделяет временные планы романа [Соколов 2010: 457–463]. Авторские описания, включающие словесные образы *луна* и *солнце*, помогают соотносить «параллельные» события параллельных миров, так как фиксируют время и смену времени суток, например:

- (1) *в тот час /.../ когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо (7–8)¹;*
- (2) *прошло /.../ более трёх часов, и солнце уже снижалось над Лысой горой (168);*
- (3) *Луна в вечернем чистом небе висела полная (222);*
- (4) *солнца уже нет и пришли сумерки (300).*

¹ Текст романа цитируется по изданию: Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5-ти тт. М., 1990. Т.5. В круглых скобках указываются страницы.

Словесные образы *солнце* и *луна*, в отличие от словесного образа *звезда*, являются лейтмотивными в тексте романа «Мастер и Маргарита» и ключевыми в семантико-стилистической авторской системе: они эстетически выделены, развивают обобщенно-символический смысловой план, их образное содержание отражает ценностные фрагменты мировидения автора. Оба символа характеризуются смысловой амбивалентностью.

Луна. В авторской картине мира особенно эстетически выделен образ ночного светила — луны. Подсчитано, что в тексте романа луна «упоминается 134 раза» [приводится по: Яблоков 2001: 304]. Культурная традиция осмысления символа *луна* обширна и многопланова. В языческих представлениях, в частности древнегреческих, божественный свет, истину символизировала луна (а не солнце), она же покровительствовала темным силам [ЭСЗЭ 2004: 295].

Во многих мифологических представлениях *луна* является символом трансформации формы и превращений, знаком тайных, могущественных, скрытых в природе сил [ЭСЗЭ 2004: 295]. В античной мифологии важным аспектом символа считалась связь луны с безумием: полная луна способна усилить безумие человека или стать его причиной [Тресиддер 1999: 204]. В восточных мифологиях, признающих идею реинкарнации, луна является символом перехода от жизни к смерти и от смерти вновь к жизни, луна — мост между земной и загробной жизнью или место посмертного пребывания праведных душ до их возвращения на землю [там же: 205].

Обозначенные смыслы, эстетически преломляясь, отразились в авторском образно-символическом содержании художественного слова *луна*, которое лейтмотивом проходит через субъектные планы многих персонажей. Значимыми являются и сопутствующие лейтмотивные эпитеты: *полная (цельная)* актуализирует признак ‘способная проявить все свои качества’; цветовые *белая, багровая, золотая* в символическом значении содержат амбивалентные признаки.

Так, в субъектную сферу Ивана образ луны входит через авторское повествование о погоне за иностранным консультантом: *над Патриаршими светила золотая луна, и в лунном, всегда обманчивом свете Ивану Николаевичу показалось, что тот [Воланд] стоит, держа под мышкою не трость, а шпагу* (49). В полярной экспрессии эпитетов *золотая — обманчивый* отражается двойственность семантики художественного слова *луна*. *Обманчивый* — ‘вводящий в заблуждение, искажающий сущее, неистинный’: первоначально в восприятии Ивана свет луны — обман. Однако истинным атрибутом Воланда является шпага, а не трость: в контексте актуа-

лизуются обобщённо-символические смыслы художественного слова *луна* — ‘сила, обнажающая суть явлений, показывающая истинную природу вещей’, ‘тайная сила, управляющая превращениями’. Перерождение Маргариты в ведьму происходит также под «оком» луны:

- (5) *Луна* в вечернем чистом небе висела **полная**, видная сквозь ветки клена (222);
- (6) Маргарита увидела, что она наедине с **летающей** над нею и слева **луной** / ... / **луна несется** над нею [Маргаритой], как сумасшедшая (234);
- (7) **лунный свет** ее приятно **согревал** (240). Являясь знаком превращений, луна символизирует и покровительство inferнальным силам.

Напомним и эпизод полета в финале романа, когда именно свет луны преобразил летящих: *Когда же навстречу им из-за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалились в болото, утонула в тумане колдовская нестойкая одежда* (367).

Луна как знак преображения Ивана появляется в сфере его восприятия при первой беседе с Мастером (когда Иван пытается осознать новую для него идеалистическую концепцию бытия, предполагающую существование бога и дьявола: *Он помолчал некоторое время в смятении, всматриваясь в луну, плывущую за решеткой, и заговорил: — Так он [дьявол], стало быть, действительно мог быть у Понтия Пилата? Ведь он уже тогда родился? А меня сумасшедшим называют! / ... / — Будем глядеть правде в глаза, — и гость повернул свое лицо в сторону бегущего сквозь облако ночного светила. — И вы и я — сумасшедшие, что отпираться! Видите ли, он вас потряс — и вы свихнулись, так как у вас, очевидно, подходящая для этого почва* (133–134). Сопряжение мотивов луны (*луна, ночное светило*), сумасшествия (*сумасшедший — дважды, потряс, свихнулись*), сатаны (*трижды многозначительное он*), истины (*правда*) выявляет смысловые линии словесного образа луна — ‘знак перерождения’, ‘знак безумия’, ‘символ высших истин бытия’.

Художественное углубление амбивалентных смыслов словесного символа луна происходит в контексте авторского природного описания:

- (8) Теперь она, **цельная**, в начале вечера **белая**, а затем **золотая, с темным коньком-драконом**, плывет / ... / и в то же время стоит на одном месте в своей высоте. / ... / лишь только начинает разрастаться и **наливаться золотом светило**, которое когда-то висело выше двух пятисвечей, становится Иван Николаевич беспокоен, нервничает, теряет аппетит и сон, дожидается, пока **созреет луна** (381).

В контексте по-прежнему сохраняется связь образа луны с мотивом безумия, которое выражается в характеристике внешнего поведения персо-

нажа предикатами *становится беспокоен, нервничает, теряет аппетит и сон*. Противоречивый характер образа проявляется в полярной экспрессии речевых средств. Положительную экспрессию несут глагольные метафоры *начинает наливаться, созреет*, а также лексика, содержащая признак 'свет': *белая, золотая, золото, светило, пятисвечие*. Отрицательная экспрессия образа связана с лексическим значением эпитета *темный* и двойственной семантикой эпитета *золотой*, являющегося не только знаком света, но и его противоположности — тьмы, греха, затмения и искупления. Дуализм словесного символа подчеркивается и лейтмотивной деталью в описании луны — образами сказочно-мифологических существ. Знаковый образ *конек-дракон* вводит в контекст ассоциативные смыслы, связанные с культурной традицией: *дракон* — огнедышащий мифологический змей, воплощение темных мистических сил; *конек* как сказочный образ, напротив, ассоциируется в культурном сознании со светлым началом. Ср. другой контекст, содержащий этот образ: *виден на ней [луне] какой-то загадочный, темный — не то дракон, не то конек-горбунок, острой мордой обращенный к покинутому городу* (234). Парные эпитеты *загадочный, темный* в ряду других речевых средств выражения неопределенности (*какой-то, не то ..., не то ...*) актуализируют общий семантический признак 'таинственный, иррациональный, мистический', поддерживая двойственность образа. Очевидно, что в контекстах формируются обобщенные, неоднозначные смыслы, связывающие символ и с идеей света, несущего истину и вместе с тем олицетворяющего иррациональные мистические силы в мироздании.

В снах персонажей (Пилата и Ивана) возникает производный образ *лунной дороги*¹ (*лунного пути, лунной ленты*), также лейтмотивный, воплощающий взаимосвязанные смыслы — 'постижение истины' и 'инобытийное существование за порогом смерти'. Образ лунной дороги возникает в пространстве современного и библейского мира и подчеркивает вневременную связь идущих к истине и страдающих за нее. Путь души к истине не заканчивается с земной жизнью: к луне поднимаются Мастер и Маргарита, прокуратор и Иешуа. В финальном описании луны (во сне Ивана) происходит трансформация речевого образа *лунный путь* в образ лунной реки и наводнения: *лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит /.../ Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны,*

¹ Развёрнутый семантико-стилистический анализ речевого образа лунной дороги см.: Стойкова 2012: 103–104.

в комнате начинается **лунное наводнение**, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом (383–84). Динамичный образ разливающейся лунной реки строят глагольные словоформы: один ряд формирует основу образа *лунная река*, передавая неуправляемую мощь стихии (*вскипает, начинает хлестать, разливается, обрушивается, затопляет*), другой ряд персонифицирует луну (*властвует, играет, танцует, шалит, начинает неистовствовать*), отождествляя ее с преобразующей ирреальной силой. В контексте возникают общекультурные ассоциации о водном апокалипсисе. Но образ наводнения, потопа амбивалентен, как и образ луны: он символизирует также очищение и возрождение [ЭСЗЭ 2004: 391–397].

Солнце. Ключевой словесный образ *солнце* формирует в контексте романа обобщенно-символический смысловой план, в котором отчетливо выделяются три смысловые линии.

Первая отражает традиционное понимание *солнца* как символа божественного света, разума, божественной справедливости, источника высших ценностей и истины, символа Христа [ЭСЗЭ 2004: 462–464] и соотносится в романе только с образом Иешуа, проявляясь в его речи. Сравним два высказывания *бродячего философа*: *Человек перейдет в царство истины и справедливости* (32) — *Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл* (319). Высказывания Иешуа содержат одну мысль, одну пропозицию, но в первом случае она передана прямыми значениями слов, во втором — иносказательным образным выражением, в котором метафорически преобразуется не отдельное слово, а целостный комплекс слов с ключевыми образами — *солнце* и *кристалл*.

Вторая смысловая линия словесного символа *солнце* связана с образом Пилата и реализуется в авторском повествовании, метафорически передающем психологическое состояние прокуратора перед казнью Иешуа:

- (9) *раскаленный шар почти над самой его [Пилата] головой* (39);
- (10) *солнце жгло ему [Пилату] глаза* (40);
- (11) *Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. / ... / только он один стоит, сжигаемый отвесными лучами* (41);
- (12) *ему [Пилату] показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило ему огнем уши* (42).

В контексте ситуации казни праведника, решившей участь прокуратора и обрешавшей его на мучительное бессмертие, образ солнца двоятся — за номинативным употреблением художественного слова вырастает другой

смысл. На основе номинативных сем слова *солнце* ('сильно припекать, обжигая, вызывая физическую боль') и синонимической ему парафразы *раскаленный шар* развиваются обобщенно-символические значения 'знак нравственного падения, греха', 'источник невыносимых душевных мук', 'источник неотвратимых страданий, нестерпимой душевной боли'. При этом семантический признак 'вертикальность' (*уткнул голову прямо в солнце, отвесные лучи, раскаленный шар почти над самой головой*) подчеркивает неизбежность, неотвратимость падения и душевных искупающих мук; признак 'интенсивность воздействия' (*раскаленный шар; зазвев, солнце лопнуло, залило огнем*) указывает на нестерпимость, невыносимость душевной боли.

Данное символическое значение словесного образа *солнце* включается в развитие одного из важнейших аспектов художественного мировидения автора — вины и ответственности, падения и искупления. В этой смысловой линии проявляется дуализм словесного образа *солнце*, известный в мифологической и эзотерической традиции: солнце — символ греха и искупления страданием [ЭСЗЭ 2004: 463].

Если первая и вторая смысловые линии развития символических значений словесного образа *солнце* связаны с ершалаимскими главами, то третья — с московскими. Как правило, контексты ее реализации включают точку зрения и / или субъектно-модальный план Воланда:

- (13) Он [Воланд] остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражавших в стеклах **изломанное** /.../ **солнце** (11);
- (14) в окнах, повернутых на запад /.../ зажигалось **изломанное ослепительное солнце** (349);
- (15) Воланд, Коровьев и Бегемот, сидели на черных конях в седлах, глядя на /.../ город с **ломаным солнцем, сверкающим** в тысячах окон, обращенных на запад (364); *соткался в тылу недавно покинутый город /.../ с **разбитым вдребезги солнцем** в стекле* (371).

На основе сочетаемости с отрицательно оценочными эпитетами, содержащими признак 'разрушение, гибель' — *ломаный, изломанный, разбитый* — словесный образ *солнце* связывается с эсхатологической идеей и становится обобщенным символом духовной гибели. Этот смысл прочитывается в глобальном контексте произведения.

Смысловое противопоставление первой символической линии развития семантики образа *солнце* двум другим подчеркивает неоднозначность, двойственность словесного символа в эстетической системе романа М. Булгакова.

Звезда. Словесный образ *звезда* не только не отмечен лейтмотивностью (в сравнении со словесными образами *луна* и *солнце*), но и появляется лишь один раз в завершающей главе «Прощение и вечный приют» в последнем авторском описании Воланда, где тот показан через восприятие Маргариты: *Воланд летел в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, это лунные цепочки, и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд* (369). Образ космичен: происходит символическое расподобление Воланда с человеческим обликом — он отождествляется с ночной картиной мироздания, становится ее частью. И метафора *белые пятна звёзд* включается в создание этого космического образа, в создание приподнято-поэтического тона описания. «Поэтизация образа Воланда в финале романа выступает как средство его оценочной характеристики, выражающей отношение автора. Приподнятый тон описания свидетельствует о принятии автором Воланда», воплощающего высшую силу и высший закон в мироздании. Однако контрастный принцип описания (свет — тьма) «подчеркивает амбивалентную сущность этой силы и указывает на неоднозначность, неокончателность авторской позиции» в отношении Воланда [Стойкова 2012: 69].

Словесные образы *солнце*, *луна*, *звезда* в циклах новелл С. Кржижановского «Сказки для вундеркиндов» и «Чужая тема»

Произведения С. Кржижановского позволяют судить о его глубоком «знании пространства и чувстве пространства, о любви и вкусе к нему, „об игре души с пространством”» [Топоров 1995: 480]; это знание пространства «охватывает всю толщу пространственных слоев — от самой «низкой» и предельно конкретной эмпирии до высочайшей-глубочайшей метафизики» [там же: 478]. Художественные эксперименты с пространством выдвинули в центр семантико-стилистической системы Кржижановского в качестве ключевых словесных образов — в числе прочих пространственных образов — *солнце* и *звезду*.

Луна. Словесный образ *луна* в указанных произведениях С. Кржижановского встречается один раз — в рассуждении рассказчика-повествователя из новеллы «В зрачке»: *Луну, на которую потрачено столько восторженных междометий, это ночное солнце под синим мещанским*

абажуром, я попросту не терплю («Чужая тема»: «В зрачке», 427)¹. Отсутствие словесного образа *луна* в текстах С. Кржижановского позволяет предположить «автобиографичность» приведенного выше суждения, содержащего открытую отрицательную оценку (глагол эмоционального отношения *не терплю* с семей 'интенсивность', метафора *под мещанским абажуром* с эмоциональной оценкой 'презрительно').

Солнце. Словесный образ *солнце* в семантико-стилистической системе С. Кржижановского эстетически чрезвычайно значим. Развивая обобщенные смыслы, он соотносится с разными пространствами: как с земной реальностью, так и с альтернативными трансцендентными мирами инобытия во Вселенной.

В первом случае, при изображении земного мира, контексты содержат яркие образно-метафорические употребления: как правило, вместе с глаголом словесный образ *солнце* образует ядро метафоры. Ср. преобразование семантики художественного слова *солнце* в ядре характерных для С. Кржижановского зоо- и антропоморфных метафор:

- (16) *под грязной кожей лужи ворочается что-то огромное, сыплющее блестящими и искрами, тщетно пытающееся подняться на тонких, ломающихся лучах.* / ... / **Оброненное солнце** («Сказки для вундеркиндов»: «Поэтому», 181);
- (17) *солнце, перерезанное чертой горизонта, низко нагнувшись к земле, собирало свои последние оброненные лучи* (там же: «Четки», 168);
- (18) *чуть солнце сдернет с Москвы черный, в звездном дырке колпак, — я начинаю отшагивать свой день* («Чужая тема»: «Швы», 399);
- (19) *Я не ревную к солнцу. Пусть его заглядывает — лишь бы вместе со мной под отщелкивающиеся кнопки. Пусть подсматривает сквозь окна* (там же: «В зрачке», 427).

Развернутые авторские глагольные метафоры с распространенной периферией, как правило, создают одушевленный персонифицированный образ солнца (17–19 контексты), реже — содержат ассоциативный намек на зооморфный образ (1 контекст: сочетание *тонкие ломающиеся лучи* вызывает ассоциацию с лапками насекомого). В этом стилистическом явлении проявляется общая стилистическая закономерность, отражающая художественные представления Кржижановского: в динамичном пространстве его земной

¹ Тексты новелл цитируются по изданию: Сигизмунд Кржижановский. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2001. В круглых скобках указывается название цикла, новеллы и цитируемые страницы.

реальности основные сферы бытия (вещный мир, мир природы и человека) «тяготеют к ассимиляции и взаимоуподоблению» [Стойкова 2006: 85].

Словесный образ *солнце* как 'знак жизни, света' (это символическое значение развивается на основе номинативных сем 'излучаемый свет, тепло') включается в становление и другой художественной идеи — эсхатологической, одной из центральных в авторской картине мира:

- (20) *Миг — и всё кануло в тень: аллея, деревья, лазурь, солнце, мир, «я». Ничто. Потом — миг — и /.../. В лазури диск. Изникнув, всё возникло вновь* («Сказки для вундеркиндов»: «Собиратель щелей», 476);
- (21) *И мне в черный, глухой портфель: защелкнется — и ни солнц, ни тем, ни болей, ни счастья, ни жей, ни правд* (там же: «Чути-чути», 92).

С художественной идеей множественности трансцендентных миров, их взаимопроникновения и единства во Вселенной связано употребление словесного образа *солнца* в обобщенно-символическом значении 'знак альтернативных земному миров инобытия во Вселенной'. Данное значение предполагает форму множественного числа:

- (22) *Солнца, планеты, пересыпанные блестками астероидов и метеоритов, теснясь у кометного пути, старались скорее нанизаться на пронизь орбиты: роняя в пустоту целые человечества с их религиями и философиями* («Сказки для вундеркиндов»: «Катастрофа», 128);
- (23) *опрокинутая перспектива звала меня: войти в нее и вступить на кору далеких иноорбитных планет, жить неопаленным внутри ее солнц, отодвинутых прямыми перспективами э т о г о нашего мира за черные пустоты межпланетья* (там же: «Чётки», 172).

Звезда. Словесный образ *звезда* включается в развитие взаимосвязанных художественных идей: а) трансцендентного происхождения и апокалипсиса Вселенной; б) многомирия во Вселенной.

Так, первая идея, особенно ее эсхатологическая составляющая, наиболее полно развивается в новелле «Бог умер» на основе художественной оппозиции, включающей словесный образ *звезда*: с одной стороны, Космос, то есть *Бог, Всё, звёзды, орбиты, земля* — с другой — Хаос, то есть *бездна, Ничто, беззвездие* (авторский неологизм), *смерть*. Ср.:

- (24) *Он [Бог], развернувший пространства, бросивший в бездны горсти звезд и планет* («Сказки для вундеркиндов»: «Бог умер», 255);
- (25) *первый черный луч из Ничто, сменившего Всё, /.../ достиг земли* (там же, 261) — *расчерченная линиями орбит бездна, расивыряв звезды, смыв орбиты, восстала, грозя смертью и земле* (там же, 262) — *тысячи*

и тысячи глаз /.../ искали там за мертвым и черным беззвездием Бога (там же, 264).

Словесный образ *звезда*, как и *солнце*, выступает и знаком бесчисленных миров во Вселенной. Ср. другой контекст, содержащий это обобщенно-символическое значение: *вечерами я распахиваю створы прямо в звезды и в мысль: нужны были века, чтобы понять эти крохотные пятнышки. Помыслить их как миры* («Сказки для вундеркиндов»: «Четки», 174).

Семантическая емкость и символическая глубина словесного образа *звезда* в художественных координатах С. Кржижановского открывается в новелле «Квадрат Пегаса». Ключевой образ-символ вынесен в сильную позицию текста — в название первой из семи главок новеллы «Звезды»: «каждая глава новеллы сюжетно разворачивает образ, намеченный в названии, а вся новелла в целом воспроизводит колизию потери души человеком», «духовную деградацию героя» [Мекш 2003: 128]. Банальная история: душа умерла, потому что быт победил любовь. В главке «Звезды» показана гармония души с космосом: словесный образ *звезда* развивает значение 'символ любви, счастья, окрыленности живой души'. Любовь, счастье, жизнь души возможны только при гармонии со вселенной, при «сопричастности с космосом» [там же: 133]:

- (26) *был миг, когда звезды стали как глаза, а глаза как звезды* («Сказки для вундеркиндов»: «Квадрат Пегаса», 93);
- (27) *вы думаете, что мы в городке, среди освещенных лампами домиков? Нет, мы среди звезд. Вот там кто-то идет по мосткам. /.../ И не знает, /.../ что не в Здесевке он, а во вселенной. /.../ все звезды, сколько ни есть, смотрят на нас, а мы когда-когда глянем на них?* (там же);
- (28) *Может быть, каждый из нас будет отыскан по его звезде? /.../ А вдруг, Наденька там в домах все умерли? Давно умерли. И мы с тобой, еще живые, среди трупов? А?* (там же, 95).

Сопричастная космосу, живая душа способна воспринимать «озаряющий весь мир духовный свет», символом которого выступает звезда [Бидерманн 1996: 91]: смысловой компонент 'высший духовный свет' дополняет образно-символическую семантику художественного слова *звезда*.

Заключение

В семантико-стилистической системе М. Булгакова словесные образы-символы *солнце* и особенно *луна* (в отличие от словесного образа *звезда*) являются одними из ключевых, так как в них «концентрируется мысль пи-

сателя» и они «выступают организующим центром в авторской картине мира» [Поцепня 1997: 211].

В картине мира М. Булгакова словесные символы *солнце*, *луна* характеризуются семантической двойственностью. В контексте художественного целого формируются следующие полярные смыслы словесного образа *солнце*: ‘символ божественного света’, ‘божественной истины’ — ‘знак нравственного падения’, ‘источник страдания, невыносимых душевных мук’ — ‘знак апокалипсиса, духовной гибели’. Словесный образ *луна* обладает еще большей семантической сложностью: ‘символ безумия как прозрения’, ‘знак преображения и перерождения’, ‘символ инобытийного существования после смерти’, ‘символ высшей истины и вечного движения к истине’, ‘знак inferнальных сил’, ‘знак амбивалентной иррациональной силы в мироздании’. Обобщенно-символический смысловой план художественных слов *солнце*, *луна* в образной форме отражает ценностные фрагменты мировидения автора, а именно: мотивы вины и ответственности, истины и справедливости, инобытия за порогом смерти, существования высшей иррациональной силы в мироздании и высших законов мироустройства.

В художественной системе С. Кржижановского эстетически выделены, являются ключевыми словесные образы *солнце* и *звезда* (словесный образ *луна* встречается только один раз). С ними связаны центральные идеи в авторской картине мира, которые воплощаются в следующих обобщенно-образных значениях художественных слов *солнце* и *звезда*: *солнце* — ‘некая одушевлённая (антропоморфная, реже — зооморфная) сущность’ (при изображении земного мира); ‘символ жизни’; ‘знак других альтернативных земному трансцендентных миров во Вселенной’; *звезда* — ‘знак любви, счастья’; ‘символ живой, сопричастной космосу души’; ‘символ высшего духовного света’; ‘символ других миров во Вселенной’. С. Кржижановского занимают вопросы физики и метафизики пространства, гармонии микромира (человека) с макромиром (космосом) — и словесные образы *солнце*, *звезда* включаются в создание художественного многомирия.

Итак, особенности эстетической реализации словесных образов *солнце*, *луна*, *звезда* в разных художественных системах: различия в «наборе» обобщенно-символических значений, включенность в становление художественных идей, формирующих уникальное мировидение, — обусловлены языковой личностью автора и отражают своеобразие авторских картин мира.

Литература

- Бидерманн Г. 1996 — *Энциклопедия символов*. Москва.
- Винокур Г. О. 1990 — Винокур Г. О. *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*. Москва. С. 140–145.
- Мекш Э. Б. 2003 — Традиции имажинизма в новелле Сигизмунда Кржижановского «Квадрат Пегаса». *Кржижановский I*. Даугавпилс. С.121–138.
- Полищук Г. Г. 1999 — Антропоцентризм: автор — текст. *Вопросы стилистики*. Выпуск 28. Саратов. С. 243–254.
- Поцепня Д. М. 1997 — *Образ мира в слове писателя*. Санкт-Петербург.
- Соколов Б. В. 2010 — *Расшифрованный Булгаков: Тайны «Мастера и Маргариты»*. Москва.
- Стойкова Т. А. 2006 — Стилистические особенности организации пространства в прозе С. Кржижановского. *Словоупотребление и стиль писателя*. Выпуск 3. Санкт-Петербург. С. 76–85.
- Стойкова Т.А. 2012 — *Слово персонажа в мире автора: роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»*. Москва.
- Топоров В. Н. 1995 — «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. Москва. С. 476–574.
- Тресиддер Дж. 1999 — *Словарь символов*. Москва.
- ЭЗСЭ 2004 — *Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы*. Москва.
- Яблоков Е. А. 2001 — *Художественный мир Михаила Булгакова*. Москва.

Источники

- Булгаков М. *Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5*. Москва, 1990.
- Кржижановский С. *Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1*. Санкт-Петербург, 2001.

НЕЯВНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СВОЙСТВА РУССКИХ КОММУНИКАТИВОВ

И. А. ШАРОНОВ

Михаил Алексеевич Шелякин, как известно, в последний период своей научной деятельности активно интересовался антропоцентризмом языка, информацией о человеке, говорящем лице, которую можно обнаружить в языковых знаках и в речевой деятельности в целом [Шелякин 2012]. Антропоцентризм в исследованиях языка охватывает лингвистическую прагматику, теорию модальности, конверсационный анализ, теории речевых актов, теорию диалога и целый ряд других направлений и теорий, поскольку одним из центральных элементов в такого рода исследованиях является понятие говорящего лица. Говорящий, автор речевого акта может маркировать грамматические конструкции, категории, лексические единицы. С понятием говорящего лица связаны дейктические слова, категории лица и времени, побудительные и вопросительные предложения. В последние годы лингвисты активно исследуют категории наблюдателя [Апресян 1980; 2004], эвиденциальности [Козинцева 1994; Мельчук 1998: 199; Плунгян 2011], явления синтаксической неподчинимости и нецитируемости высказываний, напрямую связанные с понятием говорящего [Падучева 1996].

Поворот лингвистики к антропоцентризму в языке дает толчок для изучения такой языковой периферии, как междометия и близкие им единицы диалога. В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности грамматичных или десемантизированных стереотипных высказываний, ответных реплик диалога, которые называют коммуникативами. Это единицы типа: *Да ну; Ничего себе; Какое там; Ладно уж* и т. д. Подробную информацию о коммуникативах и истории их исследования см. в [Шаронов 1996; 2005; 2009; 2012; Викторова 1998; 2000; Колокольцева 2001]

Эти единицы несут информацию о говорящем лице — его мнении, эмоциональном состоянии, отношении к предмету речи и собеседнику.

Используются они в основном в диалогическом режиме языка, а в нарративных текстах обычно заменяются описательными конструкциями, например:

Диалог	Нарратив
X: «Ну да»	X подтвердил что-л. / согласился с собеседником.
X: «Еще чего!»	X отказал собеседнику в чем-л.
X: «Что?!»	X был поражен / не готов поверить в услышанное, требует объяснений.
X: «Ну уж, ну уж»	X усомнился в правдивости услышанного или искренности собеседника.

В исследованиях [Шведова 1960; Арутюнова 1970; 1981] отмечается ориентированность ответных реплик на передачу модусной информации: когнитивной, оценочной, эмоциональной. Такая информация необходима для успешного речевого взаимодействия, правильного протекания диалога [Schegloff 1982; Schiffrin 1987 и др.]. Модусная информация у коммуникативов является основной по причине их семантической опустошенности: эти единицы состоят из междометий, частиц, местоимений, а если содержат знаменательную лексику, то только со стертой семантикой.

Не обладая обычными характеристиками языковых единиц, такими как словоизменение и синтаксические связи, коммуникативы активно используются в диалоге за счет идиоматичности формы, устойчивости интонационного контура, скрытых прагматических и дискурсивных правил употребления. Многие коммуникативы регулярно сопровождаются определенной мимикой и жестикуляцией. Одни единицы связаны с такими паралингвистическими знаками более жестко: *Да; Нет; На!*; *Вот я тебе* (+ угрожающее покачивание указательным пальцем); *Вот тебе!* (+ удары в процессе физического наказания); *А, подумаешь!* (сопровождается отмахиванием руки), другие — менее жестко: *Фу ты ну ты!* (+ покачивание головой); *Эврика!* (+ поднятый вверх указательный палец) и т. д.

Крайне важную роль в осмыслении коммуникативов играют тип интонации (ср.: *Да; Да?*; (*Ах*) *Да!*; *Ну (же)!*; (*Да*) *Ну?*; *Ну...*), растяжки звучания и редупликации. Они могут указывать, что перед нами разные единицы, каждая из которых требует отдельного описания, либо передавать дополнительные значения. Интонация нередко оказывается основным носителем смыслового содержания, а сегментный состав коммуникатива используется только как средство ее передачи.

Носителям языка, постоянно использующим коммуникативы, правила употребления этих единиц известны на уровне речевого автоматизма. Для неносителей языка адекватное понимание значения коммуникативов

в письменных текстах и использование их в собственной речи является сложной, а порой непреодолимой проблемой.

Среди коммуникативов наиболее интересной для нас в настоящее время является группа единиц, состоящих исключительно из служебных слов. Большая часть их — это репликовые сочетания с одним центральным компонентом: *Ну да*; *Да ну*; *Да уж*; *Да нет*; *Ну так*; *Так-то вот*; *Ишь ты* и т. д.¹. Они образуют своеобразные гнезда единиц, формируемые по центральному элементу, окруженному факультативными элементами, модифицирующими то или иное значение коммуникатива.

1. Группа **ДА**: *Да*; *Ну да*; *Да уж*; *О да*; *М-да*; *Да-да*; *Да-да-да*; *Д-да*; *Да-а*.
2. Группа **НЕТ**: *Нет* (*Не-а*; *Не-е*); *Нет-нет* (*Не-не*); *Нет-нет-нет* (*Не-не-не*); *Ни-ни*; *Ни-ни-ни!*; *Да нет*; *Ну нет*; *Ну уж нет*; *Нет уж*; *О нет*; *Э нет*.
3. Группа **НУ**: *Ну*; *Ну-ну*; *Ну-ну-ну!*; *Ну так* [*нудък*]; *Да ну*; *Ну же*; *Ну уж*.
4. Группа **ВОТ**: *Вот*; (*Ах*) *вот как*; *Вот оно что*; *Вот значит как*.
5. Группа **ТАК**: *Так*; *Ну так*; *Вот так-то*; *Вот так* (*вот*); *Ах так?*; *Так, значит?*; *Даже так?*; *Так-так(-так)*; *Тэк-с*; *Да так*.
6. Группа **ЧТО**: *Что?*; *Что такое?*; *Ну что (же это) такое!*; *Ну чтож*.

Факультативность модифицирующих компонентов проявляется, в частности, в том, что центральный компонент нередко может быть использован без них, будучи растянутым для передачи соответствующего интонационного контура. Ср.:

<i>Ну да</i> ... (задумчивое подтверждение)	– <i>Да-а</i> ...
<i>Да уж</i> (подтверждение с грустным вздохом или ироническое)	– <i>Да</i> ...
<i>Да ну</i> (выражение недовольства, разочарования)	– <i>Ну-у</i> ...

При описании коммуникативов наряду с выявлением интенционального и эмоционального значений очень важным оказывается анализ дискурсивных характеристик описываемой единицы и выявление типизированных контекстов ее употребления.

Выбор коммуникатива говорящим зависит от типа стимулирующей реплики собеседника и выраженных в ней представлений, предположений, оценок предмета обсуждения. Коммуникатив — это непосредственная ментальная и эмоциональная реакция на речевое воздействие собеседника: солидарность с его мнением, недоверие, горячее несогласие и т. д. Одновременно коммуникатив сам передает оценочный сигнал, вызывает у собе-

¹ Центральный компонент коммуникативов несет фразовое ударение.

седника определенное состояние. Говорящий с помощью таких единиц может снимать подозрение (*Да нет, что ты!*), уверять сомневающегося (*Ну дык!*), возбуждать иронией (*Ну да, как же!*), и т. д. Коммуникативы выполняют и фатическую функцию, поддерживая развитие диалога: *Да?* (говорите), *Да-да!* (войдите), *Ну?* (продолжай), *И?* (продолжи перечисление), *Ну и что из того?* (мотивируй) и т. д.

Выражая общее интенциональное значение, коммуникативы одной группы могут различаться по контекстам употребления. Ср. эксперимент с группой НЕТ:

- *Вы знаете Марию Петровну?*
- *Нет / ?Нет-нет / ?Да нет / ?О нет / ??Нет-нет (Не-не) / ??Ну нет / ??Нет уж / ??Э, нет!*

Как можно заметить, уже начиная со второго, каждый из предложенных вариантов ответа становится все более сомнителен и требует описания особых условий, при которых коммуникатив может быть использован.

Собранный материал показывает, что коммуникатив в определенном значении встречается, как правило, в нескольких типовых контекстах, имея в каждом из них свое интонационное оформление. Рассмотрим типовые контексты употребления коммуникатива *Да нет* на основе большого корпуса примеров, собранного из художественных произведений, а также из материалов Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Мы рассмотрим здесь только контексты, в которых *Да нет* выражает несогласие с мнением.

1. Собеседник хочет узнать, верно ли его предположение, опасение. Говорящий отрицает предположение как ложное, несерьезное, преувеличенное. Сопровождается отмахивающим жестом руки.

- (1) — *Что, я вчера здорово набрался? — Да нет, чепуха, — беззаботно отмахнулся Зыбин, — мы вас сразу же сюда притащили.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).
- (2) — *Маленькая вечериночка. По три рубля с души. Проводы Польшаева. — Как? — пугались сотрудники. — Разве Польшаев уходит? Снимают? — Да нет. Едет на неделю в центр хлопотать насчет помещения.* (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок).
- (3) — *Очень постарел? — Да нет, — успокоил я его. — Постарел не очень.* (В. Войнович. Москва, 2042).
- (4) «*Что-то звук как-то записался странно, да? Как-то голос звучит плохо*». А тебе отвечают: «*Да нет, твой голос... нормальный, как всегда...*». (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно).

Чуть более мягкими вариантами для этого типа контекстов являются *Нет-нет* и разговорно-просторечный *Не-не*, произносимы с той же интонацией.

- (5) — *Она очень широкая, но дают пружины. Неуютно. <...> — Нет, нет, — поспешил я его успокоить, — да и как вы можете говорить о таких пустяках после того, что вы мне рассказали.* (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать).
- (6) *Латынь я вашу не поняла, но надеюсь, что вы не обзываетесь:* <...>. **Не-не**, ни боже мой, не обзываюсь. Я ж рази обзывался когда? [Женщина + мужчина: Секс (форум) 2004].

2. Собеседник делает предположение или утверждает что-либо неверное. Говорящий легко поправляет собеседника.

- (7) — *Какой телефон? Мой? — Да нет. Зачем мне ваш? Джамала телефон.* (В. Токарева. Своя правда).
- (8) — *Понятно, — сказала я спокойным, понимающим тоном. — У вас Другая женщина. — Да нет!* — крикнул он так, что я испугалась, как бы он не свалился от резкого движения. — *Разве можно так сказать!* (Д. Рубина. Окна).
- (9) — *Плюнь, — сказал он. — Здесь все психи, один другого хуже. — Да нет, почему же психи? — опять не сдержался я. — Просто игроки.* (М. Петросян. Дом, в котором...).

Более усиленным для таких контекстов будет коммуникатив *Да нет же*.

- (10) *Она увидела лежащего мастера, содрогнулась и прошептала: — Этого я не ожидала... Убийца! — Да нет же, нет, — ответил Аззелло, — сейчас он встанет. Ах, зачем вы так нервны!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

И последний, менее частотный, но также вполне сформировавшийся контекст употребления:

3. Собеседник в процессе обсуждения предлагает гипотезу для объяснения чего-л. Говорящий, подумав, не соглашается с гипотезой как несостоятельной.

- (11) — *Сам-то он развалился, а крышка осталась. Может быть так, а? <...> — Да нет, пожалуй, так не выйдет, — покачал головой Зыбин.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).
- (12) — *Война, товарищ старший лейтенант... Она, стерва, всем нам жизнь покалечила. — Да нет, — офицер опять покачал головой. — Война тут ни при чем.* (А. Геласимов. Степные боги).

Модифицирующая частица помогает растянуть произнесение коммуникатива, отражающего процесс обдумывания ответа.

Коммуникативы рассматриваемой группы с прочими модифицирующими частицами имеют дополнительные модальные значения, так или иначе связанные с собеседником.

Э, *нет* одновременно с несогласием акцентирует внимание собеседника на неправильность в его рассуждениях. Говорящий может поднять вверх указательный палец, призывая к вниманию, или отрицательно покачать им.

(13) — *Верно, все политика. Разные там митинги. Куда взрослые, туда и они. — Э, нет, миленький мой! — выпучил глаза капитан. — С этим, слава Богу, покончено. Никаких разговоров, никакой трескотни.* (Н. Тэффи. Взамен политики).

(14) — *Значит, если две любви разные, то одна не должна мешать другой? — Не должна! — И ничего не должно мешать? — Э, нет! — запротестовал Табурин. — Нечто властное имеет право мешать.* (В. Нароков. Могу).

Ну *нет* акцентирует внимание на концептуальное несогласие с позицией собеседника относительно предмета речи. Говорящий после небольшой паузы качает головой либо поднятым указательным пальцем слева направо в знак несогласия.

(15) — *На наших костях и возникнет коммунизм. Всем нам единым памятником будет построенный в боях социализм... Вот так. — Ну, нет, — ответил я. — Нет, к чертовой матери. Не принимаю я этого долга!* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

(16) — *Как ты смотришь на всё это? — Умрём, наверно, — сказал я. Меньше всего мне хотелось думать об этом. — Ну нет, умирать я не согласен.* (В. Шаламов. Кольымские рассказы).

(17) — *Во-первых, я уверен, что он уже что-то чувствует. По народным представлениям, душа в него влагается на середине беременности. То есть двигаться и чувствовать он начинает одновременно. — Ну нет, я гораздо раньше чувствовала, как он пальчиком изнутри по мне водит, — возразила Таня.* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

Нет *уж* передает одновременно с твердым несогласием этикетное выражение сожаления из-за невозможности принять позицию собеседника. Говорящий может мягко выставить открытую ладонь, как бы останавливая слушающего.

(18) — *Но это же беспорядок! — Нет уж, извините, — отвечает начальник. — У нас как раз все в порядке: и вы, и мы.* (А. Хайт. Из сборников прошлых лет).

- (19) — Овечка какая невинная нашлась, — снова заговорила медицинская сестра. **Нет уж**, извините, пожалуйста, зря у нас не сажают. (Л. Чуковская. Софья Петровна).
- (20) — По-твоему, чай, карты вздор! **Нет уж**, извини, ни в жизнь не поверю! Карты никогда не лгут. (А. Н. Островский. Доходное место).

О нет передает одновременно с возражением собеседнику указание на то, как он далек от истины. Говорящий отрицательно качает головой может слегка улыбнуться наивности собеседника.

- (21) — Это гейши? — спросил он переводчика. — **О, нет**, — засмеялся тот. — Проститутки? — испугался Суржиков. — Да нет же! Это отессы. (Ю. Нагибин. Срочная командировка).
- (22) — Вы актриса? — спросил он. — **О, нет**, я всего лишь гримёрша. (С. Довлатов. Дорога в новую квартиру).
- (23) — Вы сказали что-нибудь в этот момент? — **О нет!** — ответил Андерсон. — Я никогда не мешаю игроку думать. (А. Грин. Бегущая по волнам).
- (24) — Он уйдет! — **О нет**, — уверенно возразил Стравинский, — он никуда не уйдет, ручаюсь вам. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Как видно из анализа материала, рассматриваемые единицы представляют пока «непаханое поле» для лексикографического описания. Особую ценность словарь коммуникативов, как кажется, будет представлять для носителей языка — студентов и переводчиков.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1980 — Принципы семантического описания единиц языка. *Ученые записки Тартуского университета. Вып. 519. Труды по искусственному интеллекту. II. Семантика и представление знаний.* Отв. ред. И. Сильдмяэ. Тарту. С. 3–24.
- Апресян Ю. Д. 2004 — Лингвистическая терминология Словаря. В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное.* Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. Москва, Вена. С. XLIII.
- Арутюнова Н. Д. 1970 — Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки.* С. 44–58.
- Арутюнова Н. Д. 1981 — Фактор адресата. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* Т. 40. С. 356–367.
- Викторова Е. Ю. 1998 — Коммуникативы в речевом поведении русских и англичан. *Филологические этюды.* Вып. 2. Саратов. С. 171–173;

Викторова Е. Ю. 2000 — Коммуникатив *well* и его роль в речевом общении. *Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов*. Саратов. С. 85–90.

Козинцева Н. А. 1994 — Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). *Вопросы языкознания*. № 3. Москва. С. 93–104.

Колокольцева Т. Н. 2001 — *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*. Волгоград.

Мельчук И. А. 1998 — *Курс общей морфологии*. Т. 2. Москва, Вена.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://ruscorpora.ru/>.

Падучева Е. В. 1996 — Глава 5. Субъективная модальность: иллокутивные показатели и вводные слова. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*. М. С. 297–320.

Плунгян В. А. 2011 — *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва.

Шаронов И. А. 1996 — Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания. *Русистика сегодня*. № 2. С. 89–112.

Шаронов И. А. 2005 — Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие. *Московский лингвистический журнал*. Т. 8, № 2. Москва. С. 145–160.

Шаронов И. А. 2009 — Коммуникативы и методы их описания. *Материалы международной конференции «Диалог 2009»*. Вып. 8 (15). Москва. С. 543–548.

Шаронов И. А. 2012 — Коммуникативы в грамматике и в словаре. *Русский язык сегодня*. Вып. 5: *Проблемы речевого общения: сборник докладов*. Москва. С. 448–462.

Шелякин М. А. 2012 — *Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы*. Москва.

Шведова Н. Ю. 1960 — *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва.

Schegloff E. A. 1982 — Discourse as an Interactional Achievement: Some Uses of 'Uh Huh' and Other Things that Come Between Sentences. *Analyzing Discourse: Text and Talk. Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1981*. Deborah Tannen, Ed. Washington: Georgetown University Press. P. 71–93.

Schiffrin D. 1987 — *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ЧУЖАКАХ, НЕВЕЖДАХ И ГЛУПЦАХ
В ЗЕРКАЛЕ ПАРЕМИЙ ТИПА
В ЛЕСУ РОДИЛИСЬ, ПНЯМ МОЛИЛИСЬ

А. В. ШТЕЙНГОЛЬД

Антропоцентризм как основополагающий принцип построения языка проявляет себя на всех уровнях системы, во всех общих и частных ее реализациях, поскольку «мыслить иначе, как по-человечески (субъективно), человек не может <...>. Представить себе тако е создание мысли иным, чем созданием „по образу и подобию” своему, чем внесением в познаваемое свойств познающего, мы не в силах, но свойства познающего изменяются в определенном направлении...» [Потебня 1968: 461].

Вслед за М. А. Шелякиным заметим, что «менталитет народа прежде всего выражается в речевых произведениях — текстах, насыщенных мировоззренческими смыслами, интенциями и принадлежащих определенному времени, человеку и обществу» [Шелякин 2002: 270]. Паремии (поговорки, устойчивые образные обороты, приметы, зложелания и т. д.) в этом отношении являются благодатным полем для исследования.

Обладая определенной дидактичностью, они вместе с тем навязывают воспринимающему субъекту некую «усредненную» оценку действительности. Аксиологичность поговорок и пословиц неоспорима при выяснении того, что, по мнению носителя данного языка, является благом, а что злом, что заслуживает уважения, а что — порицания и под. Система оценок этого «среднестатистического» носителя культуры и создателя паремий, безусловно, базируется на определенных культурно-исторических условиях и соответствующей идеологии. Представляется уместным эту оценку рассматривать как одну из форм проявления присущего человеку как биологическому и социальному существу т. н. «объективированного эгоцентризма». И. А. Бодуэн де Куртенэ подразумевал под этим термином

«эгоцентризм общественный, массовый (стадный), эгоцентризм учреждений и господствующих воззрений на взаимные отношения, с одной стороны — между людьми и другими существами, с другой — между разными группами и классами человеческого общества» [Бодуэн де Куртэнэ 1963: 79–81]. По сути, в основе данного типа эгоцентризма лежит естественно-классификаторская установка первобытного человеческого сознания на разграничение всех людей на два клана — «своих» и «чужих».

Нередко лингвисты, сталкиваясь с проблемами этимологизации фразеологизмов и паремий, приходят к выводу о невозможности их правильного понимания без учета присущего им ценностного вектора, идущего из глубины веков. Попытаемся реконструировать фрагмент древней аксиологической системы на материале паремий типа *В лесу родились, пням молились*, повествующих о чужаках, невеждах и глупцах.

Метод этимологического анализа, который будет применен в этой работе, мы называем комплексным. Он строится на учете структурных особенностей разбираемых высказываний и типологических моделей передачи определенных логических отношений. С этой целью будут приняты во внимание все случаи компонентного и грамматического варьирования, а также лексическая сочетаемость, соотношение прямого и переносного значений всего высказывания в целом и отдельных его частей, культурная символика лексем, а также исторический, этнографический и фольклорный контексты¹.

- (1) *В лесу жить — пенькам молиться* [БСРПос: 480].
- (2) *В лесу живут, пенью Богу молятся* [Даль 2004: 381].
- (3) *В лесу родились, пням молились* [там же: 563].
- (4) *В лёсу родились, пню молились, вокрүк ёлоцьки самоўком уцїлись* [СРГНП 2: 248].
- (5) *В лесу́ родил́ся, пню́ моли́лся* (Печор.) — прост., пренебр. о глупом, несообразительном человеке [БСРПог: 357].
- (6) *В лесу́ родили́сь, да пню́ моли́лись, в Бревѣннице крестили́сь* (Печор.), шутил.-ирон. [СРГНП 1: 42; БСРПог].

¹ Как будет понятно из дальнейших аналитических операций, данная этимологическая техника «работает» только на материале клишированных текстов. Ее применение требует максимального учета вариантных форм, включая случаи незначительного словообразовательного и грамматического расхождения.

- (7) *Родила тетка, жил в лесу, молился пням* [Буслаев 1854: 4; Добролюбов 1961 I: 77].
- (8) *Вы́рос в лесу́, моли́лся пенья́м* (Казан.) — о необразованном, невежественном человеке [СРНГ 25: 347; БСРПог: 357].
- (9) *В лесу живут, пням кланяются* [БСРПос: 480].
- (10) *В лесу живут, пню Богу молятся* (Вят.) — о жителях Котельнича [там же: 480].
- (11) *В лесу живут, пенью Богу молятся* [Даль 2004: 381].
- (12) *Жили в лесу, молились пенью* — то есть дикари [там же: 563].
- (13) *Жили в лесу, молились колесу* (Ишим.) [там же: 563; Афанасьев 1995 I: 109].
- (14) *Жил в лесу́, пенька́м Бо́гу моли́лся* (Волг.) — неодобр. о невежественном, грубом человеке [БСРПог: 357].
- (15) *Жил в лесу́, чертя́м Бо́гу моли́лся* (Волг.) [там же: 357].
- (16) *В лесу живём, в кулак жнём, пенью кланяемся, лопате молимся* [Даль 2004: 381; БСРПос: 480].
- (17) *Жил в лесу, молился колесу* [там же: 480].
- (18) *Жить в лесу́, моли́ться колесу* (обл.) — быть невежественным, необразованным [БСРПог: 357].
- (19) *Жить в лесу́, Бо́гу моли́ться колесу́* (Сиб., Ирк., Урал, Волг.) — 1. ирон. жить в захолустье, в глухом, отдаленном месте [там же: 357; БСРПос: 480], 2. быть глупым, необразованным [там же: 480; СРНГ 35: 138; БСРПог: 358].
- (20) *Живём в лесу́, мо́лимся колесу́* (Ирк.) — так говорили о себе крестьяне захолустных деревень, подчеркивая этим свою культурную отсталость [БСРПос: 480].
- (21) *На печи сидел, кирпичам молился* [Даль 1981–1982 II: 110].
- (22) *В городе живёшь, а колокольне кланяешься* [Даль 2004: 381].
- (23) *Глупая баба и песту молится (последний год и час)* [Даль 1981–1982 III: 104–105; Максимов 1908–1913 XV: 434–435; БСРПос: 26].

Приведенные пословицы и поговорки «повествуют» об одной и той же ситуации действительности. Эта ситуация «затемнена» и нуждается в истолковании, притом что семантика отдельных лексических компонентов и целостных выражений, рассматриваемых неидеоматически, представляется вполне «прозрачной».

Несмотря на отсутствие в примерах полного синтаксического единообразия, наблюдается почти полное тождество их логической структуры.

Опираясь на классификацию логических типов, предложенную Г. А. Пермяковым, во всех этих случаях мы (за исключением (18)) можем увидеть наличие отношений между вещью и ее свойствами: «...если какая-то вещь (Р) обладает каким-нибудь свойством (х), то она обладает и другим свойством (у)»: $P(x) \rightarrow P(y)$ [Пермяков 1970: 20].

Паремия (22) является инверсированной вариантной формой доминирующего логического типа, а именно «свойство вещи (х) не имплицирует свойства (у)», поэтому она стоит особняком. Случай (23), несмотря на иной, чем у большинства, тип синтаксических отношений, все-таки логически подобен примерам (1)–(21) («Поскольку баба глупа, она способна молиться даже песту»). Кроме того, наш материал тяготеет к передаче оппозиционных отношений [см. Пермяков 1970: 14–15]. Попутно отметим периодически наблюдающееся компонентное расширение одного из оснований противопоставления в результате ассоциативно-метонимических сдвигов.

2. Большинство паремий в синтаксическом плане представляют собой простые неполные предложения (с опущенным подлежащим)¹ и двумя (несколькими) однородными сказуемыми: *жили – молились, живут – кланяются, вырос – молился, сидел – молился, родился – молился – крестился, живём – жнём – кланяемся – молимся* и т. д.). Понимание причинно-следственных отношений здесь может быть следующим: первая часть в свернутом виде содержит причину или условие того, о чем говорится во второй части, или же указывает на его временные рамки: «Поскольку жили в лесу, молились колесу», «Когда жили в лесу, молились колесу». Такого типа бессоюзные сложные предложения до сих пор известны некоторым народным говорам [Борковский 1958: 66–67].

Инфинитивный строй поговорок (1), (18), (19), хотя и ломает привычный для большинства единиц синтаксический «канон», но совершенно отчетливо указывает на тяготение к передаче условно-следственных отношений (как, например, поговорки типа *Волков бояться — в лес не ходить*, которые обычно понимаются следующим образом: «Если бояться волков, то и в лес нельзя ходить»).

В паремии (7), состоящей из двух предложений, первая часть (*Родила тётка...*), является, скорее всего, поздней надставкой, метонимически развившейся из «идеи» жизни в лесу. В ней прослеживается инерция нарастания абсурдности (рождение от тетки), заданная в прототипе «темой» моления бессмысленным предметам. На протегический характер

¹ Паремии 1, 18, 19 содержат главные члены предложения, выраженные инфинитивом, 23-я поговорка (единственная) имеет номинативное подлежащее.

этого выражения также указывает его позиция (самое начало устойчивого оборота) и единичность фиксации. При устранении этой надставки поговорка приобретает знакомую оппозиционную структуру.

В высказывании (22) логическая противопоставленность сформирована за счет союза *а*, но импликация уступает место конъюнкции.

3. Глагольные формы демонстрируют варьирование категорий времени, лица, числа, вида, но вне зависимости от этого ситуация действительности воспринимается как постоянно делящаяся в прошлом или настоящем. Такое впечатление формируется за счет преобладания форм НСВ (*жили – молились, сидел – молился, живём – жнём – кланяемся – молимся* и т. д.). Имеется случай, когда глагол, принадлежащий в литературном языке к СВ, внутри паремии меняет свою видовую отнесенность: *В лесу родились [не родились!] — пням молились*.

4. В первой части высказывания сосредоточены преимущественно глаголы «бытийной» семантики: *жить* (16 : 23), *родиться* (5 : 23), *родить* (1 : 23), *вырасти* (1 : 23). Они описывают жизнь человека как биологического существа. Для большинства паремий второй (и нередко последний) глагольный компонент противопоставлен первому на основе своего культурного (культувно-ритуального) значения (ср.: *жить – молиться*¹, *вырасти – молиться, жить – кланяться* и т. д.). Могут распространяться или оба основания противопоставления (*жить, жать* [хлеб] – *кланяться, молиться* (16)), или только одно (*родиться – молиться, учиться* (4); *родиться – молиться, креститься* — (6)), но новых семантических оппозиций при этом не возникает.

5. В подавляющем большинстве случаев обстоятельством места является существительное с предлогом — *в лесу* (20 : 23). Редко для обозначения места используются следующие выражения: *на печи, в Бревеннице* [реке], *в городе, вокруг ёлочки*. В силу своей логической «перевёрнутости» паремия (22) от противного доказывает неслучайность выбора лексем в позиции обстоятельства места (см. пункт 1). Лес как природное пространство, плохо приспособленное для цивилизованного человеческого существования, противопоставлен городу как культурному феномену. Остальные локусы (печь, река, пространство возле ели) в обрядовом смысле также являются маркированными.

6. Наибольший интерес вызывают лексемы, указывающие на объект поклонения. Они управляются в Д. п. глаголами культувно-ритуальной

¹ Здесь и далее для смыслового выделения частей авторского или чужого текста использован «жирный» курсив.

семантики (*молиться, кланяться*). В лексико-грамматическом отношении эти существительные являются неодушевленными именами нарицательными. По своему денотативному значению они распадаются на три неравные группы: 1. бытовые предметы (*колесо, кирпичи, пест, лопата*), 2. объекты лесного (*пень / пеньки / пенё*) и 3. городского (*колокольня*) ландшафта. Крайне важно, что в пределах отдельных речений наблюдается семантическая корреляция между местом и объектом поклонения. Локусу *лес* тематически соответствует объект *пень* (*пни / пенё*), *печи* — *кирпичи, городу* — *колокольня*. Ассоциативно не связаны только элементы *лес – колесо* (5 : 23).

Комический эффект паремий рождается из сопряжения несопрягаемых понятий. За каждым примером стоит ситуация использования «профанного» предмета (обычно служащего бытовым целям) в сакральной функции. Заметим, однако, что первым по частотности «культовым» объектом оказывается *пень* (14 : 23), на втором месте выступает *колесо* (5 : 23). Остальные объекты фигурируют значительно реже.

7. Как известно, рифмующиеся компоненты обладают повышенной значимостью. Глагольная рифма *родились – молились* (*крестились / учились*) встречается 2 раза, *родился – молился* — 1 раз, *живём – жнём* — 1 раз. Рифма *в лесу – пню / пенью* отмечается 3 раза, зато анафора *в лесу – пню / пенью* — 6 раз. Самой частотной оказывается рифма *в лесу – колесу*, засвидетельствованная 4 раза.

8. Приведенные паремии не только ироничны, но и содержат элемент негативной оценочности, характерной для описаний иной культурной реальности. Эти жанровые единицы моделируют жизнь в «чужом» пространстве (*лес*) «чужой» этнической и культурной общности (неназванные *они*)¹. Жизнь эта обладает чертами «вневременности» (преобладание форм НСВ). «Чужое» пространство — это прежде всего природный локус, не приспособленный для «культурной» жизни, являющийся местом обитания нечистой силы и имеющий сакральную значимость в традиционной культуре. Иногда знаками «их» реальности служат наименования природных объектов — *Бревенница, ёлочка*. «Свое» пространство — это, очевидно, пространство не леса — деревня, город (ср. 22). Люди, живущие в лесу, подвержены странным, с точки зрения «цивилизованного» человека, культовым предрассудкам (*молятся колесу, пням и т. д.*). В других еди-

¹ Стоит уточнить, что опускание подлежащего в паремиях — традиционный способ выражения обобщенно-личных отношений. Для нас важно, что это грамматическое средство позволяет сформировать у реципиента представление о некоей хотя и безымянной, но все-таки социальной общности.

ницах паремического жанра также сквозит маркированность леса как дикого, нечистого локуса, противостоящего обжитому пространству: *В лесу люди лесуют, а в городе людеют* [Даль 2004: 566; см. также БСРПос: 480], *В лесу жить — лешим слыть* [там же] и под.

Зададимся вопросом, можно ли видеть в приведенных примерах следы реальных языческих (пережиточных) культов? Рассматриваемые поговорки и пословицы, условно принимаемые нами за единый этнографический «текст», в силу своей жанровой специфики (максимальная обобщенность) не могут нам дать конкретного ответа на поставленный вопрос. Ниже мы выскажем более или менее вероятные предположения относительно этноса, о котором они повествуют, и культа, сведения о котором содержат.

Сейчас можно констатировать, что данные паремии возникли на той исторической стадии, когда восточные славяне уже являлись носителями христианской идеологии (а следовательно, воспринимали себя как «цивилизованную» этническую общность) и иронично относились к ближайшим народам, исповадавшим язычество (двоеверие?). При этом исключительную, на наш взгляд, важность приобретает тот факт, что в паремиях говорится именно о поклонении неодушевленным предметам **как божеству** (*В лесу живут, пенью Богу молятся; Жил в лесу, пенькам Богу молился; Жить в лесу, Богу молиться колесу*), а не просто об обрядовом использовании колеса, песта, хлебной лопаты и т. д. Например, в позиции объекта поклонения не встречаются наименования животных, лиц, включая имена реальных или вымышленных божеств, хотя внутренняя логика данной паремической модели это допускает. Один раз (см. (15)) в качестве объекта названы низшие демонические существа, а именно *черти* (ср.: *чертям... молился*), однако это слово соседствует с лексемой *Богу*, употребленной в составе грамматически и фразеологически связанного оборота (*молиться Богу*). Представление о «неправильной» вере и «неправильном» отправлении культа в данном случае передается посредством «оксюморонного» сочетания *чертям Богу молился*, которое должно быть понято как «чертям молился как Богу» (ср. также *пенькам Богу молился*). Думается, что такие неожиданные контаминации — это не только результат чисто формального «притяжения» (*молиться Богу + молиться чертям*), но также и итог смысловой и ситуативной подстройки: то, что вчера являлось молитвой к Богу, сегодня осуждается обществом как молитва чертям. В целом фраза отража-

ет принятие христианства как «нашей», правой веры (молитва Богу) и отторжение язычества как «их» заблуждения (молитва чертям, пням). Заметим кстати, что восточнославянское слово *молитва* имеет глубокие языческие корни (этимон означает просьбу); оно коннотировано сакрально уже на протяжении многих сотен и даже тысяч лет, что надежно прослеживается вплоть до хеттских памятников [Фасмер 1986–1987 II: 642].

Под поклонением, выраженным глаголами *кланяться*, *молиться*, следует понимать такую обрядовую форму, которая предполагает внешнее выражение уважения (поклоны), принесение умиловительных жертв, прославление объекта почитания, обращение к нему с молитвенной просьбой и т. д. Всё это невозможно в принципе, если считать объект поклонения лишенным «души». Нам ничего не известно об «обожещении» артефактов типа *колеса*, *кирпичей*, *песта*, *лопаты* ни в одной из религий мира. Используя подобную предметную образность, создатель поговорок, вероятнее всего, хотел выразить насмешку, осуждение «невежественного» народа, наделяющего «душой» и почитающего как святыню неживой предмет.

Отрицание «неправильных» предметов почитания можно обнаружить не только в паремиях. Более объемные жанры устного народного творчества (например, свадебная корильная песня, бытовая сказка, анекдот), сюжетно ориентированные на демонстрацию ценностного конфликта двух культур, также содержат приметы идолопочитания [Сумцов 1996: 21; НТКПО II: 261; Даль 2004: 563; Даль 1981–1982 III: 104; Максимов 1908–1913 XV: 434–435; Народ о религии 1961: 110; БРФ: 313–315; Афанасьев 1957–1958 III: 261–262; Смирнов 2003: 61].

Изображаемый в пародийном ключе, представитель клана «чужих» в них всегда является носителем нехристианской идеологии и нецивилизованной модели поведения:

*Ваш жаних ня бел, ня бел,
Што чура падпешная.
Што чура падпешная,
Накрывашка гаршешная.
Ваш жаних — балван, балван,
**Кы сталбу Богу молитца,
Кы сталбу Богу молитца,
К заслони прикланяйтца.**
Пабег чёрный кот с хвостом,
А ён думал — поп с крестом [НТКПО II: 261].*

Вариант:

<... >

Верес-богу молится,

*Ко столбу поклоняется*¹.

Ср. также в олонецкой свадебной заплачке:

На стены у них иконы не случается;

На болото-то они да ходя моются,

На покутье на лопату Богу молятся,

Ко осиновым кореньям да прилагаются [О свадебных обрядах 1872: 119].

Все объекты поклонения, встречающиеся в вышеупомянутых фольклорных текстах, можно отнести к нескольким тематическим группам:

1. хозяйственные сооружения (*мельница, корчма*);
2. предметы хозяйственного назначения (*ступа, толчея, столб* [печной], *заслонка* [печная], *лопата* [хлебная]);
3. растительные объекты (*дуб, осиновые корни*);
4. божества? (*Верес-бог*).

Последнее наименование представляется проблемным. Первая его часть одновременно ассоциируется с региональным ботаническим наименованием (псковское диал. можжевельник, вереск) и с древним славянским теонимом *Велес*.

Мысленно присовокупив к приведенному списку наименования, встреченные нами в поговорках, приходим к заключению, что только природные объекты — деревья и их части (*ёлочка, дуб, пень / пеньё, осиновые корни, Верес-бог*) — упоминаются **во всех типах фольклорных жанров**. Факт целостного (*дуб*) и частичного (*пень*)² отражения явлений природного мира в этих номинациях, видимо, говорит в пользу того, что обозначаемые ими природные объекты выступали одновременно и в качестве самостоятельного предмета поклонения, замещающая собой божество, и в виде знака священной рощи (святилища).

Напомним также, что *пень* как объект поклонения в наших поговорках наиболее частотен. Кроме того, он тематически связан с негативно маркированным локусом (*лес*), встречающимся почти во всех вариантах поговорок. В трех вариантах, как мы помним, *пень* соотносится или даже отождеств-

¹ Данный вариант псковской корильной песни нам сообщен доцентом каф. рус. лит. Псковского государственного педагогического университета Галиной Ивановной Плосук, которой приносим глубокую благодарность.

² Следует заметить, что в русских народных говорах лексема *пень* многозначна; она означает в том числе 'мачту', 'стоящий торчком предмет, вещь, обломок, остаток ч.-л.', 'столб колодезного журавля', 'колоду улья' и др. [СРНГ 25: 345]. Нет необходимости присваивать ей в пословичном контексте именно литературное значение.

влен с Богом: **пню Богу молятся; пенькам Богу молятся** ((10), (11), (14)). Номинация *Верес-бог* в этой связи тоже очень показательна.

Попытка увидеть в паремиях намеки на пережиточные дендрические культы в свое время была сделана Ф. И. Буслаевым (на материале поговорки *Родила тетка, жил в лесу, молился пням*) [Буслаев 1854: 4], но подверглась жесткой критике Н. А. Добролюбова [Добролюбов 1961 I: 77–78]. Он одновременно был прав и не прав в своих рассуждениях и оценках (к сожалению, здесь мы не имеем возможности подробно развивать эту тему). Со второй половины XIX в. вопрос о соотношении реальности и фольклорного вымысла применительно к данным образным выражениям уже специально не поднимался.

Помимо уже привлекавшихся аргументов в пользу предложенной Ф. И. Буслаевым этимологии, приведем некоторые исторические свидетельства, показывающие, что еще на рубеже XIX–XX вв. некоторые соседи восточных славян сохраняли живые языческие традиции, поклонялись деревянным идолам и приносили им жертвы в священных рощах.

В интереснейшей статье Д. А. Семакова «Сакральное пространство Средней Пинеги...» приводятся в том числе современные свидетельства интенсивного воздействия саамской и финно-угорской языческих культур на ритуально-обрядовую практику русских пинежан. Это инокультурное воздействие прослеживается в форме повсеместного распространения культа т. н. обетных деревьев, священных камней, крестов, столбов с иконками наверху, а также в следах реликтового поклонения деревянным идолам: «Столбик был. На нем лицо было вырублено и плечики... они прямые, не овальные. Это, наверно, язычники, чужь-то там его и оставили» (зап. в д. Шотова от Кордумова Валентина Николаевича, 1953 г. р. <...>)» [Семаков 2004]. Автор со слов А. А. Борисова утверждает, что самоеды, соседствующие с мезенцами и пинежанами, еще в начале XX в. «молились и носили жертвы **пням да идолам**, а в уста св. Николая тыкали сало и оленье мясо»¹ [там же].

Подобные идолы, обнаруживаемые русскими колонистами и священниками, нередко вырезались из обрубков древесных стволов и напоминали высокие пни. Как свидетельствуют выдержки из исторических документов, убедительно представленные в книге М. Э. Ясински и О. В. Овсянникова, уничтожение языческих святилищ, принадлежащих коренным народам

¹ Д. А. Семаков без указания конкретной страницы ссылается на книгу А. А. Борисова «У самоедов. От Пинеги до Карского моря: путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова» [Борисов 1907], однако настоящий источник этой цитаты нами так и не был установлен.

Европейского Севера, приобрело массовый характер только в первой четверти XIX в. Оно сопровождалось разрушением и сожжением объектов традиционного самодийского культа и воздвижением на их месте христианской символики (святилища на о-ве Вайгач и в Канинской тундре): «[На юге п-ва Канин] по отправлении особой литии с молебствием, по пении псалмов «Да воскреснет Бог!», сто деревянных идолов разной величины и разного вида с приношениями преданы огню», «В роще этой предано огню 100 деревянных идолов разной величины и различного вида с разнородными привесами, коих было до 2000 штук. Из идолов особенно примечательны были: а) 20 больших и толстых с округлыми головами, похожими на человеческие, в) 10 тонких величиной в сажень <...>, с) иные... **сделаны были из стоящих на корнях деревьев пней**» [цит. по Ясински, Овсянников 2003: 313, 324]. В этой же монографии приводятся содержательные результаты полевого обследования священной рощи Козьмин перелесок, функционирующей вплоть до настоящего момента как «место силы», что обусловлено произрастанием там деревьев-тотемов; жертвенный комплекс священной рощи на редкость богат и разнообразен [там же: 315–324].

Разумеется, приведенные здесь этнографические свидетельства слишком фрагментарны. Поскольку изучение этнографического аспекта непосредственно не входило в нашу задачу, мы ограничились демонстрацией наиболее ярких примеров, касающихся поддержанной нами этимологической версии. В заключение отметим, что культ деревьев как один из базовых тотемических культов у восточных славян и их ближайших соседей (например, финноугоров, самоедов, германцев и др.) в разных своих аспектах уже отчасти описан [см., в частности, Кагаров 1913, Зеленин 1937, 1999, Латынин 1933, Азовская 1977: 143–144, Напольских 2012, Агапкина 2012 и др.]. Из последних интернетных публикаций на тему архаических дендрических культов в зонах языкового и культурного контактирования представителей славянских и неславянских культур укажем работы С. Ю. Королёвой и Н. Г. Недомолкиной [Королёва 2002, Недомолкина 2003]. Некогда широко представленное поклонение деревьям на современном восточнославянском материале фиксируется крайне нечетко и непоследовательно. Однако, даже если на уровне традиционно закрепленных действий эти культы давно «мертвы», народная речь доносит до нас их слабые отголоски в виде устойчивых словосочетаний, пришедшихся «к слову», «случайных» оговорок или ярких образных выражений¹.

¹ Несколько лет назад от западнопричудской староверки нам посчастливилось записать высказывание, возникшее как реакция на нежелание прихожан-мужчин исповедаться женщинам:

Литература

Агапкина Т. Г. 2012 — Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания. *Этнографическое обозрение. Специальная тема номера: «От культа деревьев к Мировому Древу и обратно: новые подходы и концепции»*. № 6. С. 29–42.

Азовская Л. П. 1977 — О верованиях вепсов. *Этнография народов Восточной Европы*. Ленинград. С. 140–152.

Афанасьев А. Н. 1957–1958 — *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х тт.* Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. Москва.

Афанасьев А. Н. 1995 — *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х тт.* Москва.

Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963 — *Избранные труды по общему языкознанию*. Сост. В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев. Т. I. Москва.

Борисов А. А. 1907 — *У самоедов. От Пинегы до Карского моря: путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова*. Санкт-Петербург.

Борковский В. И. 1958 — *Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение*. Москва.

БРФ — *Библиотека русского фольклора. Сказки*. Кн. 3. Составление, подготовка текстов и комментарии Ю. Г. Круглова. Москва, 1989.

БСРПог — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. Под общей ред. В. М. Мокиенко. Москва, 2007.

БСРПос — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц*. Москва, 2010.

Буслаев Ф. И. 1854 — *Русские пословицы и поговорки. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изданный Н. Калачевым*. Т. 2, вып. 2. Москва, С. 1–176.

Даль В. И. 1981–1982 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.

Даль В. И. 2004 — *Пословицы русского народа: Сборник В. И. Даля*. Москва.

Добролюбов Н. А. 1961 — Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева. *Собрание сочинений: в 9-ти тт.* Москва. С. 64–80.

Зеленин Д. К. 1937 — *Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов*. Москва, Ленинград.

Зеленин Д. К. 1999 — Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов. *Избранные труды*. Т. 3. Москва. С. 140–180.

«Яму, по-моему, не нравилось, что батюшки топерь — женщины. Говорит: «**Кому каяться?**» Я говорю: «**Каяться можно даже дереву**. Бог это не спрашивает. Лишь бы ты на земле оставил свой грех и покайся о нём» [Евгения Филипповна Горина, дер. Вяйке Колькя, зап. И. П. Кюльмоя, А. В. Штейнгольд, 2005, ФАНР].

Кагаров Е. Г. 1913 — *Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции*. Санкт-Петербург.

Королёва С. Ю. 2002 — «Заветные деревья» и культ предков в традиционной культуре коми-пермяков (на материале полевых исследований). *Материалы Международной молодежной научно-практической конференции «Родовое сознание и духовное предпринимательство»*. Официальный сайт гимназии им. С. П. Дягилева. Веб-ресурс: <http://www.diaghilev.perm.ru/confirence/s2/newpage9.html> (05.05.2014).

Латынин Б. А. 1933 — *Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы*. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. Вып. 69. Ленинград.

Напольских В. В. 2012 — Мифологема мирового дерева и мифологии народов уральской языковой семьи. *Этнографическое обозрение*. № 6. Москва. С. 19–28.

Максимов С. В. 1908–1913 — *Собрание сочинений*. Санкт-Петербург.

Напольских В. В. 2012 — Мифологема мирового дерева и мифологии народов уральской языковой семьи. *Этнографическое обозрение*. Специальная тема номера: «От культа деревьев к Мировому Древу и обратно: новые подходы и концепции». Отв. ред. И. А. Морозов. № 6. Москва. С. 19–29.

Народ о религии 1961 — *Народ о религии. По материалам русского, украинского и белорусского фольклора*. Москва.

Недомолкина Н. Г. 2003 — *Культ «священного дерева» в Тарногском районе. А. Угрюмов. Кокшеньга. Историко-этнографические очерки* [Приложение]. Веб-ресурс: <http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/index.htm> (05.05.2014).

НТКПО — Валевская Е. А., Королькова И. В., Лобкова Г. В. и др. *Народная традиционная культура Псковской области. Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра*. Науч. ред. А. М. Мехнецов, отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская, лит. ред. А. Ф. Некрылова. Санкт-Петербург–Псков, 2002.

О свадебных обрядах 1872 — [Аноним]. *О свадебных обрядах в Олонецкой губернии. Беседа. Журнал ученый, литературный и политический*. [Раздел «Внутреннее обозрение»]. Год второй. Кн. VI, июнь. Москва, Одесса, Санкт-Петербург. С. 108–121.

Семаков Д. А. 2004 — *Сакральное пространство Средней Пинеги (к проблематике религиозно-мифологической топографии)*. *Летняя школа по формальным методам в фольклористике — 2004. Фольклор и постфольклор. Ruthenia*. Веб-ресурс: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_semakov1.htm (05.05.2014).

Смирнов А. М. 2003 — *Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А. М. Смирнова*. Кн. 2. Москва.

СРГНП — *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Под ред. Л. А. Ивашко. Санкт-Петербург, 2003–2005.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва, Ленинград (Санкт-Петербург). 1965–.

Сумцов Н. Ф. 1999 — *О свадебных обрядах, преимущественно русских. Символика славянских обрядов. Избранные труды*. Москва. С. 6–154.

- Пермяков Г. А. 1970 — *От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)*. Москва.
- Потебня А. А. 1968 — *Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного*. Т. III. Москва.
- ФАНР — Фонд аудиозаписей народной речи жителей Западного Причудья. *Кафедра русского языка Тартуского университета*.
- Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва.
- Шелякин М. А. 2002 — *Язык и человек (к проблеме мотивированности языковой системы)*. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VII*. Тарту.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. 2003 — *Пустозерск. Русский город в Арктике*. Санкт-Петербург.

III.

УЧЕТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА ЯЗЫКА
В КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ,
ПЕРЕВОДЕ И ПРЕПОДАВАНИИ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ЭСТОНСКО-РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ

Е. М. ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА

В последние десятилетия лингвистика поставила в центр внимания языковую личность, человека как субъекта письменно-речевой деятельности, которая проявляется в разнообразных межличностных и социально-групповых контактах. Как отмечает Е. С. Кубрякова, антропоцентризм — это «один из главных параметров современной лингвистики» [Кубрякова 1995: 206], связанной с изучением влияния человека на формирование и развитие языковой картины мира. В то же время единого понимания «антропоцентризма» не существует, поэтому диапазон исследований в рамках антропоцентрической парадигмы весьма широк: в него могут быть включены все направления, нацеленные на описание человека в языке и языка в человеке [Татаринцева 2011].

Антропоцентрический подход к языку и речи приобретает исключительную значимость в прикладных исследованиях, что объясняется возрастающими социальными запросами коммуникативного процесса. Особый интерес в аспекте проблемы «человек и его язык» представляет переводческая деятельность, которая изначально является антропоцентричной. Перевод выполнял и продолжает выполнять важнейшую социальную функцию, обеспечивая межязыковое общение людей. При этом, несмотря на попытки систематизировать и оптимизировать переводческую деятельность, перевод по сути своей остается субъективным родом занятия человека, так как зависит от языковой и коммуникативной компетентности, языковых вкусов и предпочтений переводящей личности, которая и выбирает то или иное языковое средство для передачи содержания оригинала.

С точки зрения выбора альтернативных языковых средств, субъективизм наиболее ярко проявляется там, где эквивалентность иноязычных лексем

размыта синонимией, которая может быть представлена как односторонняя (наблюдающаяся в одном из участвующих в процессе перевода языков), так и обоюдосторонняя (присутствующая одновременно в обоих языках-участниках переводческого процесса) [Чернышова 2010: 16]. Выбор одного из синонимов зависит не только от контекста, но и от особенностей характера языковой личности и степени знания ею переводного и переводящего языков, а также от наличия или отсутствия того или иного специального словаря и т. д. [там же 2010: 16].

Социальным запросом современного общества стали возросшие потребности в переводе разнообразных официально-деловых текстов. Такой перевод имеет особенности, которые должен учесть переводчик. Я. И. Рецкер [Рецкер 2006: 10] писал, что «задача переводчика — передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности». Это утверждение наиболее значимо для официально-деловых переводов, нацеленных на обеспечение оптимального взаимодействия носителей разных языков.

Прежде всего, переводчик вынужден принимать во внимание объективно существующие в данной сфере языковые нормы создания текста. Официально-деловой стиль требует логичного и точного изложения, именно поэтому при составлении текстов этой сферы общения чаще всего используется прямой порядок слов в предложении, применяются страдательные конструкции, которые позволяют абстрагироваться от конкретных лиц (исполнителей) и сосредоточить внимание на самих действиях. По мнению Н. С. Валгиной, «субъект речи в деловом тексте не персонифицируется, однако он, будучи неперсонифицированным, стремится активно воздействовать на читателя, в частности, эксплицитно выражая значение необходимости (надо, нужно, необходимо, должно, следует учесть). Формы выражения значения необходимости могут быть разной степени категоричности (настоятельное требование, указание, рекомендация, пожелание и т. д.)» [Валгина 2003: 95–96]. Однако в отдельных жанрах официально-делового стиля (например, заявление, доверенность, деловое письмо и т. д.) могут употребляться и формы глаголов в первом лице, и личные местоимения. Это связано с необходимостью конкретизации, точного указания на автора текста. Например, при составлении делового письма возможно употребление как формы первого лица единственного числа, так и формы первого лица множественного числа [Граудина, Ширяев 2002: 229].

В целом официально-деловые тексты отличаются не только консервативностью, традиционностью и официальностью, но и обобщенностью, которая придает документам обезличенный характер. Все эти особенности

способствуют однозначному пониманию и изучению содержания документа и отражаются как во внешнем оформлении, так и в языковом наполнении деловых текстов. Поэтому в большинстве жанров субъективная, эмоциональная составляющая сведена к минимуму. В то же время, хотя официально-деловые тексты не содержат большого количества единиц явного антропоцентрического характера, субъект речи имплицитно выражен и посредством разных языковых единиц с модальным значением (категории состояния, глаголов и др.), и через формы повелительного наклонения, ибо официально-деловому стилю в целом свойственен императивный тон предписания и долженствования. Тем самым антропоцентризм в официально-деловой сфере реализуется и в личностном, и в неличностном (но осознаваемом) субъектах речи. Следует отметить и то, что в современных деловых текстах отдельных жанров, таких как официально-деловая реклама, уживаются результаты двух противоположных процессов: жесткого регулирования и некоторого творческого подхода к выбору языковых средств.

Считается, что официально-деловой стиль подвержен изменениям в меньшей степени, чем другие варианты литературного языка, ибо официальные документы составляются по узаконенной традиции, установленным правилам и образцам, поэтому стандартная форма является важной деталью деловых текстов [Валгина 2003: 121]. Достаточно жесткая стандартизованность проявляется не только в речевых формулах, клише с официально-деловой окраской, но и распространяется на внешнюю форму деловых бумаг, которая вырабатывалась если не веками, то десятилетиями. Появлению и сохранению устоявшихся традиций, которые закрепились в языке и структуре текстов многих жанров, способствует высокая степень регламентированности самой официально-деловой коммуникации. Консервативность стиля обусловлена необходимостью точно и четко передать деловую информацию и не допустить искажения смысла.

Однако данный стиль также трансформируется. Новшества прослеживаются как в каналах общения и в способах оформления информации, так и в языке и структуре документов, при этом изменения наблюдаются и в российском русском языке, и в эстонском русском как переводном. Нельзя не отметить высокую степень влияния «документной электронизации» на традиции делового общения. Например, создание в Эстонии системы электронного государства, благодаря которой десятки тысяч частных и юридических лиц смогли перевести общение с различными инстанциями в Интернет, повлекло за собой появление новых типов деловых текстов. При этом многие документы составляются и хранятся только в электронном виде. Иными словами, официально-деловое

общение на русском языке в Эстонии находит не столько бумажную, сколько именно электронную реализацию в целом ряде частных сфер общения и с государственным, и с частным сектором.

Все эти изменения отражаются в переводческом процессе. В связи с распространением в Эстонии электронных документов стали актуальными понятия *цифровое подписывание* / *дигитальное подписывание* — *digitaalne allkirjastamine*. С помощью поисковой системы «Яндекс» нами были найдены варианты, которые используются в России: *электронная цифровая подпись*, *электронно-цифровая подпись*, реже *цифровая подпись*. В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) для словосочетания *цифровое подписывание* не было найдено ни одного употребления (как и для словосочетания *дигитальная подпись*), а для словосочетания *цифровая подпись* — три употребления. Примечательно, что русскоязычные СМИ в Эстонии предпочитают использовать прилагательное *дигитальный* (*дигитальная подпись*), а не *цифровой*. Такое расхождение между двумя региональными вариантами русского языка обусловлено выбором того переводчика, который когда-то первым предпочел кальку с эстонского языка, ориентирующегося на английский.

В качестве другого примера лексических расхождений можно привести и термин, называющий одну из форм предпринимательской деятельности, которая в Эстонии именуется как *предприниматель-физическое лицо* или *физическое лицо-предприниматель*, а в России — *индивидуальный предприниматель*. Приведенные расхождения одновременно являются и проявлением субъективности в переводе, ведь человек не может «отвлечься» от самого себя и ставит себя в центр любого процесса, неустанно «напоминая» об этом самым содержанием создаваемых им понятий [Гуревич 1998: 33].

Каждый перевод субъективен в том смысле, в каком субъективно любое речевое произведение, являющееся результатом акта речи отдельного лица. Однако эта субъективность перевода все-таки ограничена, поскольку, во-первых, система языка перевода обусловлена стилевыми нормами, а, во-вторых, переводчик стремится как можно полнее воспроизвести содержание текста оригинала. Следовательно, свобода выбора переводчиком языковых форм и их сочетаний в создаваемом им речевом произведении все же не является беспредельной. В большинстве случаев выбор того или иного способа перевода в значительной степени оказывается вынужденным, продиктованным необходимостью выразить заданное содержание, не нарушая норм языка перевода [Швейцер 1970: 48]. Таким образом, несмотря на то, что переводчик — это не просто участник коммуникации, но личность, которая определяет весь ход межъязыковой коммуникации,

а перевод можно представить как процесс, характеризующийся высокой степенью свободы переводящей личности, нельзя говорить о полной свободе выбора переводчика [Алексеева 2004].

Языковые контакты русской диаспоры обусловлены обязательностью межязыковой коммуникации, что означает необходимость учета переводчиками особенностей делового общения и в России, и в стране проживания. Разумеется, перевод — это такой вид коммуникации, который реализуется с помощью языка, но этим процесс перевода не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать и особенности общения, связанные с культурой взаимодействующих людей или народов [Тюленев 2004: 80]. С одной стороны, владение языками «попереводчески» подразумевает знание этих языков не изолированно один от другого, а во взаимосвязи, соответствии единиц одного языка единицам другого [там же: 25]. С другой стороны, профессиональный переводчик должен не только владеть языками, на которых происходит общение, но и иметь четкое представление о предмете общения.

В Эстонии новая деловая терминология активно вводится в обиход официального общения через законы, нормативные акты. Обычно это означает перевод англоязычных понятий на эстонский язык — с последующим переводом на русский. Поскольку в эстонском языке проявляется более высокая степень иммунитета к заимствованиям, чем в русском, то следствием ориентированности на государственный язык (а также повышенной мотивированности и прагматичности) становится отсутствие в языке диаспоры многих заимствованных слов, наводнивших речь живущих в России. Все эти обстоятельства создают дополнительные трудности для переводчиков.

Сложным оказывается перевод на русский язык эстонских названий учреждений, организаций, предприятий, а также профессий [подробнее об этом: Щаднева, Вельман-Омелина 2013]. В России в объявлениях о приеме на работу используется большое количество англицизмов типа *супервайзер*, *брокер*, *дистрибьютор*, *коучер*, *медиа-байер*, *хэд-хантер* и даже *клинер* и т. п., в основном чуждых и эстонскому языку, и русскому языку диаспоры. В то же время русский язык в целом более терпим к заимствованиям, в эстонском языке новые слова преимущественно переводятся, а не транскрибируются / транслитерируются, как в русском, например: *sales manager* — *müügijuht* (менеджер по продажам), *developer* — *arendaja* (девелопер), *businessman* — *ärimees* (бизнесмен), *marketing* — *turundus* (маркетинг), *importer* — *maaletooja* (импортер). К лексическим новшествам официально-деловой речи относится и слово *рекрутмент* (одно из значений этого

многозначного слова — подбор персонала), которое в современных русскоязычных словарях пока не представлено, но используется и в России, и в Эстонии. Причем переводчик с эстонского предпочитает это слово даже в случае возможности прямого перевода, как в примере с русскоязычной веб-страницы портала CV Keskus, где указано¹:

- (1) *CV Keskus успешная и действующая во многих сферах интернет фирма, цель которой быть лучшей интернет средой в сфере рекрутмента в Прибалтике — CV Keskus on edukas ettevõtte, mille eesmärgiks on olla parim tööportaal Baltikumis.* (<http://www.cvkeskus.ee/company.php>).

Здесь эстонское *tööportaal* (буквально: «рабочий, трудовой портал») тоже переводится как *рекрутмент*. Приведенные примеры свидетельствуют об объективных проблемах переводческого процесса, которые обусловлены отношением носителей разных языков к «своим — чужим» языковым единицам.

Переводчикам приходится иметь дело и с реалиями, названия для которых отсутствуют в языке метрополии. В таком случае переводчик обычно прибегает к калькированию, как к наиболее простому способу перевода. Например, в Эстонии словосочетание *пожизненное обучение* — *elukestev õpe* и на эстонском, и на русском языке вошло в употребление и активно используется, хотя его сложно отнести к удачным калькам потому, что в русском языке за прилагательным *пожизненный* закрепилась негативная коннотация (вероятно, под воздействием устойчивого словосочетания *пожизненное заключение*). Идея такого рода обучения является новой, поэтому в языке метрополии краткого общепринятого названия для процесса обучения, который длится всю жизнь, пока нет. В словарях² содержатся такие понятия, как *непрерывное образование / непрерывное обучение / перманентное образование*, однако поиск в НКРЯ показывает, что ни одно из этих понятий не вошло в обиход (со словосочетанием *непрерывное образование* было найдено всего четыре документа). Вместе с уже привычными для русскоязычных жителей Эстонии словами *инфочас (infotund)* и *инфотелефон / инфо-телефон (infotelefon)*, вводится в употребление и понятие *инфокомната по вопросам планирования карьеры (karjääriinfotuba)*. Всё это объясняется выбором переводчиков из Эстонии.

Как уже говорилось ранее, перевод — это средство обеспечить возможность коммуникации между людьми, говорящими на разных языках. «Если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их

¹ Здесь и далее тексты всех примеров приводятся в оригинальном написании.

² См. [Профессиональное 1999; Словарь терминов 2006].

получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели» — так пишет о качестве перевода А. Д. Швейцер [Швейцер 1973: 239]. Однако коммуникативный акт может не состояться не только по причине «некачественности» перевода. Большую путаницу вызывает поиск наименований для недавно появившихся реалий, например, новых сфер деятельности. Одной из таких проблемных номинаций стало название услуги по до(вне)судебному востребованию долгов. В Эстонии этот вид деятельности получил широкое распространение как среди крупных предприятий, так и среди небольших фирм и даже квартирных товариществ. Так называемые инкассо-фирмы предлагают услуги *инкассо*. Далее приведены две языковые иллюстрации с разным переводом названия реалии:

- (2) *Julianus Inkasso* Оъявляется старейшим и крупнейшим предприятием в Эстонии, предлагающим услуги по взысканию долгов, и которое действует на местном рынке уже с 1994 года (<http://www.julianus.ee/info/firmast>).
- (3) В дополнение к классической юридической помощи предоставляет Tanel Melk & Partners Law Firm услуги *инкассо*. Во-первых, делается бесплатный оценок перспектива требования клиента. Если мы обнаружим, что вероятность большой или средний, тогда оплачивание за услуги *инкассо* произойдет в зависимости от суммы требованию (наша плата % от уплаченной должником суммы долга) (<http://www.melk.ee/ru/inkasso>).

В эстонско-русских словарях¹ слово *inkasso* переводится как *инкассо* и часто не содержит никаких помет. В толковом словаре эстонского языка [EKSS 2009] содержится следующее объяснение: *inkasso* — *rahasumma sissenõue panga poolt kliendi vastava dokumendi alusel. Ettevõtte esitas arve inkassoks*². Однако в нормативном словаре эстонского языка [ÕS 2006] объяснение уже немного другое: *inkasso* — *raha sissenõue (panga poolt)*³.

Российские поисковые системы не содержат указаний на сайты инкассо-фирм, занимающихся востребованием долгов. Услуга *инкассо* (от лат. *incasso*) в России — это вид банковской операции по передаче денежных средств от одних клиентов другим, от плательщиков получателям. В банк от лица клиентов, которые обязаны оплатить купленные ими товары и пре-

¹ Например, [Uus eesti-vene 2007; Suur eesti-vene 2008].

² Перевод автора статьи: *инкассо* — востребование банком денежной суммы на основании соответствующего документа клиента. Предприятием был предоставлен счет для *инкассо*.

³ *инкассо* — востребование денег (банком)

доставленные им услуги, переводятся по разным платежным документам (чекам, векселям и другим) причитающиеся к оплате денежные средства. Банк зачисляет эти средства на счета тех своих клиентов, которые их должны получить за выполненные работы и услуги. Иными словами клиент, отправивший товар, оказавший услугу другому клиенту, предъявляет в банк на инкассо (для оплаты) платежное требование к клиенту-плательщику. Тем самым «инкассо» — это банковская посредническая операция по переводу денежных средств плательщика на счет получателя. За проведение инкассовой операции банк взимает с клиентов плату. Именно такое объяснение понятия инкассо содержится в Современном экономическом словаре [СЭС 2006]. В других словарях¹ понятие *инкассо* также относится к банковским операциям.

Разумеется, *инкассо* как термин банковского дела используется и в Эстонии, например:

- (4) *Документарное инкассо* (эст. *Dokumentaalne inkasso*) — хорошо известный и распространенный в международной торговле способ оплаты, при котором банк посредничает в передаче товарных документов и в оплате товара (<https://www.swedbank.ee/business/finance/trade/collection?language=RUS>).

Однако «на слуху» у населения именно услуга *инкассо* как востребование долга, а не как банковская операция. В договоры (например, договор на покупку товара по кредитным счетам, договор аренды и т. д.) часто вносится пункт о том, что услугу *инкассо* оплачивает неплательщик. В таком случае при переводе документа с эстонского языка на русский может возникнуть двусмысленность: непонимание того, о какой именно услуге идет речь. Такое разночтение в деловых документах недопустимо.

Продавцы подобного рода услуг на российском рынке также существуют. Таким видом деятельности занимаются коллекторские агентства. Коллекторские услуги (от англ. *collection* — сбор денежных средств) представляют собой профессиональную деятельность по взысканию задолженностей:

- (5) *Коллекторское агентство* — Антикризисный Центр «АльфаБизнес» — предлагает кредитным и производственным организациям, компаниям, работающим в сфере услуг, предприятиям ЖКХ, любым юридическим и физическим лицам — коллекторские услуги по взысканию долгов: мы можем вам вернуть деньги (<http://www.prodolg.ru/services/7/>).

¹ Например, [БЭ. 2003; БТС 2009].

Необходимо отметить, что понятие *коллектор*, *коллекторские услуги* еще не вошли в повседневное употребление, о чем свидетельствует и поиск через НКРЯ — на запрос «коллекторское агентство» был найден всего один документ. В словарях, например в [СЭС 2006; БЭ 2003] и т. д., обнаружить данное слово не удалось, но в толковом словаре [Толковый словарь 2005] слово *коллектор* содержится, однако нужного значения в словаре не приводится. Думается, по этой причине работники фирм, занимающиеся данной деятельностью, не только объясняют происхождение понятия, но и указывают правильное написание:

- (6) *Термин коллектор имеет латинское происхождение. Слово collector (коллектор) означает собиратель. Следовательно, коллекторское агентство — это лицо, осуществляющее сбор долгов. Помимо термина коллекторское агентство иногда неправильно употребляют коллекторное агентство. Коллекторы — это специалисты по сбору долгов (<http://www.collectori.ru/index.php>).*

Приведенные выше пространные объяснения семантики лексем прекрасно иллюстрируют те сложности, с которыми сталкивается переводчик в процессе языковой обработки различных современных реалий. Наблюдающиеся отличия региональных вариантов в номинациях новых явлений в жизни социума означают отсутствие точных переводческих соответствий, что способствует субъективизму переводчика. Рассмотрим еще один пример. В эстонско-русских словарях отсутствует перевод актуального в современных условиях сложного слова *klienditeenindaja*. В толковом словаре эстонского языка [ЕКСС 2009] *klienditeenindaja* объясняется как название должности, за которой, по сути дела, может скрываться кассир, продавец, администратор или иной работник, обслуживающий клиентов. В то же время эстонский интернет-портал CV Keskus (*keskus* — *центр*), специализирующийся на трудовом посредничестве, приводит эстонское *klienditeenindaja* в качестве соответствия английскому *customer service officer* (*начальник отдела обслуживания / сервисного отдела*). В результате русский перевод этого эстонского слова широкой семантики оказывается контекстуально обусловленным, а задача квалифицированного переводчика заключается в учете особенностей контекста при выборе соответствия.

Таким образом, в современном деловом общении — как в России, так и в Эстонии — произошли изменения, которые в названных вариантах языка могут не совпадать. Поэтому в условиях диаспоры приходится не только принимать во внимание то, что структурно-смысловая и языковая организация русского переводного текста формируется в условиях противо-

стояния систем русского и эстонского языков, а также разного отношения к заимствованиям из английского языка в русском языке России и Эстонии, но и как-то отражать в переводе различия в реалиях у разных языковых сообществ. Многие языковые инновации, актуальные для России, в условиях диаспоры остаются за пределами делового общения. Различия региональных вариантов можно рассматривать как одно из проявлений социально-группового использования языковых средств. Но «виноваты» в расхождениях — при выборе номинаций, в предпочтении калькирования — переводчики, поскольку именно они решают, и какую лексему выбрать в качестве соответствия языковой единице оригинала, и какие именно словари и справочники использовать. Таким образом, пресловутый «человеческий фактор» в переводческом процессе играет большую роль. Стоит напомнить, что даже если один и тот же переводчик будет переводить все тот же текст, но в другое время, он может получить иной перевод. Этот факт объясняет, почему оригиналы не устаревают, а переводы устаревают: для каждого поколения читателей нужны свои переводчики [Кушнина 2011: 85].

Итак, антропоцентрическое начало в процессе перевода реализуется разноаспектно. В самой языковой системе заложены возможности разной персонификации субъекта речи, что важно для речевой реализации системы и нормы официально-делового стиля и его жанров. В то же время в речевом продуцировании вторичного текста переводчик как языковая личность, отбирающая переводческие эквиваленты, руководствуется не только системно-языковыми и нормативными требованиями, но и субъективными, вкусовыми предпочтениями. Иначе говоря, в любом случае человек в процессе коммуникации остается центральной фигурой языка и речи: переводчик как языковая личность влияет на формирование и развитие языковой картины мира.

Литература

- Алексеева Л. М. 2004 — Антропологизм как предмет научного перевода. *Стереотипность и творчество в тексте: межвузовый сборник научных трудов*. Вып. 7. Пермь. С. 204–218.
- Валгина Н. С. 2003 — *Теория текста*. Учебное пособие. Москва.
- Граудина А. К., Ширяев Е. Н. 2002 — *Культура русской речи*. Москва.
- Гуревич В. В. 1998 — О «субъективном» компоненте языковой семантики. *Вопросы языкознания*, №1. Москва. С. 27–35.
- Кубрякова Е. С. 1995 — Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). *Язык и наука конца 20 века*. Москва. С. 144–238.

Кушнина А. В. 2011 — Перевод как синергетическая система. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. Вып. 3(15). Пермь. С. 81–86.

Рецкер Я. И. 2006 — *Теория перевода и переводческая практика*. Москва.

Татаринцева Е. Н. 2011 — О некоторых теоретико-методологических вопросах современной антропоцентрической лингвистики. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, № 1. Барнаул. С. 45–49.

Тюленев С. В. 2004 — *Теория перевода*. Москва.

Чернышова Л. А. 2010 — *Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы*. Москва.

Швейцер А. Д. 1970 — Возможна ли общая теория перевода? *Тетради переводчика*. Вып. 7. Москва. С. 35–45.

Швейцер А. Д. 1973 — *Перевод и лингвистика*. Москва.

Щаднева В. П., Вельман-Омелина Е. М. 2013 — Особенности официально-делового общения на русском языке в условиях современной Эстонии. *Гуманитарные чтения РГГУ — 2012*. Сборник материалов. Москва. С. 54–68.

Словари

БТС 2009 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург.

БЭ 2003 — *Большой экономический словарь*. Борисов А. Б., Москва.

Профессиональное 1999 — *Профессиональное образование*. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. Вишнякова С. М., Москва.

Словарь терминов 2006 — *Словарь терминов по общей и социальной педагогике*. Воронин А. С., Екатеринбург.

СЭС 2006 — *Современный экономический словарь*. 5-е изд., перераб. и доп. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б., Москва.

Толковый словарь 2005 — *Толковый словарь русского языка*. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., Москва.

EKSS 2009 — *Eesti kirjakeele seletav sõnaraamat 2009*. Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn. <http://www.eki.ee/dict/ekss/>

ÕS 2006 — *Eesti õigekeelsussõnaraamat 2006*. Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn. <http://www.eki.ee/dict/qs/>

Suur eesti-vene 2008 — *Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat*. Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь. Vissak, H., Vissak, J., Tallinn.

Uus eesti-vene 2007 — *Uus eesti-vene õigussõnaraamat*. Новый эстонско-русский юридический словарь. Ottenson, O., Tallinn.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРИАНТНОСТИ ОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

Л. С. ГОЛОВИНА

В последнее время в условиях глобализации и становления мультикультурного общества закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам межкультурной коммуникации. Язык как один из видов человеческой деятельности оказывается составной частью культуры. Оба этих явления представляют собой две самостоятельные семиотические системы: знаками языка являются слова, в то время как знаками культуры — ритуалы, символы, эталоны, ментальные образования. Однако в зоне их наложения и взаимопроникновения складывается третья семиотическая система — лингвокультура, в которой, по мнению В. Н. Телии, знаки языка выступают как тела знаков культуры [Телия 1996: 118]. В лингвокультуре языковые единицы наделяются дополнительными культурными коннотациями — функционально значимыми для культуры смыслами, для адекватной дешифровки которых человек должен обладать культурно-языковой компетенцией.

С лингвокультурологической точки зрения, особенно информативным является ономастический материал. По мнению В. А. Ражиной, как языковые знаки, неотделимые от соответствующей лингвокультуры и процессов коммуникации, онимы приобретают прагматическую значимость — способность передавать различные типы эмоциональных и интеллектуальных оценок [Ражина 2006: 65]. Следовательно, огромный культуроведческий потенциал ономастикона должен в полной мере раскрываться на занятиях языком, в учебниках и словарях русского языка, ориентированных на иноязычных учащихся.

Как показал анализ современных учебников русского языка как иностранного, они содержат достаточное количество онимов, позволяющее

сформировать определенные фоновые культурные знания. Уже на базовом уровне иностранные студенты осваивают от 32 (учебник С. И. Чернышёва и А. В. Чернышёвой «Поехали!») [Чернышёв, Чернышёва 2007] до 90 онимов (учебник Ю. Г. Овсиенко и др. «Русский язык для начинающих») [Овсиенко 2006]). Однако более тщательное изучение онимов поможет реализовать и другую не менее важную задачу обучения: сформировать у реципиента умение по-разному выражать один и тот же смысл в процессе коммуникации. Использование допускаемых нормой вариантов языковых единиц, в том числе онимов, может зависеть от условий речи: стиля, жанра, официальности/неофициальности обстановки и т. п.

Как показал анализ учебников русского языка как иностранного, авторы редко используют в тексте варианты имен собственных.

Традиционно в качестве таких вариантов мы можем рассматривать прежде всего фонетические разновидности онимов (*Мария / Марья, Наталия / Наталья*) и варианты транслитерации иноязычного ономастического материала (*Биг-Бэн / Биг-Бен, Матэнадаран / Матенадаран* и т. п.). Однако в работах по ономастике [Чернейко 2002; Соколова 2006 и др.] термин *вариант* все чаще используется в более широком и менее терминологическом смысле для обозначения самых разных форм онима, которые в большей степени подходят под определение словообразовательных синонимов (*Олечка – Оленька*) или функционально-стилистических синонимов (*Геннадий – Гена – Генка – Гендос*). Вариантами называет полные и гипокористические формы онима и Н. В. Подольская [Подольская 1988: 43] Не вступая в дискуссию по проблемам терминопотребления, остановимся на сочетании *функциональный вариант*, который будем использовать, рассматривая разнородности имени собственного, используемые в различных коммуникативных условиях и функциональных стилях речи.

Составители всех рассмотренных нами учебников РКИ включают в учебные тексты официальное название города — *Санкт-Петербург*. Вариант *Петербург* встречается реже, и абсолютно отсутствует более привычная для носителей языка сокращенная форма *Питер*. Еще один подобный пример — астионим *Великий Новгород*. В тексте учебника мы встречаем только этот, официальный, вариант, хотя в разговорной речи первая часть *Великий*, как правило, опускается. Интересно, что в астиониме *Нижний Новгород*, в неофициальной обстановке опускается вторая часть — *Новгород*.

Данная ситуация характерна и для антропонимов: имя человека дается в учебниках РКИ большей частью только в одной, гипокористической форме. В ходе изучения различных лексических и грамматических тем, при

выполнении упражнений, развивающих навыки различных видов речевой деятельности, учащиеся попутно осваивают один-два функциональных варианта личных имен: *Маша / Мария, Ваня / Иван* и т. п. Неучтенной остается и официальная форма обращения по имени-отчеству. Авторы учебников оставляют без внимания не только культурно значимую сторону данной конструкции (отражение патронима), но и непосредственно функциональную: это обращение к лицам старшего возраста, уважаемым людям и т. д.

В поле зрения авторов учебников не попадают и неофициальные отонимические образования, — в частности, городская микротопонимика (*Петровка* – улица Петровская), — возникающие путем универбации наименований (*Мариинка* – Мариинский театр). Они активно используются в разговорной речи и все чаще употребляются в официальных ситуациях (так, универбат *Мариинка* представлен как второе наименование театра на его официальном сайте). Все это подтверждает необходимость знакомства иностранных реципиентов с подобными ономастическими единицами.

Если же функционально-стилистические разновидности онимов остаются за пределами курса русского языка, то для иностранного учащегося усложняется как процесс понимания разговорной речи, так и употребление этих разновидностей личных имен в зависимости от коммуникативной ситуации. На наш взгляд, в иноязычной аудитории необходимо проводить дополнительную работу по изучению функциональной вариантности онимов, что позволит учащимся повысить уровень владения языком и углубить культурные знания.

Как один из путей решения данной проблемы можно рассматривать разработку лексикографического комментария онимов в рамках лингвокультурологического подхода. Знакомство с информацией не только энциклопедического, лингвострановедческого, культурного характера, но и обращение к функционированию имен собственных в «живой» речи носителей языка позволит иностранному реципиенту преодолеть коммуникативный дискомфорт и успешно реализовать свои прагматические установки.

Рассмотрим пример лексикографического комментирования хрематонима *Александрийская колонна*, в котором отражается вариантность ономастической номинации по отношению к уникальному объекту номинации:

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА, Александровско й колонны, ж. (разг. Александрийский столп).

Один из известнейших памятников Санкт-Петербурга. Воздвигнут в 1834 году в центре Дворцовой площади архитектором Огюстом Монферраном по указу императора Николая I в память о победе Александра I над

Наполеоном (отсюда ее название — **Александровская**). Высота колонны 47, 5 метров.

Существует легенда о том, что колонна вытоплена не из монолитного куска гранита, а состоит из некоего количества «блинов», настолько искусно подогнанных друг к другу, что швов между ними практически не видно.

Среди жителей России наиболее популярно другое название **Александровской колонны** — «**Александрийский столп**», упоминаемое в известном стихотворении А. С. Пушкина «Памятник».

В Петербурге существует традиция: к **Александровской колонне** приходят молодожены, и жених несет невесту на руках вокруг столпа. Согласно поверью, сколько раз жених с невестой на руках обойдет колонну, столько детей у них и родится.

Таким образом, в словарной статье отражаются не только энциклопедические сведения, но и культурный фон наименования, раскрывается его этимология и приводятся варианты формы.

Однако наиболее продуктивными в плане вариантности являются антропонимы. Согласно лексическому минимуму базового уровня владения русским языком, иностранный реципиент должен знать около 40 мужских и женских имен: как полную, так и сокращенную форму. В учебники РКИ включаются все рекомендуемые имена. Но чаще всего в тексте используются нейтральные сокращенные формы с отрывом от полной. Изучающий русский язык при этом не осознает, что *Александр* и *Саша*, *Людмила* и *Мила* — одно и то же имя, поскольку не имеет такой разъясняющей информации в учебнике, хотя, если исходить из лексического минимума по русскому языку как иностранному, она должна там приводиться [Лексический минимум 2006: 142]). Именно поэтому, на наш взгляд, необходима разработка дополнительного лексикографического комментария, включающего все возможные разновидности антропонима. Приведем пример:

МАРИЯ (**МАРЬЯ**), -и, ж. > **МАША** (ум.-ласк. Машенька, Машуля; прост. Маня, Маруся; пренебр. Машка, Манька)

С древнееврейского — «печальная». В православии переводится как «госпожа».

Одно из самых распространенных русских имен на протяжении всей истории страны. По данным 2009 г. — самое популярное имя для новорожденных девочек в России.

Это имя носят героини как народных сказок («**Маша** и три медведя», «**Маша** и медведь»), так и авторских произведений русских писателей (А. С. Пушкин «Дубровский», «Капитанская дочка»). В 2009 году россий-

ские мультипликаторы начали выпускать юмористический сериал для детей и взрослых «**Маша** и Медведь».

*Хороша **Маша**, да не наша (о зависти).

*И на **Машку** живёт промашка (у каждого есть слабые места).

*Что **Машка** напряла, то мышка скрала (о лени).

*Иван был в Орде, а **Марья** вести рассказывает (о сплетнях).

*Рада бы **Маша** за попа, да поп не берёт (о замужестве).

Из приведенного примера видно, что в русских паремиях чаще используются просторечные варианты имени, которые не рассматриваются авторами учебников. Следовательно, антропоним в составе устойчивых выражений может быть просто не распознан иностранцами как таковой, что приведет к непониманию.

Таким образом, при рассмотрении вариантности онимов в лингвометодическом аспекте, и в частности, в аспекте обучения русскому языку как иностранному, особенно актуальными представляются функционально-стилистические и лингвокультурологические аспекты проблемы. Разработка лексикографического комментария к онимам в учебниках РКИ будет способствовать усвоению иностранцами культурно-исторической информации, даст возможность познакомить их с наиболее популярными современными вариантами имен собственных, знание которых необходимо для успешной коммуникации в русскоязычном социуме.

Литература

Лексический минимум 2006 — Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. Москва.

Овсиенко Ю. Г. 2006 — Русский язык. Москва.

Подольская Н. В. 1988 — Словарь русской ономастической терминологии. Москва.

Ражина В. А. 2006 — Ономастические реалии в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Язык в контексте социально-правовых отношений современной России. Ростов-на-Дону. С. 317–320.

Соколова Г. В. 2006 — Публицистическая корреляция «факт – оценка» как условие функционирования имени собственного в текстах СМИ. Краснодар.

Телия В. Н. 1996 — Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва.

Чернейко Л. О. 2002 — Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права. *Изобретательство*. Т. 2, № 8. Москва. С. 23–25.

Чернышёв С. И., Чернышёва А. В. 2007 — *Поехали! Русский язык для взрослых*. Санкт - Петербург.

ФЕНОМЕН ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ

С. М. ЕВГРАФОВА

*Почему в определенный момент узус отказывается от одной
из возможностей в пользу другой, остается тайной.*

Д. О. Добровольский

Лингвисты, которые со времен Ф. де Соссюра занимаются преимущественно языковой системой, а не тем, как человек ее использует, всегда понимали, что все языковые изменения рождаются в речи. Еще В. фон Гумбольдт писал: «По разрозненным элементам нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке, это можно постичь и ощутить только в связной речи» [Гумбольдт 1984: 70]. В свое время В. А. Звегинцев, предлагая ввести понятие моносемы, отмечал, что любые изменения сочетаемости являются показателями изменения значения слова [Звегинцев 1968: 116–117]. Однако природа таких изменений практически не была исследована: письменная речь оставалась консервативной и менялась слишком медленно; устную же научились фиксировать совсем недавно.

Вследствие всеобщей грамотности и использования Интернета существенно возросла письменная активность носителей русского языка. Очень часто переписка ведется в режиме реального времени, пишущие не имеют возможности редактировать собственный текст и пользуются автоматическими навыками письменной речи. Поэтому сейчас существует реальная возможность наблюдать за изменениями бурно меняющегося русского языка, описывать и классифицировать их и постигать действие порождающих их механизмов.

Феномен естественной письменной речи (ЕПР) начали исследовать в конце XX в.; материалом служили в основном бытовые записки, записи в тетрадах, граффити, письма и мемуары, созданные малограмотными людьми, и проч. Изначально ЕПР считалась маргинальной формой речи,

однако именно такая форма письменной речи является ведущей в жизни современного человека. ЕПР аккумулирует навыки человека, накопленные в устной речи, и опыт чтения¹ и письма, а потому отражает весь речевой опыт пишущего.

Переход от ЕПР к литературному языку вовсе не является автоматическим. Как показывают высказывания студентов, они считают, что литературный язык определяется следующими признаками:

- 1) богатый лексикон;
- 2) отсутствие элементов жаргона, просторечия;
- 3) соблюдение различных языковых норм.

Все эти осознаваемые признаки — внешние, они относятся к тексту как речевому произведению. Но конституирующим признаком литературной письменной речи (ЛПР) является осознанный отбор всех языковых средств, используемых при написании текста, что предполагает наличие у пишущего развитой рефлексии. Именно пишущий оценивает и отбирает элементы, опираясь на свою начитанность, языковое чутье, вкус и т. п. Поэтому очевидно, что граница между ЕПР и ЛПР не является незыблемой и определяется уровнем языковой рефлексии пишущего [см. об этом также Евграфова 2012].

В стилистике обычно рассматриваются лишь варианты обозначения понятия, отличающиеся стилистической окраской (сниженные, книжные, архаичные и проч.), и синонимы. При этом предполагается, что пишущий должен знать семантические и стилистические отличия каждого слова, но иногда — в силу недостаточной образованности — путает их. Например, может выбрать неточное слово — пароним.

- (1) Слишком много разных аспектов, которые невозможно ухватить все сразу².
- (2) Что касается обычных смертных, им должен быть представлен выбор.
- (3) Так почему бы не раскрасить тянущиеся монотонные уроки парочкой примеров и коммуникацией с изучаемым предметом.

Особо оговариваются ошибки при употреблении синонимов, причем чаще обсуждают не семантические, а синтаксические неудачи (например, знаме-

¹ Здесь уместно процитировать тэдовскую лекцию В. М. Живова: «Нужно иметь в виду, что мы не только не пишем, как говорим, — мы пишем — как читаем. Навыки письма зависят от навыков чтения» [Живов 2013: 1.38].

² Здесь и далее примеры, если не оговорено иное, взяты из студенческих работ, которые цитируются без какой-либо правки, строго по оригиналу.

нитые *платить за что-либо* и *оплачивать что-либо*). При этом многие ошибки (вроде процитированной — *раскрасить уроки коммуникацией с предметом*) вызывают лишь недоумение и насмешки¹. Именно они создают то самое ощущение «разрушения литературного языка», о котором так много говорят в последние десятилетия.

Внимательный анализ многих речевых нелепостей позволяет проследить семантические цепочки, которые привели к ошибке. Так, судя по примеру 3, пишущий имел в виду обсуждение изучаемого предмета, но смешал *обсуждение чего-либо с общением с кем-либо*, а *общение* заменил на синоним *коммуникация* — чаще встречающийся в учебниках, а потому более «терминологичный» и престижный. Результатом стало некорректное употребление слова *коммуникация*: оно использовано в неверном значении и с несвойственной ему моделью управления, а причиной лексической подмены является смежность ситуаций (люди обсуждают что-либо, когда общаются).

В данной статье предлагается объяснительная классификация появления лексических неточностей в естественной письменной речи. При этом мы не будем рассматривать случаи, в которых не удастся восстановить «семантический путь» к принятию решений, приведший к речевой ошибке; например, в приведенном ниже примере 4 для слова *сакральные* семантическая цепочка все-таки выстраивается, а употребление слова *изваяние* без комментариев пишущего абсолютно необъяснимо, то есть мы не можем проследить процесс выбора лексической единицы.

- (4) *В нашей стране есть как низкое искусство: бульварная пресса, массовое изваяние (поп эстрада) — так и элитарное, рассчитаное на понимание определенного круга людей, но доступное для всех. У простых людей есть возможность обогатится сокральными знаниями.*

Итак, семантически обусловленные неточности лексического выбора можно наблюдать в следующих случаях.

I. Неосуществленный выбор лексемы

Очень часто в текстах процесс выбора оптимальной единицы остается незавершенным: в результате возникают ряды однородных членов или

¹ Множество нелепостей такого рода представлено в различных интернет-коллекциях: <http://pauluskp.livejournal.com/47039.html>, <http://pauluskp.livejournal.com/46633.html>, <http://el-d.livejournal.com/58048.html>, <http://roman-shmarakov.livejournal.com/5430.html>, <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/idioteka/>

просто текстовые «петли», в которых наблюдается смысловой повтор. Такого рода огрехи не воспринимаются как нарушение грамматической нормы — только как стилистическая шероховатость. Преподаватели не всегда их замечают: хотя смысловой повтор здесь налицо, лексического повтора нет, и неудачная фраза редко корректируется при обучении.

- (5) *После 21 июня день начинает убывать, и жизнь потихоньку начинает угасать. Для меня всегда это страшный и тяжелый период, но несмотря ни на что осени я всегда рада.*
- (6) *Высмеянная в романе власть одних над другими, чрезмерная зависть, алчность, жадность, огромная важность социального статуса — со всем этим мы сталкиваемся каждый день.*
- (7) *Мне кажется, я вижу их только на экранах, в кино, в ситкомах, сериалах. А если они попадают мне в жизни, то как миражи, картинки, вырезки из журналов, что-то, что нельзя потрогать.*

При обсуждении примера 7 его автор сказала, что ей нравятся такие ряды, потому что в них приводятся синонимы. Очевидно, школьный учитель не обратил ее внимание на особенности употребления синонимов как средства выразительности. Похожие ряды действительно встречаются в литературных текстах, только там каждое слово обдуманно: ведь в литературном произведении идеалом считается текст, в котором все элементы идеально соответствует замыслу («ни прибавить, ни убавить»).

- (8) *Какая-то игра, подумала Маша, наверняка азартная. И значит — мошенничество, проигрыш, отчаянье, месть... (Д. Рубина).*

В более свободных по словесному строю текстах такая однородность помогает автору создать более объемный образ, добавляя ему поэтичности:

- (9) *... время от времени голубей там выпускают полетать, пополоскаться в синеве под заливистый свист, насладиться небом — и принимают их обратно, сыплют им зерно, пускают к поилке... (А. Иличевский).*

В естественной письменной речи синонимы и квазисинонимы обычно не добавляют новых оттенков смысла, однородные члены не выстраиваются в градационный ряд и не помогают сделать образ максимально понятным — они лишь показывают, из какого семантического поля автор выбрал подходящее слово.

- (10) *Умеет в нужный момент с острить (sic!). Также стоять на своём и отстаивать свою позицию.*
- (11) *ЕГЭ наносит вред креативной сущности человека, оно лишает их возможности мыслить и думать.*

Если пишущий не справился с выбором коллокации, а не слова, то может возникнуть — особенно при наличии фонетического сходства — контаминация конструкций, которую мы воспринимаем как откровенные речевые ошибки:

- (12) *Иногда даже не хватает словарного запаса слов, чтобы выразить правильно свою мысль, от чего люди не могут правильно понять, и поэтому бывает трудно поддержать разговор.*

Подобный «недовыбор» коллокаций приводит к общеизвестным речевым ошибкам типа *оплачивать за проезд, *играть значение — но предполагается, что, осваивая письменную речь, человек постепенно приучится выбирать самые точные слова и самые правильные версии их сочетаний. Отметим, что одной интуиции здесь недостаточно: необходимо целенаправленное обучение.

II. Подмена слова при неполной картине мира

При переходе от денотативной схемы ситуации к лексической говорящий / пишущий выбирает неподходящее — неточно отражающее нужный смысл – слово. Это может произойти, если он просто не знает слова, которым обозначается нужное ему понятие.

Незнание обнаруживает себя в прагматическом несоответствии выбранного слова контексту; при этом обычно заметно сходство фонетическое. Такое явление хорошо знакомо преподавателям иностранных языков (слово не выучено, но смутно знакомо) и довольно часто встречается в речи детей: «Мама, сегодня к нам приходил аллигатор!» — вместо *агитатор* (семейная коллекция автора). В речи взрослых подобное встречается реже, обычно при употреблении архаизмов, неологизмов, историзмов, терминов и прочих редких слов, нехарактерных для идиолекта говорящего. Однако в последние годы студенты стали допускать ошибки такого типа даже при использовании бытовой лексики.

Одной из причин употребления незнакомого и неподходящего слова нередко становится «вспышка» его частотности (или звучность, красота, необычность, престижность слова, его употребление публичными персонами или людьми, чье мнение говорящему не безразлично): оно кажется модным и потому притягивает, подобно слову *коммуникация* из примера 3.

- (13) *Возможно стоит установить какой-то, если хотите, фейс-контроль на учителей, улучшить их проф. подготовку или просто проверить навыки.*

Студентка чувствует, что не вполне хорошо овладела модным словом *фейс-контроль* (об этом свидетельствует модальный маркер *если хотите*), но стремится использовать слово во что бы то ни стало — и оно оказывается в неподходящем семантическом и синтаксическом окружении. Но симпатии пишущего по отношению к словам значимы далеко не всегда.

- (14) *Входная дверь расположена чуть выше фасада здания, и поэтому порог сделан в виде трех ступенек.*

Студентка-второкурсница, смущаясь, призналась, что слово *фасад* употребила, потому что не знает, «как называется такая штука, полоска в низу здания», — и согласилась с предложенной однокурсниками подсказкой — *фундамент*. В подобных случаях часто угадывается след фонетического облика означающего («что-то на ф»).

Удивительно: бытовое слово знакомо пишущему пассивно — имеется лишь смутный образ его звучания и самое общее представление об объекте действительности, с которым слово соотносится. Желание употребить незнакомое слово в речи приводит к подмене его другим словом (*фасад*). И то, и другое — элементы здания, так что выбор слова для подмены обусловлен принадлежностью обоих слов к одному тематическому полю.

Слово *порог* тоже употреблено неверно — приблизительно в значении «крыльцо». Освоенное вне какой бы то ни было деятельности, просто со слуха, да еще с небогатой сочетаемостью (фразеологизм *не пустить кого-то на порог*, сочетания *перешагнуть, переступить порог* девушка явно слышала, но *прибить порог* — заведомо нет), слово *порог* сформировало в сознании девушки не вполне адекватное понятие: это уже не элемент правильного устройства дверного проема, не то, что ограничивает ход двери, позволяет ее запирать и уменьшает сквозняк, а своего рода препятствие, которое надо преодолеть при входе в дом. Поэтому для нее не странно написать, что *порог сделан в виде трех ступенек*. Девушка «вычисляет» означаемое, сравнивая те контексты, в которых она слышала означаемое (идя от смысла, она бы использовала слово *крыльцо*); слова *стена, крыша, дверь, окно, фасад, фундамент, порог, крыльцо* и проч. для нее лишь слова из списка с пометкой «дом состоит из ...».

Впрочем, чаще пишущий знает не только тематическое поле, к которому относится слово, но и часть семантических компонентов его значения. Так, в рецензии на рассказ (в котором есть посвящение, эпитафия из Евангелия и симметричная ему евангельская цитата в конце произведения), первокурсница-филолог написала:

- (15) *Рассказ имеет кольцевую композицию. Вступление и эпилог автор берет из Евангелия.*

Оба термина употреблены неверно, студентка выбрала их потому, что, во-первых, в них есть семантические компоненты «стоит в начале текста» и «стоит в конце текста», а во-вторых, у нее есть установка на использование терминов. Ошибки такого рода — показатель невыстроенности картины мира или ее фрагмента: в системе знаний о мире отсутствуют многие важные связи между объектами.

Интересно, что пишущие не выбрали описательный способ представления информации: можно было сказать *к входной двери надо было подниматься по небольшой, в три ступени лестнице*¹ и *рассказ начинается и заканчивается цитатами из Евангелия* соответственно. Речевая стратегия избегания неизвестного (при подготовке к выпускному и вступительному сочинениям учителя рекомендовали не писать незнакомых слов и использовать только хорошо известные синтаксические конструкции) не сформирована: пишущий выбрал денотат, знает, что слово для этого денотата существует, но не помнит его и, не вспомнив, заменяет либо фонетически, либо семантически сходным (принадлежат к одному тематическому полю, имеют общие компоненты значения).

В подобных случаях обнажаются дефекты освоения понятия «только через речь», которое характерно для современного человека. Заметим: активный базовый лексикон является результатом разнообразной практической деятельности (операции с денотатами), которая сопровождается речевыми комментариями; вопреки этому, школа все чаще подменяет практическую деятельность ребенка рассматриванием визуальных образов (вместо лабораторных работ по химии — учебный фильм) и рассказом об этой деятельности. В результате многие прагматически и семантически значимые признаки понятия не отпечатываются в сознании.

III. Неточный выбор слова из-за близости понятий

Ошибки из-за незнания слов огорчительны, но объяснимы. Однако говорящий / пишущий легко смешивает и слова, обозначающие хорошо из-

¹ Девушка писала текст дома в течение нескольких часов и очень старалась, и зарисовка получилась сильной, но выражать свои мысли на родном языке ей очень трудно. Говорит, что в школе их всегда заставляли писать не то, что ей интересно, и требовали соблюдения всех шаблонов.

вестные ему близкие понятия: смежные в пространстве, сходные по функции и др. Рассмотрим две ошибки из очень неудачного предложения.

- (16) *Передо мной старое двенадцатиэтажное здание, первый этаж которого арендован под студию танцев, вход в которую украшает подсвечивающееся красное табло с надписью из черных букв «Evolution», а небольшую дорожку, ведущую к нему, подсвечивают два невысоких фонарных столба.*

На первый взгляд, это явление похоже на паронимическую аттракцию, но все же оно несколько шире. Слово *фонарь* означает и особое устройство для освещения, и сооружение, на котором это устройство размещают; для сооружения есть дифференцирующее обозначение — *фонарный столб*. По-видимому, для студентки слово *фонарь* означает в первую очередь небольшой фонарик, который можно держать в руке. Пытаясь уйти от двусмысленности высказывания, девушка выбирает синонимичное выражение *фонарный столб* и не задумывается о том, что столб не может ничего осветить.

В устной речи смешение способов обозначения смежных объектов встречается часто: *положи на телевизор* может означать «положи на тумбочку рядом с телевизором», и метонимические переносы не мешают пониманию, но на письме возникающая бессмыслица, как в приведенном примере, нас раздражает.

Обратим внимание на употребление глаголов *подсвечивать* и *подсвечиваться*. Они означают «освещать(ся) дополнительно». О вывеске можно сказать — *подсвечивается* (изнутри), но фонари дорожку *освещают* — *подсвечивать* (снизу) ее могут маленькие фонарики на краю дорожки. Субъекты (фонари у дорожки) обозначаются одним и тем же словом, действия по смыслу близки (есть компонент «освещать») — поэтому вероятность подмены слова достаточно велика. Предпочтение более сложного по семантической структуре и при этом некорректного слова *подсвечивают* (о фонарях) вместо *освещают* может быть связано с тем, что в предыдущем предложении для передачи близкого значения был использован тот же глагол (*подсвечивается*).

Вероятно, известный любому школьнику запрет на тавтологию обусловлен тем, что такого рода повторные употребления — известная риторам с античных времен особенность речи, в первую очередь неподготовленной. Во время анкетирования студент, отвечая на вопрос, что ему не нравится в собственной речи, написал: «Не так давно я начал замечать за собой, что если я заиклен на некой идее, то повторяю одно или группу слов. Это не так заметно в устной речи, но когда я пытаюсь писать стихи,

это ужасно мешает». Такое заикание встречается и в литературе; процитируем Л. Н. Толстого: «Князь Андрей, одевшись в дорожный сюртук без эполет, в отведенных ему покоях укладывался с своим камердинером. Сам осмотрев коляску и укладку чемоданов, он велел закладывать».

Стремление избежать тавтологии приводит даже прекрасных авторов к спорным решениям. А. В. Иличевский в блестящем травелогe «Города заката», рассказывая, как польская семья хотела усыновить спасенного ими от концлагеря ребенка, на протяжении абзаца использует для обозначения одного и того же денотата три слова — *мальчик* (3 раза), *ребенок* (1), *малец* (1). Опрос студентов показал, что *малец* для них — «несколько хулиганистый мальчишка 7–10 лет», а еврейский ребенок, которого в течение всей войны прятали от гитлеровцев и полицаев, рисуется в их воображении тихим и боязливым. Хотя возможна и индивидуально-авторская интерпретация слова *малец*, более вероятно иное: стратегия избегания тавтологии провоцирует игнорировать тонкие семантические особенности слова. Кстати, такие случаи показывают, что бессистемное, глубинно не осмысленное обучение стилистике (а в школе тавтология — практически единственная стилистическая рекомендация, за соблюдением которой учителя строго следят) нежелательна.

Итак, близость понятий часто приводит к неточному употреблению слова, при развитии навыка редактирования собственного текста (без него писать на литературном языке человек не научится) количество этих ошибок уменьшается. Однако даже опытный пишущий может не заметить подобный огрех, что говорит о важности вымирающего сейчас института редакторов.

IV. Неточный выбор слова из-за смежности ситуаций

Еще один источник нарушения стилистических норм, затрагивающих сочетаемость слов, — семантическая близость самих описываемых ситуаций. Рассмотрим фрагмент описания картины из сочинения второкурсника.

- (17) *Я описываю самую знаменитую картину Ивана Айвазовского — «Девятый вал». Картина, хотя и представляет собой изображение людей, пытающихся выжить на останках корабля после ночного шторма, благодаря используемой гамме, не создает гнетущего ощущения безысходности и неизбежности гибели терпящих крушение моряков. На первом плане мы видим группу людей, которые держатся за мачту корабля — единственное за что можно ухватиться, чтобы не утонуть.*

При разборе этого текста студент безошибочно отвечал на вопросы (Чем отличаются останки от обломков? Если мы говорим, что человек держится за мачту, то в каком положении находится эта мачта — стоит вертикально или качается на волнах? Что может потерпеть крушение и кто терпит бедствие? и проч.). Иными словами, пассивное знание значений слов и правил сочетаемости не было осознано и осмыслено носителем языка, в актив не перешло.

Кстати, все учителя знают, что речевые ошибки, зачитанные вслух, вызывают в классе дружный смех, и громче всех обычно смеется тот, кто эти ошибки допустил. Сочетаемость мы лучше ощущаем на слух, но при этом необходимо, чтобы в нашем сознании был включен «блок редактирования». В письменной речи требуется еще большая сосредоточенность на отслеживании стилистических несуразностей: стилистическое чутье у нас преимущественно слуховое.

Ошибки такого рода встречаются в различных коллокациях, когда они накладываются друг на друга: **пытаются выжить на останках корабля* = *пытаются спастись* + *пытаются удержаться на поверхности* + *держатся за обломки корабля* + *пытаются выжить (на необитаемом острове)* + *к утру от корабля уцелели лишь обломки* и проч. Очевидно, группа коллокаций, объединенных семантическим признаком (в данном случае — «пытаться остаться в живых»), синтаксически неустойчива, и при отсутствии привычки к самоконтролю пишущий легко подменяет фрагменты таких коллокаций.

V. Прагматические неточности при выборе слова

В хорошем тексте семантические и прагматические связи пронизывают все произведение. Они организуют сюжетные линии, композицию произведения, выстраивают систему персонажей. В научной парадигме, продолжающей традицию изучения художественного текста, заложенные В. В. Виноградовым, для описания многообразия такого рода связей введено понятие словесного ряда [Горшков 2008].

При подготовке к ЕГЭ школьники отрабатывают идею связности элементов текста по заданию, в котором рассматриваются лишь лексико-грамматические средства связи между двумя соседними предложениями. Поэтому в литературных опусах из Интернета и в студенческих творческих работах часто встречаются примеры, показывающие, что пишущий не приучен видеть слово как отражение одного из многих элементов опи-

сываемой ситуации. Рассмотрим два предложения из небольшой зарисовки студентки-второкурсницы.

- (18) *Это был один из таких осенних дней, когда с трудом встаешь с постели, на улице еще темно и на окнах тоскливо стекают капли морозящего дождя. <...> Естественно, пока я дошла до остановки, волосы мои можно было просто выжимать, тушь по лицу стекала черно-углевыми полосками¹.*

Объясняя свой выбор, студентка точно описала морозящий дождь и свой внешний вид после того, как она дойдет от дома до остановки под морозящим дождем («волосы в мелких капельках»); тут же сообразила, что при морозящем дожде капли редко стекают по стеклу, и сказала, что надо, наверное, заменить *морозящий дождь* на *проливной*. Комментируя выбор эпитета *морозящий*, она сказала: «Ведь осенью обычно идет морозящий дождь»: она выбирала из абстрактного тематического поля «Осень», даже не задумываясь о прагматической сочетаемости / несочетаемости элементов цельного текста. Такого рода ошибки в студенческих работах обычны.

- (19) *На фоне молодых, недавно посаженных деревьев, одна старая берёза привлекает к себе внимание. Толстый ствол, потрескавшаяся кора и несколько птичьих гнезд не мешают ей тянуться всё выше и выше, достигая уровня второго этажа.*

Студенты не увидели эту ошибку: они не знают, что до второго этажа дотягиваются боярышник и даже сирень, а береза и тополь легко перерастают пятый. К этому же типу ошибок относится неверное с прагматической точки зрения выражение (*люди*) *держатся за мачту* из примера (17): за мачту можно держаться, только пока она стоит на палубе. По-видимому, такого рода прагматические ошибки в построении текста являются результатом фрагментарности картины мира и неразвитого воображения. Однако прагматическая сочетаемость не влияет напрямую на сочетаемость слова.

В сегодняшнем мире виртуальной реальности иногда грань между тропом и фактом исчезает; следом за гранью исчезают и тропы. Современный школьник редко обращает внимание на гиперболичность гоголевской фразы «Редкая птица долетит до середины Днепра» — научить видеть реальность / ирреальность должен учитель. Если не формировать речевую стратегию проверки правдоподобия, человек будет лишен возможности воспринимать

¹ На вопрос, почему она предпочла *черно-углевые полоски* стандартным *угольно-черным потекам*, студентка призналась, что смутно помнила что-то такое, но сознательно ничего не выбирала — всё получилось случайно. Так что эта ошибка должна быть отнесена к типу II — «Подмена слова при неполной картине мира».

текст критически (потому что не сумеет отличить истинное высказывание от ложного) и эстетически (потому что не распознает тропы).

* * *

На самом деле описанные выше процессы затрагивают не только сочетаемость, но и внутреннюю структуру слова. В работе одной абитуриентки встретился знаменательный пример: имея в виду, как выяснилось во время разбора работы, что «мещане, следуя моде, повторяли чужие мысли, не вдумываясь в их реальный смысл», девушка написала так:

(20) *Мещанинство бездумчиво перенимало новые теории, не интересуясь их реализацией.*

Мы видим, что при недостаточной языковой рефлексии постепенно нарушается даже словообразовательная структура слова, а лексическое значение становится общим уже не для лексемы, а для группы однокоренных слов. Иначе говоря, современный выпускник школы с ее моделью выпускного экзамена (сочетание теста с шаблонным текстом) обладает низким уровнем языковой рефлексии и потому не является компетентным носителем языка¹.

Выводы

Современные тенденции к массовому господству естественной письменной речи и усвоению родного языка «только через речь» многократно ускоряют темпы языковых изменений, и литературный язык теряет свою устойчивость, что угрожает преемственности национальной культуры.

Преодолеть эти тенденции можно при принципиальной перестройке системы обучения родному языку. Нужны специальные техники развития языковой рефлексии: через анализ и синтез качественных текстов следует формировать определенные речевые стратегии (проверки правдоподобия, избегания непонятого, избегания смысловых повторов и др.), вырабатывать умение дифференцировать сходные понятия. В обучении родному языку, причем не только в школе², следует опираться не на воспроизводство шаблонов, а на рефлексию и творчество.

¹ Проблема компетентности носителя языка была поставлена в [Базжина, Евграфова 2008].

² Еще Б. Г. Ананьев указывал, что речевое развитие человека продолжается до 40–45 лет [Ананьев 1968].

Литература

- Ананьев Б. Г. 1968 — Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека. *Человек как предмет познания*. Ленинград. С.133–154.
- Базжина Т. В., Евграфова С. М. 2008 — Новая социальная ценность — компетентный носитель языка. *VII выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»*. *Материалы*. Череповец. С. 4–11.
- Горшков А. И. 2008 — *Русская стилистика и анализ произведений словесности*. Москва.
- Гумбольдт В. 1984 — О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. *Избранные труды по языкознанию*. Москва. С. 37–300.
- Добровольский Д. О. 2001 — К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление). *Русский язык в научном освещении*. №1. Москва. С. 161–178. Веб-ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics2/dobrovolsky-01.htm> (20.05.2013).
- Евграфова С. М. 2012 — Стилиевая дифференциация текста и языковая рефлексия пишущего. *Международная конференция «Маргиналии–2012: границы культуры и текста», Касимов, 24–26 августа 2012 г.* Веб-ресурс: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2012/thesis.htm> (20.05.2013).
- Живов В. М. 2013 — Аудиозапись лекции, прочитанной в Сколково. Веб-ресурс: <http://slavicstudieslibrarian.blogspot.ru/2013/04/in-memoriam-professor-viktor-m-zhivov.html> (20.05.2013).
- Звегинцев В. А. 1968 — *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Москва.

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК В РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Е. М. КОНИЦКАЯ

При обучении языкам неизбежно возникают проблемы, вызванные влиянием родного языка обучающихся на изучаемый язык. Лингводидактический процесс — это обучение новому способу мышления о мире, которое с неизбежностью, особенно на начальных этапах, наслаивается на опыт родного языка. Обучение другому языку можно представить как процесс «настройки» иноязычного речевого механизма, состоящего из трех групп навыков: 1) языковых навыков речи на родном языке, которые могут быть перенесены на новый материал; 2) формируемых заново навыков речи на иностранном языке; 3) навыков родного языка, которые необходимо откорректировать при овладении иноязычной речью [Леонтьев 1999: 223]. В зависимости от степени близости родного и изучаемого языков меняется роль и значение в обучении каждой из названных групп навыков. При достаточно больших различиях между родным и изучаемым языком основное внимание уделяется формированию новых языковых навыков, тогда как при большей или меньшей степени близости языков возрастает значение групп, связанных с переносом или корректировкой уже имеющихся навыков.

Еще в 80-е гг. XX в. было обращено внимание на методически релевантные сходства и различия родного и изучаемого языков: первые позволяют использовать положительный перенос навыков родного языка на изучаемый (транспозиция); вторые могут вызывать неправомерный перенос навыков родного языка на изучаемый (интерференция) [Юсупов 1987]. Учет транспозиции и интерференции обеспечивает успешное обучение языку; однако особого внимания заслуживает интерференция — явление, широко обсуждаемое в лингвистической и в лингводидактической литературе, вплоть до появления интерферологии как отдельной области лингвистики.

Впервые введенный в трудах Пражского лингвистического кружка, термин *интерференция* начал активно употребляться в 60-х гг. XX в. после появления работ У. Вайнрайха, посвященных языковым контактам (1953 г.), и сегодня трактуется по-разному, в зависимости от области применения: «В настоящее время под термином интерференция в работах, касающихся культуры языка и методики преподавания языков, называются нежелательные изменения в структуре любого языка, родного или изучаемого, вызванные влиянием одного или другого... Интерференция определяется то как языковое взаимопроникновение, то как отклонение от норм другого языка под влиянием системы первого, а также как перенесение элементов одного языка на другой (трансференция) или их проникновение, либо как бессознательное или осознанное смешивание систем двух языков, вследствие чего происходит отклонение от общепринятых норм в том языке, который в данной ситуации использует билингв в процессе коммуникации» [Психология 2011]. Многоаспектность явления интерференции обусловлена тем, что взаимодействие языков может осуществляться как в условиях их контактирования (непосредственного, напр., русского и белорусского языков в Белоруссии или литовского и польского языков в Литве, или опосредованного, — например, русского и английского языков в условиях профессионального общения), так и при обучении иностранному языку. В последнем случае интерференция понимается как отрицательное влияние ранее приобретенных навыков родного (либо ранее изученного) языка на формирование навыков изучаемого языка, приводящее к ошибкам в коммуникации на этом языке.

При обучении (близко)родственным языкам возможностей появления интерференции не меньше, чем при обучении неродственным языкам, хотя, на первый взгляд, это выглядит парадоксально. Дело в том, что при взаимодействии близких между собой структур интерференция становится менее заметной, а ее преодоление требует усилий по обнаружению и осмыслению тех участков языковой системы, где произошел ошибочный перенос.

Для современной лингводидактики, основанной прежде всего на коммуникативных принципах, плодотворно исследование интерференции с точки зрения теории речевой коммуникации, которая представляет собой динамический процесс, состоящий, с одной стороны, из процесса порождения и передачи информации при помощи языковых знаков, а с другой — процесса восприятия речи, то есть интерпретации языковых знаков, полученных в акустической или визуальной форме. В теории коммуникации средство передачи и получения информации, представляющее собой единую для говорящего и слушающего языковую систему, состоящую из плана выражения

и плана содержания, понимается как социальный код [Шелякин 2005: 41], а для того, «чтобы информация была более или менее адекватно понятой (интерпретируемой) адресатом, код должен быть одинаковым и различным для коммуникантов и указывать на одинаковые для них информационные смыслы» [там же: 51]. Для выработки единого кода необходимо, в частности, преодолеть неправомерный перенос навыков родного языка, причем не только при порождении высказывания, но и при декодировании (восприятии) высказывания на неродном языке.

С психолингвистической точки зрения интерференция связана с готовностью воспринимать то или иное явление на основании прежнего восприятия, или предубеждения, где последнее понимается как предубеждение, предзнание, основанное на системе родного (известного) языка. Готовность воспринимать факты чужого языка как элементы своего обусловлена фундаментальным устройством языкового механизма: «языковая информация не воспринимается получателем, а воссоздается в его сознании путем интерпретации знака, с которым у получателя ассоциируется соответствующая информация» [Шелякин 2005: 17]. Благодаря этому механизму при речевосприятии форма чужого языка внешнего языкового знака с присущим ему внутренним содержанием отождествляется со сходной формой своего кода, и этой чужой форме приписывается информация (содержание), соотносящаяся со своей языковой формой. При речепроизводстве стремление передать сформированное во внутренней речи содержание с использованием средств чужого языка приводит к ошибочному отбору языковой формы для передачи мысленного содержания (что часто случается при сознании общей близости языковых структур родного и изучаемого языков); сбой происходит на уровне присвоения чужой форме опосредованной во внутреннем слове своей мысли, которая ассоциируется в речевом коде обучаемого со сходной формой чужого кода.

Интерференция может затрагивать все уровни языка, приводя к большему или меньшему затруднению коммуникации, вплоть до ее разрушения. Коммуникативный сбой часто происходит при лексической интерференции, которая проявляется либо в непосредственном заимствовании лексем, либо в их структуре, либо в заимствовании значений или их связей с единицами плана выражения [Семчинский 1973: 34].

В статье рассматривается лексическая интерференция русского языка на словенский на материале ошибок русскоязычных (русских или хорошо знающих русский язык) студентов разных этапов обучения (в основном начального). Ошибки фиксировались на протяжении десяти лет (2000–2010 гг.) преподавания словенского языка на филологическом факультете Виль-

нюсского университета (Литва). В ходе обучения, ориентированного на разные виды учебной деятельности (в рамках коммуникативного метода в расширенном виде, включающем и переводческую деятельность), студенты читали и переводили словенские тексты и сами их продуцировали. Лексическая интерференция наблюдалась в двух формах: 1) ошибки при переводе текстов (в основном письменных); 2) ошибки при речепроизводстве (спонтанной речи и на письме). Поскольку основной единицей коммуникации является высказывание (предложение), в границах которого актуализируется значение лексем, случаи интерференции обычно фиксировались в границах высказывания (предложения).

Одним из основных источников лексической интерференции являются лексические параллели, то есть подобно звучащие слова с разными значениями в двух языках¹. Явление лексического параллелизма исследовалось на материале разных пар языков, как разносистемных (напр., [Кузнецова 1998; Савина 2011]), так и близких по своему строю (напр., [Кусаль 2006; Ганчева 2011–2012] и др.). По мнению С. Хуцишвили, исследовавшей славянскую межъязыковую омонимию, она вызывает «интерференцию, связанную с осознанным или неосознанным стремлением представителей разных языковых культур снять асимметрию между аналогичными, казалось бы, словами разных языков, сходными в плане выражения, что, соответственно, приводит к нарушению языковых норм» [Хуцишвили 2010: 97]. Надо сказать, что, хотя близость славянских языков признается всеми, сопоставительных работ по их лексике с учетом сочетаемости, частотности, стилистических особенностей и т. д. мало; до сих пор актуально замечание Р. М. Цейтлин, сделанное более 15 лет назад: «в общих работах без анализа перечисляются дежурные одинаково звучащие (с учетом национальной специфики) слова, в каждом языке даже при совпадении основного значения различающиеся по множеству других особенностей, которые в этих перечислениях игнорируются» [Цейтлин 1996: 9–10],

¹ Такие слова называют *ложными друзьями переводчика*, *межъязыковыми паронимами* [Акуленко 1969], *омонимами*, *междязычными аналогизмами* [Готлиб 1972: 437], *паралексами* [Михневич 1985], *аппроксиматами* [Токарз 1998] и др. (см. подробный обзор терминов в [Лобковская 2012; Ганчева 2011] и др.). Использование терминов *межъязыковая омонимия* или *паронимия*, как отмечалось в литературе, нежелательно, так как нарушается тождество термина (омонимы и паронимы устанавливаются для одного языка); выражение *ложные друзья переводчика* применяется, как правило, в области переводоведения. В. В. Дубичинский предлагает объединить термины в одну терминологическую систему и лексемы, совпадающие в плане выражения и несходные в плане содержания, назвать (*ложные лексические параллели* [Дубичинский 1993]; к такому же мнению приходит и С. Д. Хуцишвили [Хуцишвили 2010]).

поэтому исследование интерференции на материале близкородственных языков все еще остается «одной из актуальнейших проблем современной лингвистики» [Хуцишвили 2010: 97], в том числе и в области обучения иностранным языкам.

Генетическая близость словенского и русского языков провоцирует перенос речевых навыков с одного языка на другой благодаря, во-первых, большому количеству слов с общим этимологом из праславянского языка, во-вторых, интернациональной лексике. Эти слова часто совпадают в своем основном или единственном значении, поэтому можно говорить об их положительной роли в лингводидактическом процессе: наличие общей лексики создает ощущение комфорта, легкости обучения. Так, например, словенск. *brát, ókno, sêstra, zíma, vòda, nôga, nízek, visòk, dóber, mòj, tvòj, vaš, naš, roditi se, učiti, prosíti, písati* и др., будучи близки и в звуковом, и в семантическом отношении рус. *брат, окно́, сестра́, зима́, вода́, нога́, низкий, высокий, добрый, мой, твой, наш, ваш, родиться, учить, просить, писать*, легко опознаются студентами; то же можно сказать и об относящихся к интернациональной лексике словенск. *matemátika, ópera, árija, báriton, ahát, fúnkcija, sistém, ekspresíven, dominánta, paradigma* — их русские параллели имеют те же значения. Большое количество словенских слов близко или совпадает по звучанию с русскими, часто отличаясь лишь местом ударения или быстро усваиваемыми регулярными фонетическими соответствиями (напр., неполногласие в словенском языке и соответствующее ему полногласие в русском, ср.: словенск. *brég, mléko, kráva, bráda, gláva* — рус. *бе́рег, молоко́, коро́ва, борода́, голова́*; регулярное соответствие словенск. *o* ~ русск. *у* на месте **q*, напр.: словенск. *tóž, tóka, ròka* — рус. *му́ж, мука́, рука́* и др.). Они особенно хорошо опознаются в письменной форме (с учетом естественной разницы в алфавите), что приводит к легкости понимания при чтении элементарных фраз, напр.: словенск. *Dober večer. To je moj brat. Moja mama je učiteljica. Moj brat je študent. On govori rusko.* — рус. *Добрый вечер. Это мой брат. Моя мама учительница. Мой брат студент. Он говорит по-русски.*

Наряду со словами, близкими по звуковому оформлению и по значению, в русском и словенском языках обнаруживается довольно много случаев формального совпадения слов при различии их содержания. Поскольку именно эта группа становится источником лексической интерференции, целесообразно более подробно представить группу словенско-русских

лексических параллелей, в основном общеславянского происхождения, относящихся к разным частям речи¹:

- существительные: *dojka* 'грудь' – *дойка*, *lice* 'щека' – *лицо*, *trup* 'туловище' – *труп*, *juha* 'суп' – *уха*, *rečenka* 'жаркое' – *печенка*, *južina* 'обед' – *ужин*, *hišnik* 'завхоз' – *хищник*, *tovor* 'груз' – *товар*, *kupec* 'покупатель' – *купец*, *puška* 'ружье' – *пушка*, *družba* 'общество' – *дружба*, *resnica* 'правда' – *рещница*, *posel* 'дело' – *посол*, *gnoj* 'навоз' – *гной*, *let* 'год' – *лето*, *god* 'именины' – *год*, *čas* 'час' – *время*, *grob* 'могила' – *гроб*, *zastava* 'знамя' – *застава*, *leska* 'лещина' – *леска*, *les* 'древесина' – *лес*, *smetana* 'сливки' – *сметана*, *stroj* 'машина' – *строй*, *beseda* 'слово' – *беседа*, *govor* 'речь, торжественное выступление' – *говор*, *slovo* 'прощание' – *слово*, *kazen* 'штраф' – *казнь*, *korito* 'русло' – *корыто*, *hudoba* 'злость' – *худоба*, *junec* 'молодой бычок' – *юнец*, *jagoda* 'клубника' – *ягода*, *bor* 'сосна' – *бор*, *zelje* 'капуста' – *зелье*, *roganjki* 'поросль' – *поганки*, *kal* 'росток' – *кал*, *sad* 'плод' – *сад*, *ponos* 'гордость' – *понос*, *blok* '1. блочный дом; 2. блокнот' – *блок*, *progreb* 'похороны' – *погреб*, *prostor* 'помещение' – *простор*, *ruta* 'платок' – *рута*;
- глаголы: *brati* 'читать' – *брать*, *kaliti* 'мутить' – *калить*, *tožiti* 'обвинять' – *тужить*, *braniti* 'защищать' – *бранить*, *nakazati* 'отправить' – *наказывать*, *razkazati* 'показать' – *рассказать*, *razložiti* 'объяснить' – *разложить*, *poljubiti* 'поцеловать' – *полюбить*; *shoditi* 'сделать первые шаги' – *сходить*, *migniti* 'махнуть' – *мигнуть*;
- прилагательные: *rumen* 'желтый' – *румяный*, *siv* 'седой' – *сивый*, *hud* 'злой' – *худой*, *grad* 'некрасивый' – *гордый*, *čvrst* 'крепкий; плотный' – *черствый*, *vreden* 'полезный' – *вредный*, *rameten* 'умный' – *памятный*, *poročen* 'женатый' – *порочный*; *senen* 'дешевый' – *ценный*, *truden* 'усталый' – *трудный*; *boljši* 'лучший' – *больший*;
- наречия: *slabo* 'плохо' – *слабо*, *prsto* 'прямо' – *просто*, *krasno* 'прекрасно' – *красно*;
- местоимения: *on* 'тот (далекий)' – *он*, *ta* 'этот' – *та*;
- частицы: *že* 'уже' – *же*.

¹ А. Е. Супрун, рассматривая проблемы славянской сопоставительной лексикологии, отмечает: «сопоставление любой пары славянских языков показывает столь значительные различия, что становится ясной достаточная глубина происшедшего за последние полтора тысячелетия расхождения между славянскими языками» [Супрун 1994: 50]. Семантические расхождения общеславянских лексем весьма разнообразны; в некоторых случаях они очевидны, в других требуют специального исследования. Наблюдения над некоторыми русско-словенскими лексическими параллелями приведены в [Коницкая 2011b]. Параллели из области интернационализмов сравнительно редки, однако также встречаются, напр., рус. *профессор* — словенск. *profesor* 'профессор; учитель', рус. *аудитория* — словенск. *avditorij* 'зал для публичных выступлений, в том числе концертов, опер и т.д.' [Коницкая 2011a].

В некоторых случаях формально близкие лексемы двух славянских языков различаются не только лексически. Они могут использоваться в разных синтаксических функциях, а также в связанных (фразеологизированных) конструкциях: так, рус. *рад* — лексема, выступающая в роли сказуемого со значениями: '1. о чувстве радости, удовольствия, испытываемом кем-л.; 2. об испытываемом кем-л. желании, готовности, согласии сделать что-л.' [СРЯ III: 578], тогда как словенск. *rad*, лишенное собственно лексического значения, употребляется в разных конструкциях: напр., в конструкции с *Verb_{fin}* с общим значением 'выполнять какое-либо действие с удовольствием': *rad berem* 'я люблю читать'; в конструкции *rad bi + part -l* — со значением 'иметь желание, намерении (делать что-л.), ощущать потребность в чем-л.': *rad bi šel* 'хотел бы идти'; в сочетании с глаголом *imeti* — со значением 'любить': *rad(a) imam* 'я люблю' и др. [SSKJ].

Материал, собранный в ходе преподавания словенского языка русскоязычным студентам ВУ, показывает, что лексический параллелизм по-разному влияет на возможность интерференции в зависимости от вида учебной деятельности: а) при восприятии (понимании) и б) при речепроизводстве.

А. При деятельности, направленной на **понимание** текста, которая контролируется переводом, интерференция чаще всего появляется в случаях, когда словенско-русские лексические параллели относятся к одной лексико-семантической области. В этом отношении показательны ошибки при переводе описаний внешности или характеристик человека, напр.¹:

- (1) *Vem, da je Iztok nocoj ponosen* 'Знаю, что Изток сегодня вечером гордится собой'. – *Знаю, что у Изтока сегодня ночью расстройство желудка;
- (2) *Ta je naglo postal hud zaradi mojega ravnanja* 'Он внезапно разозлился из-за моего поведения'. – *Он стал наглым и худым из-за моего поведения;
- (3) *Fant je hudoben, ampak bister in hiter* 'Парень злой, но умный и быстрый'. – *Парень худой, но быстрый и хитрый;
- (4) *Kurent ima na glavi temno kosmato pokrivalo, rumen obraz, lesene rogovile, na katerih so pisani trakovi* 'У Курента на голове темное лохматое покрывало, желтое лицо, деревянные рога, на которых пестрые ленты'. – *У Курента на голове темное косматое покрывало, румяное лицо, лесные рога, на которых расписанные ленты.

¹ Ниже приводятся проблемные предложения, сопровождаемые правильным и неправильным переводом (для графического выделения последнего используется знак «звездочки»).

Ошибочное соотнесение словенских лексем с русскими приводит к нарушениям коммуникации разной степени — от слабой, вызванной незначительными изменениям эмоционально-экспрессивного компонента получаемой информации, напр.:

- (5) *Soba je polna luči* 'Комната полна света'. – *Комната полна лучей;

до сильной, характеризующейся полным содержательным искажением информации, результатом чего становится ошибочное понимание ситуации в целом, напр.:

- (6) *Prinesla ti bom gorke juhe* 'Принесу тебе теплого супа'. – *Принесу тебе горький суп;
- (7) *Pogovarjale so se, kakšne reve so gospodinje* 'Говорили о том, какие хозяйки бедняжки'. – *Говорили, что госпожи любят плакать;
- (8) *Na živilskem trgu je bilo veliko kursev* 'На рынке было много покупателей'. – *На рынке было много продавцов;

вплоть до разрушения коммуникации:

- (9) *Ima že gube okrog oči* '[У нее] уже морщины около глаз'. – *[У нее] губы вокруг глаз.

Исследователи явления межъязыкового параллелизма (в частности, [Готлиб 1972: 439]) предупреждают о нарушениях лексических норм словоупотребления и лексико-семантической сочетаемости слов на уровне семантики словосочетания, однако в нашем материале, связанном с пониманием, отмечено лишь незначительное количество таких нарушений (см. пример (9)). В тех случаях, когда компонент информации, выраженный лексической параллелью, в результате неверной интерпретации приходил в явное содержательное противоречие с контекстным окружением, студенты просто прекращали перевод и обращались за помощью к словарю или к преподавателю.

Таким образом, при обучении пониманию на родственном языке и переводу на него следует обращать особое внимание на лексические параллели, относящиеся к одной лексико-семантической области, которые провоцируют интерференцию в первую очередь. Для ее преодоления полезно предлагать обучаемым упражнения, а также специально подобранные тексты, содержащие лексические параллели, для перевода, который может наглядно показать подводные камни, таящиеся в мнимом тождестве формально подобных лексем родственных языков.

Б. При **продуцировании** речи на изучаемом языке интерференция, вызванная лексическим параллелизмом, носит более сложный характер

и проявляется как результат взаимодействия не только лексических систем двух языков (1), но также их синтаксических (2) или словообразовательных и морфологических (3) систем.

1. Наиболее простой случай нарушения коммуникации при речепроизводстве — использование слов с ошибочным значением в контекстах, потенциально допускающих такое значение. Случаи неверного употребления лексических единиц довольно частотны, ср.:

(10) У нас не курят. – **Pri nas ne kurijo* ‘У нас не топят’;

(11) (У моей сестры появился младенец.)¹ – **Moja sestra ima mladenca* ‘У моей сестры есть молодой человек’ (словенск. *mladenec* — устар. ‘юноша, молодой человек’).

Обусловленные лексическим параллелизмом ошибки могут вызывать комический эффект, напр.:

(12) (На завтрак я ем яйцо вкрутую.) – **Za zajtrk jem kruto jajce*

(*krut* ‘жестокий, суровый’, ср: *krut človek* ‘жестокий человек’, *kruta resnica* ‘жестокая правда’, *kruta kazen* ‘суровое наказание’), или нежелательную для говорящего реакцию: напр., когда студент в рассказе о своем коте сообщает:

(13) (Он мой любимец.) – **On je moj ljubimec*. ‘Он мой любовник’.

При обучении языку необходимо предупреждать о таких параллелях, могущих вызывать не только нарушение коммуникации, но и противоположную ожидаемой реакцию со стороны носителей языка (сходное наблюдение на примере русской речи болгар см. в [Ганчева 2011: 45]).

2. Интерференция при продуцировании текстов появляется также в случаях, когда в обоих языках есть формально сходные лексемы, выступающие в неэквивалентных синтаксических конструкциях. Так, русскоязычные студенты для выражения (по)желания (напр., *Я хочу / хотел бы вас пригласить...*), в своей словенской речи используют словенск. *hoteti*, который обычно употребляется для выражения не столько вежливого (по)желания, сколько желания (обладать чем-либо/совершить какое-л. действие); для выражения (по)желания используется предикатив *rad* в конструкции *rad bi + part -l* (см. выше). В свою очередь, использование словенск. *rad* в качестве эквивалента рус. *рад* в дословном переводе конструкции типа:

¹ Поскольку в этом случае фиксировались ошибки как в письменной, так и в устной спонтанной речи на изучаемом языке, исходные русские предложения, предположительно послужившие основой для словенских, даны в скобках.

(14) *Rad vas vidеть. – *Rad vas videti*

нарушает синтаксические правила словенского языка и ведет к коммуникативному сбою.

3. Исходя из общих представлений о структурном сходстве славянских языков, студенты при речепроизводстве используют дериваты семантически и формально близких русских и словенских слов, образованные при помощи сходных формальных средств, не учитывая, что такие дериваты могут представлять собой лексические параллели. Так, основное значение рус. *любить* и словенск. *ljubiti* совпадает (хотя словенск. *ljubiti* носит более книжный характер), а формально сходные приставочные образования от этих глаголов семантически различаются: словенск. *poljubiti* имеет значение 'поцеловать', ср. неверный перевод (при полной семантико-грамматической правильности словенского предложения):

(15) *Он полюбил молодую девушку. – *On je poljubil mlado dekle 'Он поцеловал молодую девушку'.*

На общем фоне лексической близости двух славянских языков возможен также неправомерный перенос словообразовательных средств выражения родственных грамматических категорий, в частности, видовых значений: напр., словенск. *poslušati* 'слушать', формально совпадая с рус. *послушать*, является одновидовым глаголом несов. в.: *poslušati glasbo, radijsko oddajo* 'слушать музыку, радиопередачу'; однако наличие в русском языке пары *слушать – послушать* провоцирует образование имперфектива от ошибочно понимаемого русскоязычными студентами как перфектив словенского глагола:

(16) *Мы слушаем радио. – *Mi slušamo radio.*

Использование ошибочной формы, отсутствующей в словенском языке, ведет к затруднениям коммуникации.

Проанализированный материал интерференции русского языка при продуцировании речи на словенском показывает отличия в этой области обучения. Ошибочный перенос в рамках одной лексико-семантической группы встречается довольно редко, что можно связать с отсутствием поддерживающей роли контекста, который при восприятии словенских текстов помогает отсеять содержательно недопустимые варианты перевода; однако возрастает количество ошибок, обусловленных взаимодействием разных уровней языка. Поэтому работа по преодолению ошибочного переноса навыков русского языка при обучении словенской речи должна носить более комплексный характер и включать, наряду с лексическими

упражнениями и заданиями, объяснения и упражнения по специфическим словенским синтаксическим конструкциям, а также по словообразованию и морфологии.

Подводя итоги, отметим, что при обучении (близко)родственным языкам возрастает значение группы навыков родного (известного) языка, нуждающихся в коррекции, то есть адаптации имеющегося у обучаемого опыта родного (известного) языка к системе нового языка, которая, в частности, предполагает перенаправление ассоциативных связей звуковых комплексов (означающих) с означаемым. Осознание существования лексических параллелей позволяет проводить целенаправленную работу, предупреждая студентов о коммуникативных проблемах, могущих возникнуть в случае неправомерного отождествления разных языковых кодов, и формировать у них понимание необходимости обращения к словарям для выработки полноценного нового языкового кода как средства коммуникации.

Литература

Акуленко В. В. 1969 — *Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»*. Москва.

Ганчева М. 2011–2012 — Межъязыковые лексические аналоги: проблема их исследования и преподавания (на материале русского и болгарского языков). *Slavica Szegediensia VII*. Сегед. С. 36–47.

Готлиб К. Г. М. 1972 — *Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика»*. Москва.

Дубичинский В. В. 1993 — *Русско-английские лексические параллели: метод. рекомендации*. Харьков.

Коницкая Е. 2011a — Интернационализмы в словенском и русском языках. *Globinska moč besede: red. prof. dr. Martini Orožen ob 80-letnici*. (Mednarodna knjižna zbirka ZORA 80). Maribor. С. 489–499.

Коницкая Е. М. 2011b — Русско-словенские лексические параллели. *Slavistica Vilnensis 2011 (Kalbotyra 56 (2))*. С. 53–66.

Кузнецова И. Н. 1998 — *Теория лексической интерференции (на материале французского языка)*: Дис. ... д-ра фил. наук. Москва.

Курохтина Т. Н. 2010 — *Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия*: Автореф. дисс.... канд. фил. н. Москва.

Кусаль К. 2006 — *Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия*. С.-Петербург.

Леонтьев А. А. 1999 — *Основы психолингвистики*. Москва.

Лобковская Л. П. 2012 — О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика»). *Вестник Челябинского государственного университета*. No 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 79–87.

Михневич А. Е. (ред.) 1985 — *Русский язык в Белоруссии*. Минск.

Савина С. С. 2011 — Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков. *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология*. Вып. 2 (24). С. 53–59.

Семчинский С. В. 1973 — *Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов)*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев.

Супрун А. Е. 1994 — О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии. *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. Москва. С. 38–52.

Хуцишвили С. Д. 2010 — *Славянские межъязыковые омонимы*. Дисс. ... д-ра филол. наук. Тбилиси. (доступ в Интернете: <http://www.press.tsu.ge/GEO/internet/disertaciebi/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf>).

Цейтлин Р. М. 1996 — *Сравнительная лексикология славянских языков*. Москва.

Шелякин М. А. 2005 — *Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы*. Москва.

Юсупов У. К. 1987 — Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков. *Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку*. Москва. С. 193–200.

Tokarz E. 1999 — *Pulapki leksykalne. Słownik aproksymatów polsko-słoweńskich*. Katowice.

Словари

СРЯ — *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Изд. 2, испр. и доп. Москва, 1984.

Психология общения — *Психология общения*. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А. А. Бодалева. Москва, 2011.

SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Spletna izdaja. Ljubljana, 2000 (доступ в Интернете: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>).

ПЕРФЕКТ И ДРУГИЕ ПРЕТЕРИТЫ В ПРЯМОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАРИИНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ)

А. М. КУЗНЕЦОВ

Термин *перфект* взят из латинской грамматики. Сам латинский перфект имел два основных значения — *perfectum historicum* (или *praeteritum*) в повествовании о прошлых событиях и *perfectum praesens* в контексте настоящего времени момента речи. Первый из них соответствовал греческому аористу и только второй — греческому перфекту, которому приписывается статальное и результативное значение. Но и в истории греческого языка перфект постепенно расширял свои функции и становился подобным аористу [Соболевский 1998: 200–204; Славянинская 1993, I: 196].

В исследованиях по грамматике современных языков термин *перфект* используется прежде всего по отношению к специальным глагольным формам, которые обозначают состояние в настоящем как результат предшествующего действия (*статальный перфект*) или действие / событие прошлого, чем-либо важное для настоящего, вне связи с другими фактами прошлого (*акциональный перфект*) [Маслов 1990: 372]. В качестве образца такого рода перфекта используется английская форма *Present Perfect Tense*. Если специальных форм для выражения подобного значения в языке нет, оно может быть выражено другими формами с широким диапазоном значений и прочитываться благодаря соответствующему контексту, тогда говорят о перфектном или перфективном значении такой формы. Например, в русском языке предложение *Двор зарос травой* может обозначать состояние в настоящем (= *Двор теперь заросший*), но форма *зарос* не является сегодня собственно перфектом. Нельзя сказать, что акциональное (результативное) значение перфекта так же легко определимо и доказуемо, как статальное, — приходится прибегать к дополнительным пояснениям, исходя из ситуации (*Я купил книгу, то есть она у меня есть* или *тебе не надо идти в магазин*).

Указание на то, что перфект выражает отношение прошлого события к настоящему времени момента речи, одновременно говорит о том, что такие формы употребляются в диалогической речи. В письменном тексте это в первую очередь прямая речь персонажей, она также может быть трансформирована в косвенную или несобственно прямую речь. Правда, в евангельских текстах не всегда легко разграничить трансформацию прямой речи и собственно придаточное изъяснительное предложение, ср.:

- (1) Лк 1.58 ꙗ слышаша оудсть жнѣштѣн ꙗ рождѣнне <= родственники>
 ꙗа. вко възвелунула естъ (ἐμεγάλυνεν — аор.) гѣ мность своѣж сѣ
 неѣж ꙗ радобаѣж са сѣ неѣж,

где только сама форма перфекта указывает на то, что воспроизводится прямая речь (греческий текст такого намека не содержит). Монологический текст повествования может быть диалогизирован за счет обращения автора к читателю и включения комментариев от имени автора. Вслед за логиком Х. Рейхенбахом лингвисты различают два плана или режима интерпретации времени в тексте: *план истории* и *план речи* [Бенвенист 1974] или *нарративный режим* и *речевой режим* [Падучева 1996: 285 и далее]. Для этих планов характерны разные формы времени, перфект принадлежит речевому режиму.

Древняя славянская сложная форма *прншьль есмь*, к которой восходят современные русские формы прошедшего времени, не связана своим происхождением с индоевропейской формой перфекта: славяне индоевропейский перфект утратили (единственный реликт — форма 1-го лица *вэдэ*), и, следовательно, называть новую сложную славянскую форму перфектом можно только доказав ее исключительно перфектное значение. В свое время Ф. И. Буслаев называл ее просто *прошедшим описательным временем* [Буслаев 1959: 362]. Впервые сложную форму *пришьль есмь* назвал латинским термином *перфект* (параллельно с составным термином *прошедшее совершенное действие*) в составе описательных глагольных форм Ф. Миклошич в своей *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* (1852–1874) [Миклошич 1889: 162]. Однако Ф. Миклошич никаких доказательств в пользу такого определения не привел.

Против использования названия *перфект*, равно как и *прошедшее совершенное* по отношению к древней славянской форме *пришьль есмь*, выступал А. А. Потебня [Потебня 1958: 255–262]. Во-первых, определение *совершенное* ассоциировалось со славянским совершенным видом, а вид этой формы мог быть и несовершенным, а во-вторых, на первом (дописьменном) этапе существования форм типа *пришьль есмь* в них «изобража-

лось событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глаг.)», то есть А. А. Потеня видел в этой форме просто преднастоящее. На втором же этапе теряется связь с настоящим временем из-за потери связки. А. А. Потеня пишет: «Сравнение сочетания -лъ ꙗсмь в Остр. ев. с заменяемыми им греческими формами не дает никакого руководства для определения его значения. Различные греческие формы заменяются в славянском одною, и наоборот» [там же: 255], например, в Остромировом евангелии греческий аорист переведен то славянским перфектом, то аористом в одном и том же контексте:

- (2) Лк 10.21 ОЕ сѹтанѹ ꙗси (ἀπέκρουψας) отъ прѣмѣдринѹхъ и стѣкры
(ἀπέκάλυψας) се младѣнцѣмѹ.

На чисто относительном характере этих форм в старославянских текстах настаивала И. К. Бунина [1959: 62–78], которая привела примеры перфекта НСВ и СВ, в которых трудно усмотреть значение результативности и актуальности последствий действия, она назвала эти формы *относительным преднастоящим*. Еще ранее об этом писал А. М. Селищев: «Действие, прошедшее в отношении к тому моменту, когда говорят о нем, в славянских языковых группах издавна стали передавать описательно... Значение этих передач отличалось нередко от значения греческого перфекта и было ближе к значению греческого аориста» [Селищев 1952: 173]. Он привел примеры форм перфекта из Мариинского евангелия, соответствующие греческому аористу и другим формам, а также разночтения по славянским рукописям, когда перфект и аорист взаимозаменяемы.

Несмотря на признание неперфектных функций у форм типа прншьмъ ꙗсмь, во всех описаниях старославянского и других славянских языков установилась традиция именовать такие формы перфектом. Более того, с учетом перфектного значения как первоначального почти во всех исследованиях выстраивается и дальнейшая судьба этих форм и простых претеритов в славянских языках. Но если речь идет о переводе сакрального текста, то с особой остротой возникает вопрос об интерпретации текста как его первым переводчиком, так и современным исследователем этого перевода.

В старославянских евангельских текстах план речи включает не только формы перфекта, но и простых претеритов — аориста и имперфекта, но вопрос об употреблении в прямой речи простых претеритов обычно не отделяется от вопроса об их употреблении в других режимах. Правда, И. К. Бунина специально указывает на случаи употребления имперфекта в прямой речи [Бунина 1959: 123–124] и доказывает их ориентацию на

формы аориста (то есть точку отсчета в прошедшем) в том же контексте. Ср. в речи родителей Иисуса и его ответе:

- (3) Лк 2.48 УДО УТО СЪТВОРИ НАМА ТАКО• СЕ ОТЕЦЪ ТВОИ И АЗЪ• СКОРЪБАЩА НСКААУОБЪ ТЕБЕ – ἐποίησας (аор.)... ἐζητοῦμέν σε (имперф.) – hast thou thus dealt... have sought – esi darījis... esam meklējuši;
- (4) Лк 2.49 УТО ЪКО НСКААШЕТА МЕНЕ• НЕ ЪВСТА ЛИ ЪКО ЪЖЕ СЪТЪ ОЦА МОЕГО• ЪЪ ТЪХЪ ДОСТОНЪ МН БЪИТИ – ἐζητεῖτέ με (имперф.) ... οὐκ ἤδειτε (плюскв. в значении состояния в прошлом) – ye sought me... wist ye not – esat mani meklējuši... nezinājāt.

Уже эти примеры показывают различия в трактовке эпизода: в речи Богоматери оба события (аорист и имперфект) по-английски и по-латышски переданы перфектом, но ни славянские, ни греческие формы не указывают на перфективное (акциональное) значение событий. А в ответной реплике Иисуса первое событие передано по-английски простым прошедшим, по-латышски же по-прежнему перфектом (что касается глагола с семантикой 'знать', то он имеет свою специфику в каждом языке). Вероятно, в речи Иисуса в английском переводе осуществляется переход с речевого режима на нарративный, поскольку образуется цепочка пропозиций *sought* и *wist*.

Употреблению форм перфекта и аориста в прямой речи посвящена статья Б. Гаспарова [Гаспаров 2003]. Опираясь в первую очередь на славянский перевод Псалтыри, где используются формы перфекта 2-го лица в обращениях к Богу, автор предлагает новую интерпретацию значения форм перфекта в книжных текстах как имеющих молитвенное, трансцендентное (с расширением до просто эмфатического) содержание в отличие от аориста с его эмпирическим содержанием. К сожалению, эта мысль подтверждается не всей совокупностью примеров каждого источника. Достаточно взять полную выборку примеров перфекта из Мариинского евангелия, чтобы засомневаться в такой интерпретации.

В данной работе представлены результаты сопоставительного анализа употребления форм перфекта и аориста в прямой речи в старославянских евангельских текстах на фоне греческого оригинала [Новый Завет 2002], а также английского [Holy Bible s.a.] и латышского переводов [Jaunā Derība 1988]. Перфектные формы в этих языках (анг. *have done* и лтш. сложное настоящее с активным причастием: ед. ч. *esmu / esi / ir + izdarījis* муж. / *izdarījusi* жен., мн. ч. *esam / esat / ir + izdarījuši* муж. / *izdarījušas* жен.) представляют сегодня живую категорию, хотя правила их употребления не во всем совпадают. Материал собирался по Мариинскому евангелию [Ягич 1883] с дополнениями по другим старославянским рукописям евангелий.

Оказалось, что возможны следующие отношения: а) славянский перфект соответствует греческому перфекту, б) соответствует презенсу, в) греческий аорист передан славянским перфектом, г) греческий перфект передан аористом, д) в том и другом тексте представлен аорист, в то время как в английском и латышском переводах (или хотя бы в одном из них) использованы перфектные формы.

Случаев совпадения, когда и в греческом, и в старославянском тексте употреблен перфект, оказывается совсем немного — всего 15. Почти все примеры переведены на английский и латышский формами с перфектным значением. Круг лексем, однако, ограничен пятью глаголами:

- (5) Ин 3.2 Ѣко отъ Ѣа пришелъ еси оучитель – ἐλήλυθας διδάσκαλος (перф.) – that thou art a teacher come from God – ka tu esi mācītājs, no Dieva nācis;
- (6) Мф 24.21 Бѣдетъ бо тогда скръбь великъ. ѣкаже нѣстѣ бѣиша отъ научила всего мира до селе. ни иматъ бѣити – οὐ γέγονεν (перф.) – was not – nav bijušas;
- (7) Ин 9.37 рече же ему нѣ. вндѣлази-н еси. и гланъ сѣ тобою тѣ естѣ – ἐώρακας (перф.) – hast both seen – esi viņu redzējis (разговор с прозревшим слепцом);
- (8) Ин 6.46 не ѣко отъца вндѣлаъ естѣ тѣ къ мо <= ЗЕ: къ то>. тѣ къ мо сѣ ни отъ Ѣа. сѣ вндѣ отца – ἐώρακεν... ἐώρακεν (перф., перф.) – hath seen... hath seen – būtu redzējis (желат.) ... ir redzējis;
- (9) Лк 24.29 и нѣ ждашете н гнѣ шита. облашн сѣ нама ѣко при вечерь естѣ. и прѣ клоннаъ сѣ естѣ ю же день – κέκλικεν (перф.) – is far spent – jau pagalam
- (10) Ин 17.2 ѣко же далъ ему еси (власть) всѣ кою плати. да всѣ ѣко еже еси ему далъ дастѣ ни жвста вѣ уз нааго – ἔδωκας... δέδωκας (аор., перф.) – hast given... hast given – esi devis... esi devis (о Сыне Божием);
- (11) Ин 17.4 дѣ ло сѣ зворшнхъ. еже далъ еси мнѣ да сѣ твори н – τελειώσας... δέδωκας (прич., перф.) – have finished... gavest – rabeigdams (прич.)... esi uzdevis;
- (12) Ин 17.7 нзи нѣ разумѣша ѣко всѣ ѣ нко далъ еси мнѣ отъ тебе сѣ тѣ – ἔγνωνκαν... δέδωκας (перф., перф.) – have known... hast given – ir atzinuši... esi devis;
- (13) Ин 17.9 не о всѣ семь мирѣ мо литъ. ни о тѣ хъ нѣ же далъ еси мнѣ нѣ – δέδωκας (перф.) – hast given – esi devis;

- (14) Ин 17.11 **СЪБЛОДН** **И** **ВЪ** **ИЛА** **ТВОЕ** **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** – δέδωκας (перф.) – hast given – esi devis;
- (15) Ин 17.12 **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** **СЪУРАНИНУЪ** – δέδωκας... ἐφύλαξα (перф., аор.) – gavest... I have kept – esi devis... pasargāju;
- (16) Ин 17.22 **И** **АЗЪ** **СЛАВЪ** **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** **ДАХЪ** **НМЪ** – δέδωκας... δέδωκα (перф., перф.) – gavest... have given – esi devis... esmu devis;
- (17) Ин 17.24 **О҆҆** **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** **ХОШТЪ** **ДА**... **И** **ТИ** **БѢДѢТЪ** **СЪ** **МЪНОИѢ** **ДА** **ВНДАТЪ** **СЛАВЪ** **МОИѢ** **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** **ЪКО** **ВЪЗДРОБЕНЪ** **МА** **ЕСИ** – δέδωκας... δέδωκας... ἠγάπησας (перф., перф., аор.) – hast given... hast given... lovedst – esi devis... esi devis... esi milējis;
- (18) Ин 18.9 **ИЖЕ** **ДАЛЪ ЕСИ** **МЪНЪ** **НЕ** **ПОГОВЕИХЪ** **НИКОГОЖЕ** **ОТЪ** **НИХЪ** – δέδωκας... ἀπώλεσα (перф., аор.) – gavest... have I lost – esi devis... neesmu jāvis iet bojā.

В силу лексических особенностей языков иногда настоящее время греческого оригинала переводится по-славянски перфектом (5 случаев):

- (19) Мф 19.20 **УЕГО** **ЕСМЪ** **ЕШТЕ** **НЕ** **ДОКОНЬУАМЪ** – ὕστερον (наст. ‘имею недостаток’) – lack I yet – man vēl trūkst (наст.);
- (20) Мк 10.21 **ЕДИННОГО** **ЕСИ** **НЕ** **ДОКОНЬУАМЪ** **АШТЕ** **ХОШТЕШИ** **СЪВРЪШЕНЪ** **БЪИТИ** – Ἐν σε ἡστερεῖ (наст. ‘не хватает’) – thou lackest – tev trūkst (наст.);
- (21) Лк 18.22 **ЕЩЕ** **ЕДИННОГО** **НЕ** **ДОКОНЬУАМЪ** **ЕСИ** – ἔν σοι λείπει (наст. ‘не хватает’) – lackest – trūkst (наст.);
- (22) Мф 26.50 **УОУСЪ** **ЖЕ** **РЕУЕ** **ЕМОУ** **ДРОУЖЕ** **НА** **НЕЖЕ** **ЕСИ** **ПРШЕЛЪ** Мф 26.50 – ἐφ’ ὃ πάρει (наст. ‘присутствуешь’) – wherefore art thou come – kāpēc tu esi šeit (наст.);
- (23) Мк 8.3 **ДРОУСИИ** **БО** **НУЪ** **ИЗДАЛЕУЕ** **СЪТЬ** **ПРШЪЛИ** – ἤκασιν (наст. со зн. прош. сов.) – came from far – ir nākuši.

Гораздо чаще представлены случаи замены греческого аориста славянским перфектом, что доказывает независимость славянской системы претеритов от греческого оригинала. Всего таких примеров 65, таким образом, формы перфекта в славянском переводе отмечены в 85 случаях. В то же время большинство греческих перфектов в славянском переводе передаются аористами, количественные данные представлены в таблице:

	греч. перф., наст., аор. → слав. перф.	греч. перф. → слав. аор.	греч. перф., аор., наст. → слав. перф.	греч. перф. → слав. аор.
	ед. ч.		мн. ч.	
1 лицо	2	38	–	7
2 лицо	50	5	10	10
3 лицо	21	50	2	6
	= 73	= 93	= 12 Всего: 85	= 23 Всего: 116

Можно привести примеры, когда один и тот же глагол в славянском тексте получает форму то перфекта, то аориста, хотя контекст оказывается подобным, ср. формы видэль естъ и видэ в (8) и параллель к (6):

- (24) Мк 13.19 ѡко не бѣистъ такова отъ наумла зданню – οὐ γέγονεν (перф.) – was not – nav bijušas;

параллель к (2) с отъкры (ἀπεκάλυψας):

- (25) Мф 11.25 ѡко оутанлъ еси се отъ прѣмъдрѣхъ и разоумъхъ. и бѣнлъ ѣ еси младенъцемъ – ἔκρυψας... ἀπεκάλυψας (аор.) – thou hast hid... hast revealed – esi apslēpis... esi zināmas darijis.

А также пары:

- (26) Ин 7.46 ннко нже тако естъ глѣ ѡб[р]кѣ. ѡко съ ѡбкѣ – ἐλάλησεν (аор.) – Never man spake – nav runājis;
- (27) Ин 9.29 мы бѣмъ ѡко мосѡвн глѣ бѣ. сего же не бѣмъ – λελάληκεν (перф.) – spake – ir runājis;
- (28) Ин 17.23 н да разоумѣатъ мнрѣ ѡко тзи ма посъла. и вѣзлюбнлъ ѡ еси. ѡкоже н ма вѣзлюбнлъ еси – ἠγάπησας... ἠγάπησας (аор., аор.) – hast loved... hast loved – esi milējis... esi milējis;
- (29) Ин 16.27 самъ бо отецъ любнтъ вы. ѡко вы мене вѣзлюбисте. и вѣрбасте ѡко азъ отъ ба нзднъ – πεφιλήκατε (перф.) – have loved... – esat milējuši;
- (30) Ин 20.15 гн̄ аште тзи еси вѣзлмъ. повѣждъ мнѣ кзде н еси положнлъ – ἔθηκας (аор.) – hast laid – esi licis (Мария Магдалина «садовнику» об Иисусе);
- (31) Ин 11.34 н рече кзде положисте н̄ глѣша емоу гн̄ градн внднъ – τεθείκατε (перф.) – have ye laid – esat likuši (Иисус о Лазаре);
- (32) Лк 1.78 мносрдѣн радн бѣ нашего. въ ннѡже посѣтнлъ естъ насъ вѣстокъ съ вѣше – ἐπεσκέψατο (аор.) – hath visited – uzlūkojis;

- (33) Лк 1.68 $\overline{\text{БЛГНЗ}} \overline{\text{ГЛ}} \overline{\text{ЕЛ}} \text{нЗЛВЗ}$ · ъко $\overline{\text{ПРЕВТН}}$ н $\overline{\text{СЗТВОРН}}$ нЗБАВЛЕННЕ ЛУДЕМЗ
 $\overline{\text{СВОИМЗ}}$ – ἐπεσκέψατο (аор.) – hath visited – uzlūkojis.

Всего отмечено 12 лексем с параллельными формами перфекта и аориста (нижний индекс указывает форму лица):

БЫЛА – БЫСТЗ 4;	ПОСВТНАЗ – ПОСВТНЗ;
ВНДБЛЗ 3 – ВНДБХЗ 3, ВНДБХОМЗ 2, ВНДБСТЕ 3,	ПРНШЕЛЗ 5 – ПРНДЗ 6, ПРНДЕЗ 6;
ВНДБЗ 3, ВНДБША;	РОДНАЗ СЛ – РОДНУХЗ СЛ;
$\overline{\text{ГЛЗ}}$ – $\overline{\text{ГЛАХЗ}}$ 9, $\overline{\text{ГЛАЗ}}$;	$\overline{\text{СЛПСА}}$ – $\overline{\text{СПЕ}}$ 3 4;
ВЗЗЛЮБЕНАЗ 4 – ВЗЗЛЮБЕНСТЕ;	СЗТВОРНАЗ 8 – СЗТВОРНУХЗ, СЗТВОРНХОМЗ,
ДАЛЗ 15 – ДАХЗ 3, ДАСТЗ 7;	СЗТВОРНЗ;
НШЕЛЗ – $\overline{\text{ИЗНДЕ}}$ 3;	ОУМРЛА 2 – ОУМЗРВТЗ 2

Сказать, что перфект в этих случаях везде несет трансцендентное содержание или хотя бы выражает эмфазу, а аорист связан с эмпирикой, будет натяжкой, см., например, (30 и 31, 9, 23), а также:

- (34) Мк 1.15 $\overline{\text{ГЛА}}$ · ъко $\overline{\text{ИСПЛНИН}} \overline{\text{СЛ}}$ ВРЪМА· $\overline{\text{И ПРНБАНЖИ}} \overline{\text{СЛ}}$ ЦРСТВЕНЕ БЖНЕ-
 канте СЛ – Πεπλήρωται... ἡγγικεν (перф., перф.) – is fulfilled... is at
 hand – ir piepildīts... ir tuvu atnākusi;
- (35) Лк 7.43 онЗ же РЕУЕ ЕМОУ· ПРАВЪ СЖДНАЗ ЕСН – ἔκρινας (аор.) – Thou
 hast rightly judged – esi spriedis;
- (36) Ин 4.18 $\overline{\text{И}} \overline{\text{НЗНЗ}}$ ЕГОЖЕ ИМАШН НЕСТЗ ТН МЖЖЗ· СЕ ВЗ ИСТНЖ РЕУЕ –
 εἶρηκας (перф.) – saidst – esi runājusi.

Желание найти противопоставление в содержании аористических и перфектных форм иногда подводит Б. Гаспарова. Так, в примере:

- (37) Мф 19.4 НЕСТЕ ЛН УЛАН· ъко СЗТВОРНН <ὁ κτίσας ‘создатель’ = слав.
 причастие> $\overline{\text{СКОИИ}}$ МЖЖЕСКЗ ПОЛЗ Н ЖЕНЬСКЗ· СЗТВОРНАЗ ЕСТЗ – Οὐκ
 ἀνέγνωτε... ἐποίησεν (аор.) – Have ye not read... made... made –
 neesat lasijuši... radijis

уже И. В. Ягич дал неправильное словоделение — СЗТВОРН н с непонятным н, Б. Гаспаров цитирует этот текст по Саввиной книге [Гаспаров 2003: 236], где содержатся формы СТВОРН НСПРЪВА с пропуском последнего и в причастии (следовало бы воспроизвести формы так: СТВОРН-Н-СПРЪВА), и принимает эту форму за аорист «без эмфазы», а перфект — как перифразу этого же события с эффектом эмфазы.

Преобладание перфектных форм во 2-ом лице ед. числа следует объяснять не их особым перфективным значением в контексте или трансцендентностью смысла, а стремлением избежать омонимии аорисных форм 2-

го и 3-го лица [Vaillant 1977: 163]. Из 50 примеров с формами 2-го л. ед. ч. только в 4-х случаях употреблено местоимение **ТЫ**, см. (28, 30) и:

- (38) Лк 16.25 **РЕЧЕ** ЖЕ **АБРААМЪ** УАДО ПОМЪНИ **ЪКО** **ВЪСПРНЪЛЪ ЕСИ ТЫ** БЛАГАА ТВОЪ БЪ ЖНКОТЪ ТВОЕМЪ. **И** ЛАЗАРЬ ТАКОЖДЕ ЗЪЛАА – ἀπέλαβες (аор.) – receivedst – esi dabūjis;
- (39) Ин 9.34 БЪ ГРЪБЪХЪ **ТЫ** **РОДНЪ СЪ** **ЕСИ** ВЕСЬ. **И** **ТЫ** ЛН НЪИ ОУУНШН – ἐγενήθης (аор. пасс.) – wast altogether born – viss esi grēkos dzimis.

А редкие примеры аориста 2-го л. ед. ч. на месте греческого перфекта (их всего 5, см. 36 и ниже) употреблены в сочетании с местоимением ты или обращением. Исключение представляет, пожалуй, только пример (43), где возможна в славянском интерпретация формы как 3-го лица:

- (40) Ин 2.10 **ТЫ** ЖЕ **СЪБМОДЕ** ДОБРОЕ ВИНО ДОСЕЛЪ – τετήρηκας (перф.) – hast kept – esi pataurījis;
- (41) Ин 3.26 **И**ЖЕ БЪ СЪ ТОБОИЖЪ ОБ ОНЪ ПОЛЪ НОРЪДАНА. **Е**МОУЖЕ **ТЫ** **СЪВЪДЪТЕЛЬСТВО** – μεμαρτύρηκας (перф.) – barest witness – esi nodēvis liecību;
- (42) Ин 14.9 ТОЛНКО ЛН ВРЪМА СЪ ВАМН ЕСМЪ Н НЕ **ПОЗНА** ЛН МЕНЕ **ФАНПЕ-**
ВНДЪВЪИ МЪ **ВНДЪ** ОТЪЦА – ἔγνωκας (перф.) – hast thou not known – nezazīsti (прош.)
- (43) Ин 20.29 **Г**ЛА ЕМОУ **Н**СЪ **ЪКО** **ВНДЪВЪ** МЪ **ВЪРОВА**. **Б**ЛАЖЕНН НЕ **ВНДЪВЪ**.ШЕН **И** **ВЪРОВАВЪШЕН** – ἑώρακας... πεπίστευκας (перф., перф.) – hast seen... hast believed – esi redzējis... tici (наст.).

Что же касается 3-го л. ед. ч. перфекта, то из 22 случаев лишь в одном отсутствует подлежащее, подразумеваемое в ситуации:

- (44) Лк 23.35 **И**НЪ **ЕСТЪ** **СЪПЦА** ДА **СПСТЪ** Н СЪ – ἔσωσεν (аор.) – He saved others; let him save himself.

Поэтому конкуренция перфекта и аориста здесь выглядит иначе: аорист преобладает, как и в других случаях.

Кроме того, имеется огромное количество примеров, когда греческий аорист в прямой речи переводится славянским аористом, но в английском и латышском переводах находим перфект (комплекс этих примеров подробно здесь не разбирается):

- (45) Мф 5.28 **В**СЪВЪКЪ **Н**ЖЕ **ВЪЗЪРНТЪ** НА **ЖЕНЪ** СЪ ПОУСТНИЖЪ. **Ю**ЖЕ **ЛЮ**БЪИ **СЪТВОРН**
СЪ **НЕЖЪ** – ἐμοίχευσεν (аор.) – hath committed adultery – ar viņu laulību jau ir pārkāpis savā sirdī – 3-е лицо;

- (46) Мф 8.13 ндн ѡкоже вѣрѡва бѣдн тѣбѣ – ἐπίστευσας (аор.) – as thou hast believed – kā tu ticējis – 2-е лицо;
- (47) Мк 15.34 МЕ бѣжѣ бѣжѣ мон вѣскѣж ма остаѡн – ἐγκατέλιπες (аор.) – hast thou forsaken – esi atstājis – 2-е лицо.

Таким образом, аорист в евангельских текстах является основной формой прошедшего времени с широким диапазоном значений, включая перфективное, что позволяет ему неограниченно использоваться и в прямой речи. Перфект же возможен только в составе прямой речи, причем он не противопоставлен аористу как специальное средство выражения перфективного значения или трансцендентного содержания. Перфект, кроме того, еще не соотносим с имперфектом.

Почти во всех случаях, когда в греческом и славянском тексте евангелия встречаются формы аориста и перфекта в прямой речи, им соответствуют сложные формы Present Perfect Tense в английском переводе и сложного настоящего в латышском. Характеризовать эти формы как формы непременно с перфективным значением, вероятно, не стоит: в современных грамматиках английского языка их трактуют в первую очередь как формы *преднастоящего* времени [Хорнби 1992: 133–139] и только в контекстном окружении как результативные. Следовательно, определение форм перфекта как *преднастоящего* (относительного) времени И. К. Буниной и как перфективных другими исследователями не противоречат друг другу, однако ее определение шире и потому точнее.

Отсутствие оппозиции по признаку перфективности особенно заметно, когда прямая речь включает цепочку глагольных форм, которые могут соотноситься по времени:

- (48) Ин 17.12 ѡже далъ еси мѡнѣ схранити – δέδωκας... ἐφύλαξα (перф., аор.) – gavest... I have kept – esi devis... pasargāju;
- (49) Лк 13.26 тѣгда наѡучете гл҃ати· ѡемъ прѣдъ тобоѡмъ и пихомъ· і на распѣтннхъ нашнхъ оунамъ еси – ἐφάγομεν... ἐπίομεν... ἐδίδαξας (аор., аор., аор.) – We have eaten and drunk in thy presence, and thou hast taught in our streets – Mēs ar tevi esam ēduši un dzēruši, un tu esi mācījis mūsu ielās;
- (50) Лк 2.30-31 МЕ ѡко вндѣсте оун мон сѡпасенне твое· еже еси оутѡвоамъ прѣдъ лицемъ вѣсѣхъ люднн – εἶδον... ἡτοίμασας (аор.) – have seen... hast prepared – ir redzējušas... esi sataisījis.

Мотивировать употребление на первом месте перфекта в (48), где имеет место временная последовательность, аориста и перфекта в (49), где собы-

тия одновременны, и аориста в (50) для события, следующего по времени за перфектом, каким-либо дополнительным признаком не удаётся.

Предполагать, что в истории славянских языков перфект стал расширять свои значения и вытеснять тем самым аорист, нет надобности. Новые функции и значения перфект стал приобретать, заменяя имперфект и выходя за рамки прямой речи, то есть когда он стал проникать в нарратив [Klenin 1993: 335].

Трудно сказать, каким образом в славянской речи появился перфект. Омонимия форм 2-го и 3-го лица ед. числа аориста, омонимия аориста и стяженного имперфекта (БЪРАУЪ – БЪРААУЪ), аориста и настоящего времени (ДАСТЪ), конечно, побуждала к созданию однозначных форм. Почему были задействованы именно причастия на -лъ? В евангельских текстах отмечен только один пример с причастиями на -(в)ъ(ш)- в функции сказуемого (без связки!):

- (51) Лк 19.20-21 ѡ ДРУГЪ ПРѢ ГЛА ГН. СЕ МЗНАСЪ ТВОЕ ИЖЕ ИМѢУЪ· ПОЛОЖЕНЪ ВЪ ОУБРОУСѢ. БОУУЪ БО СЯ ТЕБЕ. ЪКО УЛѢКЪ ТЪРЪ ЕСН. ВЪЗЕМЕШН ЕГОЖЕ НЕ ПОЛОЖЪ. ѡ ЖЫЕШН ЕГОЖЕ НЕ СѢВЪ – εἶχον (имперф.)... ἐφοβούμην (имперф.)... ἔθηκας (аор.)... ἔσπειρας (аор.) – I have kept laid... I feared... thou layedst not down... thou didst not sow – biju noglabājis... baidijos... neesi nolcis... neesi sējis;

ср.:

- (52) Мф 25. 24 ВЪДѢУЪ ТЯ ЪКО ЖЕСТОКЪ ЕСН УЛКЪ. ЖЫНА НДЕЖЕ НѢСН СѢЛЪ – οὐκ ἔσπειρας (аор.) – thou hast not sown – neesi sējis.

Возможно, причастия на -лъ сначала использовались только в составе сослагательного (условного) наклонения БНМЪ / БЪУЪ ПРНШЪЛЪ, парадигма которого должна была включать изначально все формы лица и числа. И только потом по образцу этих форм стали создаваться и формы плюсквамперфекта БЪУЪ ПРНШЪЛЪ, перфекта НСМЪ ПРНШЪЛЪ, преждебудущего БЪДЪ ПРНШЪЛЪ.

Литература

Бенвенист Э. 1974 — Глава XXI. Отношения времени во французском глаголе. *Общая лингвистика*. Москва. С. 270–284.

Бунина И. К. 1959 — *Система времен старославянского глагола*. Москва.

Буслаев Ф. И. 1959 — *Историческая грамматика русского языка*. Москва.

Гаспаров Б. 2003 — Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении*. № 1(5). С. 215–242.

Маслов Ю. С. 1990 — Перфект. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва. С. 372.

Миклошич Ф. 1889 — *Сравнительная морфология славянских языков. Выпуск I. Язык старословенский*. Перевел Н. Шляков. Под ред. Р. Брандта. Москва.

Новый Завет 2002 — *Новый Завет на греческом и русском языках*. Москва.

Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.

Потебня А. А. 1958 — *Из записок по русской грамматике*. Том I–II. Москва.

Селищев А. М. 1952 — *Старославянский язык*. Часть вторая: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. Москва.

Славятинская М. Н. 1993 — *Учебник древнегреческого языка*. Часть I. Москва.

Соболевский С. И. 1998 — *Грамматика латинского языка*. Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. Фототипическое изд.-е (М., 1948 г., Изд-во литературы на иностранных языках). Санкт-Петербург.

Хорнби А. С. 1992 — *Конструкции и обороты английского языка*. Пер. с англ. А. С. Игнатьева. Москва.

Ягич И. В. 1883 — *Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*. Санкт-Петербург.

Holy Bible s. a. — *The Holy Bible, containing the Old and New Testaments*. By His Majesty's Special Command. Oxford.

Jaunā Derība 1988 — *Jaunā Derība*. 300 gadu jubilejas izdevums. S. I. Latvijas Ev. Lut. Baznīcas Konsistorija.

Klenin E. 1993 — The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava, August–September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). Columbus, Ohio. P. 330–343.

Vaillant A. 1977 — *Grammaire comparée des langues slaves. T. V. La syntaxe*. Paris.

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО И ИМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКИХ ГИМНАЗИСТОВ ЭСТОНИИ

Н. В. МАЛЬЦЕВА-ЗАМКОВАЯ, И. М. МОИСЕЕНКО

В конце прошлого столетия четко обозначилось антропоцентрическое направление в лингвистике и лингводидактике. При таком подходе внимание сосредоточено на лингвистическом развитии индивида, способности человека совершать речевые поступки, воспринимать и порождать тексты.

Поскольку объектом данной статьи является описание лингвистических особенностей письменных текстов конкретных индивидов (в нашем случае абитуриентов школ с русским языком обучения), необходимо остановиться на трактовке понятия «языковая личность». Оно прочно вошло в понятийный аппарат лингводидактики в конце прошлого столетия, когда внимание педагогов и лингвистов сосредоточилось на роли «человеческого фактора» в лингвистическом развитии индивида. Известны различные подходы к изучению языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности [Нерозник 1988], этносемантическая личность [Воркачев 2001], русская языковая личность [Караулов 1987], языковая личность западной и восточной культур [Снитко 1999] и т. д. Первое обращение к понятию языковой личности связано с именем Л. Й. Вейсгербера [Вейсгербер 1993]. В русской лингвистике это понятие было сформулировано В. В. Виноградовым [Виноградов 1980] и долгое время оставалось невостребованным. Глубоко и всесторонне начал разрабатывать это понятие Г. И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривался с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 31]. Введение этого понятия в широкий научный обиход связано с исследованиями Ю. Н. Караулова [Караулов 1987, 1989]. Под языковой личностью он понимает «совокупность сп о-

способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождения им текстов» [Караулов 1989: 3].

Понятие «языковая личность» является центральным в лингводидактике и имеет множество дефиниций. Приведем некоторые из них. «За термином языковая личность стоит реальность в виде субъекта, обладающего совокупностью способностей и свойств, позволяющих ему осуществлять сугубо человеческую деятельность — говорить, общаться, создавать устные и письменные речевые произведения, отвечающие цели и условиям коммуникации, извлекать информацию из текстов, воспринимать речь» [Соколова 1995: 11]. Под «языковой личностью» может также пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, — личность словарная, этносемантическая» [Воркачев 2001: 64–72].

В работах, связанных с обучением в инокультурном пространстве, под языковой личностью «понимается модель надличностных культурно-ценностных ориентиров, реализуемых коммуникантом в тех или иных дискурсивных условиях путем использования различных языковых средств и речевых стратегий в исконном или инокультурном языковом пространстве» [Трубчанинова 2008: 3]. Важными в дидактических целях являются также следующие определения языковой личности: «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 26] «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструирует культурно специфический когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в различных дискурсивных условиях разнообразными вариантами» [Гришаева 2006: 17].

Для данной статьи представляется особенно актуальным мнение Ю. Н. Караулова о том, что языковая личность «является той сквозной идеей, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка» [Караулов 1989: 3]. Таким образом, мы рассматриваем языковую личность как человека, реализующего себя в речевой деятельности, в которой прояв-

ляется определенная совокупность его знаний и представлений, конкретный жизненный опыт. При этом важно учитывать, что языковая личность включает в себя как постоянную составляющую, в которой она соотносится с национальным характером (языковой тип, систему вербально-семантических ассоциаций, картину мира, устойчивые коммуникативные черты), так и индивидуальные особенности. Обе составляющие могут проявляться на трех уровнях языковой личности: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Вербально-семантический уровень, единицами которого являются слова, включает в себя владение структурой языка, способность реализовывать систему языка во всех видах речевой деятельности. Этот уровень Ю. Н. Караулов не случайно называет «нулевым», так как владение языком не позволяет еще говорить о языковой личности. Следующий уровень — когнитивный, или тезаурусный. Он включает в себя различные понятия (идеи, концепты), формирующие картину мира. Последний уровень — мотивационный, или прагматический. Его единицами являются различные деятельностно-коммуникативные потребности, и на этом уровне происходит связь коммуникации с реальной ситуацией. Прагматическая характеристика определяется целями и задачами коммуникации — намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Именно мотивированность говорящего, которая, по определению Ю. Н. Караулова, является «коммуникативно-деятельностной потребностью», представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности [Караулов 1987: 215], который может быть описан с привлечением полученных авторами статьи данных.

Уровневая модель отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей, безусловно, множество, они отличаются разной значимостью каждого уровня в составе личности. Следовательно, языковая личность — это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность — это языковая личность в парадигме реальной коммуникации, в деятельности. Именно на деятельностном уровне проявляется национально-культурная специфика языковой личности и общения. В содержание языковой личности включены следующие компоненты: 1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, то есть система ценностей, или жизненных смыслов; 2) культурологический, то есть уровень освоения культуры; 3) личностный компонент, то есть индивидуальные особенности.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной

культуры. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов. Основным средством формирования языковой личности является социализация индивида, предполагающая три аспекта: процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой; процесс усвоения законов социальной психологии народа. Особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, так как процесс восприятия той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка.

Целью данной статьи является обращение к индивидуальной грамматике носителя русского языка посредством анализа созданных ими текстов. При этом учитывается тот факт, что «естественный язык представляет собой систему, оптимальное использование которой предполагает, что при ее использовании постоянно происходят отклонения по отношению к самой этой системе» [Русакова 2009: 4]. Понятие «отклонение от нормы» (ошибка, нарушение нормы, девиантная форма, грамматический сбой) является ключевым для данного исследования и используется не в рамках нормализаторского подхода, не с точки зрения культуры речи и не несет отрицательной оценки. Абитуриенты, в чьей речи они неизбежно встречаются, являются среднестатистическими носителями языка. Термин «ошибка» используется так, как понимает его М. Я. Гловинская [Гловинская 2011], то есть достаточно либерально: за стандарт принимаются не описания в академических грамматиках, поскольку они неизбежно отстают от развивающегося языка, а бытующие в настоящее время языковые употребления узкого круга образованных лиц.

Одним из эффективных способов исследования языковой личности является анализ текстов, созданных индивидами на определенном этапе их языкового развития. В статье рассматриваются особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии, то есть будут затрагиваться вопросы, связанные с изучением вербально семантического и частично когнитивного уровня развития языковой личности.

Для определения языковых затруднений были проанализированы анкеты обратной связи экспертов, оценивавших выпускные сочинения абитуриентов школ с русским языком обучения за 2009–2011 годы (в общей сложности ими были проверены 5774 работы). 2000 письменных текстов изучались с точки зрения нарушения языковых и речевых норм на всех уровнях языка. В рамках данной статьи рассматривается нарушение грам-

матических норм, а именно сдвиги в глагольном и именном управлении, поскольку именно они могут свидетельствовать о серьёзных глубинных процессах, происходящих в языковом сознании.

Нарушения в глагольном и именном управлении в речи выпускников школ с русским языком обучения, вероятно, обусловлены:

- общими тенденциями в развитии грамматического строя современного русского языка;
- влиянием эстонского языка (в начале исследования предполагалось, что эта тенденция проявляется в наибольшей степени);
- воздействием английского языка (поскольку современные гимназисты используют английский язык как средство общения).

Остановимся подробнее на рассмотрении вышеупомянутых нарушений грамматических норм, которые условно распределены на несколько групп в зависимости от предполагаемых причин их возникновения.

Ошибки, обусловленные общими тенденциями в развитии грамматического строя современного русского языка, которые приводят к расшатыванию языковых норм

1. Ошибочный выбор падежной формы в конструкции с близкими по значению словами:

- (1) *автор делится о своих впечатлениях* (рассказывает о своих впечатлениях)
- (2) *обсуждение о том* (беседа о том)
- (3) *догадался до этого* (додумался до этого)
- (4) *книга учит о доброте* (говорит о доброте)
- (5) *автор описывает о жизни Сони* (рассказывает о жизни Сони)
- (6) *изменить свою оценку на окружающий мир* (свой взгляд)
- (7) *свой выбор я основываю верой в себя* (объясняю верой)
- (8) *восхищалась смелости и целеустремлённости* (удивлялась)
- (9) *поделиться о наболевших проблемах* (рассказать)
- (10) *забота за любимого* (тревога)
- (11) *радуюсь жизнью* (наслаждаюсь)
- (12) *в жизни можно многого радоваться* (добиться)
- (13) *набираться опытом* (делиться)

- (14) *отношение автора об Эстонии* (мнение)
- (15) *взгляды Татьяны о семейном счастье* (мысли)
- (16) *соприкосновение к виртуальному миру* (отношение)
- (17) *у Данко была потребность к подвигу* (тяга)
- (18) *Сотников похож с героем Пушкина Швабриным* (схож) и т. д.

Можно предположить, что такие замены грамматических форм возникают при порождении текста (формулировании мысли) и связаны с недостаточным развитием когнитивной сферы языковой личности. Видимо, в момент порождения текста происходит замена задуманной конструкции на синонимическую в смысловом отношении, но отличающуюся в грамматическом.

Неадекватное предложно-падежное оформление словоформы существительного является одним из самых частотных сбоев в русской речи. Иногда сами респонденты в интроспективных отчетах указывают на то, что сбои в именных словоформах происходят вследствие лексического или синтаксического перепланирования высказывания и замены одной предикатной лексемы (чаще всего глагола) другой. Нарушения типа *Я об этом уже обсуждала* (о том, что N приглашен на конференцию) они объясняют, например, таким образом: «Хотела сказать «говорила», но тогда бы вышло, что я рассказывала, а я с самим N и говорила, потом хотела сказать «разговаривала», но это значит просто разговаривала» [Русакова 2009: 14]. Гораздо чаще, однако, интроспективные отчеты говорящих свидетельствуют о том, что никакой конкуренции предикативных лексем при подготовке высказываний не было. Существенно то, что наблюдения над другими типами сбоев и интроспективными отчетами к ним показывают, что, когда такая конкуренция есть, она может быть с легкостью отрефлектирована говорящим.

Следовательно, порождая грамматическую форму, говорящие могут и не ориентироваться ни на предикат, уже извлеченный из лексикона, ни на другой, возможный в том же высказывании. Механизм, используемый в данном случае, заключается в том, чтобы в определенной семантической (конструкционной) позиции употреблять именную словоформу в определенном предложно-падежном оформлении. Это значит, что у носителей русского языка существуют механизмы, позволяющие морфологически оформлять предложно-падежную форму в соответствии с тем, какое место она должна занять в семантической (в широком смысле) структуре высказывания, а не путем формального подчинения существительного управляю-

щему элементу. Представляется, что подобные механизмы действуют и при порождении письменной речи.

Следовательно, носители русского языка даже не замечают, что какие бы то ни было правила могут быть использованы при написании окончаний существительных, а значит, заведомо не обращаются к этим правилам в процессе письма, что свидетельствует об их небрежном отношении к выбору языковых средств.

2. Смешение родительного и предложного падежей:

- (19) *не знали о компьютеров*
- (20) *участие в выборов*
- (21) *споры о кандидатов*
- (22) *решили в долгих споров*
- (23) *вспомнил об Анне Сергеевны*
- (24) *писали о массовых беспорядков*
- (25) *читает много газет и журналах и т.д.*

Это массовые однотипные ошибки у носителей литературной нормы. Путааница флексий происходит при наличии определенных условий. Фонетически наиболее благоприятным условием является безударность флексий Р.п. и П.п. В начале 21 века происходит дальнейшее расширение этого явления: флексии путаются не только в безударных, но и в ударных слогах: *рассказы о колдунов*. Вероятно, это внутренняя языковая тенденция [Гловинская 2011].

3. Предложное сочетание вместо беспредложной конструкции:

- (26) *его попытка увенчалась с успехом*
- (27) *проблемы о материальном состоянии*
- (28) *осознает о случившемся*
- (29) *посвятивших свою жизнь на служение другим*
- (30) *преданность к родителям, друзьям, к Мастеру*
- (31) *изменить свою оценку на окружающий мир*
- (32) *юмор чужд для него*
- (33) *участники в Олимпийских играх*
- (34) *я буду утверждать о том, что...*
- (35) *понимание о том...*
- (36) *автор делится о своих впечатлениях*

Вероятно, это можно объяснить тем, что «для современного русского синтаксиса характерна повышенная роль предложных сочетаний, которые часто приходят на смену беспредложному управлению» [Валгина http://hi-edu.ru/e_books/xbook050/01/part-010.htm].

4. Беспредложное сочетание вместо предложной конструкции:

- (37) *этому свидетельствуют*
- (38) *люди страдают одиночеством*
- (39) *покончить собой*
- (40) *все свои проблемы люди рассказывают в социальных сетях*

Немногочисленные ошибки такого типа свидетельствуют о том, что «...предложные сочетания, не столь очевидные по своим стилистическим качествам, все-таки заметно вытесняют беспредложные сочетания» [Валгина http://hi-edu.ru/e_books/xbook050/01/part-010.htm].

5. Некорректное использование производных предлогов для обозначения причинно-следственных отношений:

- (41) *благодаря знаний, умений*
- (42) *в соответствии расписания*
- (43) *вопреки желания*

«Трудными» для практического применения оказываются предлоги *благодаря, вопреки, согласно*, которые в грамматическом плане преобразовывались на пути к предлогам, сохранив «исторический» след в вариантности употребления с разными падежными формами (*благодаря кому – чему, а не кого – чего; вопреки чему, а не чего...*) [Валгина http://hi-edu.ru/e_books/xbook050/01/part-010.htm].

6. При предложном управлении замена нормативной формы на ненормативную:

- (44) *Сотников похож с героем Пушкина Швабриным*
- (45) *взгляды Татьяны о семейном счастье*
- (46) *соприкосновение к виртуальному миру*
- (47) *Настена забеременела с Гуськовым*
- (48) *забота за любимого, потребность к подвигу*
- (49) *записали на секцию футбола, приводит меня в распутье и т. д.*

В том числе замена литературных форм просторечными:

- (50) *сегодня мы получаем информацию с множества источников*
- (51) *девушка приехала совсем с другой страны*
- (52) *сидеть за телевизором*
- (53) *получил кредит с банка*
- (54) *с алкоголя получают прибыль*
- (55) *ничего хорошего с этого не выйдет*
- (56) *участники с разных классов и т. д.*

К просторечным девиантным формам можно отнести и склонение неизменяемых существительных: *порадует хорошим кино, роман Дюмы, но не забываю своих хоббей.*

7. Возможно влияние предшествующего элемента речевой цепочки на последующий, то есть проявление закона естественного прайминга:

- (57) *Обычно люди узнают информацию из газет и журналов. Я тоже прочитал это из газеты.*
- (58) *подпадают под виртуальную зависимость*
- (59) *забота за любимого*

Ошибки, обусловленные влиянием эстонского языка

Такого рода ошибки встречаются в речи русских абитуриентов, но их количество значительно меньше, чем ошибок, обусловленных общими тенденциями в развитии грамматического строя современного русского языка.

- (60) *читать из Интернета, из книги (Netist, raamatust lugema)*
- (61) *существует много электронных библиотек, откуда я могу читать (kust ma võin lugeda)*
- (62) *любимый тебе человек (inimene, kes sulle armas)*
- (63) *сидеть в компьютере (arvutis istuma)*
- (64) *в телевизоре показали (telekas näidati)*
- (65) *участвовать на соревнованиях (võistlustel osalema)*
- (66) *написать в тетрадь, в дневник, на доску (kirjutama vihikusse, päevikusse, tahvlile)*

Ошибки интерферентного типа можно объяснить различным управлением глаголов в системах русского и эстонского языков.

При анализе ошибок такого типа авторы также опирались на материалы, представленные в «Сопоставительной грамматике эстонского и русского языков» [Пяль, Тотсель, Тукумцев 1962] и «Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков» [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 114–123]. Однако некоторые из приведенных выше ошибок (примеры 63 и 66) только гипотетически можно объяснить влиянием системы эстонского языка.

Ошибки, обусловленные влиянием английского языка

В письменной речи учеников такие ошибки встречаются крайне редко:

- (67) *объяснить о том (explain about what?)*
- (68) *преданность к мастеру (the loyalty to the master)*
- (69) *его попытка увенчалась с успехом (один из вариантов перевода: his attempt was crowned with success)/*

Некоторые девиантные формы обусловлены, вероятно, одновременно двумя причинами — влиянием эстонского языка и просторечным использованием предлога: *можно найти инфо с множества источников* (найти откуда — влияние эстонской языковой системы, замена предлога «из» на предлог «с» — просторечие).

Зачастую бывает трудно квалифицировать ошибочные грамматические формы, поскольку они имеют пограничный характер: мы можем определённо сказать, что перед нами девиантная форма, но объяснить её возникновение возможно по-разному, например, *забота за любимого, автор описывает о жизни Сони, Интернет даёт возможность общаться с людьми с разных уголков планеты* (подобные примеры можно объяснить как явлением естественного прайминга, так и иными причинами).

Выводы

Рассмотренные отклонения от языкового стандарта — это ошибки, которые можно отнести к категории случайных, невольных, непреднамеренных аномалий. Причина этих аномалий — низкий уровень индивидуальной языковой компетенции [Щаднева, Кудрявцев 2011]. Подобные ошибки также свидетельствуют о недостаточном уровне развития вербально-

семантической и когнитивной составляющей языковой личности. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в речи русскоязычных гимназистов Эстонии в основном проявляются те же тенденции, что и в речи их сверстников в России. Не столь значительное влияние оказывает контактирование с государственным (эстонским) языком. И совсем единичные и спорные с точки зрения причины их возникновения языковые употребления можно объяснить влиянием английского языка.

Учитывая то, что порождение девиантных словоформ является неотъемлемым свойством порождения речи, а естественный язык представляет собой систему, оптимальное использование которой предполагает постоянную реализацию отклонений по отношению к самой этой системе [Русакова 2009], можно рассматривать сдвиги в глагольном и именном управлении как объективный естественный процесс. Однако массовый характер подобных употреблений не может не тревожить.

Литература

- Богин Г. И. 1984 — *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Автореф. ... докт. фил. наук.* Ленинград.
- Вайсгербер Л. 1993 — *Родной язык и формирование духа.* Москва.
- Валгина Н. С. — *Активные процессы в современном русском языке* [ehttp://hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-010.htm](http://hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-010.htm)
- Виноградов В. В. 1980 — *Избранные труды. Том 5. О языке художественной прозы.* Москва.
- Воркачев С. Г. 2001. — Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки, №1.* С. 64–72.
- Гловинская М. Я. 2011 — Активные процессы в грамматике. *Русский язык за рубежом, №4.* С. 33–39.
- Гришаева Л.И. 2006. — Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «языковая личность». *Вопросы когнитивной лингвистики, №1.* С. 16–22.
- Карасик В.И. 2002. — *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* Волгоград.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность.* Москва.
- Караулов Ю. Н. 1989 — Русская языковая личность и задачи ее изучения. *Язык и личность.* Москва. С. 3–8.
- Кюльмоя И., Вайгла Э., Соля М. 2003 — *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков.* Тарту.
- Нерознак В. П. 1988 — Праязык: реконструкт или реальность? *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции.* Москва, С. 26–43.
- Пяль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. 1962 — *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка.* Таллинн.

Русакова М. В. 2009 — *Речевая реализация грамматических элементов русского языка. Автореф. ... докт. фил. наук.* Санкт-Петербургский гос. ун-т.

Снитко Т. Н. 1999 — *Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах.* Пятигорск.

Соколова В. В. 1995 — *Культура речи и культура общения.* Москва.

Трубчанинова М. Е. 2008 — *Языковая личность в инокультурной среде: по данным русскоязычной технически опосредованной коммуникации носителей китайского языка.* Воронеж.

Щаднева В. П., Кудрявцев Ю. С. 2011 — Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры. *Humaniora: Lingua Rossica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире II.* Тарту, С. 246–265.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ПРЕДСТОЯЩИХ СОБЫТИЙ В РАБОТАХ РУССКИХ СТУДЕНТОВ НА ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Р. ПООЛ, Х. МЕТСЛАНГ

Введение

В эстонском языке нет специальной грамматической формы будущего времени, но имеются иные средства выражения будущих по отношению к моменту речи событий. В исследованиях использования эстонского как второго языка есть наблюдения над употреблением темпоральных средств только временного плана прошлого [Maisla 2011], тогда как средства выражения временного плана будущего в работах учащихся не рассматривались. В зарубежных исследованиях использования второго языка [см. Bardovi-Harlig 2000] основное внимание также было направлено на временной план прошлого, тогда как средства выражения будущего в силу своей меньшей регулярности, большей формальной и семантической вариативности оказывались за пределами внимания. В то же время они представляют интерес в языке учащихся, поскольку язык способен теми или иными средствами выразить действие после момента речи, следовательно, учащиеся каким-то образом маркируют отнесенность действия к семантическому плану будущего [там же].

Цель статьи заключается в выявлении средств выражения будущих действий в текстах учащихся с родным русским языком, владеющих эстонским по меньшей мере на уровне В2. Материалом исследования послужили письменные работы студентов. В начале статьи приводится обзор возможных средств выражения ситуации в будущем в эстонском языке и, посколь-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов Эстонского научного агентства 9300 «Темпоральность в русском и эстонском языках» и PUT475 «Интегрированная модель вариативности морфосинтаксиса литературного языка: пилотный проект на материале эстонского языка».

ку родным языком респондентов является русский, то считаем целесообразным дать описание средств выражения будущего и в русском языке. Кроме того, дан краткий обзор описания средств выражения будущего в учебниках эстонского языка для русских. Затем рассматривается, какие средства используют русские учащиеся для выражения будущих событий, а какие остаются за пределами их внимания.

Средства выражения будущего в эстонском языке

Несмотря на то, что в эстонском языке нет морфологической формы будущего и в основном с этой целью используется форма настоящего времени, ситуация может маркироваться как происходящая в будущем с помощью некоторых грамматических, лексических и семантических средств. Последующий обзор основан на работах Х. Метсланг и М. Эрелта [Metslang 1994, 2001, Erelt 2013: 100–103], примеры сконструированы авторами статьи.

I. Перифрастические формы глагола: 1) Конструкция с глаголом *saama* ('становиться') в сочетании с супином (т.н. *ma-infinitiv*) специализированная для выражения будущего, однако используется довольно редко, в основном с глаголом *olema* (быть) и другими глаголами состояния:

- (1) *Uue partei areng saab olema vaevaline. Развитие новой партии будет (букв.: станет быть) сложным.*

2) Конструкция с глаголом *hakkama* (начинать / начать) — в исходном значении выражает начало действия. Использование для выражения будущего также ограничено в основном динамическими ситуациями, которые начинаются и продолжаются в будущем, тем не менее употребление ее весьма частотно:

- (2) *Ta ei meeldi mulle ega hakkagi meeldima. Он(а) мне не нравится и не будет нравится / не понравится.*

- (3) *Ma hakkam rongiga tööle käima. Я буду ездить на работу на поезде.*

3) Конструкция прогрессива — имминентный прогрессив («вхождения в действие», выражает начальную фазу будущего события), глагольная лексема осмысливается как перфективная (*olema + -mas* — быть + герундив):

- (4) *Külalised on lahkumas. Гости (уже) уходят.*

4) Конструкция результатива *saab + -tud* (становиться + пассивное причастие), выражающая событие, достигающее результата в будущем. Парная к ней отрицательная конструкция *jääb + -mata* (остаться + абессив супина):

- (5) *Teil saab see ülesanne kirjutatud.* Это задание будет (букв.: станет) у вас написано.
- (6) *Mul jääb see töö tegemata.* Эта работа останется (у меня) невыполненной.

II. Предложения с перфективным значением с глаголом в форме настоящего времени. Перфективное событие в настоящем может закончиться лишь после момента речи. При этом на первый план выступают некоторые аспектуальные показатели перфективности, но аспектуальность в эстонском языке не выражается регулярно; аспектуальное значение может заключаться в лексическом значении глагола и поддерживаться обстоятельствами или иными средствами в предложении или контексте. 1) Предложение с тотальным объектом:

- (7) *Ma kirjutan sellel teemal artikli.* Я напишу статью на эту тему.

2) Предложения с полусвязочными глаголами *saama, jääma, tulema, minema, muutuma* (становиться, остаться – оставаться, настать – наставить, идти, изменяться) в качестве предиката. Употребление мутативных глаголов в роли полусвязочных для выражения действия в будущем — характерная черта северно-европейских языков [см. Dahl 2000b]:

- (8) *Ilm läheb külmaks.* Погода становится (букв.: идет) холодной.
- (9) *Tulevad rasked ajad.* Грядут (букв.: придут) тяжелые времена.
- (10) *Meie koolist saab põhikool, naaberikool jääb gümnaasiumiks.* Наша школа станет основной, соседняя останется гимназией.

3) Предложение, предикатом которого является слитный глагол с адвербиальным компонентом (*ära, läbi, välja*¹) — показателем перфективности глагола:

- (11) *Toit jahtub ära.* Еда остынет.

4) Другие предложения, допускающие перфективное осмысление:

- (12) *Raamat ilmub kirjastuses Pataa.* Книга выйдет в издательстве «Илмаа».
- (13) *Meile tulevad külalised.* К нам придут гости.

¹ Перевод адвербиального компонента зависит от глагола, к которому он присоединен. В ряде случаев его значение может передаваться в русском языке с помощью глагольного префикса (Примеч. редактора).

III. Значение предложений с модально окрашенными формами презенса или перфекта локализуется в будущем с помощью обстоятельства или контекста. Такие оценки, как возможность, прогнозируемость, желательность и т. п., даются скорее будущим событиям, а не происходящим в настоящем; во многих языках конструкции с будущим восходят к модальным высказываниям, например, англ. *shall-* и *will-*, много также переходных явлений, в которых модальное значение сопряжено со значением будущего [Dahl 2006; Norvik 2013]:

- (14) *Homme istun kodus ja kirjutatan ettekannet. Zavtra siжу дома и пишу доклад.*
- (15) *Homme istuksin meeleldi kodus ja kirjutaksin ettekannet. Zavtra с удовольствием сидела бы дома и писала доклад.*¹
- (16) *Homme pean istuma kodus ja ettekannet kirjutama. Zavtra (я) должен сидеть дома и писать статью.*
- (17) *Me võime seda küsimust arutada. Мы можем обсудить этот вопрос.*
- (18) *Selleks ajaks, kui ma tagasi tulen, olete teie selle ülesande lahendanud. К тому времени, когда я вернусь, вы решите эту задачу.*

IV. Ситуация в предложениях с инфинитивными конструкциями или придаточным предложением, в которых содержатся глаголы со значением намерения, ожидания, приготовления *kavatsema*, *lootma* (намереваться, надеяться и др.), обычно локализуется в будущем. Значение намерения также является одним из источников образования конструкций со значением будущего [см. Dahl 2000a: 312]:

- (19) *Ta kavatseb õhtul kinno minna. Он собирается вечером пойти в кино.*
- (20) *Ma lootan, et sa oled õhtul kodus. Я надеюсь, что ты будешь вечером дома.*

Средства выражения будущего в русском языке

В русском языке будущее выражается специальными морфологическими регулярно используемыми средствами (формами), зависящими от вида глагола [РГ I 1980: 627; КРГ 1989: 281]: 1) синтетическая форма будущего СВ: *напишу, сделаю*:

- (21) *Я напишу доклад.* Ср. эст.: *Ma kirjutatan ettekande (valmis).*

2) аналитическая форма будущего НСВ: *буду + инфинитив НСВ* — *буду писать, будешь думать*:

¹ В эст. примере использовано настоящее время сослагательного наклонения (Примеч. редактора).

(22) *Я буду писать доклад.* Ср. эст.: *Ma hakkан ettekannet kirjutama.*

Эстонский аналог русской синтетической формы приводится во второй части статьи в группе II — предложения с формой настоящего времени с перфективным значением (21) при тотальном объекте, при этом в предложении может содержаться также адвербиальный компонент. В обоих языках предложение с презенсом перфективного значения отличается своим значением будущего от предложения с имперфективным значением настоящего: *Я пишу доклад.* *Ma kirjutan ettekannet.* Ближайшим соответствием русского аналитического будущего в эстонском языке являются конструкции с *saama* и *hakkama*, в которых вспомогательным глаголом является не связочный, как в русском языке, а полусвязочный глагол, указывающий на изменение или начало действия. Кроме того, на возможную отнесенность к будущему инфинитивной конструкции или придаточного предложения могут указывать присущие III и IV группе модальные глаголы или глаголы со значением намерения:

(23) *Мне надо завтра сидеть дома.* Ср. эст.: *Ma pean homme kodus istuma.*

(24) *Он собирается сидеть дома.* Ср. эст.: *Ta kavatseb kodus istuda.*

Интерпретация будущего в учебниках эстонского как второго языка

В обзор включены вышедшие за два последних десятилетия учебники и практические пособия по эстонскому языку для взрослых, написанные по-русски или по-эстонски и пригодные для русского учащегося. Уточнить, по каким из них занимались авторы анализируемых работ, не представляется возможным. Некоторые из учебников вышли совсем недавно и не могли послужить учебным пособием для наших респондентов. Цель данного обзора — выяснить, обращается ли внимание в пособиях для русских учащихся на средства выражения будущего в эстонском языке и если это делается, то каким образом. В обзор не включены школьные учебники и начные грамматики.

Нами было просмотрено 14 учебных пособий для взрослых, которые были изданы в 1996–2012 гг. Все эти пособия можно разделить на три группы:

1) учебники для начинающих [Leemets 2002; Mangus, Simmul 2009, 2010; Pesti, Ahi 1999; Rammo и др. 2012; Tomingas 2009; Valmet и др. 1996];

2) учебники для продвинутого этапа [Kallas 2001; Kitsnik, Kingisepp 2003, 2006; Pesti, Ahi 2011];

3) практические пособия и справочники для изучающих эстонский в качестве второго языка [Metslang и др. 2003; Valmis, A., Valmis, L. 2001; Õispuu 1999].

Выражение будущего рассматривалось из них лишь в трех, при этом в двух весьма кратко. В учебнике А. Валмет и др. [Valmet и др. 1996: 304], имеющем «грамматикоцентрическую» направленность, противопоставление будущего и настоящего связывается с употреблением тотального и партитивного объекта. Приводится пример [там же]: *Kunstnik joonistab pilti* — настоящее, партитивный объект; *Kunstnik joonistab pildi* — будущее, тотальный объект.

В справочнике Я. Ыйспуу [Õispuu 1999: 36] отмечено, что связь действия с будущим передается формами настоящего времени. Примеры не приводятся, нет и более подробного объяснения. Наиболее детальное рассмотрение средств передачи будущего представлено в учебнике эстонского языка Р. Калласа, написанном на русском языке, в котором этой проблеме посвящено целых две страницы [Kallas 2001: 54–55]. В нем говорится, что в эстонском языке различают простое и сложное будущее, первое выражается формой настоящего, второе — при помощи глагола *hakkama*. Там же представлено два упражнения, в одном из которых по приведенному образцу нужно составить будущее с *hakkama*, в другом — перевести предложения с русского на эстонский [там же]. Р. Каллас пытается представить способы выражения будущего в эстонском языке по возможности сходно с русским, к сожалению, такое описание нельзя считать понятным для учащихся.

На основе рассмотренного материала можно прийти к выводу, что составители пособий по эстонскому как второму языку не считают необходимым давать эксплицитное описание выражения будущего или избегают его в силу сложности и нерегулярности средств выражения этой семантики. Это, однако, не значит, что на уроках эстонского языка эта тема вообще не затрагивается, т. к. не только учебниками определяется содержание уроков.

Языковые средства выражения будущих событий в письменных работах русских студентов на эстонском языке

Если какой-либо смысл передается различными способами, можно предполагать, что учащиеся будут предпочитать некоторые из них и избегать других. В то же время по мере развития владения языком предпочтения могут меняться. Рассмотрим, какие способы выражения будущего из представленных во второй части статьи выбирают учащиеся в своих письменных работах, а какие из них не употребляются.

Информантами были 47 студентов с родным русским языком, их уровень владения эстонским к моменту написания работ был не ниже В2 (некоторые уже сдали экзамен на уровень С1), а основной специальностью в университете был эстонский язык. Мы имели дело с однородной по возрасту, образованию и родному языку группой. Учащийся, достигший уровня В2 – продвинутого владения языком – может писать понятные тексты на различные темы и довольно хорошо овладел грамматикой [Hausenberg и др. 2003: 15–17]. Будучи студентами-филологами информанты прошли углубленный курс грамматики эстонского языка, и можно предполагать, что у них имеется представление о системе времен эстонского глагола. Объектом анализа послужили написанные в 2000-х гг. тексты, в которых предполагалось хотя бы частично описывать действия в будущем. Были предложены следующие темы работ: «В чем я вижу цель своей жизни?», «Каким я вижу будущее Эстонии?», «Мое видение будущего Эстонии», «Мое видение будущего», «Мой дом через десять лет» и др. Из полученных текстов были вручную выбраны предложения или фрагменты текста, в которых описываются ситуации или события в будущем. Такой материал нельзя получить методом поиска в корпусе, поскольку тексты приходится анализировать целиком и с учетом темы. Объем анализируемого материала — 7676 слов.

Создавая текст, студенты могли выбирать речевые средства по собственному усмотрению, это касалось и средств выражения будущего. Последующая классификация материала опирается на приведенное во второй части статьи описание средств выражения будущего в эстонском языке¹. Количественные данные можно представить прежде всего в отношении перифрастических форм глагола и конструкций с модальностью желания и намерения, поскольку они легко считаемы. Предложения с формами настоящего (в разделах II и III) представлены множеством примеров, но

¹ В примерах из студенческих работ сохраняется авторское написание, ошибки не исправляются.

без статистических данных. Важно отметить те средства выражения будущего, которые в достаточно обширном материале не встретились ни разу.

I. Перифрастические формы глаголов. 1) Конструкция с глаголом *saata* ('становиться') в сочетании с супином (т.н. *ma-infinitiv*) не встретилась в работах студентов ни разу. В современном эстонском литературном языке частотность этой конструкции демонстрирует небольшую тенденцию роста [Prass 2011, 2012]. Студенты ее не используют.

2) Конструкция с глаголом *hakkata* (начинать / начать) — 33 случая употребления. Как и русское аналитическое будущее, эта конструкция связана прежде всего с глаголами с имперфективным лексическим значением. Иногда встречается также употребление с глаголами с перфективным лексическим значением (30), которое по аналогии с имминентным прогрессивом свидетельствует о начальной фазе будущего события. В конструкциях с глаголом *hakkata* возможна актуализация как начала действия, так и отнесенности его к общему семантическому плану будущего. Случаи употребления можно разделить на три группы: а) актуализация начала действия:

(25) *Tänapäeval hakkab laps üsna varakult iseseisvalt elama.* В наши дни ребенок начинает довольно рано жить самостоятельно.

(26) *Nendest ju hakkab arutlema.* Это я и буду обсуждать.

б) актуализация общего семантического плана будущего:

(27) *Me kõik koos hakkame jalutama, reisima, käima külas, teatrites, näitusel.* Мы будем все вместе гулять, путешествовать, ходить в гости, в театр, на выставки.

(28) *...kuigi mina ei usu, et maailmas hakkab rahu valitsema.* ...хотя я не верю, что в мире будет царить мир.

(29) *Ma väga loodan, et 10 aasta pärast ma hakkab elama oma eramajas.* Я очень надеюсь, что через 10 лет я буду жить в своем доме.

в) пограничные случаи:

(30) *...ja piir soorollide vahel hakkab kaduma.* ...и граница между гендерными ролями начнет исчезать.

(31) *Seejärel, kui osooni kiht hävineb, siis päike hakkab väga intensiivselt paistma ja kõik elav planeetis sureb ära.* После того как озоновый слой пропадет, солнце начнет светить очень интенсивно и все живое на планете вымрет.

При употреблении конструкции с *hakkata* русские учащиеся могут опираться на аналитическое будущее в родном языке, хотя вспомогательный глагол и имеет другое значение. Во всем материале эта конструкция была

использована 33 раза, из них лишь в единичных случаях можно считать ее излишней. Такие случаи иллюстрирует пример (29), в котором было бы достаточно употребить глагол в форме настоящего времени с обстоятельством времени.

3) Конструкция с прогрессивом (*olema* + *-mas*) полностью отсутствовала в текстах учащихся.

4) Конструкция с результативом (*saab* + *-tud*, *jääb* + *-mata*) полностью отсутствовала в текстах учащихся.

II. Предложения с перфективным значением с глаголом в форме настоящего времени. 1) предложения с тотальным объектом:

(32) *Ma tean, et minu tulevik sõltub ainult minust, sellest, missuguse elutee ma valin.* Я знаю, что мое будущее зависит только от меня, от того, какой жизненный путь я выберу.

(33) *Las nad ise teevad oma valikut ja loovad oma tuleviku.* Пусть они сами делают свой выбор и создают свое будущее.

Освоение тотального и партитивного объекта — одна из наиболее сложных областей грамматики, как показывают предшествующие исследования, учащиеся с родным русским языком часто выбирают партитивный объект в контексте, предполагающем употребление тотального, проблемой является также выбор падежной формы (номинатив или генитив) тотального объекта [Pool 2007]. В исследуемом материале содержались лишь единичные примеры правильного употребления тотального объекта с формой настоящего времени, которые имели значение действия в будущем (пример 32). Характерное для русских учащихся нерегулярное употребление тотального объекта представлено в примере (33), где первое дополнение (*oma valikut*) стоит в партитиве вместо генитива, тогда как второе (*oma tuleviku*), как и следует, в генитиве. В собранном материале часты примеры, в которых из-за повышенной частотности партитивных дополнений не реализуется значение будущего у формы настоящего времени глагола (34):

(34) *Loodan, et meie haridusministeerium leiab õiget teed selle probleemi lahendamiseks.* Надеюсь, что наше министерство образования найдет (букв.: находит) правильный путь решения этой проблемы.

2) Предложения с полусвязочными глаголами *saata*, *jääta*, *tuleta*, *mineta*, *muututa* в роли предиката: а) с глаголом *saata* с результативным значением:

(35) *Nad peaksid mõtlema sellele, missugune inimene nende lapsest saab.* Они должны бы думать о том, что получится из их ребенка.

(36) *Kõige tähtsam eesmärk on minu jaoks **saada** heaks inimeseks... Самая важная цель для меня — стать хорошим человеком...*

(37) *Kokkuvõttes loodan, et minu lastest **saavad** õnnelikud inimesed... Вообще я надеюсь, что мои дети станут счастливыми людьми...*

б) с глаголом *saata* со значением изменения, обретения и т. п.:

(38) *ja kõik **saab** korda. ... и все будет в порядке.*

(39) *Siis **saab** kergemaks liikuda Euroopa riikides... Тогда будет (станет) проще передвигаться в странах Европы...*

в) с другими полусвязочными глаголами:

(40) *Kindlasti uus raha **tuleb** terve maailmas. Наверняка новые деньги появятся во всем мире.*

(41) *...elu on raske, ta oli alati raske ja **jääbki** selliseks... ...жизнь сложна, она всегда была сложной и такой и останется...*

(42) *Ma arvan, et elu **muutub** natuke raskemaks. Я думаю, что жизнь станет немного сложнее.*

(43) *Pärast ülikooli lõpetamist mul **hakkab** tõeline iseseisev elu. После окончания университета начнется моя настоящая самостоятельная жизнь*

3) Предложения, предикатом в которых является слитный глагол с адвербиальным перфективным компонентом (*ära, läbi, välja*):

(44) *Ma arvan, et eesti keel ja kultuur **kaovad** sel juhul **ära**, sest meil on nii väike riik. Я думаю, что эстонские язык и культура в этом случае исчезнут, потому что наше государство очень маленькое.*

Пример (44) — единственный, в котором для подчеркивания использован перфективирующий компонент (*kaovad ära*).

4) Другие предложения, допускающие перфективное осмысление:

(45) *Ma ei usu, et palgad **tõusevad** meie riigis, järelkult midagi head see Euroopa Liit endaga **ei too**. Я не думаю, что зарплата в нашей стране повысится, следовательно, ничего хорошего этот ЕС не принесет.*

(46) *Keegi ei tea, mis temaga **juhtub** tulevikus. Никто не знает, что с ним случится в будущем.*

(47) *Peaasi, et see oleks koht, kus nad **realiseeruvad** saajaprotsendiliselt. Главное, чтобы это было место, где они реализуются стопроцентно.*

Среди глаголов представляет интерес использованный в (47) *realiseeruma*, субъект которого *nad* указывает с учетом более широкого контекста на то, что речь идет о людях. В случае одушевленного субъекта следовало бы использовать глагол *ennast teostama*.

III. Предложения с модально окрашенными формами презенса или перфекта локализующиеся в будущем с помощью обстоятельства или контекста. В текстах можно выделить следующие группы: 1) предложения с обстоятельством времени и глаголом в индикативе:

(48) *Kümme aasta pärast mul on oma kodu Tallinnas.* Через десять лет у меня будет (букв.: есть) свой дом в Таллинне.

2) Предложения со значением возможности, вероятности:

(49) *Seoses sellega võib peres palju probleeme tekkida.* В связи с этим в семье может возникнуть много проблем.

3) Предложения со значением долженствования:

(50) *Selleks peab iga Eesti venelane omandama kõrgharidust ja eesti keelt.* Для этого каждый русский в Эстонии должен получить высшее образование и выучить эстонский язык.

(51) *See maja peab olema Elvas või Otepääl...* Этот дом должен быть в Эльве или Отепяэ...

(52) *Olen otsustanud ka seda, et kui tuleb valida, siis valin pere.* Я решила и то, что если придется выбирать, то выберу семью.

(53) *Kõikjal tuleb kompuutrit kasutada.* Всюду нужно будет использовать компьютер.

4) Предложения с глаголом в сослагательном наклонении:

(54) *On tähtis, et muukeelne kooliharidus jääks tasuta.* Важно, чтобы образование на других языках осталось бесплатным.

(55) *Ühelt poolt Euroopa Liidu astudes paraneks inimeste sotsiaalne olukord.* С одной стороны с вступлением в ЕС улучшилось бы социальное положение людей.

(56) *Mul oleks palju loomi: kassid, koerad ja kalad.* У меня было бы много животных: кошки, собаки и рыбки.

В полученном материале отсутствовали примеры типа (18) с использованием перфекта для выражения будущего, во всех примерах этой группы употреблена форма настоящего времени. В текстах бросается в глаза модальная окраска высказываний, часто употребляются модальные глаголы (*pidama, tulema, võima*) и сослагательное наклонение. Функционирование будущего тесно связано с модальностью, поскольку обычно речь идет о событиях, еще не ставших реальностью, и в них закодирована уверенность говорящего об их вероятности [Bardovi-Harlig 2000: 417].

Любопытную оценку вероятности будущих событий в своей жизни дала в конце своей работы одна из информанток, избравшая для повествования вовсе формы прошедшего времени и обосновавшая это следующим образом (57):

- (57) *Ma võin muidugi eeldada mis tuleb, kindlaks ei tea seda keegi, sellepärast kirjutasingi minevikus. Я могу, конечно, предполагать, что будет, наверняка этого никто не знает, поэтому написала в прошедшем.*

IV. Предложения с инфинитивными конструкциями или придаточным предложением, с глаголами со значением намерения, ожидания, приготовления *kavatsema, tahtma, lootma* и др., ситуация в которых локализуется в будущем (67 употреблений):

- (58) *Vargad ei kavatse mu juurde tulla. Воры не собираются (прийти / придти) ко мне.*
- (59) *Tahan endale ka sobiva elukutse valida. Хочу выбрать себе и подходящую профессию.*
- (60) *Kus ma tahan elada? Где я хочу жить?*
- (61) *Ent palju, palju uusi võimalusi, mis tõotavad muuta maise elu küberparadiisiks. Однако много, много новых возможностей, которые обещают превратить земную жизнь в киберрай.*
- (62) *Minu plaanides on ülikooli lõpetada ning leida head tööd. В моих планах — закончить университет и найти хорошую работу.*
- (63) *Loodan, et kõik see, millest ma kirjutan, ka täitub. Надеюсь, что все, о чем я пишу, исполнится.*

Выражение желания и намерения занимают значительное место в описании будущих событий и связаны по сути с предыдущей группой данной классификации — модальностью. В примере (58) представлено необычное употребление глагола *kavatsema* (намереваться), которое по-своему замечает отсутствие формы будущего времени.

Выводы

На основе обзора учебных пособий для взрослых по эстонскому языку как иностранному, составленного для данной статьи, можно утверждать, что в них почти не рассматриваются средства выражения будущего времени. По-видимому, учащиеся, говоря о событиях в будущем, используют знакомые и привычные конструкции исходного языка и отчасти опираются на родной язык.

Несмотря на отсутствие морфологической формы будущего времени, эстонский язык обладает множеством грамматических и лексических средств для обозначения ситуаций как следующих после момента речи. В рассмотренных в статье письменных работах русских студентов на эстонском языке представлены многие из них, однако имеются и такие конструкции, которые учащимися вообще не используются и семантический потенциал которых им неизвестен. Из возможных средств выражения будущего не была реализована значительная часть: конструкция будущего с глаголом *saama* и супином, конструкция прогрессива (*olema + -mas*), пассивный перфект (*on + -tud*) и конструкция результата (*saab + -tud, jääb + -mata*). Эти конструкции сложны для учащихся, их понимание и репродукция требует очень высокого уровня владения языком и без специального пояснения учащийся не воспринимает их как средства выражения будущего. В то же время, например, результативные конструкции типа *Mul saab varsti õpitud* (У меня скоро все будет выучено) являются обычными в повседневном общении, поэтому на продвинутом этапе обучения они могли хотя бы кратко быть отражены в учебных пособиях.

На основе анализа материала можно прийти к выводу, что в предложениях с формой настоящего времени использование тотального дополнения нельзя считать регулярным средством выражения будущего в речи студентов. Учащиеся не воспринимают значение тотального объекта в качестве средства выражения будущего, и в их текстах часто вместо тотального объекта представлен партитивный. При этом студенты воспринимают и умеют правильно использовать лексическую аспектуальность глагола, которая ближе к русской категории вида. Употребление дополнения в речи учащихся является очень сложной проблемой, обсуждение которой невозможно в рамках данной статьи.

Конструкций с глаголом *hakkata* в анализируемом материале употребляли относительно немного (33 употребления), часть из них использовалась для передачи начала действия, часть имела неопределенное значение. Можно утверждать, что в эстонском языке этой группы информантов *hakkata* не утвердился в качестве вспомогательного глагола будущего времени и студенты не переносят формы аналитического будущего из родного языка в эстонский. К сожалению, невозможно исследовать тексты тех же информантов на предыдущем, более низком, этапе их владения эстонским языком, было бы интересно проследить, изменилось ли употребление этих конструкций с повышением уровня владения языком.

Основным средством описания будущих событий в языке учащихся является форма настоящего времени индикатива. Среди глаголов четко

выделяются *saata* (в предложениях со значением результата, изменения и приобретения), *jääma*, *tulema* и *muutuma*. Описание событий в будущем тесно связано с модальностью, в анализируемых текстах ясно ощутима потребность выразить вероятность, желание, долженствование или необходимость будущих действий. Модальность в речи учащихся проявляется в употреблении модальных глаголов (*võima*, *saata*, *pidama*, *tulema*), конструкций с *kavatsema* и *tahtma*, а также сослагательного наклонения.

Литература

- КРГ 1989 = *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва: Русский язык.
- РГ 1980 = *Русская грамматика*. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука.
- Бйспуу Я. 1999 — *Справочник по эстонскому языку*. Таллинн: Коолибри.
- Bardovi-Harlig K. 2000 — *Tense and aspect in second language acquisition: Form, meaning and use*. Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. 2000a — *The grammar of future time reference in European languages. Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin: de Gruyter. Lk 309–328.
- Dahl Ö. 2000b — *Verbs of becoming as future copulas. Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin: de Gruyter. Lk 351–361.
- Dahl Ö. 2006 — *Future tense and future time reference. Encyclopedia of Language & Linguistics*, vol. 4. Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier. Lk 704–706.
- Erelt M. 2013 — *Eesti keele lauseõpetus. Sissejuhatus. Öeldis*. Tartu ülikooli eesti keele osakonna preprintid 4. Tartu: Tartu Ülikool.
- Hausenberg jt = Hausenberg A.-R., Kikerpill T., Rõigas M., Türk Ü. 2003 – *Keeleoskuse mõõtmine. Käsiraamat*. Tallinn: TEA.
- Kallas R. 2001 — *Kõik on korras*. Tallinn.
- Kitsnik M., Kingisepp L. 2003 — *Avatud uksed. Eesti keele õppekomplekt kesk- ja kõrgtasemele*. Tallinn: TEA.
- Kitsnik M., Kingisepp L. 2006 — *Naljaga pooleks*. Tallinn.
- Leemets H. 2002 — *Sammhaaval. Eesti keele õpik alg- ja kesktasemele*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Maisla D. 2011 — *Kuidas eesti keele õppijad ja kasutajad lause verbi ajavormi sobivust hindavad? Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat 7*. Lk 95–110.
- Mangus I., Simmul M. 2009 — *Tere! Eesti keele õpik algajatele 0–A1*. Tallinn: Pushkini Instituut.
- Mangus I., Simmul M. 2010 — *Tere jälle! Eesti keele õpik A1 – A2*. Tallinn: Pushkini Instituut.

Metslang H. 1994 — Eesti ja soome — futuurumita keeled. *Keel ja Kirjandus* 9. Lk 534–547. *Keel ja Kirjandus* 10. Lk 603–616.

Metslang H. 2001 — On the development of the Estonian aspect: The verbal particle *ära*. *Circum-Baltic languages*, vol. 2: Grammar and typology. Eds. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam: Benjamins. Lk 443–479.

Metslang jt = Metslang H., Krall I., Pajusalu R., Saarso K., Sõrmus E., Vare S. 2003 – *Keelehärm. Eesti keele probleemseid piirkondi*. Tallinn: TPÜ Kirjastus.

Norvik M. 2013 — Future time reference in Finnic: LEE(NE)-verbs. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 94. Lk 125–164.

Pesti M., Ahi H. 1999 — *E nagu Eesti*. Tallinn: TEA.

Pesti M., Ahi H. 2011 — T nagu Tallinn. Eesti keele õpik kesktasemele. Tallinn: TEA.

Pool R. 2007 — *Eesti keele teise keelena omandamise seaduspärasusi täis- ja osasihitise näitel*. *Dissertationes philologiae estonicae universitatis Tartuensis* 19. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Prass K. 2011 — *Saama- ja hakkama- tulevik tänapäeva eesti kirjakeeles*. Käsikirjaline magistritöö Tallinna Ülikooli eesti keele ja kultuuri instituudis.

Prass K. 2012 — *Saama- ja hakkama-tulevik tänapäeva eesti kirjakeeles*. *Oma Keel*. Lk 39–47.

Rammo jt = Rammo S., Teral M., Klaas-Lang B., Allik M. 2012 — *Keel selgeks! Eesti keele õpik täiskasvanutele*. Kirjastus Avita.

Tomingas S. 2009 — *Saame tuttavaks!* Tallinn: TEA.

Valmet jt = Valmet A., Uuspõld E., Turu E. 1996 — *Eesti keele õpik*. Tallinn: Valgus.

Valmis A., Valmis L. 2001 — *Lihtne eesti keele grammatika harjutuste ja võtmega*. Tallinn: TEA.

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЧЕРТ СУБЪЕКТИВНОСТИ¹

Д. Н. САТЮКОВА

Случаи неправильного выбора падежа в разговорной речи представляют безусловный интерес для лингвистов, так как позволяют вскрыть тенденции, существующие в языке, но не отраженные в его кодифицированном варианте, а также проследить процесс порождения высказывания говорящим, будь то конструирование им необходимых словоформ или извлечение их в готовом виде из ментального лексикона. Неверный выбор падежа имени (как, впрочем, и видовой формы глагола) остается ошибкой, свойственной исключительно речи иностранцев; избежать подобных ошибок зачастую не позволяет даже высокий в целом уровень владения языком. Напротив, дети, усваивающие русский язык как родной, почти никогда не допускают подобных ошибок; даже на стадии допродуктивной морфологии (то есть на втором-третьем году жизни) случаи конфликта употребленной ребенком словоформы и контекста, в который она помещена, являются единичными [Цейтлин 2012: 565]. Происходит это потому, что ребенок учится языку совсем не так, как делает это взрослый человек: овладевая родным языком через речь взрослых (прежде всего — матери), ребенок уже в самом раннем возрасте сосредоточивается «на функциональной стороне каждой воспринимаемой единицы» [там же]. Таким образом, ошибки в выборе падежных

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики», гранта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2012» «Коммуникативные стратегии устной речи», № 2012-1.1-12-000-3004-008 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики»: «Конструирование русской грамматики носителем неродственного языка».

форм имени, встречающиеся в речи носителей языка, вскрывают, безусловно, не простое незнание говорящими правил русской грамматики, но более глубокие процессы, которые обнаруживают «слабые» места языковой системы и постепенно ведут к расшатыванию нормы.

О том, что случаи неверного оформления падежной формы имени в речи взрослых людей не могут быть отнесены к случайным оговоркам, свидетельствует тот факт, что смешение падежей в речи происходит не хаотично; иными словами, существуют пары падежей, которые особенно часто путают говорящие. Одной из таких распространенных ошибок, отличающих часто речь даже высокообразованных носителей языка, служит взаимная мена Род. пад. и Предл. пад. во мн. ч.:

- (1) *Я говорю о настоящих беженцев*¹ [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2001)] (НКРЯ).

Сбой в речи в таких случаях возникает в силу того, что адъективный элемент в словосочетании употребляется в одной из синкретичных падежных форм (так, прилагательное *настоящих* в данном примере может являться формой как Род. пад., так и Предл. пад.). Действие закона «естественного» прайминга, согласно которому предшествующий элемент речевой цепочки предопределяет выбор конкретных форм для дальнейшего развертывания высказывания, приводит в нашем случае говорящего к ошибке. Это происходит потому, что зависимый элемент словосочетания, который произносится первым, оказывается двусмысленным по содержащейся в нем грамматической информации и поэтому допускает две формы субстантива (верную — в Предл. пад. и ошибочную — в Род. пад.), выбор из которых осуществляет говорящий.² Ср. пример из «Рассказов о сновидениях»³:

¹ Описание этой и других подобных ошибок, связанных с неправильным выбором падежа, см. в [Гловинская 1996: 267–275]. Объяснение взаимозамены родительного и предложного падежей во мн. ч. явлением естественного прайминга предложено М. В. Русаковой [Русакова 2006: 57–72; 2009]. Анализ возможных ошибок в выборе падежа и связанной с ними проблемы образования падежных форм в русском языке рассматривается также в работе [Воейкова 2008: 174].

² Об анализе сбоев, допускаемых при образовании адъективных сочетаний см. [Русакова 2001; Воейкова 2010: 19; Сизова 2010: 259–263].

³ В качестве материала используются два опубликованных корпуса разговорной речи — «Русская разговорная речь» [Инфантова 2006] и «Рассказы о сновидениях» [Кибрик, Подлеская 2009]. Корпус Г. Г. Инфантовой включает записи диалогической речи взрослых носителей языка; «Рассказы о сновидениях» представляют собой маленькие по объему монологи детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет. Более подробную информацию об используемых в работе корпусах см. в статье [Сатюкова 2012].

- (2) *А в другой пещеры мне дали этот... типа медали, где нап... было написано: «Без обмороков»* (118n, 711).¹

Характерно, что стратегия «естественного» прайминга далеко не во всех случаях ведет к ошибочным высказываниям; в противном случае этот механизм не использовался бы говорящими в речи. Важно также, что порождаемые говорящими адъективные словосочетания вне контекста не являются ошибочными, отвечая нормам грамматики русского языка [Сизова 2010: 263], и поэтому не смущают говорящих и зачастую даже не осознаются ими.

Примером рассогласования определения с определяемым в падеже может служить также следующее предложение:

- (3) *Я боюсь эти, этих сны, а он повторялся уже несколько раз* (082n, 654).

В данном случае ошибка, по всей видимости, состоит не столько в неверной падежной форме существительного *сны*, сколько в неправильно выбранной первоначально форме местоимения *эти*, с которым как раз и согласуется в высказывании существительное. Возможно, форма Вин. пад. *сны* была преждевременно извлечена из лексикона говорящим как согласуемая по форме с определением *эти* и, несмотря на исправление говорящим последнего, все-таки не была изменена.

В корпусе «Рассказы о сновидениях» число высказываний с неверным падежным маркированием имени оказалось очень невелико — всего 10 примеров.² При этом в двух из них:

- (4) *Туман, туман... Вот, знаете, как в ужасах фильм показывают. Вот кладбище и туман* (128n, 729–730).
- (5) *Потом директриса чего-то строит всех учителей в одну шеренгу... Как, знаете, как октябрюта вожатых* (128n, 731–732).

В последних двух примерах мы, строго говоря, имеем дело не с ошибкой в выборе падежных форм (поскольку выделенные формы не противоречат

¹ Здесь и далее при цитировании примеров из корпуса «Рассказы о сновидениях» в скобках приводится порядковый номер рассказа и страница издания (например, 004z, 564 или 087n, 658, где символы *z* и *n* обозначают соответственно речь здоровых детей и детей с невротическими расстройствами). При отсылке к корпусу «Русская разговорная речь» в скобках приводится сокращенное название этого корпуса и страница издания (например, РРР, 37).

² См. замечание М. В. Русаковой о том, что рассогласование членов атрибутивного словосочетания в падеже встречается гораздо реже, чем рассогласование в роде или в числе [Русакова 2001: 295]. С другой стороны, ошибочное «предложно-падежное оформление словоформы существительного является одним из самых частотных сбоев в русской речи» [Русакова 2009: 14].

грамматическим нормам русского языка), а с неверным падежным оформлением участников ситуации. Так, в (5) пассивный участник ситуации (*октябрят*а — те, кого строят *вожатые*) маркирован как агенс, а активный деятель (*вожатые*), напротив, — как пациенс. Вследствие этого смысл предложения меняется на противоположный.¹ Характерно, что приведенные выше высказывания принадлежат одному рассказчику — подростку 17-ти лет — и могут свидетельствовать об определенных нарушениях в его речевом развитии. Ср. также ошибочное оформление им зависимого (местоименного) элемента в адъективном словосочетании:

(6) *Аа! Вот! Ты двоюродница! Смотри на своих оценки!* (128п, 730).

Ряд ошибочных примеров в «Рассказах о сновидениях» связан с выбором говорящими Им. пад. вместо косвенного (родительного, дательного или винительного):

(7) *Вот, когда я... ну прибежали к баба Кате (это ээ... так во... в моем сне считалось, что это ну... это как бы защита)* (073п, 641).

(8) *Она говорит: «Садись, делай сама! **Время** у тебя еще два часа, ну полтора...»* (090п, 667).

(9) *Там нуу у нас насаживают, шиповник такой, на... наа это самое... как его... **дорога*** (094п, 675–676).

Последний пример является чрезвычайно характерным для разговорной речи, поскольку представляет собой ситуацию припоминания слова. Такая ситуация возникает в беседе очень часто и объясняется особенностями порождения разговорной речи, которая строится на ходу по принципу ассоциативного нанизывания необходимых элементов. Отделенное от основной цепочки речевых элементов паузами хезитации, слово теряет морфологическую связь с уже произнесенным отрезком высказывания и «примыкает» к фразе в своей исходной (базовой форме). Возможно, вероятность употребления слова в Им. пад. зависит в определенной степени от длины паузы: у слова, восстанавливаемого в памяти почти сразу, есть вероятность сохранить связь с предшествующим отрезком предложения и быть употребленным в правильной падежной форме; ср.:

¹ Контекст первого примера не дает однозначного ответа на вопрос, что на самом деле имел в виду говорящий, иными словами — как должно было выглядеть сочетание, принявшее вид окказионального, и в чем заключается ошибка; ср.: в **фильмах ужасов** показывают... или в **фильмах ужасы** показывают... В последнем случае ошибка снова бы состояла в неверном оформлении ролей ситуации, тогда как в первом (который является все-таки более вероятным) к мене ролей подключается еще и неверный выбор падежной формы (ср. *фильм* вместо *фильмов*).

- (10) *Возьми лучшие свою ... это самое ... **отвертку**...* [Подготовка к переезду (2006)] (НКРЯ).

В единичных случаях даже продолжительная заминка в речи не мешает говорящему употребить следующее после паузы существительное в косвенном падеже; ср.:

- (11) *Понимаешь, **шестьсот рублей** тока в месяц он получил. Ну не знаю, может, им, конечно, иногда там что-то, может, и доплачивали за какие-то игры, если они сыграют, может быть, это самое... ну как сказать... **со счетом** там достаточно хорошим* [Телефонный разговор (2006)] (НКРЯ).

Форма существительного *время* в восьмом примере демонстрирует, по всей видимости, не замену косвенного падежа именительным, а изменение в склонении этого имени и некоторых других разносклоняемых слов на *-мя*: в разговорной речи происходит «ослабление словоформ с наращением *-ен-*», приводящее «к выравнению форм именительного и косвенных падежей» [Земская 1983: 111–112]. Ср. также примеры (12)–(14) из НКРЯ:

- (12) *Сколько сейчас **время**? Семь?* [Разговор при знакомстве (2007)].
- (13) *Ну, короче говоря, потеряно было очень много **время*** [Воспоминания о прошлом О. Савицкой (1997)].
- (14) *Докладывают мне о том, что получили высшее образование, и я с ними вместе горжусь; докладывает мне из Сибири Владимирский о том, что он получил два ордена Трудового красного **знамя**, и я горжусь* [С. Т. Стехов. Воспоминания комиссара партизанского отряда (1977)].

Однако полные формы таких имен с сохранением наращения *-ен-* в косвенных падежах также остаются возможными в разговорной речи; ср.:

- (15) *Я бы составил, если бы хватило **времени**, схему <...> всей этой ночи* (074п, 643).
- (16) *Ты там говорила, что больница прямо стоит рядом и ее видно. А я ее нигде не нашла; вот пока нашла, так много **времени** прошло* (125п, 727).

Интересно, что существительные на *-мя* в силу нестандартности их парадигмы представляют большую сложность и для детей (включая школьников разного возраста), в речи которых часто встречаются случаи уподобления основы косвенных падежей основе номинатива. Этот факт неоднократно отмечался С. Н. Цейтлин; ср. примеры (17)–(19) из работ [Цейтлин 1997: 52; 2009: 180–181]:

- (17) *Мама больше **время** проводит со мной, чем папа (7 лет).*
- (18) *А он с **имем**. Не безымянный зайчик (3 года).*

- (19) Он с красным **знамен** бежал впереди всех (6 лет).

Ошибка, связанная с выбором Род. пад. имени вместо Вин. пад.:

- (20) Ии я пыта... это про **воздуха** думаю: «Во... вон, вон мой подъезд, до него добежать нужно» (099п, 681).

Ошибка в последнем случае, возможно, объясняется несвоевременным появлением слова в поверхностной структуре высказывания, поскольку в следующем предложении говорящий употребляет эту форму имени уже верно, в соответствии с требованиями контекста:

- (21) Набираю **воздуха**, пытаюсь бежать (099п, 681).

На ошибочность появления слова в высказывании (20) указывает также общий аграмматизм фразы, ее алогичность.

Последние два примера ошибочного падежного маркирования форм имени встречаются в речи одного рассказчика и отражают случаи, когда нереализованный компонент высказывания, с которым и согласуется форма имени, находится в синонимических отношениях с реализованным компонентом:

- (22) Ии каждый учитель **отчет** выступает, ну знаете, как раньше, в сталинское время, выступали (128п, 732).

- (23) А я как будто вся *сгинаюсь¹, *сгинаюсь под этим вот... бременем, как это ну мм... мми... **мышонком** превращаюсь (128п, 733).

В предложении (22) глагол *выступать*, возможно, конкурировал при порождении высказывания с предикативными лексемами *делать*, *произносить*, а во втором предложении глагол *превращаться* — с лексемами *делаться*, *становиться*. К сожалению, отсутствие в каждом конкретном случае интроспективного отчета говорящих не позволяет определить, имели ли место перестройка высказывания, повлекшая за собой сохранение неверных падежных словоформ, оставшихся от предыдущего «замысла».² Форма *отчет* в (22) может быть интерпретирована и не как ошибочная: длительная пауза в 3 секунды между существительным *отчет* и следующим за ним глаголом *выступает* позволяет видеть здесь разрыв синтагмы; первая часть высказывания оказывается тогда недоговоренной, брошенной на ходу, а предикатная форма начинает собой следующее предложение: ср.

¹ Здесь и далее астериск обозначает детскую ошибку.

² Описание проведения эксперимента, включающего интроспективный отчет говорящих, с целью определить причины сбоев в падежном оформлении словоформ см. в: [Русакова 2009: 14].

И каждый учитель **отчет**... Выступает, ну знаете, как раньше, в сталинское время, выступали.

Характерно, однако, что и в (22), и в (23) существительные употреблены именно в том падеже, которым часто маркируются в русском языке данные семантические роли имени, то есть оказавшиеся неправильными в данном контексте формы в целом служат «прототипическими» средствами выражения в языке этого значения: так, пациент (*отчет*) часто бывает выражен именно Вин. пад. (ср. *писать отчет, делать отчет, планировать отчет* и др.), а трансформатив (*мышлонком*) нередко передается в русском языке именно Твор. пад. (ср. *оказываться, становиться, делаться кем-л.*).

В корпусе Г. Г. Инфантовой «Русская разговорная речь» число ошибок в выборе падежных форм у говорящих также является очень небольшим. Более половины всех ошибочных форм составляют высказывания с формой Им. пад. существительного, употребленного вместо косвенного падежа. Ср.:

- (24) — *Например, они начинают с 9 прием. Он приходит или в половине восьмого, или в восемь часов. Покрутился, покрутился... И начинает... Пока все начнут прием, он или половина, или совсем всех уже...* (PPP, 20).
- (25) — *Я решила опустить... Лермонтов, Гоголь, Белинский и Герцен. — Не дочитывать? — Не дочитывать* (PPP, 31).
- (26) — *По советской литературе есть учебник? Нет?* (Примечание автора: Впечатление такое, что прозвучало без предлога, причем даже так: «Советская литература есть учебник? Нет?») (PPP, 34).

В примерах (24), (25) номинатив имени использован вместо Вин. пад., тогда как в (26) — вместо дательного.

Последнее высказывание представляет собой частотное для середины прошлого века использование формы Им. пад. существительного, часто вынесенной в инициальную позицию, в ситуации вопросов в магазине или транспорте. Ср. пример того же времени записи из подкорпуса непубличной речи НКРЯ:

- (27) **Сборник экономическая программа, вот такая, двадцать шесть копеек, нет у вас?** [Разговоры в книжном магазине (1977)].

См. также примеры (28)–(30) Е. А. Земской (записи 1960-х гг.) из работы [Земская 1973]:

- (28) **Парикмахерская не скажете?**
- (29) **Следующая выходите?**
- (30) **Любой автобус садитесь.**

Представляется, что в записях устных текстов начала XXI в. подобные примеры встречаются гораздо реже. Так, современные данные разговорной речи демонстрируют употребление в данных ситуациях косвенных падежей в соответствии с нормами литературного языка. Ср.:

- (31) *Извините, а вы выходите на следующей? Хорошо!* [Разговор двух подруг в автобусе (2006)].
- (32) *Извините, пожалуйста! Не подскажите, как пройти к цветникам? — И чего туда все ходят, когда цветы уже посохли?* [Разговор на улице (2005)].

Как представляется, употребление Им. пад. в функции зависимого члена высказывания при глаголе стало в наше время характерной чертой речи водителей маршруток, ср.:

- (33) *Метро у нас выходят?.. Не выходят, да? — Остановите здесь, пожалуйста! — Я же спросил вас: «Шпалерная выходят?»* [Сборы в дорогу и поездка в транспорте (2007)] (НКРЯ).

Однако эти наблюдения о неупотребительности некоторых значений Им. пад. в разговорной речи требуют обязательной проверки на более обширном материале. Выборка из НКРЯ может не вполне отражать все специфические черты современной коммуникации вследствие того, что не все типы текстов представлены в нем в одинаковом объеме (так, в подкорпусе непубличной речи домашних разговоров, воспоминаний, споров представлено больше, чем диалогов в транспорте и на улице). Также при исследовании на корпусных данных материала такого рода необходимо, безусловно, расширять команду поиска, задавая в ней не конкретные лексемы, а целые группы слов по их семантическим признакам и увеличивая допустимое расстояние между ними.

Примеры, подобные (24) и (25), по всей видимости, распространены и в современных спонтанных высказываниях. Ср. аналогичное употребление существительного в Им. пад. вместо Вин. пад. в тексте из Устного подкорпуса НКРЯ, записанном в 2006-м г.:

- (34) *А вот ты, мол, половина себе заберешь, половину ему дашь. Я говорю: «Я никогда себе не забираю»* [Домашний разговор (2006)].

Характерно, что в обоих примерах второе имя в высказывании употреблено уже в верной падежной форме (ср.: *всех, половину*). Создается ощущение, что говорящий за время произнесения первой части предложения успевает осмыслить и выстроить в сознании структуру всей фразы и по-

этому употребляет второй именной компонент уже в той форме, какую требует управляющий глагол.

Ряд примеров ошибочного выбора падежных форм в корпусе Г. Г. Инфантовой трудно поддаются классификации, поскольку отражают разнообразные варианты неверного выбора падежа существительного, употребление которого может объясняться различными факторами. Так, в одном случае Дат. пад. имени используется говорящим вместо формы Род. пад.:

- (35) — *А я ему говорю, что придется идти на компромисс... ээ... но по поводу, значит, **плану**, который мы вводим, это должно вычитываться летом, понимаете? Полностью (PPP, 31).*

В приведенном примере выбор неверной флексии существительного может обуславливаться ее уподоблением в речи окончанию предшествующего слова (ср.: *плану* — как *поводу*). Другим вариантом объяснения подобной замены формы имени может быть влияние на нее сочетания с предлогом *по плану*, менее избыточного и поэтому более естественного в разговорной речи, чем оборот *по поводу плана*.

Трудно найти однозначное объяснение замене говорящим Предл. пад. существительного Вин. пад. в следующем примере:

- (36) *Наварить картошки **в мундир**, селедку неочищенную положить гостям. По крайней мере, хоть побьешь их оригинальностью (PPP, 45).*

Возможно, форма этого существительного произносилась в действительности в Предл. пад., однако флексия *-е* (в орфографической записи), находящаяся здесь в артикуляторно слабой позиции (ср. заударный слог и конец слова), могла подвергнуться в быстрой спонтанной речи качественной редукции и поэтому не быть воспринятой при расшифровке записей.¹

Примеры (37) и (38) демонстрируют, скорее, ошибки, связанные с неверным употреблением числа существительных (мн. ч. вместо ед. ч.).

- (37) — *Роза Соломоновна! Значит, мы с вами договорились, что я сорок четыре читаю лекции, лекционных **часов** (PPP, 33).*
- (38) — *И там, говорит Лилька, вот изумительный вид мог бы быть, потому что линия высоковольтных передач, столбы, натянутые провода... И вот если бы дождаться того момента, когда солнце висит на проводах,*

¹ См. более подробно о возможных фонетических вариантах звучащих флексий и случаях их недореализации в русском языке в коллективной статье [Степанова, Асиновский, Рыко, Шерстинова].

вот здесь, между высоковольтными пр... линией, то это изумительный был бы кадр (РРР, 46).

В примере (37) выбор формы мн. ч. существительного (вместо верного ед. ч.; ср.: *сорок четыре лекционных часа*) во многом обусловлен его дистантным расположением по отношению к числительному. Говорящий выбирает ту числовую форму слова, которая является в этом случае более естественной (поскольку указывает на множественность предметов), но оказывается ошибочной, так как числительные на *четыре* используются в русском языке только с именами в ед. ч.

На закономерность употребления в подобных контекстах существительного во мн. ч. указывает также тот факт, что при выносе имени в инициальную позицию именно эта форма становится обязательной: *Лекционных часов я читаю сорок четыре.*

Пример (38) не позволяет однозначно определить, чем вызвана ошибка в использовании числа существительного. Возможно, выбор неверной числовой формы обусловлен заминкой в речи говорящего и создавшейся вследствие этого паузой между определяемым и определяющим словом (ср.: *между высоковольтными пр... линией*). В рассматриваемом примере рассогласование компонентов словосочетания могло быть также связано с ошибочной формой числа не у существительного, а у прилагательного (*высоковольтными* вместо *высоковольтной*). Такая интерпретация, однако, представляется менее вероятной, поскольку трудно было бы объяснить, чем вызвана ошибка в препозитивном компоненте словосочетания и почему следующее за ним существительное не было уподоблено по числу зависимому (согласуемому) элементу.

Последний пример представляет также случай перестройки говорящим высказывания на ходу. В первоначальный замысел информанта входило, видимо, желание сказать *между высоковольтными проводами*, однако существительное *провод* было заменено на *линию* во избежание повтора (форма *провода* была только что использована говорящим). Твор. пад. имени может сохраняться здесь под влиянием управления предлога *между*.

Таким образом, число падежных ошибок, обнаруженных в двух корпусах разговорной речи, оказывается очень небольшим. Этот факт подтверждает отмеченную М. В. Русаковой тенденцию к низкой доле падежных ошибок в речи говорящих (в сравнении, например, с ошибками в категории рода или числа). На основании рассмотрения «ошибочных» высказываний в двух корпусах можно сказать, что отдельную группу в примерах падежных ошибок представляют случаи замены косвенного

падежа именительным, а также взаимная мена Род. пад. и Предл. пад. во мн. ч. Представляется, что некоторые примеры из первой группы (типа *Советская литература есть учебник?*) являлись более распространенными в середине прошлого века, тогда как в современной разговорной речи их доля заметно снизилась. Последнее предположение требует, безусловно, проверки на дополнительном материале.

Показательно, что ряд специфических ошибок (например, неверное падежное оформление участников ситуации или перестройка высказывания с выбором менее «типичного» в данной ситуации глагола) зачастую принадлежит речи одних рассказчиков. Это позволяет говорить о существовании определенной предрасположенности у говорящих не только к выбору единиц для оформления своего высказывания, но и к совершению тех или иных ошибок, что дает возможность интерпретировать последние как проявление индивидуальных черт субъективности в языке.

Литература

- Воейкова М. Д. 2008 — Падежные противопоставления в русском языке: синтагматические связи в устной речи. *Проблемы функциональной грамматики: категоризация семантики*. Санкт-Петербург. С. 164–191.
- Воейкова М. Д. 2010 — Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления. *Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН)*. Т. VI. Ч. 2: *Избыточность в грамматическом строе языка*. Санкт-Петербург. С. 9–21.
- Гловинская М. Я. 1996 — Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва. С. 237–304.
- Земская Е. А. 1973 — Функции словоформ. Именительный падеж существительного. *Русская разговорная речь*. Москва. С. 241–264.
- Земская Е. А. 1983 — Морфология. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва. С. 80–141.
- Русакова М. В. 2001 — *Именная словоформа флективного языка (согласование в русском атрибутивном словосочетании): Дис. ... канд. филол. наук*. Санкт-Петербург.
- Русакова М. В. 2006 — К проблеме значения и функции русского падежа: стратегии падежного оформления в русском языке. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. Вып. 1. С. 57–72.
- Русакова М. В. 2009 — *Речевая реализация грамматических элементов русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук*. Санкт-Петербург.
- Сатюкова Д. Н. 2012 — Особенности употребления падежных форм имен существительных в русской разговорной речи (на материале корпусов текстов «Рассказы

о сновидениях» и «Русская разговорная речь»). *Проблемы языка: Сб. научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. Москва. С. 264–275.

Сизова О. Б. 2010 — Значение избыточности грамматического маркирования для процессов порождения высказывания. *Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН)*. Т. VI. Ч. 2: *Избыточность в грамматическом строе языка*. Санкт-Петербург. С. 258–271.

Степанова С. Б., Асиновский А. С., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковая реальность словоизменяемых аффиксов (по данным звукового корпуса русского языка). *Конференция «Диалог 2010»*. Доклад 72. Веб-ресурс: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/72.htm> (30.05.2013).

Цейтлин С. Н. 1997 — *Речевые ошибки и их предупреждение: Учебное пособие*. Санкт-Петербург.

Цейтлин С. Н. 2009 — *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*. Москва.

Цейтлин С. Н. 2012 — К вопросу о взаимодействии лексики и грамматики в процессе конструирования ребенком индивидуальной языковой системы. *От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей в честь 80-летия А. В. Бондарко*. Москва. С. 562–567.

Источники

Инфантова Г. Г. 2006 — *Русская разговорная речь: тексты*. Таганрог.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) 2009 — *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. Москва.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Веб-ресурс: <http://www.ruscorpora.ru/> (30.05.2013).

ЭТАЛОННЫЕ СРАВНЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В АСПЕКТЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Г. С. СЫРИЦА

Эталон как единица лингвокультурного пространства, в том числе в сфере прецедентных феноменов, изучается в работах И. М. Воскресенской, С. Г. Воркачева, И. В. Захаренко, В. В. Красных, В. Н. Телия и др. [Воскресенская 2010; Воркачев 2003; Захаренко 1997; Красных 2003; Телия 1996]. К специфическим особенностям эталона как лингвокультурного феномена относится указание на проявление неких нормативных представлений о тех или иных свойствах предметов или реалий (ср.: эталон — образец меры, стандарт). Причем релевантным признаком эталона является указание на верхний предел меры (качества, количества), образность, в которой отражаются особенности мировидения народа, аксиологичность, т. к. определение меры чего-либо прямо или косвенно связано с оценкой предмета или реалии, сложность структуры, предполагающая наличие по меньшей мере двух частей, избирательность, т. к. не все качества и свойства имеют эталонные знаки, и, наконец, антропоцентричность, понимаемая как сопоставление свойств и качеств человека с предметами и реалиями объективного мира, так и восприятие свойств и качеств предметного мира сквозь призму оценок человека. Сравнение, результатом которого может быть выявление эталонов, является одним из универсальных механизмов познания мира. Эталонные сравнения являются «результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека» [Телия 1996: 105].

Эталоны могут выражаться с помощью самых разных структурных форм: *капля в море, цвета воронова крыла, с гулькин нос, гусиная кожа, дрожать над каждой копейкой* и др. Классической формой эталона являются адъективные устойчивые сочетания, в семантике которых отражен при-

знак (качество) предмета (реалии) в широком смысле этого слова. Это фразеологические конструкции с союзом *как*, эталонные сравнения. Компаративная часть устойчивых сочетаний отражает обиходно-эмпирический, культурный опыт человека. При этом эталонное значение имеют прежде всего те фразеологизмы, в которых объект сравнения содержит сему, отражающую свойство реалии в ее образцовом (эталонном) виде: *мягкий как пух, сладкий как мед, холодный как лед*. Целый ряд качеств и свойств предметов не имеет эталонных характеристик, и в этом смысле закрепление того или иного признака в эталонном сравнении свидетельствует о его значимости в определенной лингвокультуре.

В центре рассмотрения в данной работе находятся эталонные сравнения — адъективные сочетания с компонентом *как* в русском, латышском, польском, немецком языках. Материал отбирался на основе фразеографических источников. Особенности описания данных единиц в разных языках, и в частности, разная степень их представленности во фразеологических словарях, предопределили необходимость обращения к другим словарям, и в первую очередь, к ассоциативному словарю [РАС 2002], где отбирались только те ассоциаты, которые включали в свой состав сравнительный союз *как*. Первую группу эталонных сравнений представляют эмпирические прилагательные, в которых эталонный знак выступает как носитель наивысшей степени проявления качества и, как правило, отражает объективно присущие данному предмету или реалии свойства. Особенностью этой группы является то, что она характеризует не только свойства и качества предметного мира, но и внутренний мир человека.

В антонимической паре *холодный – горячий (теплый)* эталонными знаками (ЭЗ) холодного в рассматриваемых языках выступают *лед, кусок льда, сталь, морда собаки, рыба*, теплого — *молоко, горшочек*. Адъективное сравнение *холодный как лед* [РАС 2002: 710] в латышском и немецком языках характеризует также внутренний мир человека: *kā ledus, kā ledus gabals* — 1. Parasti savienojumā ar auksts. Ļoti auksts¹. 2. Viena dzīgs, vēss, neiejūtīgs (cilvēks) [LVF 2000: 599]; *kalt wie Eis (abwertend)* — eine gefühlsarme oder skrupellose Person [Walter 2008: 88]. С характеристикой человека связаны культурно-специфичные ЭЗ *рыба* и *морда собаки* в немецком языке: *kalt wie der Fisch* — Abwertend über eine Person [там же: 99], *kalt wie Hundeschnauze* — Kalt (eiskalt) wie eine Hundeschnauze (wie ein Eisblock), rücksichtslos, hart, gefühllos, ohne jegliches Mitempfinden, temperamentlos. *Kalt wie*

¹ Здесь и далее мы сохраняем авторскую графическую форму подачи словарного материала, включая строчные и прописные буквы (Примеч. редактора).

Hundeschnauze war ursprünglich Zeichen der Gesundheit des Hundes [там же: 150]. ЭЗ *теплого* есть только в латышском языке, при этом оба сравнения характеризуют только предметный мир и обладают фразеологически связанным значением — о воде, о помещении: *silts kā piens* — *Ļoti silts (parasti ūdens, upē, ezerā, jūrā)* [LVF 2000: 905], *silts kā podiņš* — *Saka par siltu telpu* [LVF 2000: 959].

В антонимической паре *твердый – мягкий* ЭЗ твердого выступают *камень, железо, сталь, алмаз, гранит, кремьнь*, мягкого — *пух, бархат, шелк, шерсть, масло, спелая груша, гриб-дождевик*. Сравнение с камнем в латышском языке выступает эталоном твердости и тяжести, а также жестокосердия: 1. *Ļoti ciets*. 2. *Savienojumā ar ciets pārnesto nozīmi. Nelokams, nejūtīgs, nepielūdzams, cietsirdīgs*. 3. *Ļoti smags (tiešā un pārnestā nozīmē); smagi, strauji* [LVF 2000: 70]. Сравнение с железом, со сталью также характеризуется наличием прямого и переносного значения: *kā dzelzs* — 1. *Ļoti ciets, izturīgs, spēcīgs, stiprs*. 2. *Tāds, kas var daudz uzturēt, paciest; ļoti stingrs, nepiekāpīgs* [LVF 2000: 288]; *kā tērauds* — *Stingrs, nelokāms; ļoti ciets, stiprs, izturīgs* [LVF 2000: 1248]. С характеристикой внутренних качеств человека связано сравнение со сталью в немецком языке: *hart wie Stahl* — *Sehr hart, sehr fest, unbeugsam, nicht von seiner Meinung abzubringen* [Walter 2008: 278]. Эталонном мягкости в рассматриваемых языках выступают *пух*, а также разные ткани: *мягкий* — *как шерсть, как пух* [РАС 2002: 339]; в латышском языке — *kā dūna (dūnas)* — *Saka par ko ļoti vieglu, mīkstu, siltu* [LVF 2000: 273], *kā zīds* — *Ļoti mīksts, smalks, gluds, spīdīgs; ļoti skaists* [LVF 2000: 1406], *mīksts kā vilna* — *Saka par ko ļoti mīkstu (biežāk par maizi)* [LVF 2000: 1370], *mīksts kā samts* — *Ļoti mīksts* [LVF 2000: 1092]; в польском — *miękki jak aksamit (jedwab, puch)* [WSPR 1980,1: 445]; в немецком — *weich wie Seide* — *Etwas ist sehr weich, zart, z. B.: wie Samt* [Walter 2008: 268]. Сравнение с *грибом-дождевиком* в латышском языке развивает систему переносных значений, характеризующих как внешность, так и черты характера человека: *mīksts kā pūpēdis* — 1. *Ļoti mīksts, irdens*. 2. *Tukls (cilvēks), labi barots (dzīvnieks)*. 3. *Padevīgs, jūtīgs* [LVF 2000: 978]. Кул ьтурно-специфичным эталоном мягкости в немецком языке выступает *спелая груша: wie eine reife Birne* — *Sich leicht von etwas lösend* [там же: 59], при этом эталоном мягкости в характеристике внутренних качеств человека выступает *масло: weich wie Butter* — *Herzweich wie Butter* [там же: 72].

В антонимической паре *чистый — грязный* ЭЗ чистого выступают *слеза, слеза ребенка, вода, снег, стеклышко, ангел*, ЭЗ грязного — *поросенок, свинья*. Эталонное сравнение *чистый как слеза* [РАС 2002: 724] в польском языке

имеет значение, связанное с характеристикой человека: *czysty jak lza* — а) *niewinny*; poza wszelkimi podejrzeniami б) *nieskazitelnie czysty* [SFWP 2003: 97]. В русском языке переносное значение, связанное с характер истинной человека, развивает другое сравнение — *как стеклышко*: 1. Очень чистый, сверкающий чистотой. 2. Безупречный в моральном отношении [ФСРЯ 1986: 455]. ЭЗ ангел встречается в немецком языке: *rein wie ein Engel* — *Völlig rein ohne Zusätze, ohne Hintergedanken, unverdorben* [Walter 2008: 90], кроме того, ангел выступает также эталоном доброты: *gut wie ein Engel* — *Hilfsbereiter Mensch* [там же: 90]. Сравнение с ангелом в латышском языке имеет широкую семантическую структуру, связанную с позитивной характеристикой внешних и внутренних черт: *kā eņģelis* — *Saka, ja kāds ir ļoti pozitīvi vērtējams (ir ļoti skaists, labs, morāli tīrs), ja kas noris brīnišķīgi, ļoti jauki, nevajņojami* [LFV 2000: 317]. ЭЗ грязного совпадает в русском и латышском языках: *грязный как поросенок, как свинья* [РАС 2002: 149], *kā cūka* (*biežāk savienojumā ar piedēries, netīrs*). *Saka par ko ļoti negatīvu* [LFV 2000: 191], при этом сравнение с поросенком в латышском языке развивает фразеологически связанное переносное значение, характеризующее размер, величину (о большой рыбе): *kā sivēns* — 1. *Saka par netīru, nevīžīgu cilvēku (parasti bērnu)*. 2. *Saka par lielu zivi* [LFV 2000: 1156].

Эталонные сравнения второй группы характеризуют только человека. Лингвокультурные особенности этих эталонов проявляются в особенностях отбора качеств и свойств, которые подвергаются образному сравнению. Эталонные знаки в большей степени произвольны, субъективны, в них преобладает оценочно-образный компонент, отражающий мировидение того или иного народа. Так, ЭЗ одиночества в рассматриваемых языках выступают *палец (перст), пень, дерево, деревянный бог, кол в плетне*. В русском и польском языках ЭЗ *одинокого человека* выступает палец: *одинокий как перст* [РАС 2002: 400], *samotny jak palec, jak kolek (w płocie)* — *zupełnie sam, bez rodziny, bardzo samotny, opuszczony przez wszystkich* [SFWP 2003: 729], при этом культурно-специфичным ЭЗ в польском языке выступает *кол в плетне (jak kolek w płocie)*. В латышском языке ЭЗ являются *пень, деревянный бог, дерево: viens kā celms* — *Viens pats, vientuļš* [LFV 2000: 162], *viens kā koka dievs* — *Pavisam viens, vientuļš* [LFV 2000: 261], *viens kā koks* — *Vientuļš (bez tuvīniekiem)* [LFV 2000: 546]. Эталонизации подвергаются особенности внешнего вида, причем за счет гиперболы в эталонном знаке преобладает оценочный компонент. Так, образным ЭЗ *лысины* в русском и польском языках выступает колено: *лысый как колено* [РАС 2002: 302], *łysy jak kolano* — *kompletne łysy* [SFWP 2003: 366]), в латышском языке —

яйцо: *kā ola* — 2. *parasti savienojumā ar plīks. Saka, ja kādam uz galvas nav matu* [LFV 2000: 851].

Адъективные эталонные сравнения в описании внешних и внутренних качеств человека также характеризуются наличием антонимических пар, при этом распределение эталонных знаков в рамках пары неравномерно. Так, в антонимической паре *толстый – худой (тощий)* ЭЗ толстого выступает *бочка*; худого — *щепка, веретено (шпиндель), нитка, жердь, кол (тычина) для хмеля, вывороченный пень (коряга)*. Идентичным ЭЗ толстого человека в русском, и латышском языках является *бочка*: *resns kā tūsa* — *Ļoti resns, apaļš* [LFV 2000:733]. ЭЗ худого представлены значительно шире. Идентичное эталонное сравнение *худой как щепка* встречается в русском, латышском, польском языках: в латышском — *tievs kā skaida* 1. *Saka par ļoti vāju, kalsnu sievieti* [LFV 2000: 1158]; в польском — *chydy jak szczapa* — *o kimś bardzo chudym* [SFWP 2003:805]. Культурно-специфичными ЭЗ в латышском языке выступает *нитка*: *tievs kā diegs* — *Ļoti tievs (biežāk cilvēks)* [LFV 2000:235]; в немецком — *веретено (шпиндель)*: *dürr wie eine Spindel (dünn wie eine Spindel)* — *Sehr dürr, sehr mager* [Walter 2008: 276].

Специфической особенностью этой группы является наличие ЭЗ, объединяющих несколько характеристик внешности, например, высокий рост, худобу. В роли такого ЭЗ в русском, латышском, польском языках выступает *жердь*: *kā kārts* — *saka par ļoti tievu un garu cilvēku* [LFV 2000: 516]; *chydy jak tyka* — *o kimś bardzo chudym* [SFWP 2003: 861]. Любопытно, что в этом значении в качестве ЭЗ в немецком языке выступает *кол (тычина) для хмеля*: *dürr wie eine Hopfenstange* — *wird über jemanden geredet, der sehr groß und hager ist* [Walter 2008: 145]. Эта реалия встречается в местностях, где выращивают хмель для пивоварения. ЭЗ худого, старого человека в латышском языке выступает *выкорчеванный пень (коряга)*: *kā sakārnis* — 1. *Ļoti vājš, izdēdējis; ļoti vecs; nepatikams* [LFV 2000: 1087].

В антонимической паре *умный – глупый (тупой)* только второй член имеет эталонные сравнения. ЭЗ глупого выступают *сивый мерин, осел, пробка, сапог, валенок, пень, солома (бобовая солома), ночь*. Главную роль здесь играет образный компонент, выступающий в роли интенсификатора значения: *глуп как пробка* — очень, до крайности глуп [ФСРЯ 1986: 361], *глуп как сивый мерин* — очень, до крайности глуп [ФСРЯ 1986: 242], *глупый как осел* [РАС 2002: 134]. При этом лишь зономический компонент *осел* в определенной степени отражает стереотипное представление о глупости и упрямстве (ср. наличие у этой лексемы переносного значения). В латышском и польском

языках ЭЗ глупости выступает *canož — dumjš (stulbs, glups) kā zābaks — vienk. Ļoti dumjš, nesaprātīgs, muļķis* [LFV 2000: 1376]; *glupi jak but — bardzo głupi* [SFWP 2003: 201]; в русском — слово этой же тематической группы — *валенок* (ср.: *тупой как валенок* [РАС 2002: 671]). ЭЗ глупости в немецком языке выступает *солома (бобовая солома): dumm wie Stroh — Überaus dumm, hergeleitet von leeren Ähren* [Walter 2008: 284] (ср. также е: *dumm wie Bohnenstroh*), *ночь: dumm wie die Nacht — Lichtlosigkeit der Nacht übertragen auf Verstandesfinsternis* [там же: 212]. Этот же ассоциативный ряд *тьма — непросвещенность (глупость)* наблюдается в эталонном сравнении польского языка *темный как табак в роге: ciemny jak tabaka w rogu — o kimś, kto nic nie wie, nie rozumie, nie ma o niczym pojęcia* [SFWP 2003: 76].

Эталонные сравнения этой группы могут совпадать в разных языках (в том числе, возможно, и как следствие заимствования). Ср.: *беден как церковная мышь (крыса) — очень, до крайности беден* [ФСРЯ 1986: 216]; *bedny jak mysz kościelna* [SFWP 2003: 301]; *pliks (nabags) kā baznīcas žurka* [LFV 2000: 1439]; *arm wie eine Kirchenmaus sein* [Walter 2008: 50]. Однако они могут и в значительной степени отличаться. Так, эталоном седины в русском языке выступает *лунь* (пернатый хищник пепельно-серого цвета): *седой как лунь*; в латышском языке — *яблоня и снег: balts kā ābele — Pavisam sirms, gluži baltiem matiem* [LVF 2000: 11], *balts kā snieg* — Pavisam sirms [LVF 2000: 396]. Один и тот же ЭЗ может быть эталоном разных свойств и качеств. Так, *рыба* в немецком языке выступает эталоном холода, живости, здоровья, счастья: *kalt wie der Fisch — Abwertend über eine Person; flink wie ein Fisch — Rasch, geschickt arbeitend, bewegend; gesund wie ein Fisch im Wasser — Bild eines frischen, gesunden Lebens; glücklich wie ein Fisch im Wasser — Bild eines frischen, gesunden Lebens* [там же: 99]. ЭЗ медлительности в немецком языке является *улитка: Langsam wie eine Schnecke — Charakteristik von Handlungsweisen von Menschen* [там же: 260], которая является также эталоном скользкого, двусмысленного: *Schlüpfzig wie eine Schnecke — Abwertend* [там же]. Эталонные сравнения могут развивать переносные значения, связанные с характеристикой разных сторон одного и того же качества: ср. в польском *głuchy jak pień — а) zupełnie głuchy б) bez słuchu muzycznego* [SFWP 2003: 200], характеризует как глухого, так и не имеющего музыкального слуха человека.

Ряд эталонных сравнений не имеет соотносительных единиц в других языках. Так, только в немецком языке встречается образное эталонное сравнение, характеризующее вялого, бессильного человека (ЭЗ — *носок*): *Schlaff wie eine Socke — abgekämpft, keine Kraft* [Walter 2008: 27], старого

человека (ЭЗ — *дерево*): *alt wie ein Baum* — Hohes Lebensalter eines Menschen [там же: 51]; в латышском — большого, крупного человека (ЭЗ — *печь*): *liels kā krāsns* — ļoti liels [LFV 2000: 551]. Культурно-специфичными являются семантически близкие отрицательные эталоны, строящиеся на речевой энантиосемии: русскому фразеологизму *нужен как собаке пятая нога* соответствует польский *нужен как дырка в мосту*: *potrzebny jak dziura w moście* — *wcale nepotrebny* [SFWP 2003: 623].

Таким образом, выявленные эталонные сравнения делятся на две группы: эмпирийные прилагательные первой группы характеризуют как предметный мир, так и человека, вторая группа характеризует только человека. Прилагательные отличаются неравномерной эталонизацией в рамках конкретных языков: одни качества и свойства имеют несколько эталонных сравнений, другие же остаются невостребованными, становятся эталонными лакунами. Избирательность проявляется также в том, что один из членов антонимической пары имеет несколько эталонных знаков, второй — всего один или не имеет их вообще.

Сопоставительный анализ позволил выявить универсальные и культурно-специфичные эталонные знаки. Большая степень универсальности эталонных знаков наблюдается в первой группе. Здесь встречается много эталонных знаков, в структуре значения которых отражена сема, характеризующая базовое качество денотата, на основе которого и развивается переносное значение, характеризующее человека. Ряд культурно-специфичных эталонных сравнений этой группы изначально направлен на характеристику человека. Эталонные сравнения второй группы отличаются большей образностью, самобытностью, преобладающим в них является оценочный компонент. Часто они отражают лишь образное представление о том или ином свойстве денотата, эталонное значение в них является вторичным. Характерной особенностью этих сравнений является синонимическая вариативность адъективного компонента (*худой, тощий; глупый, тупой*).

В эталонных знаках отразилась специфика природных и культурных реалий каждого языка, особенности мировидения, в том числе в известной степени определенные профессиональной средой. В качестве эталонных знаков выступают образно переосмысленные бытовые предметы (*веретено, нитка*), предметы обуви (*сапог, валенок*), одежды (*носок*), соматизмы (*колени*), названия продуктов (*масло, яйцо*), реалии быта (*жердь, кол, солома*), природные реалии (*гриб-дождевик, дерево, пень*), культовые предметы (*деревянный бог*), зоонимы (*рыба, черепаха, улитка, осел*) и др.

Эталонные сравнения, характеризующие человека, во всех рассматриваемых языках преимущественно используются для создания негативно-оценочных коннотаций.

Литература

- Воркачев С. Г. 2003 — Эталонность в сопоставительной семантике. *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 25. Москва. С. 6–15.
- Воскресенская И. М. 2010 — Эталонные знаки в сознании представителей русского лингвокультурного сообщества (на примере концептуальных полей *богатство, бедность, ум, глупость, красота, уродство, счастье, несчастье*). *Русский язык за рубежом*. Москва. № 3. С. 50–58.
- Захаренко И. В. 1997 — К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов. *Язык, сознание, коммуникация*. Москва. Вып. 1. С. 104–114.
- Красных В. В. 2003 — *Свой среди чужих: миф или реальность*. Москва.
- РАС 2002 — *Русский ассоциативный словарь*. В 2-х т. Москва.
- Теля В. Н. 1996 — *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва.
- ФСРЯ 1986 — *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. Москва.
- SFWP 2003 — *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa.
- LFV 2000 — *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Rīga.
- Walter H. 2008 — *Wörterbuch sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche*. Teil 1. Hamburg.
- WSPR 1980 — *Wielki słownik polsko-rosyjski*. U 2 t. Moskwa – Warszawa.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Н. 35, 43
Авилова Н. С. 101, 109
Агапкина Т. Г. 224–225
Азовская Л. П. 224–225
Акуленко В. В. 264, 271
Акунин Б. 137
Александр I 244
Алексеев М. 118
Алексеева Л. М. 235, 240
Ананьев Б. Г. 259–260
Андурский Е. 173, 180
Анчаров М. 159
Апресян Ю. Д. 62, 69, 154,
206, 212
Апухтин А. 148, 151
Арбузов А. 114, 118
Артюнова Н. Д. 119, 123,
207, 212
Асиновский А. С. 320, 323
Афанасьев А. Н. 216, 221, 225
Ахманова О. С. 44
- Бабаева Е. Э. 212
Базжина Т. В. 259–260
Бакланов Г. 149
Белинский В. Г. 318
Бенвенист Э. 58, 69, 168,
179–180, 274, 283
Березович Е. Л. 157, 166
Бидерманн Г. 203, 205
Блакар Р. 177, 179
Богин Г. И. 285, 295
Бодалев А. А. 272
- Бодуэн де Куртене И. А.
214–215, 225
Большаков И. 177–179
Бондарко А. В. 24–26, 28,
60–61, 101, 106, 109, 323
Борисов А. А. 223, 225
Борисов А. Б. 241
Борковский В. И. 217, 225
Брагина Н. Г. 12, 33, 41, 43
Брандт Р. 284
Бубеннов М. 118
Буйда Ю. 149
Буланин Л. Л. 109
Булгаков М. А. 16–17, 58,
63–64, 66, 70, 193–194,
199, 203–205, 210, 212
Бунина И. К. 19, 275, 283
Бурдые П. 41, 43
Буслаев Ф. И. 216, 223, 225,
274, 283
- Вайгла Э. 294–295
Вайс Д. 81–82
Валгина Н. С. 232–233, 240,
292, 295
Валевская Е. А. 226
Валмет А. 302
Варунин А. С. 241
Васильева Е. 174, 180
Вейсгербер Л. Й. 285
Вельман-Омелина Е. М. 17,
231, 235, 241
Вендлер З. 100
Вепрева И. Т. 168, 179

- Вересаев В. 146
Вергинская А. 151
Викторова Е. Ю. 206, 212–213
Виноградов В. В. 23, 28, 35,
39–40, 43, 257, 285, 295
Виноградов Е. 173, 180
Винокур Г. О. 193, 205
Вишневский В. 163
Вишнякова С. М. 241
Войкова М. Д. 186, 192, 313,
322
Войнович В. 209
Воркачев С. Г. 285–286, 295,
324, 331
Воскресенская И. М. 324, 331
Востриков И. 164
Вундт В. 99
В. фон Гумбольдт 248, 260
Вяземский П. А. 40
- Гайдар А. 151
Галкина Н. 165
Ганчева М. 264, 269, 271
Геласимов А. 210
Герцен А. И. 318
Гловинская М. Я. 106, 109,
288, 291, 295, 313, 322
Граудина Л. К. 232, 240
Гргич М. 59
Гоголь Н. В. 64, 70, 318
Голдберг А. 123
Головина Л. С. 18, 242
Гончаров И. 40, 142, 144
Горбов А. А. 15, 127
Горбова Е. В. 13, 45, 48, 57
Городницкий А. 151, 163
Горький М. 114, 161
Горшков А. И. 257, 260
Горшкова К. В. 78, 82
- Готлиб К. Г. М. 264, 268, 271
Грекова И. 150
Григорьев В. П. 225
Григорьев О. 163
Григорьева Н. 40
Грин А. 212
Гришаева Л. И. 286, 295
Гришковец Е. 209
Грот Я. К. 39, 43
Гуревич В. В. 234, 240
Гурченко Л. 149, 150
- Даль В. И. 39, 43, 157, 166,
215–216, 220–221, 225
Данилов А. 172, 180
Де-Спиллер Д. 149
Дмитренко С. Ю. 15,
141–142, 145, 150, 154
Добровольский Д. О. 248, 260
Добролюбов Н. А. 216, 223,
225
Довлатов С. 148, 212
Домбровский Ю. 144, 147,
209–211
Достоевский Ф. М. 146, 161
Доценко В. 147
Дубичинский В. В. 264, 271
Дубровина К. Н. 192
Дугин А. 170, 179
Дьяконов И. 144
Дягилев С. П. 226
- Евгеньева А. П. 43, 101, 110,
140
Евграфова С. М. 18, 248–249,
259, 260
Евстратова С. Б. 16, 182, 184,
192
Егоров П. 121

- Ельцин Б. Н. 178
Еремеева С. 147
Ермолович Д. И. 37, 43
Есенин С. 162
Есперсен О. 99, 109
Ефремова Т. Ф. 35, 43, 135,
139
- Жагар И. 59
Желтов Ив. М. 39
Живов В. М. 249, 260
Жиров А. 173
Жолобов О. Ф. 156, 166
- Завилиньский Р. 99
Закревская В. А. 73, 82
Зализняк А. А. 37, 43
Занерв Д. 160–161, 166
Захаренко И. В. 324, 331
Звегинцев В. А. 248, 260
Зеленин Д. К. 224–225
Земская Е. А. 75, 81–82, 139,
316, 318, 322
Золотова Г. А. 84–85, 96, 111,
123, 168, 179
Зорин Л. 121
Зубова Л. В. 15, 155
- Иванов С. Ю. 13, 58, 66, 69
Иванцова Е. В. 83
Ивашко Л. А. 226
Иконников-Галицкий А. 165
Иличевский А. В. 150, 251,
256
Ильвес Т.-Х. 190
Ильф И. 118, 209
Инфантова Г. Г. 313, 318, 320,
323
Иртенъев И. 163
- Исаченко А. В. 109
Искандер Ф. 210
Иссерс О. С. 16, 88, 96, 168
- Йоргенсен М. В. 169, 180
- Кабанов А. 163
Каверин П. П. 122
Кагаров Е. Г. 224, 226
Казаков В. 165
Калинов А. 174, 180
Каллас Р. 302
Каллас С. 190–191
Карасик В. И. 168, 179, 286,
295
Караулов Ю. Н. 71, 82, 111,
123, 168, 179, 183, 192,
285–287, 295
Катаев В. 152
Катаев Дм. 171, 180
Катанян В. 150
Кибрик А. А. 313, 323
Китайгородская М. В. 82
Клинтон Х. 171
Кодухов В. И. 112, 123
Койдула Л. 189–190
Колева О. 42
Колокольцева Т. Н. 206, 213
Коницкая Е. М. 19, 261, 266,
271
Корнеева Т. А. 156, 167
Королёва Е. Е. 13, 71, 82
Королёва С. Ю. 224, 226
Королькова И. В. 226
Костанди Е. И. 14, 27, 84,
86–88, 96, 97, 182, 186, 192
Костомаров В. Г. 43
Кошмидер Э. 58–62, 69
Красавина Т. М. 37, 43

- Красных В. В. 324, 331
 Крекич Й 62, 69
 Кржижановский С. 16, 17,
 193–194, 200, 201,
 203–205
 Кронгауз М. А. 139
 Круглов Ю. Г. 225
 Крысин Л. П. 128–129, 132,
 137–139
 Кубрякова Е. С. 111, 123, 179,
 231, 240
 Кудрявцев Ю. С. 113–114,
 124, 294, 296
 Кузнецов А. М. 19, 73, 83, 273
 Кузнецов С. А. 35–36, 43, 241
 Кузнецова И. Н. 264, 271
 Куприн А. 145, 147–148
 Курилович Е. 100, 109
 Курохтина Т. Н. 271
 Кусаль К. 264, 271
 Кучерявкин В. 164
 Кушнина Л. В. 240–241
 Кюльмоя И. П. 9, 23, 27–29,
 96–97, 225, 294–295
- Лаар М. 189–190
 Ланг Р. 189–190
 Лангакер Р. 116
 Латынин Б. А. 224, 226
 Леонтьев А. А. 225, 261, 271
 Лермонтов М. Ю. 318
 Лобкова Г. В. 226
 Лобковская А. П. 264, 272
 Лозовский Л. Ш. 241
 Лондон Д. 121
 Лопатин В. В. 44, 310
 Лютикова В. Д. 71, 83
- Мальцева-Замковая Н. В. 19,
 285
 Мандельштам О. 165
 Маринычев Г. 159
 Марков С. 175, 180
 Масленикова З. 149
 Маслов Ю. С. 10, 19, 23–24,
 47, 52–53, 55, 57, 101, 109,
 273, 284
 Матезиус В. 61
 Маяковский В. 161, 165
 Медведев Д. А. 178, 190
 Мекш Э. Б. 203, 205
 Меликян А. В. 112, 123
 Мельников-Печерский П. И.
 157
 Мельчук И. А. 100, 109, 155,
 167, 206, 213
 Менцей Й. 59
 Метсланг Х. 20, 297–298
 Мехнецов А. М. 226
 Мещанинов И. И. 99, 109,
 155, 167
 Миклошич Ф. 274, 284
 Милованов М. 149
 Михневич А. Е. 264, 272
 Моисеенко И. М. 19, 285
 Мокиенко В. М. 225
 Молоткова А. И. 331
 Мориц Ю. 164
 Морозов И. А. 226
 Мурильо Б. Э. 147
- Набоков В. В. 64, 70, 145
 Нагибин Ю. 118, 212
 Наградская Е. 146
 Найденов С. 118
 Наполеон Б. 245
 Напольских В. В. 224, 226

- Нароков В. 211
Недомолкина Н. Г. 224, 226
Некрылова А. Ф. 226
Нерознак В. П. 285, 295
Нефедова Е. А. 71, 83
Никитина С. Е. 157, 167
Никитина Т. Г. 225
Николаева Е. К. 225
Норман Б. Ю. 159, 167
Нурен А. 99
- Овсиенко Ю. Г. 243, 246
Овсянников О. В. 223–224,
227
Ожегов С. И. 44, 241
Онипенко Н. К. 85, 96
Орешкин Д. 176–177, 180
Оруэлл Дж. 33
Остин Дж. 58–59, 69
Островский А. Н. 118, 212
- Падучева Е. В. 62, 69,
100–101, 109, 206, 213,
274, 284
Пазельская А. Г. 101
Паликова О. Н. 88, 91, 97
Панов М. В. 98, 109, 139
Паустовский К. 145
Пелевин В. 142, 150
Пермяков Г. А. 217, 227
Петлева И. П. 73, 83
Петров Е. 118, 209
Петросян М. 151, 210
Петрунина С. П. 73–74, 83
Петрухин И. В. 81, 83
Пешковский А. М. 64, 70, 99,
109
Площук Г. И. 222
Плунгян В. А. 206, 213
- Погорельский А. 151
Подлесская В. И. 313, 323
Подольская Н. В. 243, 246
Пожарицкая С. К. 82–83
Поливанова А. К. 47–48,
51–52, 55, 57
Полищук Г. Г. 194, 205
Поол Р. 20, 297
Пороховщиков П. С. 39
Потебня А. А. 214, 227,
274–275, 284
Поцепня Д. М. 204–205
Прокопович Н. Н. 84
Пропп В. Я. 225
Постовалова В. И. 179
Пугачева А. 76
Путин В. В. 178
Пушкин А. С. 122, 156, 162,
167, 245, 260, 290, 292
Пчелинцева Е. Э. 14, 98
Пяльль Э. 294–295
- Радищев А. Н. 156, 167
Ражина В. А. 242, 246
Разумовская Л. 121, 122
Райзберг Б. А. 241
Рейхенбах Х. 274
Ремчукова Е. Н. 16, 157, 159,
161, 167, 182, 185–186,
192
Реформатский А. А. 155, 167
Рецкер Я. И. 232, 241
Ровнова О. Г. 12, 22
Романов И. 149
Романова Е. 149
Рубина Д. 210, 251
Русакова М. В. 288, 290,
295–296, 313–314, 317,
321–322

- Рыбаков В. 151
Рыклин А. 42
Рыко А. И. 320, 323
- Савина С. С. 272
Савицкая О. 316
Садовский Б. 145
Салтыков-Щедрин М. 146, 152, 157
Сальнский А. 121
Санников В. З. 74, 83
Сартори Дж. 177
Сатюкова Д. Н. 20, 312–313, 322
Сванидзе Н. 176, 180
Селищев А. М. 275, 284
Семаков Д. А. 223, 226
Семчинский С. В. 263, 272
Сергеич П. 39
Серебренников Б. А. 179
Сидорова М. Ю. 85, 96
Сизова О. Б. 313–314, 323
Сильдмяе И. 212
Симонов К. 147
Скляревская Г. Н. 130–131, 137, 140
Скобликова Е. С. 84
Славятинская М. Н. 273, 284
Сметанина С. И. 184, 192
Смирницкий А. И. 36, 44
Смирнов А. М. 221, 226
Снитко Т. Н. 285, 296
Соболевский С. И. 273, 284
Соколов Б. В. 194, 205
Соколова В. В. 286, 296
Соколова Г. В. 234, 246
Соль М. 294–295
Соловьев С. Х. 71–72, 74, 79–80, 82
- Сологуб Ф. 118, 122
Сорокин В. Г. 63–64, 66, 70
Соснора В. 163
Становая Т. 177, 179
Стародубцева Е. Б. 241
Стейн Й. 99
Степанов Ю. С. 168, 180
Степанова С. Б. 323
Стехов С. Т. 316
Стойкова Т. А. 16, 193, 197, 200, 202, 205
Сумароков А. П. 127, 140
Сумцов Н. Ф. 221, 226
Супрун А. Е. 266, 272
Сурков В. 177
Сырица Г. С. 20, 324
- Татаринцева Е. Н. 231, 241
Телия В. Н. 242, 246, 324, 331
Теньер Л. 100, 109
Тимаков В. 147
Тимофеев В. П. 71, 83
Тихонов Н. 163
Токарева В. 210
Токмакова И. 148
Толстой Л. Н. 63, 66, 70, 149, 256
Томашевский Б. В. 33–34, 40, 44
Топоров В. Н. 200, 205
Тотсель Е. 294–295
Тресиддер Дж. 195, 205
Трубачев О. Н. 227
Трубчанинова М. Е. 286, 296
Тукмаков Д. 171
Тукумцев Г. 294–295
Тургенев И. 9, 148
Тэффи Н. 117, 211
Тюленев С. В. 235, 241

- Тютчев Ф. И. 163
- Угрюмов А. 226
Улицкая Л. 211
Ушаков Д. Н. 44, 129, 140
- Фасмер М. 221, 227
Ф. де Соссюр 248
Фетисова-Мюллерсон И. 115
Филина О. 170, 177, 180
Филиппо Э. Де. 118
Филлипс Л. 169, 180
Фэркло Н. 169
- Хабургаев Г. А. 78
Хайт А. 211
Ханан В. 163
Хорнби А. С. 282, 284
Храковский В. С. 15, 24, 27,
103, 141–142, 145, 150,
154
Хуцишвили С. Д. 264–265,
272
- Царьков П. 172, 181
Цейтлин Р. М. 264, 272
Цейтлин С. Н. 27, 312, 316,
323
Цукерман Г. 42
- Чаковский А. 146
Чапек К. 121
Чернейко Л. О. 243, 247
Черных П. Я. 35, 44
Чернышев С. И. 243, 247
Чернышева А. В. 243, 247
Чернышова Л. А. 232, 241
Честертон Г. 117
Чудакова Н. М. 172, 180
- Чуковская Л. 212
Чулкина Л. Н. 183, 192
- Шагинян М. 145
Шаламов В. 211
Шаронов И. А. 17, 206, 213
Шведова Н. Ю. 44, 112, 124,
154, 207, 213, 241, 310
Швейцер А. Д. 234, 237, 241
Шевченко Т. 192
Шейко Д. 174, 181
Шелякин М. А. 9–12, 14,
21–23, 25–27, 29, 36–37,
44, 61, 69, 84, 97, 101–102,
106, 108–109, 111, 124,
161, 167, 186, 192, 206,
213–214, 227, 263, 272
Шерстинова Т. Ю. 320, 323
Шефнер В. 165
Ширяев Е. Н. 82, 232, 240
Шишкин М. 150
Шишков А. С. 127, 140
Шкрабец С. 58–61
Шлык В. 173, 178, 181
Шляков Н. 284
Шмелев А. Д. 37, 43, 155–156,
159, 167
Шмелев Д. Н. 82, 112, 124
Шмелева Т. В. 175, 177, 180
Штейнгольд А. В. 17, 214, 225
- Щаднева В. П. 14, 111,
113–114, 120, 124, 235,
241, 294, 296
- Ыйспуу Я. 302, 310
- Эрелт М. 298

- Юрьев О. 165
Юсупов У. К. 261, 272
- Яблоков Е. А. 195, 205
Ягич И. В. 276, 280, 284
Якобсон Л. И. 170
Яновская К. 42
Ясински М. Э. 223–224, 227
Яснoв М. 164
- Ahi H. 302, 311
Allik M. 311
Bardovi-Harlig K. 297, 307,
310
Brown K. 310
- Dahl Ö. 299–300, 310–311
Deriba J. 276, 284
- Erelt M. 298, 310
- Fairclough N. 169, 180
Fraser B. 68–69
- Goldberg A. E. 124
Grgič M. 59, 70
- Hausenberg A. R. 303, 310
- Jespersen O. 100, 109
- Kallas R. 302, 310
Kikerpill T. 310
Kingisepp L. 302, 310
Kitsnik M. 302, 310
Klaas-Lang B. 311
Klenin E. 283–284
Koschmieder E. 60, 69
Krall I. 311
Krékits J. 62, 70
- Langacker R. W. 124
Leemets H. 302, 310
- Maguire R. A. 284
Maisla D. 297, 310
Mangus I. 302, 310
Mathesius V. 61, 70
Mencej J. 59, 70
Metslang H. 298, 302, 311
- Noreen A. 99, 109
Norvik M. 300, 311
- Ottenson O. 241
- Pajusalu R. 311
Pesti M. 302, 311
Pool R. 305, 311
Prass K. 304, 311
- Rammo S. 302, 311
Rõigas M. 310
- Saarso K. 311
Schegloff E. A. 207, 213
Schiffrin D. 207, 213
Simmul M. 302, 310
Stein J. 99, 109
Sõrmus E. 311
- Škrabec S. 58–59, 70
- Zawiliński R. 99, 109
- Žagar I. 59, 70
- Tannen D. 213
Teral M. 311
Timberlake A. 284
Tokarz E. 264, 272

Tomingas S. 302, 311

Turu E. 311

Türk Ü. 310

Uuspõld E. 311

Vaillant A. 281, 284

Valmet A. 302, 311

Valmis A. 302, 311

Valmis L. 302, 311

Vare S. 311

Vissak H. 241

Vissak J. 241

Walter H. 325–329

Wundt W. 99, 109

Õispuu J. 302

KOKKUVÕTTED

INIMENE JA KEEL PROFESSOR MIHHAIL ŠELJAKINI (19.12.1927–20.09.2011) MÄLESTUSEKS

IRINA KÜLMOJA

Kogumiku sissejuhatava artikli esimene osa on pühendatud Tartu Ülikooli emerit-professor Mihhail Šeljakinile, keda kogumikuga mälestatakse.

Tartu Ülikooli vene keele õppetooli väljaandel ilmus 2002.a. monograafia „Keel ja inimene”, mille autoriks oli emeritprofessor Mihhail Šeljakin. See teema huvitas autorit eriti elu viimasel aastakümnel, seetõttu oli otsustatud pühendada oma kolleegi ja Õpetaja mälestuskogumik antropotsentrismi probleemidele keeles ja kõnes.

Mihhail Šeljakin alustas teadusteed oma kaasmaalase, vene klassiku Ivan Turgenevi, keele ja stiili uurimisest, see oli ka tema kandidaadidissertatsiooni teemaks (kaitstud 1954. a.). 1954.–1959. aastail töötab M. Šeljakin Tallinna Pedagoogilises Instituudis, avaldab vene keele ajaloo alaseid töid, mis pole tänini oma tähtsust minetanud. Järgneb vene keele õppetooli juhatamine Novosibirskis, seejärel töö Saksamaal Potsdami kõrgkoolis. Sel perioodil hakkab ta süvenema tänapäeva keele uurimisse, eriti huvitab teda grammatika ja vene verbi aspekt, algab töö doktoridissertatsiooni kallal. Peterburi (tookord Leningradi) aspektoloogia koolkonda kuuluva doktoritöö „Prefiksaalne tegevuslaad ja aspektikategooria tänapäeva vene keeles (aspektuaalsuse funktsionaal-semantilise kategooria teooriast)” kaitseb ta edukalt 1973. a. Selles on esitatud detailne, loogiline, hästi põhjendatud prefiksaalsete tegevuslaadide klassifikatsioon ja analüüs, mis on kujunenud tänapäeva aspektoloogia üheks alustalaks.

Aastail 1975–1993 töötab Mihhail Šeljakin TÜ vene keele professorina. Tema väidet Tartu suurepärase loovkeskkonna kohta tõestavad rohked siin kirjutatud ning russistikas hästi tuntud tööd paljudest morfoloogia ja süntaksi põhiprobleemidest, semantikast, pragmaatikast. Huvi keelendite ja grammatikakategooriate sisu ja nende funktsioonide vastu iseloomustab kogu Tartu perioodi töid, see oli aluseks ka koostööle TA Keeleuuringute Instituudiga Peterburis. Mihhail Šeljakin on kuuekõitelise Peterburis koostatud „Funktsionaalgrammatika teooria” üks autoritest. Tartus koostab Šeljakin ka põhjaliku vene grammatika käsiraamatu, millest on 20 aasta jooksul ilmunud vähemalt 6 trükki. Professor Šeljakini suureks teeneks on TÜ vene keele õppetooli arendamine arvestatavaks russistika uurimiskeskuseks, selle kirjastatavate väljaannete kõrge teadustaseme saavutamine, keeleuurijate ettevalmistamine.

Artikli teises osas refereeritakse kogumikus avaldatavate artiklite sisu.

ASPEKTOLOOGIAPROBLEEME TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISTES

OLGA ROVNOVA

Artikkel on pühendatud aspektoloogia ajaloole. Autor käsitleb selles erilist, „Tartu perioodi” — 1975–1982, mis on seotud eelkõige professor Mihhail Šeljagini nimega. Nimetatud ajavahemikul ilmus Tartu Ülikoolis temaatiline sari „Vene aspektoloogia küsimusi”, lisaks veel mõned aspektoloogia probleeme käsitlevad köited toimetiste sarjas „Töid slaavi filoloogia alalt”, mille kirjastajaks oli M. Šeljakin. Seda perioodi hindab artikli autor kui väljapaistvaimat aspektoloogia ajaloos. Peatoimetaja artiklite valiku kriteeriumiks oli ideede uudsus, nende aktuaalsus aspektoloogia arengus. Autor toonitab Tartu aspektoloogia funktsionaalset suunda, laia arutatavate probleemide ringi, M. Šeljagini kui teadlase ja teadusorganisatori mõtteviisi strateegilisust. Aspektoloogia-alastes kogumikes peegelduvad kõik võimalikud aspekti ja sellega seotud uurimise suunad: aspekti kasutus erinevais verbivormides, aspektivormide funktsioneerimine lauses ja tekstis, aspekt ja modaalsus, kõrvutav aspektoloogia, aspektoloogia ja leksikograafia, murdeaspektoloogia, aspekt laste kõnes. Artikli lõpetab mõte, et antropotsentriline on mitte ainult keel, vaid ka selle uurimine, keeleteaduse ajalugu. Õpetaja, organiseerija, isiksuse kuju on ja jääb olulisimaks faktoriks keele uurimistöös.

LAENSÕNAD SUFIKSIGA -ИРОВАТЬ VENE KEELES

NATALJA BRAGINA

Artiklis analüüsitakse *-ировать* sufiksiga laenverbide morfoloogilisi, aktsentoloogilisi, stilistilisi ja sotsiokultuurilisi omadusi.

Tegusõnad *-ировать* sufiksiga on küllalt ühtlane, kõrge kasvudünaamikaga lekseemide rühm. 1974. a. vene keele pöördleksikonis on 1260 *-ировать* sufiksiga tegusõna, tänapäeva sõnaraamatud fikseerivad neid 1632. Suurem osa neist koosneb 11–17 tähemärgist, mis tähendab, et need on pikad sõnad, mis teevad teksti „raskemaks”.

Sufiks *-ировать* kohandab Euroopa eri keelte laensõnu vene keele süsteemiga. Kohanemisetapil fikseeritakse uus laen üsna kiiresti internetis. Otsingu tulemusena Yandex' s selgus, et sufiks *-ировать* võib liituda: 1) kirillitsas kirjutatud laentüvele või lühendile: *кэшировать*, *СПАМ'ировать*; 2) ladina tähtedega kirjutatud tüvele või lühendile: *jibb`ировать*, *LOAD`ировать*; 3) matemaatili-

sele märgile: *+ировать*. Sõna graafika võib muutuda reklaami või mängu eesmärgil: *PRO-Test-ировать*.

Uued tegusõnad *-ировать* sufiksiga, eriti prefiksaalverbid, säilitavad ühtse vormi mõlema aspekti jaoks, st on kaheaspektilised. Mõnedel uutel laensõnadel ilmneb tendents kaotada kaheaspektilisus ning moodustada aspektipaar.

Uusi laenverbe kasutatakse arvutit ja uusi tehnoloogiaid puudutavates, samuti filosoofia- ja humanitaaria-alastes tekstides. Osa neist tegusõnadest nt *темаматизировать*, *позиционировать* ei täida semantilisi lakuune vene keeles. Pigem tuleks rääkida moe, maine, aktuaalsusega seotud sotsiokultuurilistest lakuunidest, mis iseloomustavad massimeedia reitingukultuuri. Sõnaraamatutes kasutatav märgend *kirjakeelne* ei edasta nende sõnade stilistilist eripära. Selles peaks kajastuma nende sotsiokultuurilised omadused: seos intellektuaalsuse ja mainega. See oleks abiks kõneleja strateegia interpreteerimisel.

ВЕНЕ VERBI PERFEKTIIVSE JA IMPERFEKTIIVSE ASPEKTI ANTONÜÜMIAST SÜNONÜÜMIANI

JELENA GORBOVA

Artikkel tugineb psühholingvistilisel eksperimendil, milles vene keelt emakeelena kõnelejad pidid valima ühe või mitu antud kontekstis võimalikku tegusõna aja-aspekti vormi. Saadud andmete analüüs näitab kahte tüüpi valikuid: kindla aja-aspekti vormi täielikult määratletud kasutust või selle maksimaalset variatiivsust. Arutletakse mõlema võimaluse, samuti vahepealsete juhtude üle. Analüüsitakse aja-aspekti vormi valiku sõltuvust olemasolevast kontekstist ja vene keeles realiseeruvate grammatilise vormi ja konteksti koostoime strateegiast. Kahest teoreetiliselt võimalikust ning üksteisele vastandatud strateegiast (partnerstrateegia ja blokeeriv strateegia) ühe eelistuses peitub üks keelesüsteemi variatiivsuse parameetreid. Kõneleja süsteemi kasutajana on suuteline realiseerima selle kõiki olemasolevaid võimalusi, rakendades kas liiasuse ja tugevusvaruga töötavat semantilise ühilduvusega partnerstrateegiat või koodi kokkuhoiu tendentsi omavat blokeerivat strateegiat. Selles väljendub kõneleja loov suhtumine keelesse. Niisugune variatiivsuse arvestamine kasutajastrateegiate valikul on antropotsentrilise keeleteaduse üheks oluliseks ülesandeks.

VERBIASPEKTI KASUTUSEST VENE PERFORMATIIVIDES

SERGEI IVANOV

19.–20. sajandi vahetusel kirjeldas sloveeni keeleteadlane S. Škrabec verbi performatiivset kasutust kui erilist oleviku funktsioneerimise juhust. 1930. a esitas E. Koschmieder esimese performatiivsuse struktuuri kirjelduse, kasutades selleks terminit koitsidents. E. Koschmiederi eesmärk oli aja ja aspekti rolli määratlus performatiivsuse väljendamisel poola verbi süsteemis. Nii S. Škrabec kui E. Koschmieder pidasid põhivormiks perfektiivset aspekti. Imperfektiivse aspekti kasutust poola keeles pidas E. Koschmieder seletust vajavaks hälbeks.

Vene keeles on aja-aspekti kasutust käsitleanud J. Apresjan, J. Padutševa, A. Bondarko, kuid kõigi jaoks oli analüüsi objektiks kanooniline oleviku 1. pöörde ainsuse vorm, milles on võimalik vaid imperfektiivne aspekt. Probleem saab uude lahenduse, kui peale kanoonilise vormi analüüsida kogu performatiivpredikaadi vormide mitmekesisust, vaadeldes seda performatiivsust väljendavate vahendite väljana. Välja keskmes asub kanooniline oleviku 1. pöörde ainsuse vorm, perifeerias — teised vormid. Kui arvata performatiivsete lausungite hulka ka modaalseid (*Я попрошу, Я попросил бы, Я хочу попросить* jt), tuleb nentida, et neis domineerib perfektiivne aspekt.

Suure hulga perfektiivse aspekti vormide taustal perifeeriasse kuuluvates lausungites näeb kanooniline imperfektiivse vormi olevik mitte reeglina, vaid pigem erandina sellest, samas kui perfektiivne aspekt on performatiivfunktsiooni põhivormiks. Imperfektiivset kasutatakse vaid olevikus, kus ta on paratamatus. Niipea kui lausung ei vaja olevikku, saab kasutada neutraalset perfektiivse aspekti vormi. Niisugune seletus võimaldab teisiti käsitleda Koschmiederi ideed perfektiivse aspekti väljatõrjumisest „oleviku performatiivist” lääne- ja idaslaavi keelte erilise aja-aspekti süsteemi mõjul.

DELEKSİKALISEERUNUD VERBIST БЫТЬ LATGALE VAN AUSULISTE MURDES

JELENA KOROLJOVA

Analüüsitakse deleksikaliseerunud tegusõna *быть* (*olema*) kasutust Latgale ja Põtalovo (aastail 1920–1940 kuulus see territoorium Läti Vabariigi koosseisu) vanausuliste murdes. Antud tegusõna kasutus murretes erineb selle funktsioonidest kirjakeeles. Murdes esineb see samalaadsete verbide rea lõpus. See-

juures on verbirida vormistatud intonatsiooni või sidesõnade *и, да, или, и...и* abil. Asudes verbivormide lõpus, kordab *быть* kogu rea ajavorme, esinedes nii olevikus, tulevikus kui ka minevikus. Tuleb ette ka verbist moodustatud refleksiive, samuti kesksõnu, gerundiive ja imperatiivi vorme. Kui tegusõnareas on kasutatud prefiksaalverbe, liidetakse ka *быть*-verbile prefiks, seega kordab tegusõna kogu rea nii vormi-, kui sõnamoodustusmudeli ühtsust.

Artikli autor on fikseerinud üle 200 verbi *быть* kasutusjuhtumit murdes. Deleksikaliseerunud *быть* täidab neis verbijadades anafoorilist, emfaatilist ja ekspressiivset funktsiooni, rõhutades lausungi peasõna ning olles teksti moodustajaks. Võimalik, et *быть* verbiloetelu lõpus on seotud kunagi keeles eksisteerinud ennemineviku vormiga. Kontaktkeeles niisugust nähtust ei esine. See tõttu kajastub sellises verbi kasutuses pigem uus, ennemineviku kadumisega seotud nähtus. Murdeuurijad on ka enne ära märkinud verbi *быть* uusi funktsioone ja vormide ümbermõtestamist murretes, mida võib pidada seaduspäraseks nähtuseks.

ALISTUSSEOSEGA SÕNAÜHENDITE PRAGMAATIKAST TÄNAPÄEVA DISKURSIIVPRAKTIKATES

JELISAVETA-KAARINA KOSTANDI

Vene keele süntaktiliste seoste formaalseid ja semantilisi omadusi on uuritud ammu ja mitmekülgset, süsteemselt pole aga analüüsitud nende seoste pragmaatilist aspekti. Artikli huviobjektiks on süntaktiliste seoste pragmaatika ja selle analüüsiga seotud raskused. Laiema uuringu eesmärgiks on kindlaks teha alistus-, rinnastus-, predikatsiooni- ning tekstiseoste pragmaatiline potentsiaal. Mõnda neist on teatud määral juba varem analüüsinud nii artikli autor kui ka teised uurijad. Erinevate tekstide (ilukirjandusteosed, meedia, kõnekeel, tõlketekstid jt.) analüüsi põhjal võib väita, et igal süntaktilise seose tüübil on olemas pragmaatiline aspekt. Artiklis otsitakse vastust küsimusele, kuidas seda aspekti leida ja uurida, millised probleemid ilmnevad niisuguse analüüsi käigus. Erinevad kontekstid (erinevad tekstide eesmärgid, rõhuasetused, kõnesituatsioonid, suhtluseesmärgid ja teised kommunikatiiv-pragmaatilised faktorid) lubavad leida vastuse.

Artikli põhiliseks huviobjektiks on alistusseose pragmaatika, mis saab selgemaks vastavate sõnaühendite variatiivsuse analüüsi käigus. Erinevate seostega sünonüümseid sõnaühendeid sisaldavate kontekstide leidmiseks annavad võimaluse vene keele korpused, mida kasutati uuringu käigus. Artiklis analüüsitak-

se ja kõrvutatakse erineva pragmaatikaga süntaktilise alistusseosega fraase kaubakettide reklaamväljaannete ning menüütekstide näiteil. Kõrvutatakse venekeelseid tekste, mis on ilmunud Eestis, Venemaal, Lätis, Leedus, Valgevenes, Ukrainas, Gruusias, Armeenias ja teistes riikides. Kokkuvõttes aitab erinevate tekstide kõrvutamine leida süntaktiliste seoste pragmaatilist suunitlust ja seda põhjalikumalt analüüsida.

TEGEVUSLAAD JA VENE DEVERBATIIVID

JELENA PTŠELINTSEVA

Artiklis pakutakse vastust küsimusele, miks pole vene keeles võimalik regulaarne deverbatiivide moodustamine ja missugused on nende aspektipotentsiaali piirid. Näidatakse M. Šeljagini tegevuslaadide klassifikatsiooni kasutamise tulemusi vene deverbatiivide uurimisel. Demonstreeritakse verbitegevuse piiritluse tüübi erilist rolli substantivatsiooni protsessis. Teatud tegevuslaadist moodustatud deverbatiivide läbiv kvantitatiivne analüüs võrdluses vastavate tegusõnade rühmadega lubas leida sõnamoodustuslikke lakuune ning neid siduva semantilise tunnuse.

Piirangud puudutavad eelkõige verbe, mis kuuluvad tegevuse teatud kestuse ajapiiri (*покипеть, наволноваться*), tegevuse alguse või lõpu ajapiiri (*запрыгать, отлюбить*), äärmise intensiivsuse (*уездиться*) või äärmise iteraatiivsuse piiri (*пострелять* (всех птиц) väljendavasse tegevuslaadidesse. Neid tegusõnarühmi ühendas M. Šeljagini klassifikatsioonis kvantitatiiv-ajalise piiritluse tunnus. Piirangud vene deverbatiivide moodustamisel pole juhuslikud, vaid on tingitud kahest faktorist, milleks on: 1) erinevate aspektuaalsete tähendusnüansside markeerimine suure hulga morfeemide abil, mis realiseerub verbi tegevuslaadis; 2) võimaluse puudumine osal neist transponeeruda nimisõnasse. Vaatamata sellele, et nimisõna on avatud paljudele tähendusnüanssidele (sh resultatiivsele ja momentaasele piiritluse tüübile), ei kuulu kvantitatiiv-ajalise piiritluse semantika nende hulka.

SÜNTAKTILISED FRASEOLOGISMID ALGUSPARTIKLIGA „ΓΔΕ” KEELE ANTROPOTSENTRISMI ILMINGUNA

VALENTINA ŠTŠADNEVA

Uurimuse objektiks on süntaktilised fraseologismid *obligatoorse* ΓΔΕ-partikliga. Selliste lausete invariantne *skeem* on: ΓΔΕ + **Nimisõna Daativis / Asesõna Daativis + Inf.** Nimetatud fraseologisme modaalse semantikaga *tegevuse võimatus* ja *eitus* kasutatakse eri *situatsioonides*, kus *põhitähendusele võivad lisanduda* pragmaatilised nüansid: 1) *kahtlus*, 2) *halvakspanu* 3) *rahulolematus*, 4) *ebakõla*, 5) *iroonia*, *naeruvääristamine*. Väljendades *modaalset ja samal ajal* subjektiivset hinnangut tegelikkuse kohta, peegeldavad need lausekujulised klišeed antropotsentrismi keele ja kõne korralduses.

Selliste fraseologismide leksikaalse struktuuri paindlikkus on seotud kohustusliku ΓΔΕ-partikli kindla asukohaga ning teiste koostisosade fikseeritud järjestusega. Samas võivad lause komponendid olla esindatud süntaktilise nulliga, sest konkreetse diskursuse tingimustes realiseeritakse invarianti erinevate, *nulli asendavate variantidega*. Seega fraseologismi vormiline varieerumine realiseerub erinevates vaeglausetes. Artiklis esitatakse selliste regulaarsete realiseeringute skeemide (koos fakultatiivsete koostisosadega) loetelu ja tuuakse illustreerivaid *näiteid*.

Need süntaktilised klišeed tagavad kõnelejate kontakti konstruktsioonide tüpiseeritud kolmeliikmelise ühendi koosseisus: süntaktiline fraseologism toimib ekspressiivselt vormistatud teesina, mis näitab rääkija emotsionaalset reaktsiooni *repliigile-ajendile*. Reaktsiooniga kaasneb tavaliselt *argument*, milles toimuvat tegevust põhjendatakse erinevate asjaoludega.

Temporaalsuse aspektist on need subjektiivse hinnanguga süntaktilised klišeed eelkõige ajatu tähenduse kandjad, kuna põhinevad infinitiivil ja üldistavad olukorda, kuid diskursuses on neil seos oleviku (tavaliselt), mineviku või tulevikuga. Analüüsitavad süntaktilised fraseologismid on rahvuspetsiifilised *keeleühikud*, milles väljendub keele ja selle kõnelejate loovus. Tulemuseks on järjepidev *idiomatiseerumine*: konsituatiivsetest variantidest sekundaarseteks idioomideks.

VEENE KEELE LAENSÕNAD 20.–21. SAJANDI VAHETUSEL: KUMMARDUS MOELE VÕI AKTUAALSETE MÕISTETE KONTSEPTUALISEERIMINE?

ANDREI GORBOV

Artiklis vaadeldakse vene keelde sõnade laenamise otstarbekust 20.–21. sajandi vahetusel. Vastuse otsing antud küsimusele eeldab viimase kahekümne aasta jooksul vene keele sõnavarasse laenatud neologismide leksikaaltähenduse täpsustamist. Analüüsitakse sõnu *презентация*, *эсклюзивный* ja *топ-модель*, mis näivad kinnitavat tuntud hüpoteesi laensõnade kõrgemast mainest intensiivse laenamise protsessi ühe põhjusena. Läbiviidud analüüs siiski ei kinnita seda oletust ning viib järelduseni, et võõrkeeltest pärinevate neologismide ja tähenduselt lähedaste omakeelsete sõnade vahel on denotatiivse iseloomuga erinevused, mis pole seotud sõnade või nende kasutamise mainekusega. Võõrkeelest laenamine on vajalik eelkõige seetõttu, et vene keeles puuduvad ühesõnalised nimetused sotsiaalselt relevantsete objektide ja nähtuste jaoks, samas on need olemas laensõnade lähtekeeltes. Võõrkeelsete neologismide „mainekus” on sekundaarne efekt, mis tekib tänu denotaadi enese mainekusele, kuna see on omakorda seotud uute väärtusorientatsioonidega vene keelt kõnelejate jaoks. Vene keelde sõnade laenamine kui sõnavara täiendamise võimalus tundub täiesti loomulik, sest laensõnade lähtekeeleks on selliste kultuuride keeled, milles nimetatud väärtusorientatsioonid domineerivad ning vastavatel denotaatidel on olemas ühesõnalised nimetused. Uusi laensõnu kasutatakse eelkõige ühiskonnale vajalike mõistete kontseptualiseerimiseks, mis on vajalik keelekasutajale. Lisaks soodustavad laensõnad tekstiloomise lihtsustamist, mis vastab kaasaegse vene keele üldisele arengusuunale ja selles kõnelejate vajadustele.

EBASTANDARDSEID INIMKEHA ASENDEID JA NENDE VÕTMIST TÄHISTAVAD TEGUSÕNAD (FINIITSETE JA INFINIITSETE VORMIDE JAOTUS VEENE KEELE KORPUSE ANDMEIL)

SERGEI DMITRENKO, VIKTOR HRAKOVSKI

Artikkel jätkab publikatsioonide sarja, milles käsitletakse ebastandardseid inimkeha asendeid tähistava vene verbide temaatilise rühma semantikat

ja funktsioneerimist (*kumarduma*, üle millegi *kumarduma*, *toetuma*, *küünarnukkidele toetuma* jt). Analüüsi materjali Vene Keele Rahvuskorpusest. Töös püütakse kõrvutada tegusõnade *kumarduma* (*нагнуться / нагибаться*) ja *küünarnukkidele toetuma* (*облокотиться / облачиваться*) finiiitsete ja infiniitsete vormide jaotust ning analüüsitakse nende vormide semantikat. Need lekseemid valiti kahe semantilise rühma esindajatena kogu temaatilise klassi seest. Nende kahe rühma lekseemide tõlgendamisel rakendatavate semantiliste rollide kogum ei lange osaliselt kokku, seetõttu ei lange kokku ka nende moodustajad (aktandid). Mõlema lekseemi ühisjooneks on oluliselt sagedasem perfektivse aspekti esinemine tekstides võrreldes imperfektiivsega. Verbi *küünarnukkidele toetuma* iseloomustab perfektivse aspekti silmatorkav domineerimine tekstides (selline kasutus ületab imperfektiivse aspekti esinemissagedust neliteist korda). Perfektiivse aspekti vormidest omakorda kõige sagedasemaks osutub perfektivse aspekti gerundiiv — infiniitne vorm, mille võib olla kaks tõlgendust: 1) vastava kehaasendi võtmine ruumis, 2) teatud kehaasendis olemine ruumis. Ühe või teise tõlgenduse valik sõltub reeglina gerundiivkonstruktsioonis esineva finiiitse tegusõna aspektist. Verbi *kumarduma* iseloomustab (võrreldes imperfektiivse aspektiga) vaid neli korda sagedasem perfektivse aspekti vormide kasutamine tekstides. Enimkasutatavaks osutuvad perfektivse aspekti finiiitsed vormid (umbes kaks kolmandikku kõikidest perfektivse aspekti vormidest), millel on konkreetse fakti tähendus. Sageduselt järgmine on perfektivse aspekti gerundiiv. Sarnaselt eelmisega on perfektivse aspekti gerundiivile omane üks kahest tõlgendusest, samuti sõltuvalt gerundiivkonstruktsioonis esineva finiiitse verbi aspektist. Lekseemi *küünarnukkidele toetuma* silmatorkavaim erisus seisneb selles, et enimkasutatavaks vormiks on perfektivse aspekti gerundiivi vorm, mis vastandub juurdunud arusaamale, et tegusõna finiiitsed vormid esinevad sagedamini kui infiniitsed.

KUIDAS VENE KEEL ERISTAB INIMESI (MITMUSE VORMIDEST ЛЮДИ JA ЧЕЛОВЕКИ)

LJUDMILA ZUBOVA

Artiklis vaadeldakse dünaamilise aspekti seisukohast kaasaegse vene keele mitmuse vorme *люди* (kirjakeele normatiivne vorm) ja *человеки* (ei vasta tänapäeva kirjakeele normile) eristamist keeleajaloo faktide taustal. Keeleline refleksioon võrgusuhtluses, samuti nimetatud vormide kasutamine kaasaja luules

näitavad, et sõna *человек* mitmuse supletiivvormi (*люди*) ja selle asemel sageli kasutatava *человеки* stilistiline markeeritus on ebapüsiv.

Nii olmekõne kui ka ilukirjanduskeel tõendavad nõudlust sõna *человек* supletiivvormita paradigma järele. Mittenormatiivne moodustis *человеки* (sõltumata sellest, kas tegemist on vormi või lekseemiga) tuleb tunnistada usuaalseks või vähemalt stilistilise normi kuuluvaks. Antud nähtus puudutab ka obliikvakäändeid (*человеки, человек* jne).

Vormi *человеки* kasutusele avaldab suurt mõju fraseoloogia, näiteks sõnaühend *молодой человек*: — *He, ну что ж вы, молодые человеки, на прогресс ругаться начали? Tsitaatpäritoluga vormidel on olemas tõlgendamise võimalus: Ваш способ организации выхода в моря хороши только в одном случае — когда уже все готово: и человеки и пароходы.*

Poeetilised tekstid näitavad tihti, et vormi *человеки* pole võimalik asendada vormiga *люди*: *и прижались друг к другу, как теплые человеки* (M. Jasnov).

Kaasaegsel keele arenguetapil on märgata vormide *люди* ja *человеки* (*людей–человеков* jne) semantilise diferentseerumise tendentsi. Vormide *человеки* ning *человеков* jne leksikaliseerimisemäär võib olla erinev. Näiteks kontekstis *Что делают человеки для красивой фигуры* — on see stilistiliselt markeeritud vorm, samas kontekstis *А у людей человеков ломают* — iseseisev sõna.

Vormi (või lekseemi) *человеки* tavapärase stilistiline iseloomustus naljatle-va ja iroonilisena on ebapiisav. Mõnedes kontekstides on antud vorm selgelt leksikaliseeritud, kuna täidab mitte stilistilist, vaid nominatiivset funktsiooni: *Людей много, а человеков мало.*

Sõna *люди* mitte ainult säilitab olulisel hulgal vanavene sõnale *людие* omast kogunime semantikat, vaid ka aktualiseerib seda, samas kui sõna *человеки* viitab siiani individuaalsusele: *Тогда почему толпа людей это просто толпа а не сообщество одарённых человеков?*

Sõnades *люди* ja *человеки* sisalduv hinnangu enantiooseemia määratletakse eelistades isiklikku või sotsiaalset, mis on omane väidete subjektidele, näiteks: *Люди! Давайте будем Человеками, верными своей Родной Природе-Матери... и Сегодня у нас на улицах — «русский [язык — L. Z.] без правил», а завтра — бабуины без мозгов, не люди, а человеки).*

„KÄESOLEVA HETKE VÕTMESÕNAD” KODANIKUÜHISKONNA DISKURSUSES

OKSANA ISSERS

Artikkel on pühendatud Venemaa tänapäeva kodanikuühiskonna diskursuse analüüsile. Pärast 2011.–2012. aastate protestiaktsioone on kodanikuühiskonna mõiste saanud üheks põhiliseks avaliku diskussiooni aruteluteemaks. Erinevate arvamuste hulk nimetatud diskursuse arengu võimalustest Venemaal on suur, see väljendub venelaste suhtluspraktikas. Viimane omakorda peegeldab individuaalse ja massiteadvuse protsesse.

Autori eesmärgiks on uurida kodanikuühiskonna diskursust läbi baasmõiste (kodanikuühiskond), „käesoleva hetke võtmesõnade” ja konkureerivate nominatsioonide. Uurimuse materjaliks on meedias avaldatud artiklid ning näited kaasaegsest vene blogisfäärist.

Kodanikuühiskonna mõistet käsitlevate blogide põhjal tehtud analüüsi tulemusena võib järeldada, et Venemaa kodanikuühiskond on väljakujunemise algetapil, sõltub võimu ja ärieliidi sekkumisest, on ebastabiilne ja nõrgalt prognoositav.

Lekseemide (*dialog, kompromiss ning võim, opositsionäärid*) omavaheline koosinemine väljendab uut ühiskondlik-poliitilist reaalsust, kui võim ei saa ignoreerida teistsuguse arvamuse olemasolu ning on mitte pelgalt sõnadega, vaid realselt sunnitud teostama ühiskondlikku dialoogi.

Autor jõuab järeldusele, et nominatsiooni valik ja selle üle arutlemine on konkureerivate interpretatsioonide näitajateks või „diskursuste võitluseks”. Öeldu tõendab, et suhtluspraktika ei reageeri sotsiaalsetele nihetele passiivselt, vaid on aktiivselt kujundamas uusi vastastikkuse kommunikatiivse mõju viise ühiskonnas.

Uurimuse tulemused annavad ettekujutuse uute suhtluspraktikate moodustumisest diskussioonis kodanikuühiskonna arengust Venemaal ning lubavad kavandada nende uurimise edasisi suundi.

RAHVUSKULTUURILISTE KOMPONENTIDE AKTUALISEERUMISEST EESTI VENEKEELSES MEEDIAS

J. REMTŠUKOVA, S. JEVSTRATOVA

Artiklis on uurimisobjektiks nn kultureemid, s. t. kultuuriinfo kandjad (fraseoloogismid ja tüvitekstid) Eesti venekeelses meedias. Seda kõige olulisemat kaasaegse massimeedia osa hinnatakse tõlke seisukohalt, mille adekvaatus on kakskeelsete väljaannete jaoks tõsiseks probleemiks, peetakse silmas neid väljaandeid, mis ilmuvad Eestis kahes — eesti ja vene keeles.

Tüvitekstid ja fraseologismid võimaldavad kompaktses vormis edastada nii artikli sisu, kui ka ära märkida autori seisukoha, täites sel viisil informatiivset funktsiooni ekspressiivses vormis, mis lubab rääkida meediatekstide selliste baasosade harmoniseerumise tendentsist. Kuid see ei laiene kaugeltki alati nn *paralleelsesse* pressis (meedias ilmuvatesse tõlketekstidesse). Materjali analüüs näitas, et ajakirjaniku elukutsele omasest ajapuudusest tingitud püüdlus võimendada informatiivset osa, sunnib tõlkijat eirama pealkirja rahvuslikke, kultuurilisi komponente. Samal ajal kasutatakse eestikeelses (mittetõlgitud) pressis, nagu ka venekeelses meedias küllaltki aktiivselt (eriti viimastel aastatel) keelelisi vahendeid, mis toonitavad pealkirjade ekspressiivset funktsiooni. Ideaalis peaks tõlkija olema „keele ja maa tundja”, s. t. omama teadmisi teise keele rääkijate kultuurist.

ILUKIRJANDUSKEELE ANTROPOTSENTRISMIST: SÕNAKUJUNDITE PÄIKE, KUU, TÄHT ESTEETILINE FUNKTSIOON M. BULGAKOVI JA S. KRŽIŽANOVSKI PROOSAS

TATJANA STOIKOVA

Artiklis võrreldakse taevakehade *päike, kuu, täht* sõnakujundite esteetilist funktsiooni kahe samasse aega kuulunud vene klassiku teostes: M. Bulgakovi romaanis „Meister ja Margarita” ning S. Kržižanovski tsüklites „Muinasjutud imelastele” ja „Võõras teema”. Ilukirjanduskeele antropotsentrism väljendub ka selles, missugune koht on nimetatud sõnakujunditel autori maailmavaates. Sõnakujundite *päike, kuu, täht* üldistav-sümboolsete tähenduste „valiku” erinevus, mis ilmneb

Bulgakovi ja Kržižanovski ilukirjandusteoste kontekstis (st nende esteetilises realiseerumises), peegeldab autorite maailmavaate eripära.

Võtmekujunditeks M. Bulgakovi romaanis „Meister ja Margarita” on *päike* ja *kuu* (erinevalt sõnakujundist *täht*): need kujutavad üldistav-sümboolset mõistete süsteemi, nende piltlik sisu peegeldab autori maailmanägemust. Mõlemaid sümboleid iseloomustab tähenduslik duaalsus. Teose kontekstis kujunevad välja järgmised polaarsed tähendused: *päike* — 'jumaliku valguse sümbol', 'jumaliku tõe sümbol' — 'kõlbluse lagunemise märk', 'talumatute hingepiinade, kannatuse allikas' — 'apokalüpsise, hingsurma märk'; *kuu* — 'meeletuse kui kirkastumise märk', 'ümberkujunemise ja ümbersündimise märk', 'surmajärgse teispooluses eksisteerimise sümbol', 'kõrgeima tõe ja igavese selle suunas liikumise sümbol', 'maailmakõiksuses oleva ambivalentse irratsionaalsuse märk'.

S. Kržižanovski tsüklites on esteetiliselt esile tõstetud sõnakujundid *päike* ja *täht* (*kuu* kujund esineb vaid ühel korral). Võtmekujunditega on seotud autori maailmavaates kesksed ilukirjanduslikud ideed, mis kehastuvad järgmistes üldkujundlikes *päikes*e ja *tähe* tähendustes: *päike* — 'teatud hingestatud olemus' (maise eksistentsi kujutamisel); 'elu sümbol'; 'universumis eksisteerivate Maale alternatiivsete transtsendentsete maailmade märk'; *täht* — 'armastuse ja õnne sümbol', 'elusa, kosmose osana käsitletava hinge sümbol'; 'kõrgeima vaimuvalguse sümbol'; 'teiste universumis eksisteerivate maailmade sümbol'.

VENE KOMMUNIKATIIVIDE IMPLITSITSETEST OMADUSTEST DISKURSUSES

IGOR ŠARONOV

Teadustegevuse viimasel perioodil tundis professor Mihhail Šeljakin elavat huvi keele antropotsentrismi vastu. Teda huvitas keelemärkides ja kõnetegevuses leiduv info kõnelejast. Keeleteaduse pöördumine antropotsentrismi poole andis tõuke keeleperifeeria (hüüdsõnad, neile lähedased dialoogiühikud) uurimiseks. Artiklis analüüsitakse väljaspool grammatika tähelepanu olevaid, desemantiseerunud stereotüüpvaljendeid, mida kasutatakse dialoogi vasturepliikides ning nimetatakse kommunikatiivideks: *Да ну, Ничего себе, Какое там, Ладно уж* jt. Neis sisaldub informatsioon kõneleja kohta (arvamus äsjakuuldust, emotsionaalne seisund, suhtumine kõneainesse ning vestluskaaslasesse), mis on vajalik eduka vestluse, reeglipärase dialoogi kulgemiseks.

Kommunikatiividel puuduvad vormimoodustus ja süntaktilised seosed, neid kasutatakse aktiivselt tänu vormi idiomaatilisele, intonatsiooni püsivusele,

implitsiitsete pragmaatiliste ja diskursuse kasutusreeglitele. Paljusid kommunikatiive saadavad regulaarselt teatud miimika ja žestid.

Emakeeles kasutatakse neid peaaegu automaatselt, võõrkeeleeõppijale on nende adekvaatne mõistmine kirjalikus tekstis ja kõnes väga keeruliseks, mõnikord ka ületamatuks probleemiks.

Artiklis analüüsitakse vene kommunikatiive ühe keskse komponendiga, millele langeb rõhk fraasis: *Ну да; Да ну; Да уж; Да нет, Ну так, Так-то вот, Ишь ты* jt. Moodustades rühmi keskse komponendi alusel, on nad ümbritsetud tähendust modifitseerivate fakultatiivelementidega. Ühe rühma keskkomponendiga *нет* (*нет, неа, не-е; нет-нет, не-не; нет-нет-нет, не-не-не; ни-ни, ни-ни-ни!*, *да нет, ну нет, ну уж нет, нет уж, о нет, э нет*) varal näidatakse, et iga kommunikatiivi valik sõltub muuhulgas kaasvestleja stimuleerivast repliigist ning selles väljendatud ettekujutustest, oletustest, aruteluteema hinnangutest. Kommunikaativ on vahetu mentaalne ja emotsionaalne reaktsioon kaasvestleja mõjutuseks: solidaarsus tema arvamusega, usaldamatus, äge mittenõustumine jms. Samal ajal väljendab kommunikatiiv ka ise hinnangut, tekitab teatud seisundi kaasvestlejal. Kõneleja võib nende keeleühikute abil kahtlusi hajutada (*Да нет, что ты!*), veenda kahtlejat (*Ну дык!*), iroonia abil ässitada (*ну да, как же!*) jpm. Kommunikatiivid täidavad ka kontaktloomise funktsiooni, toetades dialoogi arendamist: *Да?* (rääkige), *Да-да!* (tulge sisse), *Ну?* (jätka), *И?* (jätka loetelu), *Ну и что из того?* (põhjenda) jne.

Nimetatud keeleühikud kujutavad enesest leksikograafias veel väga vähe uuritud ala. Eriti oluline on kommunikatiivide sõnaraamatu loomine võõrkeeleeõppijaile ja tõlkijaile.

RAHVALIKUD ETTEKUJUTUSED VÕÕRASTEST, VÕHIKUTEST JA RUMALATEST INIMESTEST PARÖÖMIATE В ЛЕСУ РОДИЛИСЬ, ПНЯМ МОЛИЛИСЬ (SÜNDISID METSAS, PALVETASID KÄNDUDE POOLE) NÄITEL

ANŽELIKA ŠTEINGOLD

Paröömiates (vanasõnades, kõnekäändudes, rahvaütlustes, ennetes jms.) peegelduvad paljud arhailised väärtushinnangud. On olemas terve kompleks vanaõnu ja kõnekäändusid, selliseid nagu *В лесу родились, пням молились* (Sündisid metsas, palvetasid kändude poole) (kokku 23 ühikut), milles väljendub venelaste

esivanemate halvustav ja irooniline suhtumine „võõrastesse” (aga ka võhikutesse ja rumalatesse inimestesse). Kasutades kompleksset etimoloogilist analüüsi, üritab autor taaselustada selle rahva „kuju”, kellest neis räägitakse. Ta näitab, et kõik paröömiad modelleerivad elu *võõras* keskkonnas (*mets*), koos *võõra* etnilise ja kultuurilise kogukonnaga (nimetud „nemad”). See elu kulgeb väljaspool aega (ülekaalus on imperfektiivse aspekti vormid). „Võõras” keskkond — see on looduslik paik, mis ei sobi „kultuurseks” eluks; samuti on sellel teatud sakraalne tähtsus. Metsas elavad inimesed on „tsiviliseeritud” inimese seisukohast vastuvõtlikud kultuslikele eelarvamustele (palvetavad ratta, kändude jms poole). Autor kasutab ka teiste rahvaluule allikate andmeid ja näitab, et just looduslikke nähtusi (*tamm, känd / kännud, haava juured* jms) kui kummardatavaid objekte mainitakse kõikides žanrites. Kogutud ajalootöendite põhjal võib eeldada, et paröömiates kujutatakse veel 19. sajandil ja 20. sajandi algul puid kummardavate paganatest soomeugrilaste ja samojeedide elu.

TÄNAPÄEVA AMETLIKU SUHTLUSE ERIPÄRAST EESTI-VENE TÖLKETEKSTIDES

JELENA VELMAN-OMELINA

Inimkeskne lähenemine keelele ja kõnele on eriti oluline rakenduslikes uurimustes, mis on seletatav suhtluse kasvavate sotsiaalsete nõuetega. Erilist huvi valdkonnas „inimene ja tema keel” pakub tõlkealane tegevus. Tõlge on üks kommunikatsiooni liikidest, mis toimib just keele abil, kuid tõlkeprotsessi efektiivseks toimumiseks on vaja arvesse võtta ka suhtlejate kultuurist ja traditsioonidest tingitud iseärasusi. Eesti keelest vene keelde tõlkija peab lisaks mõlema keele valdamisele arvestama ka ametliku suhtluse erisustega Venemaal ja Eestis.

Artiklis käsitletakse tänapäeva ametliku suhtluse eripära eesti-vene tõlketekstides. Uurimisobjektiks on nii keelesüsteemi parameetrid kui ka konkreetseid kõne faktid. Artiklis näidatakse keelesüsteemis eksisteerivaid subjekti väljendamise võimalusi ja nende realiseerimist seoses ametliku stiili normidega. Erilist tähelepanu pööratakse muutustele antud valdkonnas ja tõlkija rollile keele dünaamikaga seotud probleemide lahendamisel.

Kuigi ametlik stiil on küllaltki konservatiivne, ilmnevad muutused ka selles valdkonnas seoses ametliku suhtlusega elektroonilises keskkonnas. Kaasaegses ametlikus suhtluses ei pruugi keelelised uuendused Venemaa ja Eesti vene keeles leksikaalsel tasandil ühtida. Ühiskondliku elu uute nähtuste erinevad nime-

tused keele regionaalsetes variantides on tekitanud olukorra, kus puuduvad täpsed tõlkevasted, mis omakorda soodustab tõlkija subjektiivsust.

Keele regionaalsete variantide erinevusi võib vaadelda kui sotsiaalse, grupiviisilise keelevahendite kasutamise ilmingut. Kuid just tõlkijad otsustavad, millist sõna valida vasteks originaali lekseemile ning missuguseid sõnaraamatuid ja teatmikke kasutada. Teisisõnu, keele ja kõne keskseks kujuks jääb kommunikatsiooni protsessis igal juhul inimene, ning tõlkija mõjutab keeleisiksusena keelelise maailmapildi kujunemist ja arenemist.

PÄRISNIMEDE VARIATIIVSUS FUNKTSIONAALSEST JA LINGVOKULTUURI ASPEKTIST

LJUBOV GOLOVINA

Artiklis vaadeldakse vene keele (võörkeelena) õpikutes kasutatud pärisnimede variatiivsuse potentsiaali lähtudes kultuuriloolisest aspektist.

Tänapäeva populaarsemates vene keele (võörkeelena) õpikutes esitatud pärisnimede kogum võib välisõppijale anda küllalt adekvaatse vene „maailmapildi”. Need pärisnimed peegeldavad eredalt tänapäeva Venemaa loodust, ajalugu, rahvuskultuuri, sotsiosfääri. Neist suurem osa, eriti isikunimed, moodustavad venelase aktiivse sõnavara, mida kasutatakse igapäeva suhtluses. Samas pelgalt pärisnime esitus tekstis on ebapiisav, kuna ei võimalda saada taustateadmisi, mis on suhtlemisel olulised.

Reeglina on õpikutes esitatud ametlikud nimed ja nimetused, mida igapäevaelus kasutatakse palju harvemini kui vastavat kõnekeelset varianti. Suhtlemisel emakeelt kõnelejatega ning „kommunikatiivse ebamugavuse” vältimiseks aitab välisõppijaid vene pärisnimede funktsionaalsete variantide tundmine. Pärisnime levinumate variantide esitamine ning nende stiili ja kultuuri omapära avamine ühes õpikus võib kujuneda küllaltki keeruliseks ülesandeks.

Ühe variandina pakub artikli autor välja leksikograafilise kommentaari vene keele (võörkeelena) õpikus esitatud pärisnimedele. See võimaldab välisõppijal tutvuda nimede võimalike variantidega, nende funktsionaalse ja stilistilise eripäraga, samuti kultuurikomponendiga: seoste, rahvustähenduse, kasutusega püsiühendites, rahvaluules ja tänapäeva kunstis.

Autori arvates tulevad vene keele võörkeelena õpetamisel niisugused üldja kultuuriinfot sisaldavad kommentaarid kasuks nii õpetajale kui õppijale.

LOOMULIKU KIRJALIKU KÕNE FENOMEN JA SELLE MÕJU KEELESÜSTEEMILE

SVETLANA JEVGRAFOVA

Muutused tsivilisatsioonis ja hariduses on jõudnud nii kaugemale, et inimesed ei loo tekste kirjakeeles, vaid märgivad pähe tulnud mõtteid kaootiliselt, kasutades loomulikku kõnet kirjalikul kujul, sageli imiteerides võõraid tekste.

Hakatakse kirjutama varem, kui on otsustatud, mida soovitakse öelda (denotatiivne ja hinnanguline määratlematus). Olles määratlenud situatsiooni denotatiivse struktuuri, ei vali kõneleja iga kord täpset lekseemi vajaliku denotaadiga seotud väljast. Niisugune väli koosneb situatiivselt piirnevatest, semantiliselt sidusatest ja / või temaatiliselt piirnevatest ning foneetiliselt sarnastest ühikutest. Sõna valikut mõjutab samuti selle mainekus, see, kas sõna on „moodne”.

Ebatäpselt valitud sõna esialgu genereerib kirjakeele seisukohast valesid sõnaühendeid, hiljem aga viib sõna tähenduse muutuseni, mis tähendab keelesüsteemi muutust.

Ebatäpne sõnavalik on paljuski tingitud emakeele omandamise viisist. Sõnu, mis on omandatud koos mõistega (praktilise tegevusega kaasneva adekvaatse keelelise saate kaudu), kasutatakse püsiühendites rohkem kui pelgalt kõne kaudu omandatud (nt meediast või raamatutest). Viimasel viisil omandamist tuleks korrigeerida õpetamisprotsessis.

Üleminekuks loomulikult kirjalikult kõnelt kirjakeelele tuleks kasutada spetsiaalseid kõnearendamise tehnikaid: teatud kõnestrateegiate kujundamine (tõetruuduse kontrollimine, mitteamusaadavuse ja tähenduskorduse vältimine jms), sarnaste mõistete eristamisoskuse väljaarendamine. Mitte šabloonide taastootmist, vaid refleksiivsust ja loomingut nõudvaid tehnikaid tuleks kasutusele võtta tänapäeva õpissüsteemis. Vaid sel teel saab efektiivselt kujundada kompetentse emakeele oskaja. See on hariduse üks aktuaalsemaid eesmärgi.

SLOVEENI KEEL VENE EMAKEELEGA ÕPPIJAILLE: LESIKAALPARALLEELID INTERFERENTSI ALLIKANA

JELENA KONITSKAJA

Võõrkeele õppimisel on interferents (emakeele või varem õpitud võõrkeele negatiivne mõju uuele keelele) vältimatu. Sugulaskeele õppimisel on interferentsil teatud eripära. Leksikas väljendub see suures hulgas leksikaalparalleeli-

des — vormilt sarnastes, kuid erineva tähendusega sõnades, nt sloveeni *bor* 'mänd', vene *бор* 'männimets', sloveeni *brati* 'lugema', vene *брать* 'võtma' jpt. Lekseemide sarnasus tekitab võõra keelevormi seostamist omakeelse sõna tähendusega.

Artiklis analüüsitakse leksikaalinterferentsi eripära kahes slaavi keeles Vilniuse ülikoolis sloveeni keelt õppivate vene üliõpilaste vigade varal. Arvestades kommunikatsiooni protsessi kahesuunalisust, toetutakse uuringus kõnekomunikatsiooni teooriale: interferentsi vaadeldakse eraldi kõne tajul ja kõne produtseerimisel. Analüüsi tulemusena võib väita, et kõne taju puhul on vigade allikaks eelkõige samasse leksikaal-semantiliselt rühma kuuluvad vene-sloveeni leksikaalparalleelid. Kõne produtseerimisel ilmneb suhteliselt vähe vigu samas leksikaal-semantiliselt rühmas, sest konteksti roll kõne taju ja kõne produtseerimisel on erinev. Samas on kõne produtseerimisel interferents keerulisem — kompleksse iseloomuga. Leksikaalparalleelide tundmine võimaldab teha sihikindlat keeledidaktiilist tööd hoiatades üliõpilasi kommunikatsiooni probleemidest eri keelekoodide samastamisest. Vältimaks leksikaalparalleelidest tekki- vaid vigu tuleks koostada harjutusi ja ülesandeid, arvestades eri tüüpi interfe- rentsia erinevates kõnetegevustes. Uue täisväärtusliku kommunikatiivsüsteemi omandamisel tuleks enam rõhku panna ka sõnaraamatute kasutusoskusele.

PERFEKT JA TEISED PRETERIIDIIVORMID OTSEKÕNES (CODEX MARIANUS' E VARAL)

ANATOLI KUZNETSOV

Võrreldakse Codex Marianus' e slaavi perfektivoleviku, perfektivoleviku ja aoristiga kreeka tekstis. Kasutatakse ka tõlkeid inglise ja läti keelde, kuna neis keeltes on säilinud perfektivoleviku. Nähtavad järgmised võimalikud vasted: a) slaavi perfektivoleviku vastab kreeka perfektivoleviku; b) slaavi perfektivoleviku vastab kreeka olevikule; c) kreeka aoristile vastab slaavi perfektivoleviku; d) kreeka perfektivoleviku vastab slaavi aoristile; e) mõlemas tekstis on aoristivorm, samas kui inglise ja läti tõlkes (või vähemalt ühes neist) on kasutatud perfektivoleviku vorme. Slaavi tekstis on aoristi- ja perfektivoleviku vormid sageli vastastikku asendatavad, mis näitab, et neil olid sarnased tähendusvariandid.

Päris paljudes näidetes on üks ja sama verbileksee sarnastes kontekstides kord perfektivoleviku, kord aoristivormis. Suur osa perfektivoleviku vormidest on ainsuse 2. pöördes (50 juhul 85-st). A. Vaillant seletab seda püüdega vältida aoristi ainsuse 2. ja 3. pöörde vormide homonüümiat. Teistes pöörde- ja arvuvormides on perfektivoleviku üsna haruldane ning paradigma on puudulik. Kogu materjal lubab

järeldada, et vanaslaavi perfektil puudus spetsiaalne resultatiivi tähendus (nagu väidab J. Maslov), samuti ei edastanud ta transtsendentse sisuga erilisi kirja-keelseid tähendusi (vastavalt B. Gasparovile). Õigesti on määratlenud perfekti kui relatiivset eelolevikku I. Bunina. Perfektivormide ebaregulaarsus evangeeliumi tekstides tõestab, et see on uusmoodustis slaavi verbi ajaparadigmas ning alles hakkab aoristivorme otsekõnest välja tõrjuma. Raske on öelda, kuidas on slaavi kõnes tekkinud perfektivormid. Võimalik, et -ль-sufiksiga kesksõnade aktiveerumine algas tingivast kõneviisist, milles juba algselt olid olemas kõik arvu- ja pöördvormid.

VERBI JA NIMISÕNA REKTSIOONI ERIPÄRASUSTEST VENE GÜMNASISTIDE KIRJALIKES TEKSTIDES

IRINA MOISSEJENKO, NATALIA MALTSEVA-ZAMKOVAJA

Artiklis on esitatud antropotsentristlik (inimkeskne) keelenähtuste uurimise käsitlus: tähelepanu on koondatud indiviidi lingvistilisele arengule, tema oskusele teksti luua. Keeleliste raskuste määramiseks on autorid analüüsinud ligi 2000 kirjalikku teksti (Eestimaa vene koolide abiturientide lõpukirjandid aastatel 2009–2011), samuti töid kontrollinud ekspertide (kontrollisid kokku 5774 tööd) tagasiside ankeete.

Tekste uuriti eelkõige keele- ja kõnenormide vastu eksimise aspektist. Analüüsi ka eksimusi grammatiliste normide vastu, nimelt kõrvalekaldeid verbi ja nimisõna rektsioonist, kuna just need tõestavad keeles toimuvaid süvamuu- tusi ja protsesse.

Uuringute tulemused näitavad, et vene koolide abiturientide kõne kõrvalekaldeid verbi ja nimisõna rektsioonis on seotud üldiste keelearengu tendentsidega, milliseid võime näha ka Venemaa vene keeles. Eesti keele mõju on suhteliselt väike ning vaid üksikud ja vaieldavad keelekasutused on tekkinud inglise keele mõjul.

Enim korduvateks olid vene keele grammatilise struktuuri üldiste tendentsidega seotud vead, nagu näiteks vale käändevormi valimine tähenduselt sarnaste konstruktsioonide puhul, eessõnaliste ühendite kasutamine eessõnatute ühendite asemel, ilma eessõnadeta konstruktsioonide kasutamine eessõnaliste ühendite puhul, tuletiseessõnade vale kasutamine põhjus-järeldussuhete kajastamisel, eessõnalise ühilduvuse puhul vale normatiivse vormi kasutamine, sealhulgas kirjakeelevormi asendamine kõnekeelse vormiga jne.

Vigu, mille tekkimise põhjuseks on eesti keele mõju, esineb palju vähem. Seda saab seletada erinevustega vene ja eesti keele verbi ja nimisõna rektsioonis. Õpilaste kirjalikes töodes esinevaid vigu, mille põhjuseks võib olla inglise keele mõju, on väga vähe. Mõnikord on küllalt raske hinnata grammatiliste vormide korrektsust või ebakorrektsust, kuna need asuvad nn kriitilisel piiril (vormi võib määratleda mittenormatiivseks, kuid selle tekkimist võib mitmeti põhjendada).

TULEVIKUSÜNDMUSTE KIRJELDAMISE KEELELISED VAHENDID VENE ÜLIÕPILASTE EESTIKEELSETES KIRJUTISTES

RAILI POOL, HELLE METSLANG

Kuigi eesti keeles puudub futuurum eraldi grammatilise kategooriana, leidub keeles siiski mitmesuguseid vahendeid, viitamaks kõnehetkeks veel toimumata sündmustele. Artiklis antakse ülevaade situatsiooni tulevikulisuse markeerimise võimalustest eesti keeles [Metslang 1994, 2001 ja Erelt 2013 järgi] ja vaadeldakse, missuguseid eesti keeles olemasolevaid väljendusvahendeid on tulevikusündmuste kirjeldamisel kasutanud venekeelsed eesti keele õppijad ning millised vahendid õppijakeelses ainekustikus esile ei tule. Uuritavaks õppijakeele materjaliks on 47 vähemalt B2-tasemel eesti keele oskusega üliõpilase kirjalikud tekstid, mis temaatiliselt pakkusid vähemalt osaliselt võimalusi tulevikusündmustele viidata (teemadeks nt „Milles ma näen Eesti tulevikku?“, „Minu nägemus tulevikust“, „Minu kodu kümne aasta pärast“ jt). Materjalihulk on kokku 7676 sõna. Lisaks antakse artiklis ka lühike ülevaade tuleviku käsitlemisest venekeelsetele õppijatele suunatud eesti keele võõrkeelena õppevahendites.

EMAKEELES NIMISÕNA KÄÄNDEVORMI VALIKU VIGADEST KUI SUBJEKTIIVSUSE ILMINGUST

DARJA SATJUKOVA

Käsitletakse vene keelt emakeelena kõnelejate valesid valikuid nimisõna käändevormi kasutusel. Materjalina kasutatakse kahte suulise kõne korpust: *Vene kõnekeel* ja *Jutustused unenägudest*. Esimene neist sisaldab 20. sajandi 60.–

70ndate aastate, teine 1990ndate aastate lõpu salvestusi. Kronoloogias lähtudes võib neid korpusi vaadelda kui vanema ja uuema keelenormi peegeldusi.

Vale nimisõna käändevormi valik pakub huvi keeleuurijale eelkõige uute kujunevate tendentside ning lausungi genereerimise protsessi poolest. Vead nimisõna käändevormi valikul ei teki kõnelejate keelereeglite mittetundmisest, vaid annavad tunnistust keeles toimuvatest keerulisematest protsessidest. Artiklis püütakse klassifitseerida sagedasemaid vigu ning seletada vale käändevormi valiku põhjust. Taoliste näidete seas moodustavad eraldi rühma obliikvakäände asendamine nimetavaga, samuti mitmuse genitiivi ja prepositsionaali vormi vastastikune vahetus. Tundub, et mõned esimesse rühma kuuluvad näited (*Советская литература есть учебник?*) olid rohkem levinud möödunud sajandi keskel, tänapäeva tekstides on nende osakaal märgatavalt väiksem.

INIMEST ISELOOMUSTAVAD ETALONVÕRDLUSED KÕRVUTAVAST ASPEKTIST

GALINA SÕRITSA

Töös vaadeldakse *как*-komponenti sisaldavaid omadussõnalisi etalonvõrdlusi vene, läti, poola ja saksa keeles. Kirjeldatakse etalonvõrdluste kahte rühma: esimene neist sisaldab nii esemeid kui inimest, teine vaid inimest iseloomustavaid omadussõnu. Kõrvutavalt analüüsiti antonüümpaare moodustavaid etalonvõrdlusi *külm – kuum, kõva – pehme, magus – mõru, must – puhas, paks – peenike, tark – rumal jt*. Võrdlev uuring võimaldas leida universaalseid ja kultuurispetsiifilisi etalonmärke. Esimese rühma universaalsuse aste on kõrgem. Antud rühmas on palju etalonmärke, mille struktuuris on denotaadi baasomadust iseloomustav seem ning selle alusel kujuneb inimest iseloomustav ülekantud tähendus. Teise rühma etalonvõrdlused on omapärasemad, kujunduslikumad, domineerib hinnanguline komponent. Sageli peegeldub neis vaid denotaadi omaduse kujunduslik arusaam, etalontähendus on sekundaarne.

Etalonmärkide laialdane ring peegeldab iga keele spetsiifilisi loodust ja kultuurireaaliaid, maailmavaate erijooni, sealhulgas teatud määral ka professionaalsest sfäärist tingitud.

Inimest iseloomustavaid etalonvõrdlusi kasutatakse kõigis vaadeldud keeltes peamiselt negatiivselt-hindavate konnotatsioonide loomiseks.

Summary

„Anthropocentrism in language and speech” is a collective monograph, which was prepared in memory of Mikhail Shelyakin (1927–2011), a long-time professor of the Russian language at the University of Tartu. The relation between language and the human being was M. Shelyakin’s central topic during the final period of his research. The articles focus on anthropocentrism of the linguistic sign and its realization in speech. They continue and develop the problems studied by M. Shelyakin mainly on the basis of Russian. The volume consists of three parts: anthropocentrism in word-formation and grammar, anthropocentrism in phraseology and the lexical system, and the impact of anthropocentrism on contrastive studies, translation, and the teaching of foreign languages.

Contents

Irina K ü l m o j a (<i>Tartu</i>)	
The human being and language. In memory of Mikhail Alekseyevich Shelyakin.....	9
Olga R o v n o v a (<i>Moscow</i>)	
Problems of aspectology in the Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis.....	22
I. Anthropocentrism in word-formation and grammar	
Natalya B r a g i n a (<i>Moscow</i>)	
Borrowings with the suffix <i>-уpовaть</i> in Russian.....	33
Yelena G o r b o v a (<i>St Petersburg</i>)	
From antonymy to synonymy of the perfective and imperfective aspects of the Russian verb (on the basis of a linguistic experiment)	45
Sergei I v a n o v (<i>St Petersburg</i>)	
Use of the aspect in Russian performatives.....	58
Yelena K o r o l e v a (<i>Daugavpils</i>)	
Delexicalized <i>быть</i> in the Old Believers’ dialects of Latgalia.....	71
Yelizaveta K o s t a n d i (<i>Tartu</i>)	
Concerning the pragmatics of subordinating word-combinations in modern discourse practices	84

Yelena Pchelintseva (<i>Cherkasy</i>) <i>Aktionsart</i> and Russian deverbatives	98
Valentina Shchadnava (<i>Tartu</i>) Syntactic phraseological units with the initial particle <i>zde</i> as a manifestation of linguistic anthropocentrism	111
II. Anthropocentrism in the lexical system and phraseology	
Andrei Gorbov (<i>St Petersburg</i>) Borrowings in Russian at the turn of the 21 st century: homage to fashion or a method of conceptualization of topical concepts?	127
Sergei Dmitrenko and Viktor Khrakovskij (<i>St Petersburg</i>) Verbs designating non-standard body positions of humans and moving into these positions (distribution of finite and non-finite forms on the basis of the Russian National Corpus)	141
Lyudmila Zubova (<i>St Petersburg</i>) How does the Russian language draw a distinction between <i>люди</i> and <i>человеки</i>	155
Oksana Issers (<i>Omsk</i>) 'Current keywords' in the discourse about civic society.....	168
Yelena Remchukova (<i>Moscow</i>) and Svetlana Yevstratova (<i>Tartu</i>) Actualization of national and cultural components in the Russian-language press of Estonia.....	182
Tatyana Stoikova (<i>Ventspils</i>) Concerning anthropocentrism in fiction: aesthetic function of the verbal images of <i>sun</i> , <i>moon</i> , <i>star</i> in the prose of M. Bulgakov and S. Krzhizhanovski.....	193
Igor Sharonov (<i>Moscow</i>) Implicit discourse properties of Russian communicative	206
Anzhelika Shteingold (<i>Tartu</i>) Images of strangers, ignoramuses, and fools in folk wisdom of the type 'were born in the forest and prayed in the direction of tree stumps'	214

III. Linguistic anthropocentrism in contrastive studies, translations, and the teaching of foreign languages

Yelena Velman - Omelina (<i>Tartu</i>) Peculiarities of contemporary official communication in Estonian-Russian translations.....	231
Lyubov Golovina (<i>Pskov</i>) Functional and linguocultural aspects in the variation of proper nouns (on the basis of textbooks of Russian for foreigners).....	242
Svetlana Yevgrafova (<i>Moscow</i>) The phenomenon of natural writing and its impact on the linguistic system.....	248
Yelena Konitskaya (<i>Vilnius</i>) Slovene language in the Russian-language classroom: lexical parallels as a source of interference	261
Anatolij Kuznetsov (<i>Daugavpils</i>) The perfect and the other preterites in direct speech in <i>Codex Marianus</i>	273
Natalya Maltseva - Zamkovaya and Irina Moiseyenko (<i>Tallinn</i>) Peculiarities of verb and noun government in texts written by Russian- speaking upper secondary school students in Estonia	285
Raili Pool and Helle Metslang (<i>Tapmy</i>) Linguistic devices for the description future events in texts written by Russian-speaking students in the Estonian language.....	297
Darya Satukova (<i>St Petersburg</i>) Errors in the selection of case forms of nouns in the speech of Russian speakers as a manifestation of subjectivity	312
Galina Syritsa (<i>Daugavpils</i>) Standard comparisons characterizing a person from a contrastive perspective	324
Name index	333
Summaries in Estonian	343

ИЗДАНИЯ СЕРИИ “ACTA SLAVICA ESTONICA”

Acta Slavica Estonica I

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV: Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III / Отв. редактор И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. 337 с.

Acta Slavica Estonica II

Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism VIII: Jaan Kross and Russian Culture / Managing editor L. Pild. Tartu, 2012. 256 p.

Acta Slavica Estonica III

Slavica Tartuensia X: Славистика в Эстонии и за ее пределами / Отв. редактор А. Д. Дуличенко. Тарту, 2013. 289 с.

Acta Slavica Estonica IV

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Отв. редакторы А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013. 345 с.